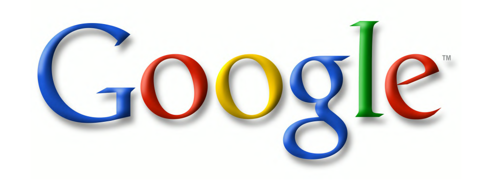
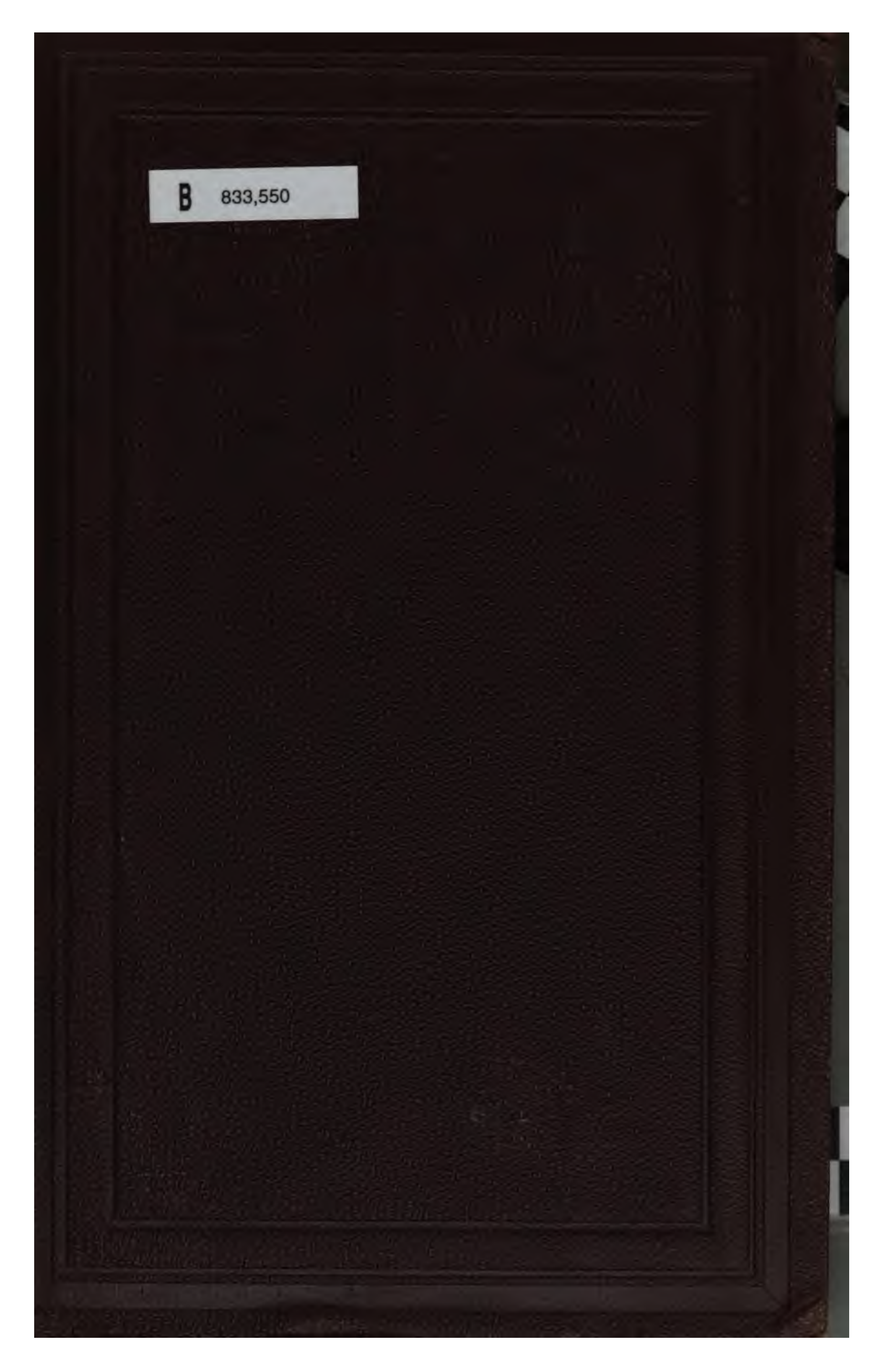

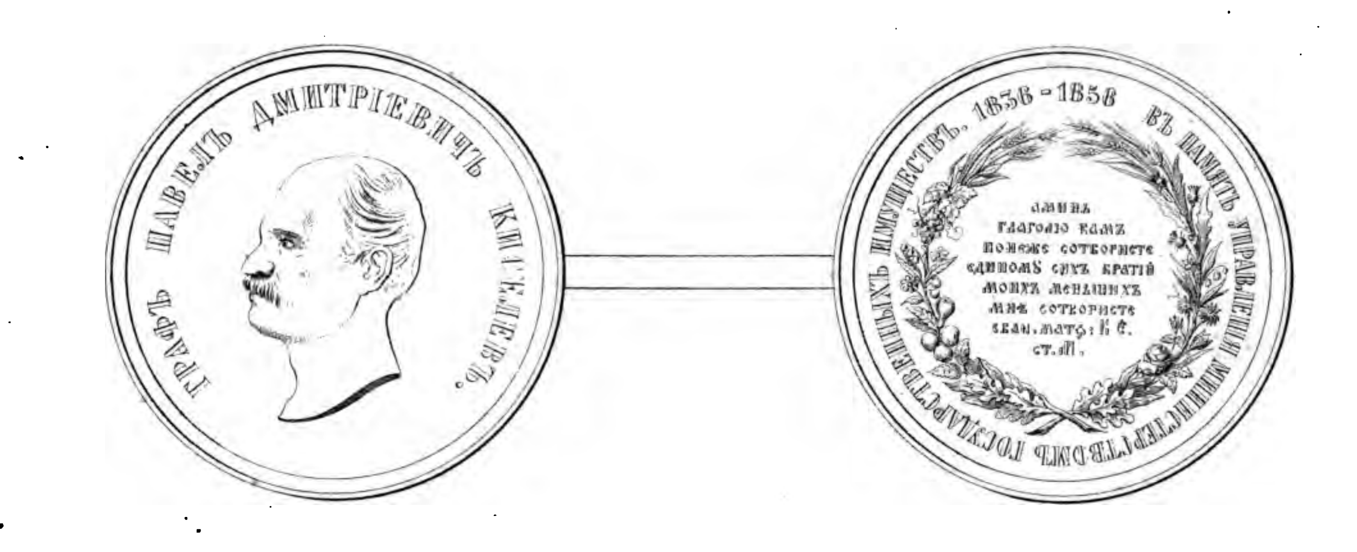
B 833,550

ГРАФЪ П. Д. КИСЕЛЕВЪ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

Т. II.

МЕДАЛЬ ВЪ ПАМЯТЬ ГРАФА П.Д. КИСЕЛЕВА.

Типо Литогр. А. Мюнстера. Мойка 40. С.П.Б.

Zablotskii-Desiatovskii, Andrei Parfenovich

ГРАФЪ П. Д. КИСЕЛЕВЪ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ИМПЕРАТОРОВЪ
АЛЕКСАНДРА I, НИКОЛАЯ I и АЛЕКСАНДРА II.

А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Часть I. Управленіе Министерствомъ Государственныхъ имуществъ. —
Часть II. Крестьянскій вопросъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7
1882

(618)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УПРАВЛЕНІЕ МИНИСТЕРСТВОМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

ГРАФЪ П. Д. КИСЕЛЕВЪ

и

ЕГО ВРЕМЯ.

ГЛАВА XXIV.

1834 — 1835 годъ.

Киселевъ въ Одессѣ и Тульчинѣ. — Пріѣздъ въ С.-Петербургъ и пріемъ Императоромъ. — Слова Государя объ освобожденіи крестьянъ. — Письма Киселева къ матери.—Отъѣздъ его въ свитѣ Государя въ Москву и Орелъ.—Происшествіе въ Орлѣ.—Киселевъ уѣзжаетъ въ отпускъ въ Украйну.—Записка его о политическомъ положеніи юго-западныхъ губерній.—Назначеніе Киселева членомъ государственнаго совѣта. — Слухи о назначеніи его въ Грузію. — Отъѣздъ изъ кіевской губерніи въ Москву; свиданіе съ М. Орловымъ.

Киселевъ въ Одессѣ и Тульчинѣ.

Оставивъ Яссы, Киселевъ въ тотъ же день (11-го апрѣля) переѣхалъ Прутъ и ночевалъ въ Скулянахъ, откуда, чрезъ Кишиневъ и Бендеры, 14-го апрѣля пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ нашелъ графа Воронцова и сестру своей жены, Нарышкину.

Изъ Одессы онъ направился на Тульчинъ, куда пріѣхалъ 27-го апрѣля и провелъ тамъ три дня. Онъ хотѣлъ видѣть еще разъ тѣ мѣста, съ которыми связывалось для него столько воспоминаній, мѣста, гдѣ онъ провелъ столько счастливыхъ и столько тяжкихъ для него дней. Въ дневникѣ его записано:

„27-го апрѣля: Toulchin; mes chambres, émotions.

28-го апрѣля: promenades au jardin, émotions“.

30-го апрѣля Павелъ Дмитріевичъ оставилъ Тульчинъ и по бѣлорусскому тракту отправился въ Петербургъ, куда пріѣхалъ 8-го мая.

Пріѣздъ въ С-Петербургъ; пріемъ Императоромъ.

На другой день отъ $8^1/_2$ до 10 ч. вечера Киселевъ былъ у Государя, который принялъ его весьма милостиво и благодарилъ за услуги, оказанныя имъ Россіи въ дѣлѣ стольже важномъ, какъ и трудномъ.

— Я читалъ твой отчетъ,—сказалъ Государь; я прочиталъ его весь съ большимъ удовольствіемъ.

— Уже-ли Ваше Величество,—отвѣчалъ Киселевъ,—приняли трудъ Сами прочесть эту толстую тетрадь, въ которой много вещей безполезныхъ?

— Вовсе нѣтъ,—отвѣчалъ Императоръ; я посвятилъ три вечера на это чтеніе, отмѣтилъ страницы, наиболѣе обратившія на себя мое вниманіе, и просилъ Великую Княжну Марію сдѣлать мнѣ извлеченіе... Вотъ оно, прибавилъ Государь, открывая папку съ бумагами. — Меня въ особенности заинтересовало одно мѣсто: это то, въ которомъ ты говоришь объ освобожденіи крестьянъ; мы займемся этимъ когда нибудь; я знаю, что могу разсчитывать на тебя, ибо мы оба имѣемъ тѣже идеи, питаемъ тѣже чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго Мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ. Видишь ли, продолжалъ Государь, указывая рукою на картоны, стоявшіе на полкахъ кабинета; здѣсь Я со вступленія Моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи.

Слова Государя объ освобожденіи крестьянъ.

„Киселевъ, замѣчаетъ Лакруа, не могъ забыть этихъ словъ, вырвавшихся у Государя въ минуту откровенности [1])“.

Павелъ Дмитріевичъ имѣлъ намѣреніе лѣтомъ отправиться за-границу къ минеральнымъ водамъ, но долженъ былъ отложить это намѣреніе и оставался все лѣто въ Петербургѣ. Вотъ два письма къ его матери:

Письма къ матери.

„23-го іюня 1834 г. Спб.

„Вамъ уже извѣстно, что, по стеченію различныхъ обстоятельствъ, я вынужденъ былъ отложить мое заграничное путешествіе до будущаго года. Выѣхать вторично изъ Россіи, не

---

1) P. Lacroix. Histoire de la vie et du règne de Nicolas 1-er. T. VI. p. 369—372.

видѣвши васъ, было тоже для меня непріятно, и рѣшаясь остаться, я выполняю всѣ условія, кромѣ одного — *излеченія болѣзней*, которыя болѣе и болѣе усиливаются. Многіе полагаютъ, что болѣзнь моя есть мнимая, потому что видятъ меня на ногахъ но это ничего не доказываетъ, кромѣ того, что силы тѣлесныя не вовсе еще истощены. Какъ бы, впрочемъ, ни было, я остаюсь здѣсь въ Петербургѣ до 30-го августа, и послѣ того пріѣду пожить съ вами въ Москву и потомъ уже займусь собою во всѣхъ отношеніяхъ. Чрезъ часъ я отправляюсь въ Петергофъ для поздравленія Государя и пробуду тамъ три или четыре дня, — потомъ опять начнутся маневры и продолжаться будутъ до открытія монумента покойному благодѣтелю моему“...

„4-го августа 1834. Спб.

„По соизволенію Государя большую часть времени я провожу въ Петергофѣ, гдѣ образъ жизни весьма пріятенъ и дѣятеленъ...

...Здѣсь жары необычайные; всѣ военные готовятся къ празднованію 30-го августа; день сей для меня и для всѣхъ облагодѣтельствованныхъ покойнымъ Государемъ—есть незабвенный. Сколь ни трудно было отложить мнѣ мое путешествіе за-границу, но совсѣмъ тѣмъ я почитаю себя счастливымъ присутствовать при торжествѣ, коимъ признательность Россіи знаменуется столь блистательно и справедливо“.

Въ сентябрѣ Киселевъ отправился въ свитѣ Государя сначала въ Москву, а потомъ въ Орелъ, гдѣ были назначены смотры войскамъ. Въ Москвѣ онъ оставался съ 6-го по 17-е сентября. Въ Орлѣ случилось съ нимъ непріятное происшествіе, о которомъ мы передаемъ слѣдующій разсказъ по слухамъ, тогда ходившимъ въ публикѣ. Отъѣздъ Киселева въ свитѣ Государя въ Москву и Орелъ.

На смотру случилось какое-то замѣшательство въ артиллеріи отъ паденія съ лошади солдата. Государь послалъ Киселева узнать, чтó такое случилось. Киселевъ поскакалъ, но не доѣзжая до мѣста происшествія, встрѣтилъ какого-то адъютанта, разсказавшаго ему что случилось; Павелъ Дмитріевичъ воротился и донесъ Государю; но тотчасъ-же оказалось, что дѣло это было Происшествіе въ Орлѣ.

не совсѣмъ такъ, какъ разсказалъ, со словъ адъютанта, Киселевъ, которому Государь тутъ же высказалъ свой гнѣвъ.

Въ дневникѣ Павла Дмитріевича подъ „20" сентября записано такъ: G-de parade du 2 corps de cavalerie. *Colère* de l'Empereur. Diner chez S. M. — baisez. Очевидно, что гнѣвъ Императора не имѣлъ никакихъ послѣдствій.

Киселевъ уѣзжаетъ въ отпускъ въ Украйну.

Въ Орлѣ Киселевъ получилъ отъ Государя дозволеніе ѣхать въ Украйну и оставаться тамъ сколько ему нужно будетъ для устройства его дѣлъ; онъ отправился въ имѣніе своей жены въ мѣстечко Буки, кіевской губерніи уманьскаго уѣзда. Тамъ онъ свидѣлся съ пріѣхавшею изъ-за границы своею женою въ первый разъ послѣ разлуки въ 1829 году. Время пребыванія въ Букахъ онъ посвятилъ устройству дѣлъ хозяйственныхъ и семейныхъ съ своею женою. Здѣсь же, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ крестьянами и дворянствомъ, онъ обращалъ вниманіе на политическое положеніе края, и изъ всѣхъ наблюденій составилъ записку, въ которой совѣтовалъ обезсилить связь и вліяніе дворянъ польскаго происхожденія и утвердить права, благосостояніе и преданность правительству крестьянъ [1].

Записка о политическомъ положеніи юго-западныхъ губерній.

Дѣла по имѣнію были такъ запутаны, что нельзя было скоро привести ихъ въ порядокъ; поэтому, а также и для поправленія здоровья, Киселевъ намѣренъ былъ просить себѣ отпускъ на полтора года, для того, чтобы лечиться минеральными водами въ теченіе двухъ курсовъ; намѣренія этого онъ не измѣнилъ и послѣ полученія извѣстія о назначеніи его, 6-го декабря, членомъ Государственнаго Совѣта съ присутствованіемъ въ департаментѣ государственной экономіи; но друзья его, графъ Орловъ, графъ Бенкендорфъ и Булгаковъ совѣтовали ему поспѣшить пріѣздомъ въ Петербургъ. Вотъ что писалъ ему графъ Бенкендорфъ:

Назначеніе Киселева членомъ Государственнаго Совѣта.

„Спб., 8-го января 1835 г.

„Я хотѣлъ, любезный другъ, отвѣчать вамъ тотчасъ на письмо ваше отъ 11-го декабря [2]); но не сдѣлалъ этого, же-

[1]) Записка эта была представлена Государю 20 марта 1835 г.

[2]) Въ этомъ письмѣ Киселевъ просилъ Бенкендорфа устроить его дѣло объ отпускѣ.

лая прежде узнать, не измѣнилось ли ваше намѣреніе вслѣдствіе новаго вашего назначенія членомъ Государстреннаго Совѣта. Теперь, когда нашъ общій другъ Орловъ сообщилъ мнѣ ваше послѣднее письмо, въ которомъ вы настаиваете на вашемъ отпускѣ, послѣ вашего новаго назначенія, спѣшу вамъ сказать, что я ничего не сдѣлалъ по вашему первому письму и взялъ слово съ Орлова не говорить ничего и о вашемъ къ нему письмѣ, желая вамъ дать совѣтъ поспѣшить пріѣздомъ сюда, чтобы показать усердіе, съ которымъ вы всегда готовы исполнять повелѣніе Государя и чтобы благодарить Его за новый данный Имъ вамъ знакъ довѣренности. Здѣсь вы сами будете говорить Государю о вашихъ дѣлахъ и о вашемъ здоровьѣ, или предоставите это вашимъ друзьямъ, Орлову или мнѣ. Все тогда устроится и вы убѣдитесь, любезный другъ, что я даю вамъ добрый совѣтъ.

„Обнимаю васъ и съ искреннѣйшею дружбою остаюсь преданнѣйшій вамъ А. Бенкендорфъ".

Слухи о назначеніи Киселева въ Грузію.

Въ то время, когда друзья Киселева вызывали его въ Петербургъ, ходили разные слухи о готовившихся ему назначеніяхъ. Вотъ что писалъ ему графъ М. С. Воронцовъ:

„Одесса, 6-то февраля 1835 г.

„По слухамъ, вы назначаетесь въ Грузію [1]). Это великолѣпное мѣсто. Если его предлагаютъ вамъ и если вы его примете, то намъ надобно свидѣться, гдѣ-либо на вашемъ пути и условиться о средствахъ встрѣчаться иногда на границахъ двухъ управленій или на восточныхъ берегахъ Чернаго моря; есть много у этихъ провинцій общихъ интересовъ, въ особенности въ отношеніи торговли съ нашими азіятскими сосѣдами... Я нетерпѣливо ожидаю извѣстій относительно назначенія вашего въ Грузію... Это лучшее мѣсто въ Россіи для человѣка въ цвѣтущемъ возрастѣ и бездѣтнаго...

Вы можете принести огромную пользу"...

Павелъ Дмитріевичъ послушалъ совѣта друзей: 5-го фе-

---

[1]) Въ Грузіи былъ тогда главнокомандующимъ баронъ Г. В. Розенъ.

Отъѣздъ изъ кіевской губерніи въ Москву; свиданіе съ М. Орловымъ.

враля выѣхалъ изъ Букъ, и чрезъ Кіевъ 13-го пріѣхалъ въ Москву, въ которой 10 дней провелъ среди родныхъ и друзей; въ числѣ послѣднихъ онъ чаще всѣхъ, какъ это видно изъ его дневника, видѣлся съ М. Ѳ. Орловымъ, жившимъ тамъ тогда въ полуссылкѣ.

ГЛАВА XXV.

1835 — 1836 годъ.

Возвращеніе Киселева въ С.-Петербургъ и пріемъ его Государемъ.—Вступленіе его въ Государственный Совѣтъ.—Толки въ публикѣ о разныхъ назначеніяхъ для Киселева.—Назначеніе Киселева въ секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу.—Предположенія комитета относительно казенныхъ крестьянъ.—Отъѣздъ Киселева за границу; письмо къ матери.—Возвращеніе въ С.-Петербургъ; возобновленіе занятій комитета и безуспѣшность ихъ.—Мысль Государя выдѣлить изъ общаго вопроса о крестьянахъ дѣло объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ.—Разговоръ Государя съ Киселевымъ по этому предмету.—Мысли, переданныя Киселевымъ Сперанскому и совѣщанія съ нимъ и княземъ Васильчиковымъ.—Докладъ комитета и указы объ учрежденіи V-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.—Собственноручная записка Государя, переданная Киселеву.—Послѣдній докладъ комитета и передача всего дѣла объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ въ руки Киселева.—Письмо Павла Дмитріевича къ брату.—Собственный взглядъ Киселева на порученное ему дѣло.—Назначеніе коммиссій въ 4 губерніи для обревизованія государственныхъ имуществъ и поѣздка Киселева въ тѣ же губерніи.—Представленный объ этой поѣздкѣ отчетъ Государю.—Киселевъ признаетъ необходимость учрежденія особаго въ губерніяхъ управленія государственныхъ имуществъ.—Согласіе на это Государя.—Мысль о введеніи жеребьевой системы рекрутскихъ наборовъ.—Учрежденіе временнаго управленія департаментомъ государственныхъ имуществъ.

Возвращеніе Киселева въ С.-Петербургъ и пріемъ его Государемъ.

26-го февраля 1835 года Киселевъ возвратился въ С.-Петербургъ, и 28-го былъ принятъ милостиво Государемъ и Императрицею. Въ тотъ же день онъ писалъ въ Москву брату, Сергѣю Дмитріевичу:

„Я пріѣхалъ третьяго дня въ столицу—вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти Императора Австрійскаго, о коемъ Государь душевно сожалѣетъ. Его Величеству угодно было прислать за

мною фельдъегеря и принять меня съ особенною благосклонностью; Государыня тутъ же пригласила къ своему столу, а вечеромъ долженъ ѣхать къ Его Высочеству—вотъ мой день.... Я успѣлъ доложить Государю, говорившему мнѣ о Совѣтѣ, что до возвращенія отъ водъ, я худой буду совѣтникъ; послѣ нѣсколькихъ распросовъ, Его Величество согласился мнѣ дозволить желанную поѣздку, но на самое короткое и необходимое время. Вотъ для меня результатъ чрезмѣрно важный и который я считаю наисчастливѣйшимъ успѣхомъ. Вѣроятно это дастъ мнѣ случай съ тобою, любезный другъ, видѣться; въ наши лѣта свиданіе начинаетъ быть необходимымъ, ибо жизнь утекаетъ быстро, на будущее надѣяться не должно".

Вступленіе Киселева въ Государственный Совѣтъ.

4-го марта Киселевъ явился въ первый разъ въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, а 15-го марта присутствовалъ въ первый же разъ въ Департаментѣ Государственной Экономіи.

13-го марта онъ писалъ брату:

Толки въ публикѣ о разныхъ назначеніяхъ для Киселева.

..."Съ пріѣзда моего въ столицу, назначенія къ мѣстамъ слѣдуютъ безпрерывно. Ласки, мнѣ оказываемыя, болѣе къ тому возбуждаютъ публику, а по истинѣ ничего нѣтъ и не будетъ. Люди, довѣрія заслуживающія, сказывали мнѣ, что къ назначенію въ Парижъ я былъ ближе другихъ, но по другимъ увѣреніямъ, Государь предпочелъ меня здѣсь оставить. Сколько тутъ правды не знаю, но пишу о семъ какъ о вѣроподобномъ по многимъ замѣчаніямъ моимъ и прошу не разглашать это сообщеніе мое, для тебя токмо писанное и для Закревскаго, которому прошу прочитать эту статью".

Послѣднее порученіе брату относительно Закревскаго было отвѣтомъ на его письмо отъ 7-го марта 1835 г., въ которомъ онъ спрашивалъ Павла Дмитріевича, было ли ему предложеніе "о принятіи какой либо важной должности?"

Назначеніе Киселева въ секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу.

Въ это время Государемъ былъ учрежденъ секретный комитетъ "для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій", въ который назначены, были, подъ предсѣдательствомъ графа Васильчикова, членами: Сперанскій, графъ Канкринъ, Киселевъ и Дашковъ.

Прежде, чѣмъ этотъ комитетъ приступилъ къ возложенному на него порученію, графъ Канкринъ, докладывая Государю о томъ, что „составляемое въ министерствѣ финансовъ положеніе объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ вскорѣ будетъ приведено въ исполненіе", испросилъ 9-го апрѣля, Высочайшее повелѣніе для дальнѣйшаго разсмотрѣнія этого дѣла учредить особый комитетъ изъ тѣхъ же лицъ, которые были назначены въ вышеупомянутый комитетъ по общему крестьянскому дѣлу.

Предположеніе комитета относительно казенныхъ крестьянъ.

Въ началѣ мая проектъ положенія объ управленіи казенныхъ крестьянъ графъ Канкринъ внесъ въ комитетъ, который призналъ, что этотъ проектъ долженъ составить одно цѣлое съ общимъ дѣломъ объ улучшеніи состоянія крестьянъ разныхъ званій въ государствѣ.

„Къ достиженію этого улучшенія, по мнѣнію комитета, не было другаго способа, какъ „установленіе для крестьянъ вѣрнаго и со всею осторожностью размѣреннаго перехода съ одной степени на высшую". Эти степени установлялись комитетомъ три: 1) состояніе крѣпостныхъ крестьянъ съ ограниченіемъ владѣльца трехдневною работою; 2) состояніе крестьянъ, обязанныхъ *мѣрною работою;* 3) состояніе крестьянъ, пользующихся правомъ свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому и обработывающихъ помѣщичьи земли на основаніи заключенныхъ договоровъ.

„Переходомъ крестьянъ на третью степень, или совершенно въ положеніе крестьянъ остзейскихъ губерній, удовлетворилась бы потребность государственная, столь важная для будущаго спокойствія и процвѣтанія Россіи".

Какимъ образомъ эти степени могли быть примѣнены къ казеннымъ или государственнымъ крестьянамъ, людямъ уже свободнымъ? Это комитетъ обходилъ молчаніемъ.

Мысль о переходныхъ для крестьянъ „степеняхъ" принадлежала графу Канкрину, который съ другой стороны въ комитетѣ говорилъ о своемъ проектѣ управленія казенными крестьянами, что онъ ни къ чему не приведетъ.

Отъѣздъ Киселева за границу; письмо къ матери.

15-го мая 1835 года Киселевъ уѣхалъ за границу къ минеральнымъ водамъ. 24-го мая писалъ онъ матери:

„Послѣ пятидневнаго плаванія и сильной бури, я пріѣхалъ въ Штетинъ и потомъ въ прусскую столицу, гдѣ засталъ еще Великаго Князя Михаила Павловича и всѣ празднованія, въ честь его даваемыя. Маневры, обѣды, балы.... составляютъ наше здѣсь занятіе.. Докторъ Горнъ направилъ меня въ Карлсбадъ...“

Возвращеніе въ С.-Петербургъ; возобновленіе занятій комитета и безъуспѣшность ихъ.

28-го октября Киселевъ возвратился въ С.-Петербургъ.

Изъ дневника его видно, что засѣданія комитета „объ улучшеніи состоянія крестьянъ“ возобновились осенью 1835 г. и продолжались въ январѣ 1836 г., но не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Государь не могъ не знать о томъ, что́ происходило въ комитетѣ. Онъ скоро понялъ, что поднятое Имъ дѣло объ устройствѣ крестьянъ вообще не обѣщаетъ скорыхъ успѣховъ, особенно дѣло о помѣщичьихъ крестьянахъ; Ему были извѣстны и мысли Сперанскаго, которому Онъ наиболѣе довѣрялъ въ этомъ дѣлѣ,—а Сперанскій говорилъ въ комитетѣ, что по дѣлу о помѣщичьихъ крестьянахъ онъ не ожидаетъ успѣха; онъ не скрывалъ, конечно, такого взгляда и предъ Государемъ; наконецъ Сперанскій еще въ 1827 г. доказывалъ, что первымъ шагомъ къ преобразованію крѣпостнаго права должно быть устройство казенныхъ крестьянъ, о которыхъ онъ писалъ тогда, что „этотъ родъ людей бѣднѣетъ и раззоряется не менѣе крестьянъ помѣщичьихъ. Работы и повинности ихъ также неопредѣленны. Съ одной десятины худой земли казенный крестьянинъ платитъ столько же оброку, несетъ столько же разнообразныхъ земскихъ и волостныхъ повинностей, какъ другіе съ восьми или болѣе десятинъ. Земскіе исправники суть тѣже помѣщики, съ тою только разностію, что они перемѣняются и что на нихъ есть нѣкоторые способы къ управѣ; но взамѣнъ того, сіи трехлѣтніе владѣльцы не имѣютъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ, коихъ они ни себѣ, ни потомству не прочатъ“.

Все это естественно навело Государя на мысль, выдѣлить

изъ общаго вопроса о крестьянахъ дѣло объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ, дѣло, въ которомъ нельзя было ожидать многосторонней и упорной оппозиціи, и которое поэтому могло быть приведено къ окончанію въ непродолжительное время. Государь считалъ, что съ бо́льшею увѣренностью можно ожидать успѣха, когда все дѣло будетъ возложено не на коллегіальное учрежденіе, а непосредственно на одно лицо.

Мысль Государя выдѣлить изъ общаго вопроса о крестьянахъ дѣло объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ.

Но кому поручить это дѣло? Канкринъ ближе всего къ нему стоялъ; но составивъ, по порученію Государственнаго Совѣта, проектъ о преобразованіи управленія государственныхъ крестьянъ, онъ самъ признавалъ его непригодность.

Вотъ разговоръ Государя съ Киселевымъ, записанный послѣднимъ по возвращеніи изъ дворца.

Разговоръ Государя съ Киселевымъ.

„1836 года февраля 17.

„Я имѣлъ честь обѣдать у Его Императорскаго Величества съ графами Головкинымъ и Бенкендорфомъ. Послѣ обѣда, по отъѣздѣ сихъ господъ, Государь приказалъ мнѣ остаться и посадивъ меня противу Своего стула, началъ слѣдующій разговоръ: „Мнѣ съ тобою нужно объясниться по дѣлу, которое тебѣ извѣстно, ибо ты, кажется, въ комитетѣ съ Васильчиковымъ. Дѣло объ устройствѣ крестьянъ (казенныхъ). Я давно убѣдился въ необходимости преобразованія ихъ положенія; но министръ финансовъ, отъ упрямства или неумѣнья, находитъ это невозможнымъ. Я его знаю, и потому настаивалъ на необходимости заняться пристально и увидѣвъ, что съ нимъ это дѣло не пойдетъ, рѣшился приступить къ нему Самъ и положить основаніе подъ личнымъ своимъ руководствомъ“.

„Я желаю прежде всего сдѣлать испытаніе на петербургской губерніи и, какъ во всякомъ преобразованіи надо прежде всего, имѣть ясное понятіе о томъ, что есть, то размежеваніе земель которое Канкринъ всегда представляетъ невозможнымъ, должно быть первоначальнымъ дѣйствіемъ этого занятія. Я приказывалъ Сперанскому объясниться по сему съ Шубертомъ [1])

[1]) Бывшимъ тогда директоромъ военно-топографическаго депо.

и получилъ въ отвѣтъ, что онъ имѣетъ возможность дать на сей предметъ свое пособіе; вотъ начало,—но тутъ много подробностей, которыми и некогда Мнѣ заниматься, и которыя, признаюсь, Мнѣ мало знакомы. Посему Мнѣ нуженъ помощникъ, и, какъ Я твои мысли на этотъ предметъ знаю, то хочу тебя просить принять все это дѣло подъ свое попеченіе и заняться со мною предварительнымъ, примѣрнымъ устройствомъ этихъ крестьянъ, послѣ чего мы перейдемъ въ другія губерніи и мало-по-малу кругъ нашего дѣйствія расширится. Канкринъ самъ уже убѣдился, что на нынѣшнемъ основаніи отъ департамента успѣха ожидать не можно, а Я ему доказалъ, по прочтеніи входящихъ и исходящихъ бумагъ за цѣлую недѣлю [1]), что они пишутъ вздоръ, что онъ бумагъ этихъ не видитъ, и что все дѣло идетъ безъ толку. Поручить же преобразованіе петербургскихъ крестьянъ Эссену [2]),—кромѣ вздора ничего не будетъ. А потому не откажи Мнѣ и прими на себя трудъ этотъ въ помощь Мнѣ“.

„Я всталъ и сказалъ Государю, что готовъ съ душевнымъ удовольствіемъ посвятить всѣ свои силы и усердіе на дѣло столь важное и тѣмъ болѣе для меня лестное, что я почитаю устроеніе крестьянъ какъ дѣло великое Его царствованія и какъ дѣло необходимое для будущаго спокойствія государства; что я готовъ быть Его секретаремъ, лишь бы я могъ имѣть ту силу нравственную въ дѣлахъ, которая необходима для успѣха; что министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ это новое учрежденіе не будутъ видѣть съ удовольствіемъ; что борьба была бы неравная для меня, если все дѣло не будетъ совершаться подъ Его, Государевымъ, личнымъ вліяніемъ; что наконецъ я на этотъ предметъ совершенно полагаюсь на Его Величество и благодарю за довѣріе, которое потщусь оправдать всѣми силами, доколѣ ихъ не утрачу, ибо...

[1]) В. А. Инсарскій въ своихъ запискахъ (Рус. Архивъ, 1873 г. стр. 530) пишетъ, что Государь потребовалъ къ Себѣ всѣ изготовляемые по департаменту (государственныхъ имуществъ) доклады—въ послѣднихъ числахъ декабря 1836 года. Здѣсь, очевидно, ошибка и вмѣсто 1836 г. должно быть 1835 г.

[2]) Графъ Эссенъ былъ въ то время с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ.

— Да ты хотѣлъ ѣхать въ Карлсбадъ, — но на сколько тебѣ нужно?

— О здоровьѣ уже думать не должно, Государь, когда дѣло идетъ о службѣ столько важной. Я желалъ ѣхать на три мѣсяца, но поѣздка моя можетъ быть отложена до удобнѣйшаго времени.

— Нѣтъ, безъ здоровья ничего не дѣлается, а три мѣсяца нисколько не повредятъ нашему предпріятію.

— Впрочемъ, Государь, объ этомъ предметѣ я Вамъ доложу въ свое время; но для устройства части, мнѣ ввѣряемой, надо нѣкоторое основаніе: надо чиновниковъ, немного, но хорошихъ, и нужно предварительно дѣло это обдумать.

— Повидайся съ Сперанскимъ, Я ему говорилъ о Моихъ намѣреніяхъ и прошу тебя сообразить все это съ нимъ, дабы представить мнѣ общее ваше предположеніе объ устройствѣ этого дѣла. Я увѣренъ, что оно пойдетъ хорошо, потому, что мы другъ друга понимаемъ. Ты будешь *Мой начальникъ штаба по крестьянской части*. Еще разъ спасибо. Съ Божьей помощью, дѣло наше устроится; — Я увѣренъ".

Мысли, переданныя Киселевымъ Сперанскому и совѣщанія съ нимъ и княземъ Васильчиковымъ.

Готовясь на свиданіе съ Сперанскимъ, Киселевъ мысли свои объ исполненіи возлагаемаго на него порученія набросалъ въ особой запискѣ, въ которой, между прочимъ, говорилось слѣдующее:

„Государь предполагаетъ новое устройство казенныхъ крестьянъ принять подъ личное Свое завѣдываніе, а испытаніе онаго исполнить въ нѣсколькихъ губерніяхъ, начавъ съ с.-петербургской... Въ особомъ комитетѣ должны быть начертаны главныя основанія, на которыхъ преобразованіе казенныхъ крестьянъ должно совершиться. Для производства дѣлъ учреждается временное отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Отдѣленіе это съ начальникомъ его подчиняется члену государственнаго совѣта, генералъ-адъютанту Киселеву, который руководствуется личными по сему предмету наставленіями Его Императорскаго Величества. Управленіе казенными крестьянами с.-петербургской губерніи ввѣряется конторѣ, учрежденной по примѣру удѣльной...

„Всѣ проекты, донесенія и журналы комитетовъ донынѣ учрежденныхъ по предмету преобразованія казенныхъ крестьянъ должны быть переданы во временное отдѣленіе“...

Въ дневникѣ подъ 19 февраля записано: „Conférence de 3 h. avec Speransky“.

Затѣмъ, какъ видно изъ того же дневника, происходили, въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ, совѣщанія, сначала съ Сперанскимъ, а потомъ и съ Васильчиковымъ; въ апрѣлѣ былъ представленъ Государю отъ комитета докладъ, въ которомъ упоминалось о томъ, что въ комитетѣ представлены были Сперанскимъ бумаги, относящіяся къ мѣрамъ, какъ удобнѣе приступить къ постепенному устройству казенныхъ крестьянъ, и говорилось, между прочимъ, слѣдующее:

Докладъ комитета и указы объ учрежденіи V Отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи.

„Предпринимаемое дѣло достойно непосредственнаго Высочайшаго участія. Чѣмъ сіе участіе будетъ виднѣе, тѣмъ и впечатлѣніе надъ умами будетъ сильнѣе и полезнѣе. А потому мысль объ учрежденіи для устройства казенныхъ крестьянъ (съ самаго начала одну с.-петербургскую губернію) особаго временнаго отдѣленія Собственной Канцеляріи Его Величества, представляетъ многія выгоды, не только для скорѣйшаго и удобнѣйшаго развитія тѣхъ предположеній, кои удостоятся Высочайшаго одобренія, но даже и для самой передачи дѣлъ объ управленіи казенными крестьянами изъ вѣдомства министерства финансовъ“.

Докладъ комитета былъ одобренъ Государемъ и вслѣдъ затѣмъ состоялись 29-го апрѣля указы министру финансовъ и генералъ-адъютанту Киселеву объ учрежденіи V Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, и о передачѣ въ него всѣхъ дѣлъ, относящихся до управленія казенными крестьянами, оброчными статьями и лѣсами с.-петербургской губерніи. Въ указѣ высказано было положительно намѣреніе Государя постепенно преобразовать управленіе казенныхъ крестьянъ, начавъ съ с.-петербургской губерніи, и для этого въ V Отдѣленіи должны быть собраны и приведены въ надлежащую совокупность всѣ свѣдѣнія и предположенія, вообще къ преобразованію управленія казенныхъ крестьянъ относящіяся. На Ки-

селева возложено по имѣющимъ поступать въ V Отдѣленіе дѣламъ, требующимъ Высочайшаго разрѣшенія, докладывать Государю и исполнять Его повелѣнія.

Какое живое участіе принималъ Государь въ этомъ дѣлѣ, служитъ, между прочимъ, доказательствомъ слѣдующая собственноручная Его Величества записка, переданная Киселеву 3-го мая 1836 года:

Собственноручная записка Государя, переданная Киселеву.

„1) Составъ канцеляріи.

2) Приведеніе въ извѣстность настоящаго положенія казеннаго имущества въ с.-петербургской губерніи.

3) Образованіе конторы казенныхъ имуществъ.

4) Приступъ къ межеванію.

5) Образованіе роты топографовъ.

6) Помѣщеніе V Отдѣленія, роты топографовъ и спб. конторы въ домѣ у Синяго моста“.

Это, какъ видно, были указанія на то, чтó слѣдовало исполнить, и что вслѣдъ затѣмъ дѣйствительно было исполнено Киселевымъ.

4-го мая 1836 года комитетъ для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій (который въ это время назывался „комитетомъ, учрежденнымъ на указанныхъ Его Императорскимъ Величествомъ основаніяхъ“) представилъ Государю докладъ, въ которомъ говорилъ:

Послѣдній докладъ комитета и передача всего дѣла объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ въ руки Киселева.

„Приступивъ къ составленію предположеній о возможномъ и прочномъ улучшеніи крестьянскаго быта и лучшемъ распредѣленіи подушныхъ и оброчныхъ сборовъ, комитетъ разсматривалъ разные о семъ проекты и по воспослѣдовавшему распоряженію объ учрежденіи V Отдѣленія Собственной Вашего Величества Канцеляріи, имѣлъ въ виду начертать главныя основанія, на коихъ слѣдуетъ привести въ дѣйствіе опытъ преобразованія управленія казенными крестьянами с.-петербургской губерніи; по ближайшему обсужденію сего предмета, комитетъ нашелъ болѣе удобнымъ оставить генералъ-адъютанту Киселеву возможность вникнуть въ настоящее положеніе казенныхъ крестьянъ и, по собраніи свѣдѣній по с.-петербургской губерніи, внести въ комитетъ заключеніе свое по слѣдующимъ статьямъ:

a) Объ удобнѣйшемъ переложеніи оброка съ душъ на землю.

b) О правильнѣйшемъ способѣ назначенія оброка съ промысловъ.

c) О составленіи семейныхъ участковъ земли для безперемѣннаго владѣнія оными.

d) О надѣленіи крестьянъ малоземельныхъ.

e) О надѣленіи крестьянъ лѣсами и способѣ сохраненія оныхъ.

f) Объ улучшеніи сельскаго и волостнаго правленія и возможномъ обращеніи крестьянъ къ прямому упражненію сельскимъ хозяйствомъ, а также и о возможности охранить ихъ отъ неправильныхъ поборовъ и притѣсненій.

g) Представить общее соображеніе объ оброчныхъ статьяхъ вообще и о возможности извлечь изъ нихъ пользу.

h) Какъ въ С.-Петербургской губерніи находятся крестьяне, управляемые на основаніи удѣльнаго положенія и крестьяне, завѣдываемые казенною палатою, на основаніи постановленія въ 1826 г. изданнаго, то вникнувъ въ удобства и неудобства сихъ двухъ управленій и собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія, приступить къ составленію проекта новаго преобразованія управленія казенными крестьянами и представить оный на разсмотрѣніе комитета".

Докладъ этотъ, почти продиктованный Киселевымъ, какъ это видно изъ сохранившейся его собственноручной записки, и подписанный графомъ Васильчиковымъ, Сперанскимъ, графомъ Канкринымъ, Киселевымъ и Дашковымъ, Высочайше утвержденъ 9-го мая 1836 года. Тѣмъ закончилась дѣятельность комитета, и все дѣло объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ перешло въ руки Киселева.

Письмо Павла Дмитріевича къ брату.

Извѣщая брата о назначеніи своемъ докладчикомъ по V Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Павелъ Дмитріевичъ писалъ 5-го мая 1836 года:

..."Вотъ что мнѣ поставлено въ обязанность, но притомъ съ такою милостію, что я употреблю всѣ усилія, чтобы доказать Государю желаніе мое сдѣлаться вполнѣ ея достойнымъ.

Первое мое пожертвованіе будетъ состоять, кажется, въ отмѣнѣ поѣздки въ Карлсбадъ, несмотря на то, что Его Величество изволилъ еще вчерашній день повторить данное мнѣ предъ симъ дозволеніе, но которымъ неприлично было бы воспользоваться при настоящихъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, ходъ дѣлъ укажетъ дальнѣйшее по сему рѣшеніе; но вѣроятно, что дѣла не допустятъ отлучиться изъ столицы.

„При послѣдней негоціяціи съ Портою о Силистріи, Государю благоугодно было наградить меня арендою въ 6 тыс. руб. сер. на 12 лѣтъ; я не просилъ ея, и въ первый разъ получилъ пособіе, которое содѣлывалось, по здѣшней жизни и по домашнимъ моимъ обстоятельствамъ, весьма нужнымъ. Теперь я обезпеченъ въ скромной моей жизни и уволенъ отъ заботъ по части домашнихъ расходовъ; но этимъ я обязанъ Государю и съ признательностію помнить о томъ буду".

Собственный взглядъ Киселева на порученное ему дѣло.

Изъ изложеннаго выше видно, что при возложеніи всего дѣла объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ на Киселева, ему не была дана въ руководство положительная программа; въ докладѣ комитета 4-го мая 1836 года были сдѣланы указанія на тѣ предметы, по которымъ Киселевъ долженъ былъ внести свои заключенія въ комитетъ; но эти предметы касались почти исключительно хозяйственнаго устройства крестьянъ; былъ поставленъ общій вопросъ объ улучшеніи сельскаго и волостнаго управленія, но никакихъ не указано руководящихъ началъ. Такимъ образомъ Павлу Дмитріевичу предоставленъ былъ полный просторъ и возможность высказать собственный взглядъ на дѣло.

Киселевъ въ запискѣ, переданной имъ Сперанскому 25-го февраля 1836 г., слѣдовательно, чрезъ 8 дней послѣ разговора съ Государемъ, говорилъ:

„Если окончательно цѣль всего дѣла состоитъ въ устройствѣ казенныхъ крестьянъ, то переложеніе оброковъ съ душъ на землю есть предметъ, конечно, важный, но не единственный, а потому и экономическое межеваніе составляетъ только часть предполагаемаго устройства: казенные крестьяне, очевидно, скудѣютъ.

„Недоимки, кромѣ сложенныхъ по манифестамъ, простираются на сумму 68.679,011 руб.

„Такое оскудѣніе не происходитъ единственно отъ неразмежеванія земель. Причина сему есть отсутствіе, во-первыхъ, *покровительства* и во-вторыхъ, *наблюденія.* Отъ недостатка покровительства крестьяне обременены незаконными поборами и личными повинностями. Отъ недостатка наблюденія развратъ и пьянство уничтожаютъ въ самомъ источникѣ основаніе сельскаго благосостоянія".

Но чтобы развить свою мысль въ полную программу и подкрѣпить ее положительными данными, Киселеву недостаточно было завѣдыванія управленіемъ государственными имуществами и крестьянами С.-Петербургской губерніи, которое перешло къ нему вмѣстѣ съ учрежденіемъ V Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи; ему нужно было расширить сколь возможно поле предварительнаго изученія.

Назначеніе коммиссій въ 4 губерніи для обревизованія государственныхъ имуществъ и поѣздка Киселева въ тѣ же губерніи.

18-го мая 1836 года онъ испросилъ Высочайшее повелѣніе отправить въ губерніи: московскую, псковскую, курскую и тамбовскую чиновниковъ для обревизованія государственныхъ имуществъ съ тѣмъ, чтобы по окончаніи обревизованія каждый изъ нихъ представилъ губернатору копію съ оффиціальнаго своего донесенія, а губернаторъ, съ своей стороны, представилъ свои замѣчанія на всѣ предметы обревизованія. Чиновникамъ этимъ, сверхъ того, даны были особыя наставленія для собранія разныхъ мѣстныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для соображенія при составленіи общаго положенія объ управленіи казенными крестьянами.

Затѣмъ Киселевъ считалъ необходимымъ вглядѣться самому непосредственно въ положеніе крестьянъ, удостовѣриться на мѣстѣ въ удобствѣ примѣненія тѣхъ или другихъ началъ, кои были предлагаемы для устройства государственныхъ имуществъ вообще и казенныхъ крестьянъ въ особенности. Съ этою цѣлію онъ отправился, въ началѣ августа, сперва въ нѣкоторые уѣзды с.-петербургской губерніи, а потомъ въ губерніи псковскую, курскую и московскую.

Обозрѣвъ въ каждой губерніи по двѣ разносвойственныя волости казенныхъ крестьянъ и по одному приказу изъ числа переданныхъ удѣльнымъ вѣдомствомъ, онъ старался изучить во всей подробности состояніе тогдашняго управленія казенными крестьянами, порядокъ раскладки податей, причины накопленія недоимокъ, нравственность и духъ поселянъ, причины недостаточнаго дохода съ оброчныхъ статей, состояніе лѣсной части и наконецъ повѣрить дѣйствіе чиновниковъ, производившихъ ревизію государственныхъ имуществъ.

Представленный объ этой поѣздкѣ отчетъ Государю.

По возвращеніи въ С.-Петербургъ, онъ представилъ (6-го октября) Государю краткій о послѣдствіяхъ своей поѣздки докладъ, въ которомъ, не входя въ подробное заключеніе по всѣмъ вышеизложеннымъ предметамъ до представленія приводившейся къ окончанію ревизіи въ четырехъ губерніяхъ, изложилъ только главные результаты своихъ личныхъ наблюденій и изслѣдованій. Результаты эти представляли положеніе дѣла въ весьма неблагопріятномъ свѣтѣ.

„По личному, внимательному наблюденію моему, писалъ Павелъ Дмитріевичъ, безнравственность установленныхъ властей и самихъ крестьянъ достигла высшей степени и требуетъ усиленныхъ мѣръ для искорененія злоупотребленій, которыя разстроили хозяйственный бытъ крестьянъ въ самомъ основаніи, породили въ нихъ нерасположеніе къ труду, и безъ того мало вознаграждаемому, и тѣмъ остановили, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ уничтожили надлежащее развитіе государственнаго богатства. Огромныя недоимки, накопившіяся послѣ Всемилостивѣйшаго манифеста 1826 г., служатъ достаточнымъ тому доказательствомъ, а запутанность сихъ недоимокъ, и особенно мѣры, употребляемыя къ сбору оныхъ часто съ людей и селеній, не подлежащихъ взысканію, производятъ въ однихъ равнодушіе, а въ другихъ беззаботливость къ исправному выполненію повинностей и угрожая конечнымъ раззореніемъ крестьянъ, могутъ поселить въ нихъ чувства, доселѣ добродушному народу русскому не свойственныя“.

Указывая далѣе на бѣдность крестьянъ, особенно въ мѣстахъ исключительно земледѣльческихъ, Киселевъ считалъ важ-

нѣйшею тому причиною повсемѣстное грубое невѣжество крестьянъ и злоупотребленія волостныхъ и сельскихъ начальниковъ. „Люди сіи избираются изъ среды поселянъ самыхъ порочныхъ и суть первыя орудія всѣхъ притѣсненій и безпорядковъ. Сіе общее разстройство довершается нетрезвостію крестьянъ; учрежденныя надъ ними власти, не только не останавливаютъ сего порока никакими попечительными распоряженіями, но напротивъ, содѣйствуютъ распространенію онаго по видамъ корыстолюбія. Многіе мірскіе приговоры служатъ вѣрнымъ тому доказательствомъ.

„Образованіе крестьянъ въ предѣлахъ, свойственныхъ сельскому быту, составило бы важный шагъ къ улучшенію ихъ нравственности; но, къ сожалѣнію, дѣло сіе пренебрежено совершенно. Духовенство не обращаетъ на то ни малѣйшаго вниманія; учрежденныя въ образцовыхъ губерніяхъ [1]) волостныя училища, не получивъ хорошихъ основныхъ правилъ, не представляютъ желаемаго успѣха. Въ имѣніяхъ, перешедшихъ изъ удѣла, крестьянскія дѣти учатся при приказахъ и со временемъ могутъ быть приготовлены въ должности писарей, но нравственнаго образованія не достигнутъ. Затѣмъ, во всѣхъ прочихъ губерніяхъ никакихъ, свойственныхъ для крестьянскаго быта, школъ не существуетъ, и въ нѣкоторыхъ только подгородныхъ селеніяхъ крестьянскіе мальчики обучаются грамотѣ у разночинцевъ и мѣщанъ безъ всякаго наблюденія мѣстнаго начальства, и слѣдовательно безъ всякой увѣренности въ нравственной пользѣ сего воспитанія; тогда какъ при общемъ невѣжествѣ крестьянъ, люди грамотные между ними содѣлываются полными ихъ руководителями, и изъ личныхъ выгодъ своихъ вовлекаютъ крестьянскія общества въ раззорительныя для нихъ тяжбы и ябедничества.

„Распространеніе расколовъ (въ числѣ коихъ нѣкоторые, по моему мнѣнію, требуютъ особаго наблюденія) происходитъ болѣе отъ необходимости, такъ сказать, круговой защиты; ибо люди, присоединяющіеся къ расколу, обращаются въ оный бо̀льшею частію не по чувствамъ какого-либо убѣжденія въ догмати-

1) С.-Петербургской и Псковской.

ческихъ началахъ, которыхъ они мало или вовсе не понимаютъ, но единственно для пріобрѣтенія покровительства въ кругу общества, которое, чѣмъ болѣе усиливается развратъ и безначаліе въ общей массѣ православныхъ, тѣмъ болѣе старается сохранить строгую нравственность и связь, основанную на взаимныхъ пособіяхъ. Съ водвореніемъ порядка и благоустройства въ сельскихъ обществахъ, стремленіе къ расколамъ должно уменьшиться само собою.

„Духъ крестьянъ вообще покорный; въ особенности симъ отличаются домосѣды, или исключительно занимающіеся хлѣбопашествомъ. Однодворцы, фабричные, промышленники и между сими послѣдними, старообрядцы, имѣютъ нѣчто самостоятельное, отдѣляющее ихъ рѣзкою чертою отъ прочихъ поселянъ. Обладая средствами болѣе значительными, они умѣли найти во властяхъ болѣе покровительства и съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе вліянія на общественныя ихъ дѣла, коими располагаютъ по видамъ собственной пользы и въ угнетеніе бѣдныхъ, подъ ихъ зависимостію состоящихъ. Сколько, съ одной стороны, бѣднѣйшій и многочисленнѣйшій классъ земледѣльцевъ желаетъ улучшеній въ настоящемъ ихъ состояніи и, съ полнымъ довѣріемъ къ правительству, ожидаетъ его распоряженій, столько, съ другой стороны, всякія измѣненія, особенно переложеніе податей съ душъ на землю и правильнѣйшее устройство сборовъ и расходовъ, будутъ противны существующимъ властямъ и богатѣйшимъ поселянамъ, для коихъ нынѣшній безпорядокъ управленія доставляетъ особенныя выгоды. Посему со всею увѣренностію можно сказать, что введеніе особаго управленія государственными имуществами въ губерніяхъ, есть первое и необходимое дѣйствіе, долженствующее предшествовать рѣшительному измѣненію въ податной системѣ, которое требуетъ нѣкоторой постепенности и можетъ только совершиться съ успѣхомъ, когда новое управленіе пріобрѣтетъ, правильностію и твердостію своихъ дѣйствій, полную и справедливую довѣренность поселянъ. Истина сего заключенія явно и несомнѣнно доказывается удѣльными имѣніями въ осмотрѣнныхъ мною губерніяхъ: С.-Петербургской, Псковской и Курской. Перейдя подъ управленіе

министерства финансовъ, они остались безъ введенія поземельнаго сбора, безъ общественныхъ запашекъ, но съ собственною администраціею, отдѣльною отъ земской полиціи, а потому безъ недоимокъ и безъ тѣхъ неустройствъ, которыми обременены казенные крестьяне.

„Переходя за симъ къ оброчнымъ статьямъ и лѣсамъ, я считаю долгомъ всеподданнѣйше донести, что оброчныя статьи приносятъ самый ничтожный доходъ, съ одной стороны, по неимѣнію объ нихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній, и съ другой по вкоренившейся повсемѣстно стачкѣ главныхъ откупщиковъ, снимающихъ сіи статьи съ торговъ для передачи потомъ мѣстнымъ обывателямъ изъ прибыли.

„Лѣса казенные и особенно поселянскіе большею частію истреблены, какъ по злоупотребленіямъ лѣсныхъ чиновниковъ, такъ по невведенію правильнаго лѣсоводства и по недостатку стражи. Часть сія, въ нынѣшнемъ ея состояніи, требуетъ безотлагательныхъ и строгихъ мѣръ къ охраненію оставшихся лѣсовъ отъ совершеннаго истребленія".

Киселевъ признаетъ необходимость учрежденія особаго въ губерніяхъ управленія государственныхъ имуществъ.

Такимъ образомъ въ этомъ докладѣ рѣшеніе вопроса, съ котораго началось дѣло, именно вопроса о переложеніи податей на земли, Киселевъ поставилъ въ зависимость отъ учрежденія „особаго управленія государственными имуществами въ губерніяхъ".

Государь однакоже не сразу утвердилъ предположеніе Киселева, какъ это видно изъ того, что прочтя докладъ, Онъ написалъ: „переговоримъ", и затѣмъ уже по вторичномъ прочтеніи доклада, 23-го ноября, слѣдовательно почти 1½ мѣсяца спустя, разрѣшилъ Киселеву „распорядиться по его усмотрѣнію о введеніи управленія въ 4-хъ обревизованныхъ губерніяхъ".

Согласіе на это Государя.

Мысль о введеніи жеребьевой системы рекрутскихъ наборовъ.

Въ тотъ же день Киселевъ докладывалъ Государю о неудобствѣ существовавшей тогда системы рекрутскихъ наборовъ и изложилъ свое мнѣніе о введеніи жеребьевой системы. Государь одобрилъ эту мысль и повелѣлъ „приступить немедленно къ составленію полнаго плана для приложенія его первоначально къ С.-Петербургской губерніи."

Учрежденіе временнаго управленія департаментомъ государственныхъ имуществъ.

Вскорѣ затѣмъ Государь повелѣлъ Киселеву „сообразить мѣры къ устройству временнаго управленія департаментомъ государственныхъ имуществъ“, ходомъ дѣлъ въ которомъ Его Величество былъ недоволенъ, какъ это видно изъ приведеннаго выше разговора Его съ Павломъ Дмитріевичемъ.

Предположенія Киселева по этому предмету утверждены Государемъ 6-го января 1837 года, и состояли въ слѣдующемъ: управленіе департаментомъ государственныхъ имуществъ впредь до окончательнаго преобразованія его, т.-е. до образованія министерства, ввѣряется временному совѣту, въ который членами назначались сенаторы: Княжнинъ, Фроловъ и Кочубей; совѣту присвояется власть и отвѣтственность, лежавшая на директорѣ и на министрѣ; дѣла, подлежащія разрѣшенію, представляются Государю чрезъ докладывающаго по дѣламъ V-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи [1]).

Такимъ образомъ въ началѣ 1837 года государственныя имущества и крестьяне поступили въ главное завѣдываніе Киселева, хотя въ управленіи ихъ онъ непосредственнаго участія еще не принималъ. Временная мѣра—подчиненіе департамента государственныхъ имуществъ особому совѣту должна была доставить Киселеву средства, не вдаваясь въ занятія текущими дѣлами, посвятить свое время исполненію воли Государя—составленію соображеній объ учрежденіи особаго министерства и вообще объ устройствѣ управленія государственными имуществами и крестьянами [2]).

Прежде изложенія этихъ соображеній, считаемъ необходимымъ указать на главныя черты исторіи государственныхъ имуществъ и государственныхъ крестьянъ.

---

[1]) Съ подчиненіемъ департамента государственныхъ имуществъ совѣту, послѣдовало Высочайшее повелѣніе произвести ревизію департамента, слѣдствіемъ которой было преданіе суду управлявшаго департаментомъ сенатора Дубенскаго.

[2]) См. всеподданнѣйшій докладъ 17-го мая 1837 г.

ГЛАВА XXVI.

Происхожденіе государственныхъ имуществъ въ Россіи и дальнѣйшія въ нихъ перемѣны.—Составъ государственныхъ имуществъ ко времени учрежденія особаго министерства.—Происхожденіе государственныхъ крестьянъ. — Со временъ Петра I-го классъ государственныхъ крестьянъ сдѣлался общимъ пріемникомъ всѣхъ сельскихъ жителей, пользовавшихся личною свободою.—Принадлежность государственныхъ крестьянъ не лицу, а государству; слѣдствіе такого понятія.—Крестьянская община; отсутствіе въ ней до конца XVIII столѣтія юридическихъ опредѣленій.—Управленіе независимыхъ общинъ въ древней Россіи кормленщиками, намѣстниками, волостелями и воеводами.—Выборные старосты и цѣловальники въ глазахъ правительства имѣли значеніе только финансовое.—Начало юридическихъ опредѣленій въ организаціи сельскихъ общинъ.—Уничтоженіе личной отвѣтственности за подати; введеніе круговой поруки.—Мѣры къ юридическому устройству государственныхъ крестьянъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II.—Выдѣлъ удѣльныхъ крестьянъ изъ государственныхъ въ царствованіе Павла I и раздѣленіе послѣднихъ на волости.—Утвержденіе правъ государственныхъ крестьянъ и расширеніе административнаго и юридическаго значенія сельской общины съ начала нынѣшняго столѣтія.—Выступленіе фискальныхъ мѣръ на первый планъ въ царствованіе Александра I-го и Николая I-го.—Примѣненіе порядка управленія удѣльными крестьянами къ казеннымъ въ губерніяхъ с.-петербургской и псковской.—Представленія графа Канкрина распространить этотъ порядокъ и на другія губерніи.—Мысль объ устройствѣ центральнаго управленія государственными имуществами.—Неясность для самихъ законодателей вопроса объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ.

Подъ государственными имуществами въ нашей административной терминологіи разумѣлась та часть государственнаго достоянія, которая служила непосредственнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ (именно: заселенныя и незаселенныя земли, лѣса и оброчныя статьи) и съ этою цѣлью составляла особую спеціальную отрасль администраціи.

Происхожденіе государственныхъ имуществъ у насъ современно образованію частной поземельной собственности.

Происхожденіе государственныхъ имуществъ въ Россіи и дальнѣйшія въ нихъ перемѣны.

Когда князья осѣлись, когда они утвердились окончательно въ извѣстныхъ областяхъ, стала на фактѣ, безъ всякихъ еще юридическихъ опредѣленій, различаться поземельная собственность частныхъ лицъ и учрежденій (духовныхъ) отъ собственности княжеской; затѣмъ, стало развиваться понятіе о томъ, что земли, никому не принадлежащія въ частности, никѣмъ незанятыя, составляютъ собственность государства.

Земли этого рода назывались княжескими, царскими, государевыми.

Государственныхъ имуществъ въ Московской Россіи было нѣсколько видовъ, именно:

дворцовыя имущества, назначавшіяся собственно на содержаніе царскаго двора;

помѣстныя земли, назначавшіяся къ условному владѣнію служилыхъ людей;

волостныя черныя или тяглыя земли,

и наконецъ, порожнія никѣмъ не занятыя земли (мѣста пустыя, лѣса черные, рѣчки и озера дикіе, острова и наволоки пустые, дикіе поля, т.-е. степи).

Дворцовыя имущества управлялись обыкновенно хозяйственнымъ образомъ; изъ нихъ образовались, въ концѣ XVIII столѣтія, такъ называемыя нынѣ, удѣльныя имѣнія.

Изъ помѣстныхъ земель часть была передана или пожалована въ частное владѣніе, а остальныя, въ началѣ XVIII столѣтія, соединены съ вотчинами подъ общимъ названіемъ „недвижимыхъ имуществъ".

На *черныхъ* или тяглыхъ земляхъ искони жили свободные сельскіе жители, подъ условіемъ отбыванія тягла, т.-е. платежа разныхъ податей и исправленія повинностей. Послѣ укрѣпленія крестьянъ часть черныхъ земель мало-по-малу слилась съ дворцовыми, и на ряду съ ними раздавалась въ помѣстья и вотчины (Улож. XVI. 46).

Правило, что земли никому въ частную собственность не принадлежащія составляютъ собственность государства при-

мѣнялось по всѣмъ территоріямъ, присоединяемымъ къ государству. Такимъ образомъ вся Сибирь, въ которой во время присоединенія ея къ Россіи не было частной собственности, степныя пространства на югѣ и юго-востокѣ, были признаны государственнымъ имуществомъ.

Въ Лифляндіи и Курляндіи имущества, принадлежавшія Тевтонскому ордену, съ уничтоженіемъ его, были признаны государственными и это право наслѣдовало русское правительство.

Въ такъ называемыхъ западныхъ губерніяхъ во время господства надъ ними Польши существовали староства и вообще имѣнія, собственникомъ которыхъ считалась республика; эти имѣнія, съ присоединеніемъ тѣхъ губерній къ Имперіи, поступили въ составъ государственныхъ.

Въ XVIII столѣтіи значительная масса государственныхъ имуществъ перешла въ частную собственность соединеніемъ помѣстьевъ съ вотчинами и по всемилостивѣйшимъ пожалованіямъ недвижимыхъ имѣній (большею частью вмѣстѣ съ крестьянами) разнымъ лицамъ; но рядомъ съ этимъ масса государственныхъ имуществъ увеличилась обращеніемъ въ казну имѣній, принадлежавшихъ православному духовенству, и отчасти конфискаціею имѣній у падшихъ вельможъ.

Въ XIX столѣтіи продолжалось отчужденіе государственныхъ имуществъ всемилостивѣйшими пожалованіями незаселенныхъ земель въ частную собственность и перечисленіемъ въ удѣльное вѣдомство; съ другой стороны, въ составъ государственныхъ имуществъ поступили имѣнія, конфискованныя у польскихъ мятежниковъ.

Со временъ Петра I нѣкоторыя изъ государственныхъ имуществъ, какъ напр. горные и соляные промыслы, поступили въ завѣдываніе особаго учрежденія, бергъ-коллегіи, которая потомъ была преобразована въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, а лѣса въ завѣдываніе адмиралтействъ-коллегіи. Съ образованіемъ министерства финансовъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, лѣса (заисключеніемъ корабельныхъ) поступили вмѣстѣ съ государственными крестьянами и казенными землями въ завѣдываніе департамента государственныхъ имуществъ.

Управленіе государственными имуществами сливалось съ управленіемъ черносошныхъ или тяглыхъ людей, или потомъ государственныхъ крестьянъ.

Доходы съ государственныхъ имуществъ и крестьянъ поступали въ общій составъ государственныхъ доходовъ.

Составъ государственныхъ имуществъ ко времени учрежденія особаго министерства.

За всѣми перемѣнами въ составѣ государственныхъ имуществъ, ко времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, масса ихъ оставалась огромная. За исключеніемъ Сибири и Закавказскаго края, а также земель занятыхъ казачьими войсками и военными поселеніями, и земель горнаго вѣдомства, считалось въ европейской Россіи казенныхъ заселенныхъ и незаселенныхъ земель до 87 м. десятинъ и лѣсовъ 119 м. десятинъ.

Происхожденіе государственныхъ крестьянъ.

Крестьяне въ древней Россіи до конца XVI столѣтія составляли, въ юридическомъ отношеніи, одно сословіе и пользовались правомъ свободнаго перехода; но въ то уже время крестьяне, которые жили на земляхъ, принадлежавшихъ Царю, носили названіе *дворцовыхъ* и *тяглыхъ;* послѣднимъ давалось также имя *черныхъ* или *черносошныхъ* крестьянъ.

При укрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, крестьяне дворцовые и черносошные потеряли право свободнаго перехода; въ Уложеніи они уже носятъ названіе государевыхъ крестьянъ.

Со временъ Петра I-го классъ государственныхъ крестьянъ сдѣлался общимъ пріемникомъ всѣхъ сельскихъ жителей, пользовавшихся личною свободою.

Петръ I-й, приравнявъ дворцовыхъ крестьянъ болѣе къ помѣщичьимъ, какъ-бы частную собственность Государя составлявшимъ, черносошнымъ крестьянамъ далъ въ 1714 году названіе *государственныхъ*, и вслѣдъ затѣмъ въ 1724 году отнесъ къ нимъ: однодворцевъ, татаръ ясашныхъ, пашенныхъ сибирскихъ крестьянъ, прежнихъ службъ служилыхъ людей, и *другихъ имъ подобныхъ*, сказано въ указѣ; такимъ образомъ онъ провелъ раздѣльную черту между свободными сельскими обывателями и остальными. Съ тѣхъ поръ и до реформы 19-го февраля 1861 г. классъ государственныхъ крестьянъ сдѣлался общимъ пріемникомъ всѣхъ сельскихъ жителей, по разнымъ случаямъ освобождавшихся изъ владѣльческой зависимости, или пользовавшихся личною свободою въ областяхъ, постепенно

присоединенныхъ къ имперіи. Такимъ образомъ въ составъ государственныхъ крестьянъ поступили крестьяне духовнаго вѣдомства, ленные, солтысы, панцырные бояре, старостинскіе въ западныхъ губерніяхъ, арендные въ остзейскихъ, малороссійскіе казаки, царане, мазылы и рупшаши въ Бессарабіи; свободные хлѣбопашцы (впослѣдствіи государственные крестьяне, живущіе на собственныхъ земляхъ), обязанные крестьяне, ямщики, колонисты, выморочные, конфискованные у польскихъ мятежниковъ, и т. п.

Принадлежность государственныхъ крестьянъ не лицу, а государству; слѣдствіе такого понятія.

Государственные крестьяне могли считаться людьми *свободными* въ томъ смыслѣ, что они сохраняли свою личную независимость, не были укрѣплены *никакому частному лицу;* но они считались *принадлежащими государству*, какъ это показывало и самое названіе ихъ, и то, что они вмѣстѣ съ землями, на которыхъ жили, составляли въ XVIII столѣтіи самый обыкновенный предметъ пожалованія, наградъ за службу или за особыя услуги, оказанныя Монарху и правительству. Такимъ образомъ огромная масса государственныхъ крестьянъ была обращена въ крѣпостное состояніе. Только при Императорѣ Александрѣ I, въ 1801 году, пожалованія населенныхъ казенныхъ имѣній были прекращены, и съ того времени уже не возобновлялись; но значительное число казенныхъ крестьянъ въ царствованіе Императоровъ Александра и Николая было обращено въ военные поселяне, и сверхъ того, при Императорѣ Николаѣ нѣсколько сотъ тысячъ государственныхъ крестьянъ перечислены въ удѣльные; это перечисленіе продолжалось до учрежденія министерства государственныхъ имуществъ.

Крестьянская община; отсутствіе въ ней до конца XVIII столѣтія юридическихъ опредѣленій.

Крестьяне тяглые или черные волостные искони жили общинами семейнаго или патріархальнаго происхожденія, и управлялись своими выборными, а быть можетъ и наслѣдственными, старѣйшинами, подъ именемъ старостъ, сотскихъ и т. п.; но въ этихъ общинахъ не было никакихъ юридическихъ опредѣленій до конца XVIII столѣтія; все внутри ихъ дѣлалось по старинѣ, по обычаю.

Въ княжеской и царской Руси для верховнаго правитель-

ства, которому въ свою очередь были чужды государственныя понятія, и которое носило характеръ вотчинный, общины имѣли только хозяйственное значеніе; правительство знало въ нихъ одно: уплату податей и отправленіе повинностей. Высшее завѣдываніе черными волостями предоставлялось княжескимъ, а потомъ царскимъ слугамъ, *намѣстникамъ* и *волостелямъ*, которымъ принадлежало право судить волостныхъ жителей, собирать съ нихъ пошлины и содержать себя изъ того же источника, или, по выраженію тогдашняго времени, *кормиться*, отчего и правители эти назывались *кормленьщиками*. Кормленьщики, въ свою очередь, управляли волостями не сами непосредственно, а чрезъ своихъ людей, тіуновъ и доводчиковъ. Такая система управленія была страшнымъ гнетомъ для общинъ. Это побудило еще великихъ князей, начиная съ XIV столѣтія, давать многимъ общинамъ *несудимыя* и потомъ *уставныя грамоты;* первыми—общины освобождались отъ суда намѣстниковъ, а вторыми—опредѣлялся размѣръ судныхъ и другихъ пошлинъ и кормовъ, и предоставлялось общинамъ важное право—жаловаться великому князю на его правителей.

Управленіе независимыхъ общинъ въ древней Россіи кормленьщиками, намѣстниками, волостелями и воеводами.

Царь Иванъ IV отставилъ вовсе намѣстниковъ; но къ концу его царствованія они появились вновь; а въ исходѣ XVI вѣка мѣсто ихъ заступили *воеводы*, поставленные во всѣхъ тогдашнихъ городахъ и управлявшіе уже общинами не чрезъ своихъ людей, а съ помощью дьяковъ и приказныхъ, назначавшихся правительствомъ.

И при воеводахъ управа внутри самихъ общинъ производилась выборными старостами и цѣловальниками; но въ глазахъ правительства эти лица имѣли значеніе только финансовое. главною обязанностью ихъ была раскладка податей и повинностей, а главная отвѣтственность—за исправный ихъ взносъ; поэтому правительство предписывало избирать старостъ изъ лучшихъ (т.-е. зажиточнѣйшихъ людей); такимъ образомъ право общинъ избирать своихъ выборныхъ обратилось въ обязанность. Въ Уложеніе не внесено ни одной статьи, относящейся къ администраціи сельскихъ общинъ.

Выборные старосты и цѣловальники въ глазахъ правительства имѣли значеніе только финансовое.

Реформы Петра Великаго не коснулись общественнаго

управленія государственныхъ крестьянъ; въ указахъ этого Государя говорится часто о старостахъ и выборныхъ, но лишь тогда, когда дѣло идетъ о взносѣ податей, объ исполненіи разныхъ повинностей и пр. Выборные эти непосредственно подчинялись провинціальнымъ властямъ, наименованіе и значеніе которыхъ измѣнялось нѣсколько разъ.

Начало юридическихъ опредѣленій въ организаціи сельскихъ общинъ.

Юридическія опредѣленія въ организаціи сельскихъ общинъ высказываются въ первый разъ въ указахъ 12-го октября 1760 года и 6-го іюля 1761 г.; въ первомъ узаконяется выборъ самими крестьянами ихъ старостъ и возлагается на нихъ защита крестьянъ отъ обидъ и всякія за нихъ ходатайства; во второмъ узаконяется мірской сходъ и дается ему право разбирать взаимныя ссоры своихъ членовъ, избирать повѣренныхъ, установлять рекрутскія очереди и проч. Но вскорѣ затѣмъ, указомъ 1769 г. мая 19-го, повелѣно: „въ случаѣ неуплаты крестьянами въ годовой срокъ подушной недоимки, забирать въ города старостъ и выборныхъ, держать подъ карауломъ, употреблять ихъ въ тяжкія городовыя работы безъ платежа заработныхъ денегъ, доколѣ вся недоимка заплачена не будетъ“.

Уничтоженіе личной отвѣтственности за подати; введеніе круговой поруки.

Этотъ, можно сказать, жестокій указъ, проникнутый безпощаднымъ фискальнымъ духомъ, имѣлъ огромныя послѣдствія для экономическаго быта государственныхъ крестьянъ: онъ уничтожилъ личную отвѣтственность плательщика за подать, ввелъ круговую поруку, обратилъ сельскія свободныя общины въ податныя единицы, а податной системѣ придавалъ значеніе постоянной контрибуціи.

Мѣры къ юридическому устройству государственныхъ крестьянъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Замѣчательно, что этотъ указъ явился въ первые годы царствованія Екатерины II-й, когда она находилась вполнѣ подъ обаяніемъ либеральныхъ идей XVIII вѣка; съ другой стороны, несмотря на сохраненіе силы этого указа даже до послѣднихъ временъ, въ царствованіе Екатерины II законодательство внесло весьма важные и существенные элементы въ юридическія отношенія государственныхъ крестьянъ. Такъ, Учрежденіе о губерніяхъ поставило государственныхъ крестьянъ разныхъ наименованій въ зависимость отъ казенныхъ па-

латъ, даровало имъ право участвовать, посредствомъ своихъ депутатовъ, въ составѣ общихъ судебныхъ мѣстъ и сверхъ того имѣть собственные свои суды, подъ именемъ *Нижней* и *Верхней расправъ*, въ которыхъ председатели назначались отъ короны, а засѣдатели или члены—отъ сельскихъ общинъ. Самымъ важнымъ послѣдствіемъ Учрежденія о губерніяхъ было для государственныхъ крестьянъ развитіе ихъ личныхъ правъ, постановленіемъ о томъ, что они *не могутъ быть наказываемы иначе, какъ по приговору суда* (указъ 1779, октября 3).

Не менѣе замѣчательными памятниками заботъ Императрицы объ устройствѣ сельскихъ общинъ служатъ изданные въ 1787 году „Учрежденіе сельскаго порядка въ казенныхъ селеніяхъ Екатеринославскаго намѣстничества“ и указъ 1790 года о составленіи волостей въ Ярославской и Вологодской губерніяхъ. Въ первомъ сельскому обществу дано значеніе юридическаго лица и выказалось стремленіе всѣ внутреннія и внѣшнія его отношенія основать на опредѣленіяхъ закона; въ составѣ общинной администраціи, основанной на выборномъ началѣ, проведено, съ замѣчательною послѣдовательностію, начало раздѣленія властей: наблюдательной, исполнительной и судной; начало фискальное занимало въ „Учрежденіи“ второстепенное мѣсто.

Указъ 1790 года, марта 2-го, былъ данъ на имя генералъ-губернатора Кашкина, относился къ раздѣленію государственныхъ крестьянъ на волости и, какъ историческій памятникъ, важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ есть ссылки на *предположенія* самой Государыни о *сельскомъ устройствѣ*. Въ чемъ состояли эти „предположенія“, равно какъ и „Высочайшіе экономическіе пункты“, на которыхъ было основано учрежденіе 1787 года, намъ неизвѣстно; но все это служитъ доказательствомъ, что юридическое устройство государственныхъ крестьянъ стояло въ ряду государственныхъ вопросовъ, занимавшихъ вниманіе Императрицы. Это еще болѣе подтверждается проектомъ грамоты, которую Екатерина II-я намѣревалась дать сельскому свободному сословію для упроченія его

гражданскихъ правъ, подобно тому, какъ были даны грамоты дворянству и горожанамъ.

Выдѣлъ удѣльныхъ крестьянъ изъ государственныхъ въ царствованіе Павла I и раздѣленіе послѣднихъ на волости.

Въ началѣ царствованія Павла были учреждены на содержаніе Императорской фамиліи удѣльныя имѣнія, въ составъ которыхъ отчислены прежнія дворцовыя имѣнія и крестьяне, со времени учрежденія о губерніяхъ не различавшіеся ни въ чемъ отъ казенныхъ или государственныхъ; удѣльныя имѣнія и населявшіе ихъ крестьяне поставлены были въ разрядъ помѣщичьихъ [1]). Въ то же почти время были учреждены командорственныя имѣнія, также изъ государственныхъ, по ордену Іоанна Іерусалимскаго. Вслѣдъ за тѣмъ, издано было Положеніе о раздѣленіи казенныхъ селеній на волости и о порядкѣ внутренняго ихъ управленія. Въ каждой волости учреждалось волостное правленіе изъ волостнаго головы, выборнаго и писаря; въ каждомъ селеніи или деревнѣ положено имѣть сельскаго или деревенскаго выборнаго; всѣ эти лица избирались обществомъ.

Въ Положеніи излагались подробности правъ и обязанностей волостнаго правленія и лицъ, его составляющихъ. Взысканіе податей возложено было на волостнаго голову; ему же предоставлялось право суда и расправы въ маловажныхъ ссорахъ и искахъ, а равно опека надъ вдовами, сиротами, лѣнивыми и юродивыми. Голова долженъ былъ давать ежегодно отчетъ крестьянамъ или мірскому сходу въ собираемыхъ деньгахъ.

Утвержденіе правъ государственныхъ крестьянъ и расширеніе административнаго и юридическаго значенія сельской общины съ начала нынѣшняго столѣтія.

Съ начала нынѣшняго столѣтія постепенно утверждались права государственныхъ крестьянъ и расширялось административное и юридическое значеніе сельской общины.

Такимъ образомъ въ 1801 году государственнымъ крестьянамъ дано право пріобрѣтать недвижимую собственность; въ 1805 году установленъ составъ мірскаго схода только изъ домохозяевъ, и опредѣлены условія законности его приговоровъ; въ 1811 и 1812 годахъ предоставлено мірскому сходу право суда между крестьянами въ маловажныхъ преступленіяхъ, право увольнять своихъ членовъ изъ общества и обратно.

---

[1]) 1797 апрѣля 5-го (П. С. 17906) § 5.

Какъ ни важны эти законодательныя мѣры, но онѣ издавались, за исключеніемъ первой, въ разрѣшеніе частныхъ случаевъ и не были связаны одною идеею.

Выступленіе фискальныхъ мѣръ на первый планъ въ царствованіе Александра I и Николая I.

Мы уже замѣтили, что мысль—дать полное юридическое устройство государственнымъ крестьянамъ, занимала Императрицу Екатерину II; осуществленіе той же самой мысли было обѣщано Императоромъ Александромъ I, въ манифестѣ 1810 года февраля 2-го; но вскорѣ затѣмъ дѣла внѣшней политики отвлекли къ себѣ все вниманіе его, и подъ вліяніемъ ихъ, непосредственныя государственныя нужды, средства финансовыя, опять явились на первомъ планѣ административной и законодательной дѣятельности и отдалили на неопредѣленное время осуществленіе мѣръ попечительныхъ. Этимъ-то и объясняется подтвержденіе въ 1811 году силы указа 1769 года, по которому исправность взноса податей и недоимокъ государственными крестьянами возлагалась на отвѣтственность цѣлаго селенія и лично на выборныхъ.

Примѣненіе порядка управленія удѣльными крестьянами къ казеннымъ, въ губерніяхъ с.-петербургской и псковской.

Подъ вліяніемъ того же, т.-е. финансоваго или казеннаго начала, изданы были въ началѣ царствованія Императора Николая, два, касающіеся сельскихъ общинъ, закона: а) о примѣненіи порядка управленія удѣльными крестьянами къ казеннымъ въ губерніяхъ: с.-петербургской и псковской 1826 г. и б) положеніе 1833 г. о взысканіи съ государственныхъ крестьянъ податей и недоимокъ. Первое распоряженіе было сдѣлано по вчинанію графа Канкрина, который, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность министра финансовъ, представлялъ Государственному Совѣту въ ноябрѣ 1825 г. слѣдующее:

„Неудобства нынѣшняго управленія казенными крестьянами столь извѣстны, что не требуютъ дальнѣйшаго изъясненія. Недостатокъ ближайшаго *надзора и защиты*, между прочимъ, есть причиною, что благосостояніе крестьянъ упадаетъ, и число недоимокъ, на нихъ лежащихъ, умножается“.

...„Онъ, министръ финансовъ, занимался улучшеніемъ участи казенныхъ крестьянъ разными частными исправленіями, не упускалъ изъ вида и надлежащихъ общихъ о томъ соображеженій; почему для предварительнаго устройства казенныхъ

крестьянъ независимо отъ того, что относится собственно къ гражданскимъ ихъ правамъ, изготовленъ былъ проектъ новой организаціи, которую предполагалось ввести временно до изданія полнаго для нихъ кодекса; но замѣтивъ, что разсмотрѣніе сего проекта потребовало бы много времени и особенно, что безъ предварительныхъ опытовъ едва-ли удобно приступать къ какой-либо общей и рѣшительной мѣрѣ, онъ остановился на той мысли, чтобы сперва въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, различествующихъ мѣстными обстоятельствами, сдѣлать опытъ *распространеніемъ на казенныхъ крестьянъ порядка для удѣльныхъ установленнаго,* предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ казеннымъ палатамъ нужные способы, состоящіе въ преобразованіи хозяйственныхъ отдѣленій и въ учрежденіи соразмѣрнаго числа окружныхъ хозяйственныхъ управленій, подобно отдѣленіямъ удѣльныхъ конторъ, съ предоставленіемъ земской полиціи, по казеннымъ имѣніямъ, однихъ слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ. Окружныя управленія считались необходимыми потому, что казенныя палаты, безъ ближайшаго мѣстнаго надзора, никоимъ образомъ не могли бы успѣшно дѣйствовать чрезъ одни волостныя правленія".

Цѣль предположенной гр. Канкринымъ мѣры была исключительно фискальная: окружныя правленія обязаны были, подъ собственною отвѣтственностію, *радѣть сами* (безъ всякаго участія земской полиціи) о бездоимочномъ сборѣ податей и исправномъ отбываніи повинностей.

Департаментъ Экономіи Государственнаго Совѣта, разсмотрѣвъ планъ министра финансовъ, „затруднился принять его, не находя для себя достаточнаго удостовѣренія, чтобы можно было улучшить состояніе казенныхъ крестьянъ посредствомъ одного токмо введенія между ними порядка управленія удѣльными крестьянами, о пользѣ коего судить нельзя, по неизвѣстности перемѣнъ и дополненій, какія послѣ изданія удѣльнаго положенія въ теченіе 17-ти лѣтъ были".

Дѣло это не было еще внесено въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, когда министръ финансовъ сообщилъ государственному секретарю, что Государь Императоръ, по

прочтеніи копіи съ изложеннаго выше представленія его министра въ Государственный Совѣтъ, повелѣлъ: управленіе казенныхъ крестьянъ на предположенномъ основаніи ввести для опыта въ губерніяхъ с.-петербургской и псковской.

Новый порядокъ управленія казенными крестьянами въ послѣднихъ двухъ губерніяхъ, по свидѣтельству самого Канкрина, былъ принятъ неодобрительно лицами земской полиціи, которые видѣли въ немъ „ограниченіе ихъ власти и разрушеніе полицейскаго устройства губерніи". Губернаторы возражали, что такой порядокъ „сдѣлалъ стѣсненіе въ обязанностяхъ, сопряженныхъ съ званіемъ начальниковъ губерній" [1]).

Представленія графа Канкрина распространить этотъ порядокъ и на другія губерніи.

Но эти возраженія, происходившія, какъ очевидно, не совсѣмъ изъ чистыхъ побужденій, не остановили гр. Канкрина и онъ въ 1834 году (мая 11-го) внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе „о распространеніи на 10 губерній особаго управленія казенными крестьянами".

„Опыты, писалъ онъ, сдѣланные въ двухъ губерніяхъ, доказали, что введенная въ оныхъ система не токмо не представила какихъ-либо неудобствъ, но въ существѣ значительно улучшила положеніе крестьянъ и содѣйствовала къ лучшему взысканію податей въ упомянутыхъ губерніяхъ. Почему не подлежитъ сомнѣнію, что распространеніе сей системы на другія губерніи полезно".

„Распространяемое нынѣ на другія губерніи управленіе казенными крестьянами принимаетъ онъ, министръ, не въ видѣ временнаго или переходнаго, а какъ основаніе новаго порядка вещей, которое впослѣдствіи можетъ быть исправлено, улучшено или преобразовано".

„Онъ полагаетъ ограничиться устройствомъ однихъ окружныхъ управленій; совершенное преобразованіе департамента государственныхъ имуществъ и новое устройство хозяйственныхъ отдѣленій казенныхъ палатъ, представляется необходимо нужнымъ, только исполненіе должно быть постепенное".

---

[1]) См. представленіе министра финансовъ въ Государственный Совѣтъ 1834 г., мая 11 № 579.

„Что касается внутренняго устройства казенныхъ крестьянъ, относительно земель, податей, и проч., то нельзя приступить къ составленію полныхъ правилъ прежде, нежели устроено будетъ самое управленіе и будутъ успѣхи въ приготовительныхъ занятіяхъ по части земель, въ заключеніи департамента изложенныхъ“.

Государственный Совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ Законовъ и Экономіи и въ Общемъ Собраніи разсуждалъ, что „съ давняго времени прочное устройство управленія казенныхъ крестьянъ было предметомъ особыхъ попеченій правительства; предположенія о семъ были разнообразны, но коренная въ нихъ мысль была одна и таже: *преобразованіе настоящей системы податей на лучшихъ и уравнительныхъ началахъ.* Смыслъ введеннаго въ двухъ губерніяхъ въ 1826 г. особаго управленія состоялъ не въ томъ, чтобы быть ему рѣшительно образцовымъ, но чтобы посредствомъ его приготовить, въ сихъ самыхъ губерніяхъ, способъ ко введенію другого прочнаго казенныхъ крестьянъ управленія, устроеннаго для преобразованія податной системы.

„Для достиженія этого необходимо прежде всего поземельное устройство крестьянъ. Но изъ представленія министра финансовъ не видно, чтобъ это дѣло, столь обширное и многосложное, было окончено или даже и предпринято; дѣло это оставлено безъ исполненія и слѣдовательно первая и главная цѣль учрежденія не достигнута“.

Не приводя здѣсь дальнѣйшихъ разсужденій Государственнаго Совѣта, ограничимся указаніемъ на то, что онъ предполагалъ: для приспособленія управленія казенными крестьянами къ главной его цѣли, отдѣлить отъ хозяйственныхъ отдѣленій казенныхъ палатъ всѣ дѣла по завѣдыванію казенными крестьянами; ввѣрить эту часть, подъ названіемъ „временнаго отдѣленія по управленію казенныхъ крестьянъ“, особому лицу подъ именемъ „управляющаго“, а для исполненія на мѣстахъ распоряженій сего отдѣленія и палаты, придать ему потребное число помощниковъ и землемѣровъ. На это отдѣленіе возложить хозяйственное устройство казенныхъ селеній (привести

въ извѣстность количество и качество земель, лѣсовъ и прочихъ угодій, промыслы и занятія крестьянъ), разграничить селенія въ земляхъ и проч. Къ симъ главнымъ обязанностямъ можно присовокупить: наблюденіе за исправнымъ поступленіемъ податей, за уравнительностію натуральныхъ повинностей, за содержаніемъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, и т. п".

Въ заключеніе Государственный Совѣтъ полагалъ: 1) предоставить министру финансовъ составить на вышеизложенныхъ основаніяхъ проектъ новаго временнаго управленія казенными крестьянами и внести его въ свое время въ Государственный Совѣтъ на разсмотрѣніе; 2) заняться изготовленіемъ проекта полнаго законоположенія объ управленіи казенными имуществами и изложить основанія, на коихъ должна быть введена сообразная съ намѣреніемъ правительства податная система.

Графъ Канкринъ не соглашался съ этимъ мнѣніемъ: онъ считалъ неудобнымъ учрежденіе временныхъ отдѣленій при казенныхъ палатахъ и вообще признавалъ также неудобнымъ и на будущее время отдѣлять дѣла казенныхъ крестьянъ отъ казенныхъ палатъ; онъ оставался при своей мысли объ учрежденіи окружныхъ управленій; но прежде всего, онъ думалъ приступить къ преобразованію департамента государственныхъ имуществъ.

Мысль объ устройствѣ центральнаго управленія государственными имуществами.

Государственный Совѣтъ остался при своемъ мнѣніи, высказавъ однако въ немъ, что предположеніе объ *устройствѣ центральнаго управленія государственныхъ имуществъ* онъ считаетъ весьма уважительнымъ и даже необходимымъ [1]).

Государь утвердилъ мнѣніе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта 4-го августа 1834 года.

Такое рѣшеніе Государя показываетъ, что Онъ не признавалъ удовлетворительнымъ введенный въ двухъ губерніяхъ порядокъ, къ которому Онъ сначала отнесся такъ сочувственно; что теперь Онъ уже не довѣрялъ вполнѣ, по крайней мѣрѣ въ этомъ

---

[1]) Въ пояснительной къ сему мнѣнію запискѣ государственнаго секретаря 10-го сентября 1834 г. упоминается, что предполагаемое новое управленіе имѣетъ въ виду преобразованіе податной системы и въ тоже время улучшеніе настоящаго положенія поселянъ.

дѣлѣ, графу Канкрину, какъ то было 8 лѣтъ назадъ, и не разсчитывалъ на него въ разрѣшеніи важнаго вопроса объ устройствѣ управленія казенныхъ крестьянъ.

Неясность для самихъ законадателей вопроса объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время для самихъ законодателей этотъ вопросъ представлялся не совершенно яснымъ; ища его разрѣшенія, правительство дѣлало относившіяся до государственныхъ крестьянъ распоряженія, противорѣчившія въ началахъ своихъ одно другому.

Императрица Екатерина II-я, думавшая утвердить грамотою гражданскую полноправность за государственными крестьянами, въ тоже время обращала десятки и сотни тысячъ ихъ въ крѣпостное состояніе, раздачею населенныхъ имѣній своимъ любимцамъ.

Императоръ Александръ I-й прекратилъ такой способъ пожалованія, закрылъ путь обращенія государственныхъ крестьянъ въ крѣпостное состояніе, даровалъ имъ право владѣть недвижимою собственностью какъ полноправнымъ гражданамъ, утвердилъ основы общиннаго у нихъ управленія, обѣщалъ торжественно дать полное имъ юридическое устройство, и вскорѣ затѣмъ обратилъ десятки тысячъ государственныхъ крестьянъ въ состояніе военныхъ поселянъ, которое было едва ли не хуже крѣпостнаго, и поддержаніе котораго потребовало многихъ кровавыхъ жертвъ.

Наконецъ Императоръ Николай также обратилъ нѣсколько казенныхъ селеній въ военные поселяне [1]), и болѣе 300 т. душъ государственныхъ крестьянъ въ удѣльные.

Первая мѣра была принята по личному распоряженію Императора, а вторая шла чрезъ министра финансовъ и чрезъ Государственный Совѣтъ. Но ни министръ, ни Государственный Совѣтъ во всемъ своемъ составѣ не встрѣтили никакого препятствія къ перемѣщенію людей изъ свободнаго сословія въ полукрѣпостное; ни одинъ голосъ не раздался въ защиту того принципа здравой политики, что можно и даже должно безправнымъ давать гражданскія права, но не на оборотъ.

По понятіямъ тогдашняго правительства, государственные

---

[1]) Высоч. пов. министру финансовъ 1829. Марта 16. П. С. З. 2739.

крестьяне пока носили это названіе были людьми свободными, т.-е. никому въ личную собственность не принадлежавшими; но они принадлежали, были крѣпки казнѣ, государству, которое, въ силу этого, могло ими распоряжаться, давать имъ то или другое назначеніе, за исключеніемъ только прикрѣпленія лицу [1]). Этимъ объясняется замѣченное выше отсутствіе какой либо мысли о несправедливости обращенія государственныхъ крестьянъ въ военные поселяне и въ удѣльные крестьяне. Отсюда вытекало другое понятіе, что государство, какъ владѣлецъ казенныхъ крестьянъ, могло заботиться объ ихъ благосостояніи на столько, на сколько побуждали къ тому матеріальныя выгоды казны, фискальные интересы. Государственный Совѣтъ высказалъ это ясно въ 1834 году, говоря, что коренная мысль всѣхъ предположеній о прочномъ устройствѣ управленія государственныхъ крестьянъ была одна и таже: преобразованіе системы податей на лучшихъ уравнительныхъ началахъ.

Правда, графъ Канкринъ въ 1825 году указывалъ на отсутствіе у государственныхъ крестьянъ ближайшаго *надзора* и *защиты*; но указывалъ это потому, что количество недоимокъ, на нихъ лежащихъ, умножается.

---

[1]) Либеральнѣйшій изъ тогдашнихъ государственныхъ людей, Сперанскій, высказывалъ положительно подобный взглядъ на казенныхъ крестьянъ.

ГЛАВА XXVII.

1837 годъ.

Занятія Киселева въ 1837 году.—Положеніе государственныхъ имуществъ и крестьянъ передъ реформою.—Программа преобразованія управленія государственныхъ имуществъ.—Противоположные въ публикѣ взгляды на готовившуюся реформу.—Слухи въ народѣ о готовившихся преобразованіяхъ.—Проекты учрежденій и уставовъ; порядокъ ихъ составленія.—Предварительное представленіе Государю проектовъ учрежденій, порядка ихъ введенія и предположенія о льготахъ для крестьянъ.—Письмо Киселева Государю и отвѣтъ Его Величества.—Представленіе проектовъ въ Государственный Совѣтъ и разсмотрѣніе ихъ тамъ.—Обстоятельство, случившееся при утвержденіи Государемъ проектовъ.—Что было новаго въ проектахъ, проведенныхъ Киселевымъ.

Занятія Киселева въ 1837 году.

До конца 1837 года Киселевъ оставался въ Петербургѣ и все время посвящалъ на изученіе положенія государственныхъ крестьянъ и имуществъ, на установленіе подробной программы преобразованія управленія ихъ и на составленіе проектовъ самаго преобразованія.

„Приступая къ дѣлу столь обширному по самому существу своему и столь важному по вліянію на многочисленнѣйшій классъ народа, говорилъ Киселевъ, надлежало предварительно обратиться къ указаніямъ прошедшаго времени, вникнуть въ подробности настоящаго порядка, раскрыть удобства его и недостатки, разсмотрѣть бывшіе въ виду правительства проекты

объ улучшеніи, и затѣмъ изъ совокупнаго соображенія разнородныхъ данныхъ выведя главныя начала, основать на нихъ мѣры будущаго благоустройства государственныхъ крестьянъ и имуществъ".

Въ этой постепенности, въ особой запискѣ, представленной Киселевымъ Государственному Совѣту, подъ заглавіемъ: „Изложеніе главныхъ основаній преобразованія управленія государственными крестьянами и имуществами" были изложены: 1) историческое обозрѣніе законодательства въ отношеніи государственныхъ крестьянъ и имуществъ; 2) настоящее положеніе ихъ и причины, препятствовавшія развитію ихъ благоустройства; 3) бывшія въ виду правительства объ улучшеніи сей части предположенія; 4) окончательныя мѣры, предполагаемыя для преобразованія управленія и устройства государственныхъ крестьянъ и имуществъ.

Выше мы представили очеркъ исторіи государственныхъ имуществъ и крестьянъ, и предположенія о преобразованіи управленія ими; теперь укажемъ на то положеніе, въ которомъ они находились передъ реформою 1838 г.

Положеніе государственныхъ имуществъ и крестьянъ передъ реформою.

Центральное управленіе государственными имуществами и крестьянами сосредоточивалось по министерству финансовъ, въ департаментѣ государственныхъ имуществъ, въ одномъ отдѣленіи котораго вѣдались дѣла губерній великороссійскихъ, малороссійскихъ, новороссійскихъ и Сибири; въ другомъ—дѣла западныхъ и остзейскихъ губерній; третье отдѣленіе завѣдывало всѣми казенными лѣсами. Дѣла судебныя и счетныя вѣдались особыми отдѣленіями.

Губернское управленіе возложено было на хозяйственное отдѣленіе казенной палаты, состоявшее изъ одного совѣтника; весь кругъ дѣйствій этого отдѣленія ограничивался разрѣшеніемъ просьбъ крестьянъ о надѣленіи землями и о переселеніи и разсмотрѣніемъ тяжебныхъ дѣлъ, присылаемыхъ на заключеніе изъ гражданской палаты. Совѣтникъ, управлявшій этимъ отдѣленіемъ былъ занятъ и другими дѣлами палаты, именно: ревизскими, рекрутскими, гильдейскими, по народному продовольствію и т. п. Предсѣдатель казенной палаты,

вице-губернаторъ (завѣдывавшій 5 или 6 отдѣленіями и озабоченный преимущественно дѣлами по собиранію доходовъ), не имѣлъ времени ни объѣзжать казенныя селенія, ни даже обращать особое вниманіе на дѣйствіе хозяйственнаго отдѣленія. При такомъ положеніи не могло быть мѣста никакой заботливости о защитѣ крестьянъ, объ улучшеніи ихъ нравственнаго и экономическаго положенія.

Завѣдываніе лѣсами лежало также на одномъ изъ отдѣленій казенныхъ палатъ, которое въ организаціи своей представляло тѣже недостатки, какъ и хозяйственное отдѣленіе.

Въ уѣздахъ не было особаго управленія надъ государственными крестьянами и имуществами (за исключеніемъ лѣсовъ); но волостныя правленія обязаны были исполнять требованія земскихъ судовъ. Послѣдніе не находились въ прямой зависимости отъ казенныхъ палатъ; они подчинялись губернскимъ правленіямъ; ихъ главная обязанность была—общая въ уѣздѣ полиція, и затѣмъ, какъ дополненіе, на нихъ въ отношеніи государственныхъ крестьянъ возлагались мѣры по взысканію податей и въ особенности недоимокъ, и по исполненію крестьянами разныхъ натуральныхъ повинностей. Члены земскихъ судовъ, завися отъ избранія дворянъ, были расположены дѣйствовать всегда въ пользу помѣщиковъ и въ противоположность пользамъ государственныхъ крестьянъ и казны.

Въ волостныхъ правленіяхъ начальствующее лицо было волостной голова, на которомъ лежала главная обязанность по взысканію податей. Волостному правленію предоставлено было разбирать дѣла по спорамъ крестьянъ и о маловажныхъ проступкахъ; но въ первомъ случаѣ приговоръ его не имѣлъ обязательной силы и потому разбирательство было только безполезнымъ обрядомъ, не освобождавшимъ крестьянъ отъ разбирательства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. По дѣламъ о проступкахъ, законъ, предоставляя рѣшеніе ихъ волостному, на мірскомъ сходѣ, головѣ, не опредѣлялъ степени участія послѣдняго; поэтому наказаніе назначалось иногда по приговору волостнаго головы и тогда мірской сходъ замѣнялъ мѣсто простаго свидѣтеля, котораго присутствіе было не столько по-

лезно, сколько вредно, отвлекая крестьянъ отъ ихъ обычныхъ занятій; когда же власть суда присвоялась сходу, неограниченному въ родѣ и мѣрѣ наказаній никакимъ закономъ, тогда являлись приговоры столь же беззаконные какъ и безнравственные, напр. наложеніе штрафа въ нѣсколько ведеръ вина и т. п.

Сельское управленіе было въ полномъ разстройствѣ. Древняя естественная связь сельскихъ обществъ, основанная на общественной землѣ, была нарушена изъ разныхъ фискальныхъ цѣлей; такъ для взиманія податей крестьяне разныхъ мелкихъ селеній, владѣвшихъ землею въ разныхъ дачахъ и въ разномъ количествѣ, соединялись въ одно податное общество въ 300—500 д.; а селенія многолюдныя, раздѣлялись каждое на двѣ и болѣе податныя единицы; для отбыванія рекрутской повинности крестьяне дѣлились на участки въ 1,000 душъ; для ссыпки хлѣба въ запасные магазины были другія дѣленія; для отбыванія дорожной повинности иныя и т. д. Дѣленіе крестьянъ на два, иногда на три и болѣе состава подчиняло ихъ дѣйствію разныхъ властей, увеличивало мірскіе расходы на ихъ содержаніе, разрушало необходимое единство въ дѣйствіяхъ управленія.

Разнородное образованіе крестьянскихъ обществъ соединялось еще съ неудобнымъ порядкомъ мірскихъ сходовъ; на нихъ собирались всѣ домохозяева, и потому въ многолюдныхъ селеніяхъ на сходъ являлись сотни человѣкъ. Нельзя было ожидать порядка отъ подобной толпы, которая по самому своему многогласію, не только не въ состояніи была дать справедливое рѣшеніе дѣлу, но даже понять, даже услышать, въ чемъ оно состоитъ. Дѣла обыкновенно рѣшались подъ вліяніемъ нѣсколькихъ бойкихъ и своекорыстныхъ крестьянъ, которыхъ народъ мѣтко охарактеризовалъ именемъ *міроѣдовъ*. Для сходовъ не было опредѣлено времени и потому встрѣчались примѣры, что сходы сзывались часто по сдѣлкѣ головы или старшины съ винопродавцемъ, для привлеченія народа къ питейному дому.

Управленіе въ сельскихъ обществахъ составляли: староста, который былъ и *сборщикомъ податей*, смотритель магазина,

или *сборщикъ хлѣбныхъ запасовъ*, рекрутскій староста обязанный *сборомъ и сдачею рекрутъ*, и сотскіе, распоряжавшіеся *нарядомъ* подводъ и людей для разныхъ натуральныхъ повинностей. Такимъ образомъ, все сельское начальство у 20 мил. населенія, состояло изъ сборщиковъ; крестьяне переходили отъ одного сборщика къ другому, не имѣя въ цѣломъ составѣ сельскаго управленія никого, кто бы по праву и обязанности, могъ оградить ихъ отъ неправильныхъ и безотчетныхъ требованій сборщиковъ. Злоупотребленія и поборы въ казенныхъ селеніяхъ были повсемѣстны; міроѣды управляли въ нихъ всѣми дѣлами общественными.

И надъ всѣмъ этимъ хаосомъ не было никакой правительственной власти надзирающей или покровительствующей; была только власть требовательная, которая для сельскихъ обществъ сосредоточивалась въ земскомъ судѣ, или ближе въ рукахъ земскаго исправника; онъ распоряжался взысканіемъ податей или недоимокъ и, по тогдашнему выраженію, *высѣкалъ* ихъ, или давалъ за извѣстное приношеніе отсрочку. Исправникъ же распоряжался исполненіемъ крестьянами натуральныхъ повинностей: по устройству дорогъ, расквартированію войскъ, нарядомъ подводъ для нихъ и т. п.; понятно, что при зависимости этого лица отъ выбора дворянъ и принадлежности его самого къ этому сословію, всѣ натуральныя повинности ложились, главнымъ образомъ, на государственныхъ крестьянъ въ облегченіе помѣщичьихъ.

Въ западныхъ и остзейскихъ губерніяхъ казенныя населенныя имѣнія состояли на хозяйственномъ положеніи, т.-е. одни отдавались вмѣстѣ съ казенными крестьянами въ аренду съ публичныхъ торговъ; другія были въ управленіи чиновниковъ по должностямъ, занимаемымъ ими въ государственной службѣ или по пожалованіямъ и привилегіямъ; наконецъ, третьи отдавались въ администрацію частныхъ лицъ, отчетную или безотчетную. Во всѣхъ этихъ имѣніяхъ древнія общественныя учрежденія были уничтожены, и все управленіе крестьянами было въ рукахъ арендаторовъ и другихъ временныхъ владѣльцевъ.

Отсутствіе всякой покровительственной власти надъ народомъ, погруженнымъ въ невѣжество, способствовало распространенію въ немъ зла, разстраивавшаго моральное и физическое состояніе, именно: пьянства. Откупщики, покровительствуемые казною, съ своими кабаками устремлялись преимущественно въ казенныя селенія, такъ какъ селенія помѣщичьи, болѣе или менѣе успѣшно ограждались владѣльцами ихъ, а удѣльныя— ихъ управленіемъ. Въ 1837 году въ 15 великорусскихъ губерніяхъ (владимірской, вологодской, воронежской, калужской, костромской, курской, московской, нижегородской, орловской, псковской, пермской, рязанской, смоленской, тверской и тамбовской) на 3.078,155 душъ государственныхъ крестьянъ было 4,387 кабаковъ, или 1 на 701 душу, тогда какъ въ тѣхъ же губерніяхъ, въ помѣщичьихъ селеніяхъ на 4.882,051 душу, было только 1,836 кабаковъ, или 1 на 2,691 душу.

Въ селеніяхъ помѣщичьихъ владѣльцы болѣе или менѣе противились вторженію къ нимъ кабаковъ и наблюдали даже за потребленіемъ вина крестьянами; въ казенныхъ селеніяхъ, напротивъ, всѣ власти подкупаемыя откупщиками оказывали всякое имъ содѣйствіе; доходило до того, что мірскіе сходы начинали и оканчивали свои дѣла пьянствомъ.

Въ губерніяхъ, такъ называвшихся тогда привилегированныхъ, гдѣ откупъ дѣйствовалъ только въ городахъ и казенныхъ селеніяхъ, и гдѣ онъ встрѣчалъ соперничество частныхъ винныхъ заводчиковъ, откупщики обязательно заставляли казенныхъ крестьянъ брать у нихъ извѣстное количество вина на дворъ, или облагали ихъ платежемъ съ души за дозволеніе покупать вино гдѣ имъ вздумается. Если крестьяне не соглашались, то со стороны откупа являлись преслѣдованія за корчемство и крестьяне всегда обвинялись и наказывались. Въ центральныхъ губерніяхъ откупщики соблазняли крестьянъ пьянствовать, въ привилегированныхъ губерніяхъ заставляли насильно.

Государственнымъ крестьянамъ предоставлены были права личныя, по имуществамъ и договорамъ. По общему опредѣ-

ленію въ Сводѣ Законовъ, эти крестьяне составляли свободное сельское сословіе; но самобытность этого сословія не была утверждена закономъ, и потому въ случаѣ перехода государственныхъ крестьянъ въ распоряженіе другаго вѣдомства (какъ напр. въ удѣльное или военныя поселенія), или частнаго лица, они естественно должны были терять и право собственности на пріобрѣтенныя земли, и право личное, хотя на основаніи законовъ самое крѣпостное состояніе единожды прекратившееся никогда уже не возстановляется.

Въ огражденіи чести государственныхъ крестьянъ, законъ, основываясь на Уложеніи, сравнивалъ ихъ съ помѣщичьими крестьянами, неимѣвшими никакого гражданскаго состоянія, но въ тоже время открывалъ имъ путь для образованія себя въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Государственные крестьяне были обложены разными податями, взимавшимися по подушной системѣ. Неудобства этой системы оказались вскорѣ по введеніи ея, обнаружившись въ накопленіи огромныхъ недоимокъ, которыя, не смотря на безпрестанныя прощенія въ продолженіи столѣтія, постоянно возрастали и при снисхожденіи и при строгости правильства. Главный недостатокъ подушной системы есть несоразмѣрность налога съ доходами отъ земли. Раздѣленіе губерній на классы въ отношеніи окладовъ податей не уменьшало затрудненій. Съ 1826 по 1836 гг. сложено недоимокъ съ государственныхъ крестьянъ на 66.980,537 р. асс., и, при всемъ томъ, въ недоборѣ податей и другихъ сборовъ и взысканій осталось къ 1836 году 63.636,286 р. асс.

Земскія повинности денежныя, представляли тѣже неудобства; наибольшее неустройство и безпорядокъ были присущи частнымъ сборамъ на мірскіе расходы, которые не имѣли опредѣлительнаго положенія, зависѣли отъ произвола общества и служили поводомъ къ злоупотребленіямъ со стороны ближайшихъ сельскихъ властей.

Какъ примѣръ печальнаго положенія государственныхъ крестьянъ въ отношеніи отправленія денежныхъ повинностей, достаточно привести слѣдующія любопытныя данныя, отно-

сившіяся къ полтавской губерніи, изъ записки бывшаго тамъ губернскаго предводителя дворянства, впослѣдствіи сенатора, Капниста, представленной имъ, въ декабрѣ 1841 года, управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графу Строганову.

Изъ записки этой видно, что хотя съ 1815 по 1831 годъ, по Высочайшимъ манифестамъ и другимъ Высочайшимъ повелѣніямъ, въ разное время сложено было съ государственныхъ крестьянъ и казаковъ полтавской губерніи 16½ мил. р. податной недоимки, однако, несмотря на то, къ 1839 году, ко времени открытія полтавской палаты государственныхъ имуществъ, числилось недоимки на казакахъ и казенныхъ поселянахъ этой губерніи 5.536,070 р.

Описывая печальное положеніе государственныхъ крестьянъ, особенно, въ періодъ съ 1821 г. по 1838 годъ, Капнистъ говорилъ слѣдующее, относительно мѣръ ко взысканію податей и недоимокъ: „Движимость, скотъ, овцы и наконецъ одежда и рубища поселянъ были продаваемы съ публичнаго торга на базарахъ и ярмаркахъ, сами же поселяне были подвергаемы жестокимъ тѣлеснымъ истязаніямъ. Въ теченіе этого несчастнаго времени бѣдность казаковъ достигла до такой степени, что на девять хозяевъ считалась одна пара воловъ, а земли оставалось не болѣе 2½ десятинъ на душу; въ продолженіе этого времени возникло и постепенно увеличилось число казаковъ совершенно безземельныхъ, которые составили впослѣдствіи большую тягость обществу, обязанному за нихъ уплатою податей. Поселяне здѣшняго края боролись съ угнетавшими ихъ обстоятельствами, сохраняя нравственность, трудолюбіе и безкорыстіе своихъ предковъ; но когда всѣ вспомогательныя средства ихъ истощились, тогда наконецъ, они вынуждены были крайностію сорвать съ женъ и дочерей своихъ, служившіе имъ вмѣсто ожерельевъ серебряные рубли и имперіалы и отдать оные въ уплату податей и недоимокъ; тогда веселость народная, трудолюбіе и безкорыстіе естественно замѣнились уныніемъ, бездѣйствіемъ и дру-

гими пороками, имѣвшими самое пагубное вліяніе на нравственность народную. Если принять въ соображеніе совершенный произволъ въ распредѣленіи податей, отсутствіе всякаго порядка во взысканіи оныхъ и полную безотчетность во взысканныхъ суммахъ, тогда съ ясностію откроется степень безобразнаго положенія, въ это время, сихъ важнѣйшихъ установленій государственнаго хозяйства. Съ утвердительностію сказать можно, что въ то время каждый поселянинъ находился въ совершенной неизвѣстности, сколько онъ уплатилъ податей и сколько за нимъ числится недоимки. Всякій учетъ по этому предмету теряется въ хаосѣ безотчетности и безпорядка“.

Въ отправленіи натуральныхъ земскихъ повинностей, государственные крестьяне терпѣли двоякое отягощеніе: неуравнительность противъ крестьянъ помѣщичьихъ, ограждаемыхъ вліяніемъ владѣльцевъ, и неуравнительность между собою отъ различнаго положенія селеній и отъ неимѣнія надъ ними ближайшаго хозяйственнаго управленія, которое могло бы по крайней мѣрѣ облегчить отправленіе повинностей въ селеніяхъ, наиболѣе ими обремененныхъ.

Тѣже недостатки существовали и по другимъ частямъ хозяйственнаго устройства. Въ пожарныхъ случаяхъ, крестьяне кромѣ двухъ образцовыхъ губерній, гдѣ для сего учрежденъ былъ въ видѣ взаимнаго страхованія особый 4-хъ копѣечный сборъ, не получали никакихъ пособій, отъ чего цѣлыя селенія послѣ пожаровъ обращались въ нищету.

Способы народнаго продовольствія были недостаточны; законъ дозволялъ выдавать пособія изъ магазиновъ только при общихъ чрезвычайныхъ неурожаяхъ; поэтому при неурожаяхъ частныхъ, народъ терпѣлъ нужду. Кромѣ того, полная опредѣленная для магазиновъ пропорція хлѣба должна была составляться въ 16 лѣтъ, а неурожаи слѣдовали чрезъ каждые четыре или пять лѣтъ, и потому правительство было въ необходимости жертвовать значительныя суммы. Такъ, при неурожаѣ 1833 и 1834 годовъ, выдано было изъ казны болѣе 3 милліоновъ руб. асс. на продовольствіе крестьянъ. По охраненію на-

роднаго здравія не было никакихъ спеціальныхъ учрежденій и только считалось 3,785 малоопытныхъ оспопрививателей изъ крестьянъ. Оспопрививаніе ограничивалось 300 т. младенцевъ въ годъ, т.-е. одною третью частью новорожденныхъ.

Обращаясь къ положенію государственныхъ имуществъ, Киселевъ прежде всего указывалъ на неправильность и сбивчивость въ самомъ наименованіи. Казенными обыкновенно именовались тѣ земли и лѣса, которые находились въ распоряженіи непосредственно казны; предоставленные же въ пользованіе государственныхъ крестьянъ, въ противоположность первымъ, носили названіе какъ бы изъ другаго права собственности проистекающіе. Такъ земли именовались общественными и общественною собственностію, лѣса—крестьянскими, оброчныя статьи—мірскими, въ противоположность казеннымъ.

Естественно, что это различіе въ названіяхъ произвело и поддерживало въ государственныхъ крестьянахъ мысль, что отведенныя имъ отъ казны земли и угодья составляютъ ихъ собственность; въ этомъ утверждалъ ихъ и предоставленный самимъ обществамъ порядокъ судебной защиты отведенныхъ имъ земель.

Земли, находившіяся въ непосредственномъ распоряженіи казны, не были приведены въ опредѣленную извѣстность ни въ отношеніи ихъ пространства, ни въ отношеніи ихъ качества и цѣнности; полнаго собранія плановъ и описаній не было, а бывшія, по давности ихъ составленія, не могли почитаться вѣрными. Поэтому, съ одной стороны, происходили значительные захваты казенныхъ земель частными лицами (въ 1837 году такихъ захватовъ обнаружено болѣе 500,000 десятинъ), а съ другой—высшее начальство, не имѣя достовѣрныхъ данныхъ, часто не въ состояніи было судить о выгодѣ или невыгодѣ оброчнаго платежа. Многія статьи съ давняго времени оставались въ безпереоброчномъ содержаніи, а потому поступавшій съ нихъ доходъ не имѣлъ никакой соразмѣрности съ дѣйствительною ихъ цѣнностію. При отдачѣ въ содержаніе земель не обращалось вниманія на предметъ ихъ употребленія, а оттого содержатели приводили ихъ въ совершенное истощеніе. Наконецъ, корыстолюбивыми дѣйствіями

мѣстныхъ властей, государственные крестьяне, не имѣя свѣдѣнія о публикаціяхъ на отдачу оброчныхъ статей, устранялись отъ участія въ торгахъ и принуждены были брать отдаваемыя статьи изъ вторыхъ рукъ за высшую цѣну. Плановъ и описаній казеннымъ лѣсамъ или совсѣмъ не было, или были составленные за 40 лѣтъ назадъ, и потому положеніе лѣсовъ было совершенно неизвѣстно; въ одной псковской губерніи не отыскивалось казенныхъ лѣсовъ 11 т. десятинъ. Для охраненія лѣсовъ, государственные крестьяне обязаны были выставлять въ видѣ натуральной повинности полѣсовщиковъ, а собственно лѣсной стражи, въ которую опредѣлялись отставные солдаты, почти не было вовсе. Какъ по этой причинѣ, такъ и по злоупотребленію чиновниковъ, опустошеніе лѣсовъ происходило въ огромныхъ размѣрахъ; въ сѣверныхъ губерніяхъ крестьяне безотчетно выжигали большія пространства лѣсовъ для такъ называемыхъ лядинъ; въ виленской губерніи, помѣщики для осушенія своихъ земель спускали воду въ казенные лѣса и обращали ихъ въ болота. Ежегодныя потери въ казенныхъ лѣсахъ отъ пожаровъ и самовольныхъ порубокъ исчислялись болѣе чѣмъ на 4 м. р. асс., а доходъ казны отъ лѣсовъ едва достигалъ до 600 т. руб. За производствомъ тяжебныхъ дѣлъ между казною и частными людьми о лѣсахъ въѣзжихъ не было никакого со стороны министерства наблюденія. Сметы на отпуски изъ казенныхъ лѣсовъ составлялись казенными палатами и утверждались начальниками губерній; министерство въ этомъ никакого участія не принимало и сметъ не разсматривало. Безденежные отпуски лѣсовъ представлялись въ чрезмѣрныхъ количествахъ.

О земляхъ, находившихся во владѣніи государственныхъ крестьянъ, не было ни точныхъ свѣдѣній, ни плановъ. Не смотря на обиліе земель, распредѣленіе ихъ между крестьянами было чрезвычайно разнообразно; были общества, въ которыхъ приходилось неболѣе 1/8 десятины на душу, а въ другихъ по 20 д. и даже болѣе. При распредѣленіи общественныхъ земель въ сельскихъ обществахъ міроѣды успѣвали обдѣлять въ свою пользу прочихъ крестьянъ, а въ степныхъ гу-

берніяхъ господствовалъ способъ пользованія землями *на захватъ.* Отъ этого крестьяне принуждены были нанимать у посторонних лицъ до 500 т. десятинъ и часто случалось, что казенныя земли были заарендованы спекулянтами, и отдаваемы государственнымъ крестьянамъ по тройной цѣнѣ; не смотря на то, что каждый крестьянинъ имѣлъ право на душевой участокъ въ своемъ сельскомъ обществѣ, до 600 т. душъ (изъ которыхъ 128 т. въ западныхъ губерніяхъ) не пользовались надѣлами. Нѣкоторыя казенныя палаты дѣлали распоряженія о равномѣрномъ распредѣленіи земель въ сельскихъ обществахъ, но эта мѣра вела за собою новыя неудобства и угнетенія для крестьянъ. Такъ, въ псковской губерніи всѣ земли были распредѣлены между селеніями по числу душъ, и случалось часто, что у одного селенія отрѣзывались ближайшія къ нему угодья, ему необходимыя, и отдавались другому отдаленному. Многіе крестьяне вынуждены были селиться на помѣщичьихъ земляхъ, или массами уходили въ другія губерніи отыскивать свободныя земли; однимъ удавалось захватить ихъ, другіе, напротивъ, возвращались назадъ и должны были вновь заводиться хозяйствомъ. О переселенцахъ на новыхъ мѣстахъ не было никакихъ свѣдѣній, а на старыхъ мѣстахъ они показывались на лицо и на нихъ насчитывались огромныя недоимки; такъ, по курской губерніи, открыто недоимокъ болѣе 402 т. р. на однихъ переселенцахъ, которые давно ушли въ другія губерніи; вообще переселенцевъ, о которыхъ не было свѣдѣній, оказалось 24,205 ревизскихъ душъ.

Таково было положеніе государственныхъ крестьянъ въ губерніяхъ центральныхъ; но въ западныхъ оно было еще хуже. Повинности крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ были правда опредѣлены инвентарями; но въ нихъ не было означено количество земли, которымъ слѣдовало надѣлить крестьянъ. Поэтому арендаторы захватывали сколько можно болѣе земли, или сами обработывали ее, или отдавали въ содержаніе другимъ арендаторамъ, а между тѣмъ барщины и другія повинности крестьянъ оставались тѣже. Количество земель крестьянскихъ уменьшалось до того, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ

на семейство приходилось по одной небольшой полоскѣ. Изъ 600.000 душъ государственныхъ крестьянъ, у 150 т. душъ было только по 1 головѣ рогатаго скота на дворъ, а 125 т. душъ не имѣли вовсе скота. Каждое почти семейство высылало отъ себя одного, а часто и болѣе изъ своихъ членовъ или искать работы на сторонѣ, или просто нищенствовать; но едва крестьянинъ добылъ сколько-нибудь денегъ, на него устремлялись содержатели шинковъ — евреи и заставляли крестьянина за водку продавать свои засѣянныя полосы еще до жатвы.

Программа преобразованія управленія государственныхъ имуществъ.

Выше было указано на главную мысль Киселева о существѣ преобразованія, которую онъ высказалъ въ запискѣ, переданной имъ Сперанскому въ началѣ 1836 года. Ближайшее знакомство съ дѣлами и положеніемъ государственныхъ имуществъ и крестьянъ не поколебало въ немъ этой мысли и дало ему возможность развить ее въ болѣе подробную программу, которая въ главныхъ чертахъ состояла въ слѣдующемъ [1]):

Обращаясь прежде всего къ администраціи, Киселевъ говорилъ: „Недостатокъ управленія составлялъ до сего времени одну изъ важнѣйшихъ причинъ, препятствующихъ благосостоянію государственыхъ крестьянъ и благоустройству государственныхъ имуществъ. Нѣтъ сомнѣнія, что устройство хозяйственное и способъ уравненія податей есть дѣло не менѣе важное; но оно должно быть послѣдствіемъ достаточно-устроенной администраціи; необходимость сей мѣры до сего времени не была надлежащимъ образомъ разсмотрѣна и оцѣнена. При всякомъ новомъ предположеніи думали исправить дѣло измѣненіемъ всѣхъ основныхъ началъ сельскаго быта: полагали устроить его по образцу городовъ и раздѣлить сельскихъ обывателей на гильдіи; хотѣли уничтожить укоренившуюся въ народнымъ обычаѣ систему общественнаго пользованія землею и ввести вѣчное кортомное владѣніе семейными участками; наконецъ, хотѣли достигнуть цѣли улучшенія огромными переселеніями; но устройство управленія считали, кажется, дѣломъ второстепеннымъ; думали даже, что оно можетъ остаться

[1]) Программа эта изложена Киселевымъ въ докладѣ Государю 17-го Мая 1837 года и въ 4-ой части приведенной выше записки, представленной Государственному Совѣту.

при казенныхъ палатахъ. Когда, такимъ образомъ, переходили отъ одного предположенія къ другому, удѣльное вѣдомство, не касаясь кореннаго улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, успѣло достигнуть важныхъ результатовъ единственно отдѣленіемъ имѣній своихъ изъ вѣдомства казенныхъ палатъ и учрежденіемъ ближайшаго надъ ними управленія посредствомъ удѣльныхъ конторъ.

„Управленіе государственными имуществами и крестьянами, по обширности круга дѣйствій и важности объемлемыхъ имъ предметовъ, для достиженія надлежащаго успѣха, слѣдуетъ сосредоточить въ отдѣльномъ составѣ. Въ отношеніи государственныхъ крестьянъ оно должно быть сообразно съ настоящею степенью гражданскаго и нравственнаго ихъ быта и вести ихъ къ благосостоянію путемъ ближайшаго непосредственнаго *попечительства*, а въ отношеніи собственно государственныхъ имуществъ должно соотвѣтствовать ихъ роду и пространству. На семъ основаніи учреждается особое министерство государственныхъ имуществъ, а въ губерніяхъ—палаты государственныхъ имуществъ. Государственныя имущества и крестьяне въ губерніяхъ раздѣляются на округи, волости и сельскія общества.

„Управленіе государственными имуществами долженствовало бы заключать въ себѣ все, что составляетъ казенную недвижимость,- въ томъ числѣ горные промыслы, устроенные на казенныхъ земляхъ фабрики и винокуренные заводы; но какъ присоединеніе всѣхъ сихъ частей къ новому управленію могло бы произвести на первый разъ нѣкоторыя затрудненія, то оставляя ихъ въ настоящемъ положеніи и ограничиваясь существенными предметами управленія государственныхъ имуществъ: казенными землями съ состоящими на нихъ лѣсами, водами и разными поселеніями, кромѣ государственныхъ крестьянъ слѣдуетъ присоединить и всѣ прочія сословія водворенныя на казенныхъ земляхъ (иностранные поселенцы и кочующіе народы), за исключеніемъ крестьянъ состоящихъ въ военномъ вѣдомствѣ. Учрежденія, относящіяся до распространенія и поощренія земледѣлія и сельской промышленности, находясь

въ ближайшей связи съ предметами управленія государственныхъ имуществъ, также подлежатъ вѣдѣнію одного министерства, въ томъ особенно уваженіи, что правительство, какъ главный вотчинникъ земель, имѣетъ болѣе основанія и возможности оказывать покровительство и поощреніе къ извлеченію богатствъ отъ воздѣлыванія земли".

Принявъ въ соображеніе необходимость и пользу соединенія сихъ частей въ одинъ составъ управленія и имѣя въ виду Высочайшую волю о хозяйственномъ измѣреніи земель и о переложеніи оброка съ душъ на землю, для достиженія чрезъ то уравнительности въ податяхъ и возвышенія доходовъ, Киселевъ находилъ, что министерство государственныхъ имуществъ, сообразно такому кругу дѣйствія, должно быть раздѣлено на три департамента: первый—завѣдываетъ государственными крестьянами и имуществами въ губерніяхъ, состоящихъ на оброчномъ положеніи; второму — должны быть подчинены государственныя имущества и крестьяне въ губерніяхъ, состоящихъ на хозяйственномъ положеніи [1]; третій департаментъ долженъ завѣдывать дѣлами кадастра и улучшеніемъ сельскаго хозяйства, со всѣми принадлежащими къ сей части учебными заведеніями, обрацовыми фермами, и т. п.

„Въ губерніяхъ, въ вѣдомство палатъ государственныхъ имуществъ отдѣляются всѣ части управленія государственными имуществами, всѣ предметы попечительства надъ государственными крестьянами, свободными хлѣбопашцами и колонистами.

„Для исполненія распоряженій палаты и ближайшаго наблюденія на мѣстахъ за благоустройствомъ государственныхъ

---

[1] Причины учрежденія послѣднихъ двухъ департаментовъ Киселевъ объяснялъ такъ: „Хотя въ числительномъ составѣ своемъ казенныя имѣнія въ сихъ губерніяхъ не столь значительны; но сложность хозяйственнаго управленія, разность въ основаніяхъ судебнаго устройства и происходящія отъ онаго затрудненія въ разсмотрѣніи процессовъ, относящихся къ казеннымъ имѣніямъ, наконецъ безпорядки и разстройство, до котораго доведены имѣнія безпрестанными перемѣнами временныхъ владѣльцевъ, требуютъ, если не столь же обширнаго, то непремѣнно особаго надъ ними управленія сообразно съ ихъ особеннымъ свойсгвомъ". „Мѣры по улучшенію и поощренію сельскаго хозяйства и кадастръ, составляя предметы столь же новые сколь обширные, не могутъ принадлежать ни къ одному изъ тѣхъ департаментовъ. Онѣ требуютъ по важности и послѣдствіямъ своимъ исключительныхъ занятій и наблюденій". Всепод. докладъ Киселева Высоч. утв. 17-го мая 1837 г.

имуществъ и благосостоянiемъ крестьянъ опредѣляются окружные начальники. Предметы вѣдомства между окружными начальниками и земскими судами разграничить тѣмъ, что за послѣдними оставить только распоряженiя по общей полицiи и по производству слѣдствiй, а окружнымъ начальникамъ предоставить исключительныя дѣла, относящiяся до улучшенiя нравственнаго состоянiя крестьянъ, до гражданскаго ихъ быта, строительной части, обезпеченiя продовольствiя, хозяйства, податей, повинностей и защиты по судебнымъ дѣламъ.

„Волости образуются въ бо́льшихъ противъ существовавшихъ тогда размѣрахъ и въ нихъ сохраняются *до времени* волостныя правленiя.

„Въ сельскихъ обществахъ, сообразно съ коренными народными обычаями, учреждаются для завѣдыванiя общественными дѣлами мiрскiе сходы и сельскiя управленiя.

„Окружное и волостное начальство дѣйствуютъ съ властiю наблюдательною, а сельское—съ властiю исполнительною [1]).

„Сельское общество принимается за первую административную и земельную единицу; каждое изъ нихъ состоитъ, или изъ однаго селенiя, или изъ нѣсколькихъ; но одно селенiе отдѣльно замежеванное, какъ бы велико ни было, составляетъ одно общество; селенiя малолюдныя, но имѣющiя общее владѣнiе землею вводятся въ составъ однаго общества.

„Земли и угодья оставляются въ безсрочномъ пользованiи обществъ, съ предоставленiемъ имъ права распредѣлять земли

[1]) Говоря объ администрацiи, естественно предсталялся вопросъ: не должно ли для государственныхъ крестьянъ принять въ основанiе удѣльное управленiе? Киселевъ не находилъ этого возможнымъ, во-1-хъ потому, что въ удѣльныхъ имѣнiяхъ образованiе конторъ примѣнено къ небольшому числу душъ отъ 10 до 50 т. въ каждой губернiи; по этому размѣру пришлось бы для государственныхъ крестьянъ и имуществъ учредить до 200 конторъ и опредѣлить нѣсколько тысячъ чиновниковъ, которымъ содержанiе по окладамъ удѣльнаго вѣдомства, превышало бы средства государственнаго казначейства; во 2-хъ потому, что система управленiя удѣльнаго есть система помѣщичья, ограничивающаяся возможнымъ извлеченiемъ дохода изъ имѣнiя. Это правило есть правило всякаго частнаго хозяйства; къ государственному хозяйству оно не можетъ быть примѣняемо. Устройство массы народа на помѣщичьихъ правилахъ было бы несообразно съ собственными пользами правительства, не говоря о томъ, что государственные крестьяне, принадлежа къ свободному состоянiю, не могутъ быть подчинены правиламъ помѣщичьяго управленiя.

между домохозяевами въ томъ порядкѣ, въ какомъ они сами признаютъ для себя удобнѣйшимъ.

„Селенія малоземельныя или надѣляются землею изъ свободныхъ казенныхъ участковъ, или изъ нихъ производятся переселенія на свободныя казенныя земли, на основаніи особыхъ правилъ.

„На мѣстахъ новыхъ водвореній учреждаются отдѣльные семейные участки, въ видѣ хуторовъ, на правѣ постояннаго потомственнаго пользованія и безъ раздробленія между членами семейства.

„Сельскимъ обществамъ отводятся лѣсные участки въ опредѣленномъ размѣрѣ въ непосредственное ихъ завѣдываніе и распоряженіе, подъ надзоромъ мѣстнаго лѣснаго начальства. Всѣ прочіе затѣмъ лѣса оставляются въ собственномъ распоряженіи казны.

„Мірскія оброчныя статьи оставляются за обществами, съ обращеніемъ одной половины оброчнаго дохода въ пользу общества на предметы законныхъ ихъ надобностей, а другой въ составъ общественнаго хозяйственнаго сбора.

„Оброчная, слѣдующая съ государственныхъ крестьянъ, подать, а равно подушная подать и земскія повинности исчисляются по душамъ, но распредѣляются между сельскими обществами соразмѣрно мѣстнымъ выгодамъ отъ земли и промысловъ каждаго сельскаго общества.

„Обязанности каждаго управленія и каждаго должностнаго лица слѣдуетъ опредѣлить съ возможною положительностію и полнотой въ томъ намѣреніи, чтобы какъ чиновники, такъ и сельскіе начальники могли составленными для нихъ наказами руководствоваться при всѣхъ случаяхъ и, имѣя всегда при себѣ, сколь можно менѣе встрѣчали надобности справлятся съ другими постановленіями, и такимъ образомъ были въ состояніи дѣйствовать безъ затрудненія съ самыхъ первыхъ дней вступленія въ должность.

„При устройствѣ благосостоянія столь многочисленнаго класса, необходимо означить положительно предѣлы дарованныхъ ему правъ личныхъ и по имуществу, указать ясно обя-

занности поселянъ и опредѣлить мѣру ихъ отвѣтственности, ибо полная извѣстность сихъ условій болѣе или менѣе обезпечиваетъ самую неприкосновенность правъ, предупреждаетъ нарушеніе обязанностей, устраняетъ произволъ и служитъ залогомъ нравственнаго улучшенія.

„Въ видахъ улучшенія нравственности крестьянъ учредить для нихъ приходскія училища, для образованія соотвѣтственнаго ихъ званію; привлечь благонадежныхъ священниковъ въ казенныя селенія, назначеніемъ имъ приличнаго содержанія.

„Для наблюденія въ казенныхъ селеніяхъ полицейскаго порядка составить сельскій полицейскій уставъ, который содержалъ бы въ себѣ общія и частныя правила, необходимыя для свѣдѣнія и руководства поселянъ, какъ членовъ общества.

„При общей безграмотности поселянъ, недоступности для нихъ судебныхъ формъ и обрядовъ, и при самой ограниченности частнаго ихъ достоянія, предоставленную имъ расправу по маловажнымъ тяжбамъ и проступкамъ устроить на опредѣленномъ основаніи, согласивъ сколь возможно болѣе съ существующими законами. Съ сею цѣлію учредить расправы: сельскую и волостную, и составить для нихъ Сельскій Судебный Уставъ, съ изложеніемъ въ немъ порядка судопроизводства по спорамъ и тяжбамъ государственныхъ крестьянъ объ имуществахъ, проступкахъ крестьянъ и наказаніяхъ за оные и, наконецъ, порядка судопроизводства по проступкамъ.

„Всѣмъ государственнымъ имуществамъ составить кадастръ, т.-е. измѣреніе, описаніе и оцѣнки всѣхъ земель и угодій; имущества эти раздѣляются на два главные рода: 1) податныя, т.-е. предоставленныя въ исключительное пользованіе государственныхъ крестьянъ и 2) запасныя, остающіяся въ непосредственномъ вѣдѣніи казны; изъ нихъ образовать казенныя оброчныя статьи, а изъ лѣсовъ особые округи“.

Противоположныя въ публикѣ взгляды на готовившуюся реформу.

Готовившаяся реформа управленія государственныхъ крестьянъ и имуществъ должна была имѣть въ глазахъ людей, понимавшихъ дѣло, большое и серьезное значеніе; поэтому она не могла не возбуждать живаго интереса въ той части общества, которая знала о ходѣ дѣлъ. Генералъ Левенштернъ,

вращавшійся въ то время въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, въ запискахъ своихъ, подъ 1837 годомъ, говоритъ:

„Вниманіе образованной публики начинаетъ обращаться къ реформамъ, проектированнымъ генераломъ Киселевымъ. Передовые люди ожидаютъ отъ нихъ неизмѣримаго блага, обскуранты сомнѣваются, люди малодушные дрожатъ“.

Значеніе этихъ реформъ и ожиданія, которыя съ ними связывались, обусловливались, какъ видно изъ тѣхъ же записокъ, мнѣніемъ, существовавшимъ въ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ извѣстной его части, о характерѣ главнаго руководителя дѣла, о его взглядахъ и стремленіяхъ, о его личныхъ качествахъ, которыя должны были играть роль въ осуществленіи предпринятаго дѣла.

Левенштернъ говоритъ между прочимъ: „Генералъ Киселевъ, какъ будто нарочно явился на великой отечественной сценѣ, чтобы удачно разрѣшитъ важную проблемму. Прежде всего, онъ понимаетъ ее... Затѣмъ, онъ обладаетъ знаніемъ и принципами хорошаго администратора, которые соединены въ немъ съ качествами добраго и заботливаго отца семейства. Благо отечества и общее благосостояніе, будутъ постоянно его цѣлію. Онъ неутомимый работникъ и умѣетъ возбудить дѣятельность подчиненныхъ.

„Какъ бы то ни было, генералъ Киселевъ предпринялъ трудъ Геркулеса.

„Россія не то, что княжества дунайскія, т.-е. не чистый листъ бумаги, на которой геній Киселева могъ свободно писать новые законы, сообразные съ положеніемъ, интересами и характеромъ населенія...

„Киселевъ очень хорошо понялъ, что всякая реформа должна исходить сверху, и къ счастью, въ немъ явился человѣкъ который нуженъ былъ Гусударю, чтобы заставить оцѣнить дѣйствія верховной власти и сдѣлать ихъ благодѣтельными для всѣхъ“.

„Онъ измѣрилъ карьеру, которую ему открыли его таланты, его умъ и случай; онъ нашелъ наслажденія въ трудностяхъ,

которыя нужно побѣдить; всѣ его желанія ограничиваются тѣмъ, чтобы восторжествовать надъ ними.

„Трудъ, который ему предстоитъ, конечно самый прекрасный изъ всѣхъ, какіе могутъ представиться честолюбію человѣка.

„И такъ, благо Государю, который умѣлъ избрать генерала Киселева; онъ русскій прежде всего и страстно преданъ отечественной славѣ; но его патріотизмъ вовсе не слѣпъ. Впрочемъ Киселевъ долженъ быть конечно готовъ къ тому, что толпа, которая превозноситъ его теперь до небесъ, станетъ точно также единодушно обвинять его при первой неудачѣ. Такова судьба всѣхъ тѣхъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ кормило великихъ дѣлъ“...

Слухи въ народѣ о готовившихся преобразованіяхъ.

Слухи о готовившемся преобразованіи, стали проникать и въ народъ.

17-го мая 1837 г. Киселевъ въ докладѣ Государю писалъ: „Въ московской и владимірской губерніяхъ распространились между крестьянами слухи о новомъ устройствѣ ихъ на военномъ положеніи со введеніемъ общественной запашки, произвели въ нихъ опасеніе и побудили богатѣйшихъ къ переходу въ городское состояніе“.

Проекты учрежденій и уставовъ; порядокъ ихъ составленія.

Къ концу 1837 г. были составлены, согласно съ изложенною выше программою, проекты: а) учрежденій управленія государственными имуществами и крестьянами; б) сельскаго полицейскаго устава; в) сельскаго судебнаго устава; г) главныхъ основаній хозяйственнаго устава.

О томъ, въ какомъ порядкѣ были составлены эти проекты, сохранилась слѣдующая собственноручная записка Киселева (слова, сказанныя имъ въ Государственномъ Совѣтѣ):

„По начертаніи общихъ основаній, поручено было спеціальнымъ комитетамъ обработать каждую часть отдѣльно.

„Потомъ, по сношенію моему съ министромъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, назначены были оберъ-прокуроры для разсмотрѣнія судебной части и деректоры департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ для разсмотрѣнія сельско-полицейской, особенно для разграниченія ея съ общею полиціею.

„Разсмотрѣніе это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ и было отмѣнно полезно относительно соглашенія всѣхъ подробностей обширнаго труда.

„Затѣмъ, оставалось обсудить всѣ-ли статьи проектовъ, какъ почерпнутыя изъ существующихъ законовъ, такъ и вновь введенныя равно удобны въ примѣненіи къ настоящему положенію дѣлъ и времени. Для этого ближе всего представлялось призвать къ совѣщанію тѣхъ лицъ, на которыхъ предполагалось возложить введеніе новыхъ проектовъ и потому, съ соизволенія Государя Императора, призваны были 8 губернаторовъ изъ разносвойственныхъ губерній. Трехъ-мѣсячныя постоянныя ихъ занятія оправдали эту мѣру. Губернаторы предоставили на 4000 статьи около 300 замѣчаній болѣе или менѣе важныхъ, которые большею частію были приняты и довершили исправленіе редакціи всѣхъ частей положенія губернскаго управленія.

„Наконецъ, гг. министры, до коихъ болѣе это дѣло относилось, не отказали мнѣ въ своемъ содѣйствіи и личнымъ пересмотромъ проектовъ дали возможность усовершить работу".

Предварительное представленіе Государю проектовъ учрежденій, порядка ихъ введенія и предположенія о льготахъ для крестьянъ.

Когда проекты были готовы, Киселевъ 18-го ноября, отправился въ Москву, для доклада ихъ находившемуся тамъ въ то время Государю; чтеніе и работы съ Его Величествомъ продолжались 23-го и 25-го числа. Проекты были одобрены Государемъ, который приказалъ внести ихъ немедленно въ Государственный Совѣтъ.

Такимъ же образомъ, были одобрены и предположенія Киселева о способахъ удобнѣйшаго приведенія въ дѣйствіе новыхъ правилъ по управленію государственныхъ имуществъ и крестьянъ.

Дабы отвратить всякія со стороны поселянъ ложныя опасенія на счетъ предполагаемаго между ними внутренняго полицейскаго и хозяйственнаго устройства, Киселевъ находилъ нужнымъ:

1) Соблюсти постепенность во введеніи новаго управленія, именно:

По открытіи министерства государственныхъ имуществъ, открыть въ началѣ 1838 года мѣстное управленіе въ 5 губер-

ніяхъ: с.-петербургской, московской, псковской, курской и тамбовской; въ концѣ 1838 г.—еще въ 10 губерніяхъ и, наконецъ, въ теченіе 1839 и 1840 годовъ во всѣхъ прочихъ губерніяхъ, состоящихъ на оброчномъ положеніи.

Въ продолженіи сего времени собрать положительныя свѣдѣнія о возможности примѣненія новыхъ правилъ къ остзейскимъ и западнымъ губерніямъ, и учредить управленія въ нихъ съ тѣми измѣненіями, какія по мѣстнымъ обстоятельствамъ окажутся необходимыми.

Управленіе вводить сперва губернское, потомъ окружное и наконецъ волостное и сельское.

По совершенномъ устройствѣ управленій въ каждой губерніи, ввести въ дѣйствіе сельскіе уставы полицейскій и судебный.

2) Оказать крестьянамъ разныя облегченія, именно:

Разобрать всѣ недоимки и сложить неправильно начтенныя.

Сложить недоимки, числящіяся на обществахъ за содержаніе оброчныхъ статей и за самовольныя порубки лѣсовъ.

Сложить недоимки въ хлѣбные магазины.

Сложить штрафы за прописныя души.

Самовольныхъ переселенцевъ оставить на мѣстахъ водворенія.

Письмо Киселева Государю и отвѣтъ Его Величества.

Готовясь вступить въ управленіе новымъ министерствомъ, принимая на себя заботы и всю отвѣтственность по такому важному и обширному дѣлу, Киселевъ сознавалъ всѣ трудности, ему предстоявшія и вытекавшія какъ изъ самой сущности дѣла, такъ и изъ обстоятельствъ внѣшнихъ, его окружавшихъ. Онъ видѣлъ, что единственною опорою, для того, чтобы быть въ состояніи бороться съ оппозиціею, которая должна была возникнуть, могъ быть для него только Государь, и потому рѣшился написать Его Величеству обо всемъ прямо и откровенно. На другой день послѣ одобренія проектовъ, онъ написалъ Государю слѣдующее письмо:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Имѣвъ счастіе представить Вашему Императорскому Величеству проекты о преобразованіи управленія государственными

имуществами, по указанію Вашему, Всемилостивѣйшій Государь, составленныя, я употребилъ всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы тщательнымъ изученіемъ сего предмета оправдать высокое и столь драгоцѣнное для меня Ваше довѣріе.

„Но измѣряя затрудненія, ожидающія меня при совершеніи сего столь сложнаго дѣла, я не могу и не долженъ скрыть предъ Вашимъ Величествомъ тѣхъ опасеній, которыя, по самому существу предмета, невольно меня смущаютъ.

„Всякая власть, установляемая вновь на ряду съ другими уже существующими и временемъ усвоенными, естественно порождаетъ неудовольствія многихъ; но въ дѣлѣ, Высочайшею Вашею довѣренностію на меня возложенномъ, сливаются, сверхъ того, столь различные и многосложные интересы, что непріязненность должна быть почти общая.

„Такъ, Государь, отдѣленіе важной части отъ министерства финансовъ противопоставляетъ новому учрежденію всѣхъ, которые имѣли вліяніе на источники государственнаго богатства. Присоединеніе къ новому управленію нѣкоторыхъ частей отъ министерства внутреннихъ дѣлъ не можетъ также не оскорбить честолюбія многихъ. Переходя къ властямъ второстепеннымъ или губернскимъ, нельзя не ожидать отъ нихъ еще большаго неблагорасположенія къ установленіямъ, долженствующимъ лишить выгодъ, донынѣ въ удѣлъ ихъ безотчетно оставленныхъ.

„Въ самомъ сословіи поселянъ первое впечатлѣніе будетъ невыгодно: привыкнувъ къ необузданной свободѣ и искупая пороки и безнравіе пожертвованіемъ своего избытка, люди сіи почтутъ стѣснительнымъ для себя всякое дѣйствіе попечительной власти. Сдѣлавшись равнодушными къ улучшенію своего быта, погруженные въ грубое невѣжество, они предпочитаютъ удовлетвореніе привычныхъ страстей, всѣмъ обѣщаніямъ лучшаго состоянія.

„За симъ, обращаясь къ массѣ помѣщиковъ, слѣдуетъ сознаться, что и ихъ интересы тѣсно связаны съ общимъ неустройствомъ по управленію государственными имуществами. Земли и лѣса, мало охраняемыя, составляли какъ-бы часть ихъ до-

стоянія; а неуравнительность натуральныхъ повинностей между казенными и владѣльческими крестьянами, содѣлалась обычною, и едва-ли не почитается правомъ, котораго при устройствѣ новаго управленія они должны лишиться.

„Участвующіе въ откупахъ капиталами или службою, залогами или поставкою вина, единственно обращеніемъ вниманія Вашего Величества на сію часть начинаютъ питать негодованіе къ новому управленію, какъ противопоставляемому незаконно пріобрѣтаемымъ ими выгодамъ.

„Не распространяясь дальнѣйшимъ исчисленіемъ всѣхъ лицъ, которые по сродному побужденію собственнаго интереса будутъ и должны быть противниками всякаго улучшенія, я знаю, что нарѣканія ихъ не будутъ имѣть предметомъ ни устройство полицейское или хозяйственное, ни охраненіе казенной собственности или другія административныя мѣры; но осужденіе обратится къ предметамъ не существеннымъ, а потому для пререканій неограниченнымъ. Опасенія, нововведенія, потрясеніе обычаевъ и предсказанія горестныхъ отъ того послѣдствій, составляютъ общій гулъ всѣхъ тѣхъ, которые взирая равнодушно на государственное устройство, ищутъ и находятъ его въ извлеченіи лишь собственныхъ выгодъ, или удовлетвореніи своихъ страстей. Такимъ образомъ, подъ разными видами, изъ разныхъ источниковъ, будутъ восходить подъ личиною общественнаго спокойствія, разносвойственныя опасенія, могущія при первомъ взглядѣ имѣть призракъ вѣроятія, но которыя, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, ни малѣйшей основательности не представляютъ.

„Для сего достаточно будетъ вникнуть въ существо самыхъ проектовъ: въ нихъ измѣненія крестьянскаго быта не предполагается, законы существующіе приняты въ основаніе проектовъ, и лишь необходимыя дополненія, въ духѣ сихъ законовъ, допущены въ сельскихъ уставахъ, для связи и полноты. Посему всѣ пререканія могутъ только заключать въ себѣ сокровенное желаніе сохранить существующіе безпорядки, не постигая, что въ подобныхъ дѣлахъ бездѣйствіе правительства бываетъ причиною другихъ болѣе важныхъ опасеній, которыя

проявлялись тамъ, гдѣ, не оцѣняя достаточно потребности времени, допускаемы были исправленія неустройствъ не по собственному внушенію власти, но по требованіямъ снизу восходящимъ.

„Не такъ однакожъ дѣйствовали осторожные правители; Австрія, въ семъ случаѣ, можетъ служить примѣромъ: въ шестидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, предусматривая необходимость обстоятельствъ, она не взирая на всѣ затрудненія со стороны духовенства и дворянъ, обратила дѣятельное вниманіе на устройство сельскаго сословія въ наслѣдственныхъ провинціяхъ, и даровавъ оному законную и сообразную съ выгодами государственными самостоятельность, утвердила преданность народа къ престолу и отвратила у себя всѣ плачевныя событія, постигшія сосѣдственныя государства въ смутную эпоху.

„И такъ, если принять за истину, что опытъ предшествующихъ временъ долженъ быть поученіемъ для будущаго, я по совѣсти убѣжденъ, что предупредительныя мѣры, отъ правительства зависящія, необходимы, и что Вашему Императорскому Величеству предназначено свыше довершить дѣло, Августѣйшими предками Вашими начатое.

„Каковы-бы ни были пререканія на счетъ предпринимаемаго преобразованія, я нисколько не сомнѣваюсь въ успѣхѣ онаго подъ Высочайшимъ Вашимъ, Всемилостивѣйшій Государь, руководствомъ. Оскорбленныя самолюбія или потрясенные личные интересы, всѣми возможными извилистыми путями, будутъ стремиться достигнуть до Васъ. Сколь я ни равнодушенъ къ подобнымъ происками, не могу однакожъ безъ содроганія мыслить, что цѣль ихъ будетъ потрясти или умалить довѣріе ко мнѣ Вашего Императорскаго Величества, довѣріе, которое оправдать и сохранить я долженъ какъ единственный способъ доказать Вашему Величеству, что высоко оцѣняя милости, Вами на меня изліянныя, я умѣю глубоко чувствовать признательность, коею предъ Вами обязанъ.

„Приближаясь къ преклоннымъ лѣтамъ, не могу льстить себя надеждою видѣть плоды предстоящихъ усилій. Одно не-

поколебимое желаніе оправдать Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, ожиданіе, составляетъ предметъ моихъ дѣйствій и основную силу къ преоборенію ожидаемыхъ затрудненій. Всѣ нареканія не отвратятъ меня отъ сей цѣли, которой, съ помощію Всевышняго и подъ личнымъ руководствомъ Вашимъ, надѣюсь достигнуть на самомъ дѣлѣ, если и за таковымъ предусмотрѣніемъ всѣхъ недоброжелательствъ послѣдуетъ изъявленіе непремѣнной и для меня священной воли Вашего Величества.

„Не взыщите Государь, за смѣлость, съ которою дозволилъ себѣ излить предъ Вами сокровенныя чувства мои и искать въ Вашемъ могущественномъ покровѣ залогъ душевнаго спокойствія и бодрости противу можетъ быть мнимыхъ опасеній.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастіе быть

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

Павелъ Киселевъ“.

„26-го ноября 1837 г. Москва.

Въ тотъ же день, на вечерѣ у Императрицы, Государь говорилъ съ Киселевымъ по поводу этого письма; Онъ сказалъ, что „опасеніе Киселева неправильно; что между Имъ и Киселевымъ никакія постороннія лица или вліянія быть не могутъ; что недовѣрчивость Киселева къ Его характеру несправедлива; что вполнѣ опробовавъ всѣ начала преобразованія, онъ ожидаетъ совершенія онаго и благословляетъ Киселева на дѣло“.

Представленіе проектовъ въ Государственный Совѣтъ и разсмотрѣніе ихъ тамъ.

Проекты были отосланы въ С.-Петербургъ для внесенія въ Государственный Совѣтъ.

Въ объяснительной запискѣ, при которой внесены были проекты въ Государственный Совѣтъ, Киселевъ говорилъ:

„Въ заключеніе надлежитъ изъяснить, что при составленіи всѣхъ вышеизложенныхъ учрежденій и уставовъ постоянно было въ виду не только сохраненіе существующихъ законовъ, какіе могли быть приняты безъ особаго неудобства, но и возможное соблюденіе коренныхъ обычаевъ народа, по уваженію той неоспоримой истины, что самое мудрое и благодѣтельное

учрежденіе можетъ имѣть вредныя послѣдствія, коль скоро незаконными мѣрами поставляется въ прямое противорѣчіе съ характеромъ народа.

„Правило сіе служило особымъ руководствомъ при образованіи управленія въ селеніяхъ.

„Но какъ за всѣмъ тѣмъ прочность и полнота сего управленія необходимо требуютъ самаго внимательнаго мѣстнаго соображенія съ потребностями, обычаями и нѣкоторымъ образомъ съ самыми предубѣжденіями народными, которыя не должны быть потрясаемы быстрыми переворотами: то по сему уваженію настоящее преобразованіе предполагается ввести предварительно въ видѣ опыта, распространяя его постепенно на всѣ губерніи въ теченіи трехъ лѣтъ. Въ продолженіи сего времени будетъ обращено полное вниманіе на успѣхъ мѣстнаго приложенія предполагаемыхъ учрежденій и правилъ и по собраніи о семъ свѣдѣній будетъ сдѣлано въ нихъ нужное дополненіе и усовершенствованіе, дабы въ 1841 году всѣ вышеозначенные проекты могли быть уже обращены въ положительный законъ“.

11-го декабря Киселевъ выѣхалъ изъ Москвы и возвратился въ Петербургъ 14-го декабря.

Изъ внесенныхъ въ Государственный Совѣтъ проектовъ прежде всего, именно въ декабрѣ, были разсмотрѣны (въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи, съ участіемъ министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ и въ Общемъ Собраніи) Учрежденіе и штаты министерства государственныхъ имуществъ и Наказъ ему, утверждены Государемъ 27-го декабря и тогда же подписанъ указъ о назначеніи Киселева министромъ государственныхъ имуществъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ такомъ же порядкѣ были разсмотрѣны проекты Учрежденій палатъ и окружныхъ управленій государственныхъ имуществъ, волостныхъ и сельскихъ управленій и Наказа имъ, а равно проекты Сельскаго Полицейскаго и Сельскаго Судебнаго Уставовъ и утверждены Государемъ 30-го апрѣля 1838 г.

При внесеніи проекта Сельско-Полицейскаго Устава Киселёвъ объяснялъ:

„Цѣль сего устава заключается въ томъ, чтобы поставить государственныхъ крестьянъ въ извѣстность о главнѣйшихъ обязанностяхъ въ отношеніи вѣры, правительства и гражданскаго общества и чрезъ то пріучить народъ къ порядку и укоренить среди сельскаго класса общее благочиніе и благоустройство.

„Мысль о составленіи полицейскаго устава не есть новая: многія полицейскія правила, до поселянъ относящіяся, помѣщены въ Положеніи 1826 года о сельскомъ управленіи въ с.-петербургской и псковской губерніяхъ; въ Сводѣ Законовъ онѣ собраны въ особый Уставъ о благоустройствѣ казенныхъ селеній. Но въ обоихъ случаяхъ излагаются лишь частныя полицейскія правила, относящіяся собственно до сельскаго быта, тогда какъ поселяне не менѣе должны знать гражданскія обязанности, общія для всѣхъ подданныхъ. Сводъ Законовъ, взятый въ полномъ своемъ составѣ, хотя заключаетъ, какъ частныя, такъ и общія правила, но по самой обширности своей не можетъ быть доступнымъ руководствомъ для поселянина.

„Вслѣдствіе сего, въ Сельскій Полицейскій Уставъ, сверхъ полицейскихъ обязанностей, относящихся собственно до сельскаго класса, внесено изъ общихъ полицейскихъ законовъ все то, что необходимо знать государственному крестьянину по двумъ важнымъ предметамъ, полиціи благочинія и благоустройства, какъ то: I) обязанности въ отношеніи вѣры; II) обязанности въ отношеніи соблюденія общественнаго порядка и Высочайшихъ учрежденій; III) обязанности въ отношеніи нравственности; IV) обязанности въ охраненіи личной безопасности; V) обязанности въ отношеніи безопасности во владѣніи имуществомъ; VI) о врачебномъ благоустройствѣ; VII) обязанности въ разсужденіи безопасности отъ пожаровъ.

„При изложеніи всѣхъ статей, было принято правиломъ держаться въ точности дѣйствующихъ законовъ, статьи запретительныя излагать въ формѣ, такъ сказать, заповѣдей,

которыя легко было-бы удержать и безграмотному поселянину въ памяти, и наконецъ, не дѣлать никакихъ ссылокъ на другія постановленія, а помѣщать сіи послѣднія по приличію въ самомъ уставѣ.

„Проектъ Сельскаго Полицейскаго Устава, независимо отъ разсмотрѣнія въ разныхъ комитетахъ, былъ препровождаемъ на заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ, дабы воспользоваться всѣми возможными замѣчаніями и сдѣлать потребныя исправленія".

Въ Государственномъ Совѣтѣ проекты прошли безъ всякихъ существенныхъ измѣненій. При разсмотрѣніи Полицейскаго Устава, одинъ членъ, именно адмиралъ Грейгъ, сдѣлалъ замѣчанія противъ самаго существа дѣла; онъ говорилъ, что „при грубомъ состояніи нашихъ крестьянъ вмѣсто законовъ, въ коихъ запретительныя статьи излагаются въ видѣ заповѣдей, едва-ли не полезнѣе внушить имъ и истолковать въ пространомъ видѣ самыя Заповѣди Господни". Киселевъ на это отвѣчалъ: „въ Заповѣдяхъ Господнихъ заключаются главныя основанія божественныхъ и нравственныхъ законовъ, а въ полицейскомъ уставѣ означаются, сверхъ того, правила внѣшняго благочинія и общественнаго благоустройства, какъ напр., порядокъ объявленія законовъ, мѣры охраненія народнаго здравія, предупрежденія и тушенія пожаровъ, правила о паспортахъ и другіе сему подобные предметы, которые не только нельзя помѣщать въ истолкованіе Господнихъ Заповѣдей, но и было бы неприлично соединять съ божественнымъ ученіемъ".

Въ статьѣ 19 сказано, что никто не можетъ отговариваться незнаніемъ законовъ; Грейгъ замѣтилъ, что невозможно требовать отъ крестьянъ знанія всѣхъ законовъ.

Киселевъ отвѣчалъ: „Законъ сей составляетъ единственное основаніе къ преслѣдованію всякаго рода нарушеній общественнаго порядка: ибо, если сдѣлать изъ сего исключеніе для нѣскольких милліоновъ крестьянъ, то въ такомъ случаѣ они безбоязненно могутъ распространять безпорядки и преступленія подъ предлогомъ невѣденія законовъ".

Гораздо замѣчательнѣе обстоятельство, случившееся при утвержденіи Государемъ проектовъ; обстоятельство повидимому мелочное, но въ которомъ высказываются, съ одной стороны, необыкновенная дѣятельность и внимательность Императора Николая и съ другой—черта характера Киселева. Вотъ что пишетъ въ своихъ запискахъ графъ М. А. Корфъ, подъ 1838 годомъ:

Обстоятельство, случившееся при утвержденіи Государемъ проектовъ.

„Государь долженъ былъ отправиться заграницу въ ночь со 2-го на 3-е мая. Между тѣмъ 25 марта Киселевъ доставилъ мнѣ (по званію государственнаго секретаря), для внесенія въ Государственный Совѣтъ нѣсколько огромныхъ проектовъ учрежденій мѣстныхъ управленій государственныхъ имуществъ, и въ тоже время предсѣдатель Совѣта графъ Новосильцевъ объявилъ мнѣ Высочайшую волю, чтобы это дѣло и въ департаментахъ Совѣта, и въ Общемъ Собраніи окончено было сколько можно поспѣшнѣе, и потомъ неотложно представлено Его Величеству. Мнѣ удалось окончить эту огромную массу въ Совѣтѣ 22-го апрѣля и затѣмъ поднести ее Государю 26-го. Но какъ проекты содержали въ себѣ около 800 листовъ, то не видя, при страшномъ спѣхѣ, никакой возможности списать ихъ, для представленія Государю, у насъ [1]), я просилъ Киселева возложить это на свою канцелярію, но съ тѣмъ, чтобы она приняла на себя уже и *всю отвѣтственность за вѣрность переписки,* потому что прочесть и провѣрить всѣ эти исполинскіе фоліанты, среди множества другихъ, тоже спѣшныхъ дѣлъ, я не имѣлъ никакого средства. Киселевъ обѣщалъ исполнить все это въ полной исправности, а управлявшему его канцеляріею Карнѣеву [2]) я повторилъ еще въ особенности, что вѣрность переписки останется на непосредственной его отвѣтственности. Такимъ образомъ, бывъ успокоенъ на этотъ счетъ и получивъ переписанныя бумаги лишь за два дня до срока, я поднесъ ихъ Государю *не читавъ.* Но Государь *успѣлъ прочесть* все и высылалъ мнѣ постепенно съ поправками замѣченныхъ имъ описокъ, которыхъ, къ сожалѣнію,

---

1) Въ Государственной Канцеляріи.

2) Т.-е. управлявшему V Отд. С. Е И. В. Канцеляріи.

было очень много; наконецъ, 1-го мая Онъ возвратилъ мнѣ послѣднюю тетрадку, съ слѣдующею резолюціею: „много описокъ: кто повѣрялъ столь небрежно, посадить на сутки на гауптвахту“.

„Что мнѣ было дѣлать по этой резолюціи—мнѣ, который чувствовалъ себя вполнѣ виновнымъ въ томъ, что поднесъ Государю бумаги, мною непровѣренныя, положась, въ противность *неизмѣнному моему правилу*, на другихъ? Я тотчасъ бросился къ новому нашему предсѣдателю, князю Васильчикову (замѣнившему умершаго Новосильцева), и объяснивъ ему ходъ дѣла, просилъ доложить Государю, что въ государственной канцеляріи нѣтъ никого виновнаго кромѣ меня, и потому я ожидаю дальнѣйшихъ повелѣній по Его резолюціи. Васильчиковъ немедленно поѣхалъ къ Государю съ этимъ отзывомъ, и вотъ главное содержаніе того отвѣта, который онъ вывезъ мнѣ изъ ихъ объясненія: „Государь крайне разгнѣванъ“. „Онъ не хотѣлъ принять никакихъ оправданій на счетъ спѣшнаго дѣла. Если Корфъ не успѣлъ прочесть бумагъ и приготовить ихъ какъ слѣдовало, продолжалъ Онъ, то долженъ былъ донести Мнѣ, и Я далъ бы ему отсрочку, а въ такомъ видѣ бумагъ Мнѣ не представляютъ. Я безъ души люблю Корфа, и самъ его вывелъ. Но именно для того, что бы подобнаго никогда съ нимъ не случалось, надо принять мѣры, чтобы это было въ первый и послѣдній разъ“. Словомъ, прибавилъ князь, все, чего я могъ достигнуть, это то, чтобы вмѣсто гауптвахты, сдѣлать вамъ завтра (въ понедѣльникъ) Высочайшимъ именемъ замѣчаніе въ присутствіи Государственнаго Совѣта, но вмѣстѣ съ тѣмъ пожурить и Киселева“.

Въ это время явился къ князю и Киселевъ, за которымъ было послано. Пробывъ нѣсколько минутъ съ нимъ наединѣ, князь позвалъ меня опять въ кабинетъ, и тутъ я былъ пораженъ удивленіемъ. Киселевъ, котораго всѣ мы привыкли считать холоднымъ себялюбцемъ, обратился весь въ сочувствіе. Блѣдный, какъ смерть, онъ почти плакалъ о надѣланной мнѣ непріятности; говорилъ, что если я могу казаться Государю виноватымъ передъ Нимъ, то передо мною виноватъ онъ, Ки-

селевъ, проклиналъ легкомысліе Карнѣева и всей своей команды; говорилъ, что если бы меня отправили на гауптвахту, то самъ отдалъ бы свою шпагу, чтобы придти сидѣть со мною; превозносилъ какое-то мнимое мое *благородство*, въ томъ, что я принялъ всю вину на себя; увѣрялъ, что если только ему удастся увидѣть Государя передъ Его отъѣздомъ, то Онъ совершенно меня очиститъ и пр.

„Свиданія этого не было, потому что Государь простившись со всѣми, переѣхалъ уже, наканунѣ своего путешествія, въ Царское Село. Но Киселевъ честно сдержалъ свое слово, если не изустнымъ докладомъ, то посланною въ Царское Село запискою, которую заключилъ такъ: „Я повергаю сіе всеподданнѣйшее мое объясненіе (т.-е. исторію описокъ) на Всемилостивѣйшее воззрѣніе, осмѣливаясь надѣяться, что Ваше Величество во вниманіе къ сему откровенному объясненію, не поставите въ вину барону Корфу упущенія, происшедшаго по довѣрію къ моему завѣренію“.

„Вслѣдствіе этой записки, замѣчаніе мнѣ было отмѣнено и вообще все дѣло не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій“.

Что же было новаго въ проектахъ, проведенныхъ Киселевымъ? Что было новаго въ проектахъ проведенныхъ Киселевымъ.

Учрежденіе новаго министерства было задумано не имъ: оно лишь было осуществленіемъ мысли, высказанной Государственнымъ Совѣтомъ въ 1834 году, объ устройствѣ центральнаго управленія государственныхъ имуществъ, противъ которой не былъ и самъ министръ финансовъ гр. Канкринъ.

Тогда же Государственный Совѣтъ выразилъ мнѣніе объ отдѣленіи отъ хозяйственныхъ отдѣленій казенныхъ палатъ всѣхъ дѣлъ по завѣдыванію казенными крестьянами съ тѣмъ, чтобы эта часть была ввѣрена особому лицу подъ именемъ „управляющаго“, и чтобы для исполненія на мѣстахъ распоряженій его и палаты были даны ему помощники.

Эта мысль осуществлена учрежденіемъ въ губерніяхъ палатъ государственныхъ имуществъ и окружныхъ начальниковъ въ уѣздахъ.

Волости съ волостными правленіями и сельскія общества уже существовали.

Такимъ образомъ, составъ новаго административнаго механизма, въ главныхъ чертахъ, былъ придуманъ не Киселевымъ. Ему въ этомъ механизмѣ принадлежитъ одно: устройство сельской общины у государственныхъ крестьянъ на юридическихъ опредѣленіяхъ.

Мы видѣли, что различными фискальными мѣрами естественныя основы сельской общины были разрушены; Киселевъ возстановилъ ихъ: всѣ допущенныя до того времени частныя подраздѣленія селеній на участки были отмѣнены; въ каждомъ сельскомъ обществѣ были соединены всѣ предметы управленія: раскладка и сборъ податей, рекрутская повинность, запасные магазины; каждому обществу предоставлено право вѣдать свои хозяйственныя дѣла чрезъ посредство своего мірскаго схода, и имѣть свой судъ. Такимъ образомъ, сельское общество получило значеніе основной административной единицы съ своими выборными органами властей: полицейской, хозяйственной, судебной и финансовой.

Личныя права государственныхъ крестьянъ, какъ свободнаго состоянія, новыми учрежденіями ни въ чемъ не были нарушены; они остались неприкосновенными въ томъ видѣ, какъ были изложены въ Сводѣ Законовъ.

Киселевъ съ первыхъ приступовъ къ дѣлу преобразованія, высказался въ томъ смыслѣ, что въ управленіи государственными крестьянами финансовая цѣль должна занимать второстепенное мѣсто, а что прежде всего крестьяне нуждаются въ *покровительствѣ;* эту мысль, подъ словомъ *попечительство,* Киселевъ провелъ во всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ.

Цѣлію попечительства надъ государственными крестьянами поставлено улучшеніе ихъ благосостоянія; для достиженія этой цѣли на министерство возлагалась прежде всего забота о нравственномъ образованіи крестьянъ и объ огражденіи правъ, дарованныхъ сельскому сословію.

Затѣмъ, на министерство возлагалось попеченіе о введеніи постановленнаго въ законахъ порядка по всѣмъ частямъ

сельскаго благоустройства, какъ-то: поземельное устройство крестьянъ и устройство денежныхъ сборовъ; устройство натуральныхъ повинностей, обезпеченіе народнаго продовольствія, охраненіе народнаго здравія.

Считая существенною принадлежностію правильной администраціи строгое во всѣхъ ея дѣйствіяхъ соблюденіе *законности*, и отстраненіе всякаго произвола, Киселевъ желалъ въ проведенныхъ имъ учрежденіяхъ опредѣлить со всею подробностію права и обязанности мѣстъ и лицъ правительственныхъ и общественныхъ, начиная отъ сельскаго писаря и до министра. Все это было имъ сдѣлано въ учрежденіяхъ, которыя начертаны были по одной системѣ, проникнуты были одною мыслію и составляли такимъ образомъ одно органическое цѣлое.

ГЛАВА XXVIII.

1838—1842 гг.

Открытіе министерства государственныхъ имуществъ; расположеніе Государя къ Киселеву.—Введеніе новыхъ учрежденій въ пяти губерніяхъ и приготовленіе къ тому въ прочихъ губерніяхъ.—Участіе Государя въ ходѣ новаго управленія.—Поѣздка Киселева во внутреннія губерніи.—Дневникъ этого путешествія; письмо Киселева къ матери.—Забота Государя о запасахъ продовольствія государственныхъ крестьянъ.—Главные предметы дѣятельности министерства въ 1839 году.—Пожалованіе Киселеву графскаго достоинства.—Главныя дѣйствія министерства въ 1840 году.—Мысли Киселева о неудобствѣ увеличивать налоги на крестьянъ.—Записка объ отзывахъ государственныхъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ; отвѣтъ на нее товарища министра и резолюція Государя.—Важнѣйшіе доклады графа Киселева Государю въ 1841 году.—Поѣздка графа Киселева во внутреннія губерніи для обозрѣнія управленія.—Пожалованіе Киселеву ордена св. Андрея Первозваннаго; переписка съ братомъ.—Интриги противъ Киселева; назначеніе Перовскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ.—Опубликованіе отчета по министерству за 1842 годъ; содержаніе этого отчета.—Сравнительные выводы о состояніи предметовъ вѣдомства государственныхъ имуществъ.

Открытіе Министерства Государственныхъ Имуществъ; расположеніе Государя къ Киселеву.

1-го января 1838 года было открыто министерство государственныхъ имуществъ и въ тоже время упраздненъ бывшій департаментъ государственныхъ имуществъ. Вступая въ управленіе новымъ министерствомъ, Киселевъ пользовался полнымъ къ нему довѣріемъ Государя. Левенштернъ въ запискахъ своихъ подъ 1838 годомъ говоритъ:

„Генералъ Киселевъ достигъ верха милостей. Онъ сдѣлался баловнемъ Императора и Императрицы (il fût cajolé) и очень

часто обѣдалъ въ четверомъ съ принцемъ Карломъ и Ихъ Величествами [1]).

„Улица, въ которой онъ жилъ, была запружена экипажами посѣтителей, которые пріѣзжали къ нему со всѣхъ сторонъ на поклонъ.

„Во время моей болѣзни онъ былъ такъ любезенъ, что пріѣзжалъ навѣстить меня нѣсколько разъ. Съ своимъ тонкимъ и острымъ умомъ, онъ жестоко смѣялся надъ низостію этой толпы льстецовъ, которыхъ онъ презиралъ отъ глубины души. Однакоже онъ сдѣлался озабоченнымъ, въ предвиденіи затрудненій, которыя ему придется побѣждать; какъ бы ни былъ боецъ смѣлъ и храбръ, въ такихъ великихъ начинаніяхъ есть всегда условія, которыхъ нельзя не опасаться.

„Государь, принимая сенаторовъ, назначенныхъ въ составъ совѣта [2]), сказалъ имъ: поручаю вамъ часть, которою Я занимался много лѣтъ, надъ которою Я много думалъ, но за которую серьезно взяться у Меня никогда недоставало смѣлости. Благодаря поддержкѣ, которую обѣщаетъ Мнѣ Павелъ Дмитріевичъ, прибавилъ Онъ, взявъ дружески генерала Киселева за руку, Я надѣюсь, что съ помощію его опытности, поддерживаемый его знаніями, Я совершу это дѣло столь важное, и отъ котораго такъ много зависитъ будущность государства.

„Рѣдко исходитъ изъ устъ Монарха рѣчь столь почетная для министра. Но какъ бы она ни была лестна и одобрительна, она однакоже нисколько не уничтожаетъ препятствій. Гдѣ найдетъ генералъ дѣятелей, способныхъ трудиться вмѣстѣ съ нимъ въ этомъ великомъ дѣлѣ преобразованія?“.

Вновь открытое министерство въ отношеніи управленія

---

[1]) Въ подтвержденіе словъ Леверштерна приводимъ отмѣтки изъ дневника Киселева за январь мѣсяцъ 1838 года: 2-го января вечеръ въ Аничковскомъ дворцѣ; 3-го—докладъ у Государя, вечеръ у Великой Княгини; 5-го—обѣдъ у Государя; 7-го—обѣдъ у Государя, вечеръ у Великой Княгини; 10-го—докладъ у Государя; 11-го—обѣдъ у Великаго Князя; 13-го—обѣдъ у Государя; 14-го—вечеръ у Великой Княгини; 15-го—обѣдъ у Государя; 16-го—вечеръ при Дворѣ; 17-го—докладъ у Государя; 19-го—обѣдъ у Государя; 21-го—обѣдъ у Государя; 24-го—докладъ у Государя; 25-го—обѣдъ у Государя, вечеръ у Великой Княгини; 27-го—обѣдъ у Великаго Князя; 31-го—докладъ у Государя.

[2]) Министра государственныхъ имуществъ.

Введеніе новыхъ учрежденій въ пяти губерніяхъ и приготавленіе къ тому въ прочихъ губерніяхъ.

государственными имуществами и крестьянами должно было дѣйствовать вначалѣ чрезъ казенныя палаты и въ тоже время вводить новыя учрежденія въ губерніяхъ, гдѣ государственные крестьяне были на оброчномъ положеніи.

Всѣ предварительныя предположенія объ образованіи по новому учрежденію въ пяти губерніяхъ палатъ, округовъ, волостей и сельскихъ обществъ были разсмотрѣны въ министерствѣ въ теченіи мая и іюня и къ 5-му іюля 1838 г. открыто самое управленіе.

Въ остальныхъ 30-ти губерніяхъ, на которыя распространялось новое положеніе, учреждены были приготовительныя коммиссіи для составленія пріемныхъ описей государственныхъ имуществъ, для провѣрки и приведенія въ порядокъ дѣлъ, недоимокъ денежныхъ и хлѣбныхъ и т. п.

Въ тоже время были учреждены двѣ коммиссіи, одна—для устройства управленія государственными имуществами и крестьянами въ Западныхъ губерніяхъ, другая—для того же въ Остзейскихъ губерніяхъ.

Участіе Государя въ ходѣ новаго управленія.

Государь принималъ самое живое участіе въ ходѣ новаго учрежденія, какъ это видно изъ того, что Киселевъ, независимо отъ личныхъ докладовъ по понедѣльникамъ, представлялъ по временамъ Его Величеству краткія меморіи о дѣйствіяхъ по всѣмъ частямъ новаго управленія.

Поѣздка Киселева во внутреннія губерніи.

Лѣтомъ, 1838 года, Киселевъ отправился въ объѣздъ по Россіи; онъ хотѣлъ лично осмотрѣть внутреннія губерніи и познакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Онъ поѣхалъ чрезъ Усть-Ижору и Шлиссельбургъ на Новую Ладогу, Ладейное Поле, Олонецъ, Тихвинъ, Весьегонскъ, Мологу и Рыбинскъ въ Ярославль; оттуда направился на Кострому, Юрьевецъ, Балахну и Нижній Новгородъ; изъ послѣдняго онъ поѣхалъ въ Казань, Симбирскъ, Саратовъ, Пензу, Тамбовъ, Рязань и Москву, откуда чрезъ Тверь и Новгородъ возвратился въ Петербургъ.

Дневникъ этого путешествія; письмо Киселева къ матери.

Дневникъ этого путешествія, писанный самимъ Киселевымъ и веденный изо дня въ день, сохранился вполнѣ; онъ представляетъ чрезвычайно любопытный матеріалъ для характеристики того времени и самого Киселева. Павелъ Дмитріе-

вичъ живо интересовался всѣмъ, что касалось государственныхъ имуществъ, сельскаго хозяйства и въ особенности быта крестьянъ, который онъ хотѣлъ изучить со всѣхъ сторонъ при помощи личныхъ наблюденій и разговоровъ съ самими крестьянами; онъ постоянно разспрашивалъ ихъ: сколько у нихъ земли, сколько сѣютъ и собираютъ хлѣба, достаетъ-ли его на продовольствіе, есть-ли у нихъ запасы, какъ велики подати; въ чемъ они нуждаются, какъ вообще живутъ; разспрашивалъ о скотоводствѣ, о промыслахъ. Не ограничиваясь разспросами, онъ нерѣдко самъ осматривалъ крестьянскія земли, лѣса, угодья, указывалъ поселянамъ новыя, давалъ наставленія; пытался дѣлать разсчеты или бюджеты крестьянскихъ хозяйствъ; онъ допытывался у крестьянъ, кто и чѣмъ ихъ притѣсняетъ и очень огорчался, если видѣлъ, что крестьяне изъ страха не высказывали ему правды; убѣдясь въ основательности просьбъ или жалобъ крестьянъ, онъ тутъ же дѣлалъ надлежащія распоряженія.

Но особенный интересъ въ этихъ запискахъ представляютъ замѣтки Киселева о посѣщеніи имъ Острова, подмосковнаго имѣнія, пріобрѣтеннаго незадолго предъ тѣмъ въ казну. Это имѣніе принадлежало прежде графинѣ Орловой-Чесменской, и Киселевъ настоялъ на покупкѣ его въ казну вмѣстѣ съ крестьянами, перебивъ другаго опаснаго покупателя, бывшаго откупщика Шалашникова. Киселевъ задумалъ ввести въ Островѣ обязательныя отношенія крестьянъ къ казнѣ и употребилъ всѣ заботы, чтобы устроить бытъ крестьянъ этого имѣнія какъ можно лучше.

Онъ лично зналъ положеніе и нужды каждаго изъ нихъ и помогалъ всегда въ чемъ нужно.

Въ имѣніи былъ господскій домъ съ паркомъ на берегу Москвы-рѣки, и Киселевъ, бывая въ Москвѣ, любилъ останавливаться въ Островѣ и толковать съ крестьянами. Въ проѣздъ чрезъ Москву въ 1838 году онъ также ѣздилъ въ Островъ и вотъ что говоритъ объ этомъ:

„2-го сентября.

„Утро сегодняшняго дня посвятилъ я на поѣздку въ Островъ, имѣніе, купленное отъ графини Орловой. Оффи-

ціальный предметъ сей поѣздки заключался въ осмотрѣ строеній; собственное же желаніе мое было лично убѣдиться въ состояніи крестьянъ и въ духѣ введеннаго управленія, которое, въ видахъ осторожности учреждено мною двоякое: казенное и помѣщичье. Первый взглядъ и первыя слова крестьянъ успокоили меня и отклонили всякое опасеніе. Саратовъ, прежній экономъ Камецкаго лицея, понялъ свое назначеніе и въ нравственномъ отношеніи къ крестьянамъ выполнилъ его удовлетворительно. Садъ содержанъ въ порядкѣ, но строенія и ограды могли бы содержаться лучше, что, конечно, и будетъ. Имѣніе во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно по явному и дѣйствительному благосостоянію поселянъ. Вездѣ это благосостояніе представляется въ полномъ видѣ: дома, огороды, гумны, рабочій скотъ, телѣги, одежда женъ, здоровый видъ дѣтей, открытая наружность каждаго, — служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ сколько и у насъ полупросвѣщенные крестьяне умѣютъ быть счастливыми, когда руководствуются властію попечительною, отеческою и не стѣснительною. Сдѣлавъ здѣсь распоряженія, несовсѣмъ согласныя съ представленіемъ князя Горчакова (управлявшаго Московскою палатою государственныхъ имуществъ, брата бывшаго потомъ намѣстника въ Царствѣ Польскомъ), мы возвратились въ Москву другою дорогою, чрезъ село Коломенское.

„Поѣздка въ Островъ, при убѣжденіи въ счастливомъ состояніи сихъ крестьянъ, исторгнутыхъ, могу сказать, одною лишь настойчивостію моею, изъ рукъ откупщика Шалашникова, разлила на весь день пріятное на меня впечатлѣніе. Это событіе въ маломъ размѣрѣ доказало мнѣ, что каждое доброе дѣло не остается безъ возмездія и что на предстоящемъ мнѣ поприщѣ, если встрѣчаются заботы и огорченія, то въ замѣнъ того предстоитъ и для души добрая минута“.

По возвращеніи въ Петербургъ, Киселевъ писалъ матери отъ 29 октября:

„Говорить вамъ о себѣ было бы повтореніемъ вамъ извѣстнаго. Послѣ моего труднаго путешествія я, благодаря Бога, чувствую себя довольно здоровымъ. Дѣлъ множество, устаю

отъ заботъ, но не жалуюсь и не скучаю, бывъ подкрѣпляемъ милостивымъ вниманіемъ Государя, который благосклоннымъ обхожденіемъ своимъ заставляетъ трудиться съ удовольствіемъ"...

Въ краткомъ о своей поѣздкѣ отчетѣ Государю, Киселевъ, между прочимъ, коснулся неудовлетворительнаго состоянія сельскихъ запасныхъ магазиновъ. Государь противъ этой статьи отчета написалъ: „возлагаю на строжайшую вашу отвѣтственность, чтобы всѣ предписанныя для сего мѣры были немедленно исполнены", и прибавилъ, на словахъ, что „дѣло это Онъ считаетъ за нимъ, Киселевымъ". Слѣдствіемъ этого была передача, въ началѣ 1839 года, въ непосредственное вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ всѣхъ безъ изъятія распоряженій не только по устройству въ казенныхъ селеніяхъ магазиновъ, но и по сбору и по ссудамъ хлѣба.

Забота Государя о запасахъ продовольствія государственныхъ крестьянъ.

Въ слѣдующемъ 1839 году министерство государственныхъ имуществъ было озабочено, главнымъ образомъ, окончательнымъ образованіемъ управленія губернскаго, окружнаго и сельскаго въ губерніяхъ, гдѣ государственные крестьяне состояли на оброчномъ положеніи. Между тѣмъ Киселевъ проводилъ и другія законодательныя и административныя мѣры. Такъ въ началѣ года представленъ былъ имъ докладъ объ изысканіи способовъ оцѣнки государственныхъ имуществъ съ цѣлію переложенія податей съ душъ на земли; при этомъ Государь, по прочтеніи доклада, повелѣлъ изыскивать, по возможности, всѣ облегчительные способы къ достиженію предположенной цѣли. Для исполненія этого повелѣнія, были командированы три коммиссіи: въ сѣверную, среднюю и южную Россіи. Труды этихъ коммиссій послужили основаніемъ къ составленію правилъ о переложеніи податей государственныхъ крестьянъ съ душъ на земли и промыслы.

Главные предметы дѣятельности министерства въ 1839 году.

Въ томъ же году Киселевъ докладывалъ Государю: о необходимости въ устройствѣ состоянія крестьянъ поссессіонныхъ и однодворческихъ; объ учрежденіи въ видѣ опыта вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ въ с.-петербургской губерніи, объ изысканіи мѣръ къ призрѣнію безпріютныхъ солдатокъ изъ сословія государственныхъ крестьянъ; о переселеніи по-

ловниковъ вологодской губерніи съ владѣльческихъ на казенныя земли. Наконецъ, 28 декабря Высочайше утверждено Учрежденіе палатъ и окружныхъ управленій въ западныхъ губерніяхъ.

Въ 1839 году 12 августа, Киселевъ выѣхалъ въ Москву для присутствованія на бородинскихъ маневрахъ, и осматривалъ на пути вновь открытыя палаты государственныхъ имуществъ въ Новгородѣ и Твери; изъ Москвы для той-же цѣли въ сентябрѣ ѣздилъ въ Калугу, Орелъ и Тулу и возвратился въ С.-Петербургъ 5 октября.

Пожалованіе Киселеву графскаго достоинства.

Въ этомъ году 26 марта Павлу Дмитріевичу пожаловано графское достоинство „въ воздаяніе за долговременную отличную службу, ознаменованную многими подвигами пламенной ревности и усердія на пользу престолу и отечеству, въ особенности, за успѣшное и видамъ Его Императорскаго Величества вполнѣ соотвѣтственное образованіе ввѣреннаго ему министерства государственныхъ имуществъ“.

На другой день, вмѣстѣ съ поздравленіемъ съ праздникомъ, онъ писалъ матери:

…„Спѣшу васъ увѣдомить, что Государю Императору угодно было ознаменовать Монаршее свое благоволеніе къ особымъ заслугамъ моимъ возведеніемъ меня въ графское достоинство. Награда эта мнѣ тѣмъ болѣе пріятна и лестна, что есть послѣдствіе личнаго внушенія Его Величества безъ всякаго посторонняго искательства“.

Главныя дѣйствія министерства въ 1840 году.

Въ 1840 году, когда управленіе уже образовалось окончательно, Киселевъ призналъ необходимымъ заняться составленіемъ разныхъ хозяйственныхъ капиталовъ, безъ которыхъ не возможно было ни предпринимать въ удовлетворительномъ объемѣ межеванія, ни начать устройство училищъ, фермъ и другихъ хозяйственныхъ учрежденій.

Съ этою цѣлію, по его представленію, взамѣнъ сборовъ на частныя земскія повинности, былъ учрежденъ, такъ называемый, общественный съ государственныхъ крестьянъ сборъ, который назначался на содержаніе мѣстнаго управленія (губернскаго, окружнаго, волостнаго и сельскаго), на межева-

ніе и оцѣнку земель и на составленіе хозяйственнаго капитала.

Этотъ послѣдній капиталъ имѣлъ исключительнымъ назначеніемъ: хозяйственныя улучшенія государственныхъ крестьянъ; учрежденіе и содержаніе учебныхъ сельско-хозяйственныхъ заведеній; устройство дорогъ, пристаней; заведеніе у крестьянъ лѣсныхъ плантацій; осушеніе болотъ, расчистку неудобныхъ земель; учрежденіе сельскихъ банковъ, больницъ и богадѣленъ. Источниками для составленія хозяйственнаго капитала были назначены: часть общественнаго сбора; часть доходовъ отъ мірскихъ оброчныхъ статей; штрафы, взыскиваемые съ государственныхъ крестьянъ по судебному уставу; суммы, выручаемыя отъ продажи выморочныхъ имуществъ государственныхъ крестьянъ; доходы отъ разныхъ хозяйственныхъ учрежденій.

Одновременно Киселевъ внесъ въ комитетъ министровъ представленіе о томъ, чтобы принять одинъ изъ годовъ за нормальный относительно поступленія доходовъ отъ государственныхъ имуществъ и затѣмъ изъ возвышенія доходовъ отдѣлять 20% на диспозицію министра государственныхъ имуществъ для необходимыхъ хозяйственныхъ улучшеній въ казенныхъ имѣніяхъ съ цѣлію возвышенія отъ нихъ доходовъ.

Мысли Киселева о неудобствѣ увеличивать налоги на крестьянъ.

Министръ финансовъ не согласился на это и предлагалъ сдѣлать налогъ на крестьянъ. Киселевъ отвѣчалъ, что было бы несправедливо „для цѣлей чисто правительственныхъ, облагать крестьянъ; что если и нельзя будетъ обойтись впослѣдствіи безъ нѣкотораго увеличенія налоговъ, то всякое увеличеніе, при первомъ появленіи новаго Управленія, могло бы ослабить въ крестьянахъ довѣріе, которое сохранить тѣмъ желательнѣе, что обширность видовъ правительства въ будущемъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, съ цѣлію возвышенія доходовъ, требуетъ укоренить въ поселянахъ убѣжденіе въ пользѣ для нихъ новыхъ учрежденій, безъ чего дѣйствія правительства не могутъ имѣть удовлетворительныхъ результатовъ и новое Управленіе въ такомъ положеніи должно бы было

продолжать фискальную систему, которой послѣдствія не нужно изъяснять“.

Въ этомъ же году были утверждены представленія Киселева: о переселеніи половниковъ съ владѣльческихъ земель на казенныя, о подчиненіи населенныхъ имѣній духовенства въ западныхъ губерніяхъ Управленію государственныхъ имуществъ; о главныхъ основаніяхъ Учрежденія сельскаго управленія и Сельскихъ Уставовъ, Полицейскаго и Судебнаго, для западныхъ губерній.

11 мая 1840 г. Киселевъ выѣхалъ изъ Петербурга заграницу къ Карлсбадскимъ минеральнымъ водамъ, откуда, чрезъ Житоміръ, Кіевъ (гдѣ встрѣтился съ Государемъ), Полтаву, Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Калугу, Тулу, Рязань и Москву возвратился 11 сентября въ С.-Петербургъ, осмотрѣвъ по пути въ означенныхъ городахъ новое Управленіе государственныхъ имуществъ.

Записка объ отзывахъ государственныхъ крестьянъ нѣкоторыхъ губерній; отвѣтъ на нее товарища министра и резолюція Государя.

Въ сентябрѣ, когда Киселева не было еще въ Петербургѣ, гр. Бенкендорфъ, по приказанію Государя, передалъ управлявшему министерствомъ товарищу министра Гамалѣю безъименную записку „объ отзывахъ государственныхъ крестьянъ московской, тульской и рязанской губерній объ учрежденномъ надъ ними новомъ управленіи“.

Гамалѣй представилъ въ отвѣтъ на эту записку слѣдующій всеподданнѣйшій докладъ:

„Неудовольствія крестьянъ, какъ изъяснено въ запискѣ, имѣютъ предметомъ умноженіе числа должностныхъ лицъ, содержаніе которыхъ отнесено на счетъ крестьянъ, издержки при проѣздахъ начальниковъ и безпечность новаго Управленія на счетъ нуждъ крестьянъ по случаю неурожая.

„Управляющій министерствомъ государственныхъ имуществъ священною обязанностію поставляетъ донести Вашему Императорскому Величеству, что устройство волостныхъ и сельскихъ управленій и опредѣленіе числа должностныхъ лицъ были предметомъ внимательнаго обсужденія при составленіи проекта Учрежденія новаго управленія. Хотя составъ сельскаго и волостнаго управленій, противъ прежняго, нѣсколько увеличенъ,

но въ замѣнъ того и содержаніе сихъ управленій отнесено на счетъ большаго числа душъ; ибо въ сельскихъ обществахъ заключалось прежде до 500, а нынѣ до 1500 душъ, а волости по новому образованію вмѣщаютъ въ себѣ до 8 т. душъ, тогда какъ при прежнемъ управленіи число душъ въ оныхъ не могло превышать 5 т. При таковомъ увеличеніи составовъ сельскихъ обществъ и волостей, имѣлось главнѣйше въ виду облегчить крестьянамъ содержаніе должностныхъ лицъ. Опытъ, дѣйствительно, указалъ, что нѣкоторыя волости и сельскія общества по необходимости должны были остаться въ меньшемъ размѣрѣ и потому содержаніе всѣхъ назначенныхъ Учрежденіемъ должностныхъ лицъ, оказывается для таковыхъ обществъ нѣсколько отяготительнымъ; но нынѣ сдѣлано уже предположеніе объ уменьшеніи въ оныхъ числа сихъ лицъ и какъ при составленіи Учрежденія, раздѣленіе на волости признавалось уже отчасти излишнимъ и оставлено въ томъ соображеніи, что крестьяне къ сему раздѣленію привыкли и что при введеніи новаго управленія необходимо было большее число должностныхъ лицъ, обязанныхъ непосредственною начальству отвѣтственностію за сохраненіе порядка, то на основаніи Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, коимъ возложено на управленіе государственныхъ имуществъ къ 1843 году, представить о тѣхъ измѣненіяхъ въ „Учрежденіи“, необходимость которыхъ будетъ указана опытомъ, и составляется нынѣ общее по сему предмету предположеніе.

„Что касается до неудовольствія крестьянъ на издержки, въ которыя они вовлекаются будто бы проѣздами начальниковъ, то жалобы сіи, если онѣ относятся къ обремененію подводною повинностію, совершенно неосновательны. Изъ донесеній ревизоровъ, посланныхъ для обозрѣнія государственныхъ имуществъ, Ваше Императорское Величество изволили усмотрѣть, что въ то время всѣ чиновники губернскаго и уѣзднаго управленій, канцелярскіе служители, сторожа, духовныя лица и проч. пользовались подводами и крестьяне исправляли повинность сію неуравнительно. Нынѣ одни должностные чиновники управленія государственными имуществами и земская по-

лиція берутъ подводы и жалобъ по сему предмету отъ крестьянъ не было. Если же здѣсь содержится указаніе на другаго рода издержки, то управляющій министерствомъ государственныхъ имуществъ пріемлетъ смѣлость доложить Вашему Императорскому Величеству, что министерство строго и постоянно наблюдаетъ за дѣйствіями подвѣдомственныхъ оному чиновъ, и что свидѣтельство начальниковъ губерній, всѣхъ благонамѣренныхъ дворянъ и чиновниковъ и благодарность самихъ крестьянъ опровергаютъ сей извѣтъ, также какъ и недостатокъ попеченія о крестьянахъ.

„Дѣйствія новаго управленія государственными имуществами по отвращенію вредныхъ послѣдствій неурожая, едва-ли неболѣе всего убѣждаютъ въ пользѣ, которую принесло сіе управленіе. Здѣсь во всей силѣ обнаружилось предусмотрительное попечительство его о Высочайше ввѣренномъ ему сословіи; но попечительство сіе ограничивается не безусловнымъ удовлетвореніемъ, всегда преувеличенныхъ и неосновательныхъ, требованій крестьянъ; оно направлено къ огражденію однихъ истинно нуждающихся отъ бѣдствій голода, къ отвращенію, чтобы дѣлаемыя пособія не оставались въ рукахъ тѣхъ, которые раздаютъ оныя, или не доходили, какъ прежде, до однихъ только такъ называемыхъ міроѣдовъ, и къ устраненію притомъ всякаго излишества, которое какъ опытомъ дознано, вовлекаетъ казну въ безполезные убытки, усиливаетъ въ крестьянахъ нерадѣніе къ хозяйству и безпечность, и поселяетъ въ нихъ вредную мысль, что при недостаткѣ собственныхъ средствъ, правительство обязано продовольствовать ихъ. Распоряженія сіи не могли не вооружить противъ новаго управленія нѣкоторыхъ крестьянъ, привыкшихъ жить на счетъ другихъ; но они увѣнчались полнымъ несомнѣннымъ успѣхомъ, какъ явствуетъ изъ сравненія суммъ въ прежніе неурожайные годы и нынѣ употребленныхъ на продовольствіе крестьянъ, и еще болѣе можетъ быть изъ того разительнаго различія, что прежде казенные крестьяне всегда озабочивали правительство болѣе, чѣмъ помѣщичьи; нынѣ напротивъ послѣдніе требуютъ большаго попеченія и значительныхъ по-

жертвованій, симъ фактомъ безспорно доказывается, что новое Управленіе, несмотря на краткость своего существованія, успѣло уже нѣсколько улучшить положеніе государственныхъ крестьянъ.

„Къ сему управляющій министерствомъ государственныхъ имуществъ пріемлетъ смѣлость присовокупить, что новое управленіе, съ открытіемъ котораго пресѣчены злоупотребленія, въ теченіе столь многихъ десятилѣтій служившія для многочисленнаго класса лицъ источникомъ обильныхъ доходовъ, неминуемо долженствовало возбудить враждебное къ себѣ расположеніе; что въ числѣ недовольныхъ есть много и казенныхъ крестьянъ, пользовавшихся прежде пріобрѣтенною злоупотребреніемъ властію для удовлетворенія своихъ корыстныхъ видовъ и что наконецъ, одно только то обстоятельство рождаетъ удивленіе, что до нынѣ возникло столь мало извѣтовъ на новое управленіе".

Государь на этомъ докладѣ написалъ: „Свѣдѣнія, подоб„ныя вамъ сообщеннымъ, полезно имѣть въ виду, не съ тѣмъ, „чтобы имъ слѣпо вѣрить, но чтобы сличить съ истиннымъ. „Иногда-же найдется и справедливое".

Важнѣйшіе доклады графа Киселева Государю въ 1841 году.

Въ 1841 году были утверждены, по представленію Киселева, слѣдующія мѣры: призрѣніе солдатокъ изъ состоянія государственныхъ крестьянъ; учрежденіе инспекціи сельскаго хозяйства южныхъ губерній; устройство отставныхъ нижнихъ чиновъ, водворяемыхъ въ казенныхъ селеніяхъ; учрежденіе учебныхъ фермъ; главныя основанія преобразованія Управленія государственными имуществами въ остзейскихъ губерніяхъ; соединеніе губернскихъ капиталовъ продовольствія въ одинъ общій; разрѣшеніе нижнимъ чинамъ, происходящимъ изъ мѣщанъ и помѣщичьихъ крестьянъ, селиться на свободныхъ земляхъ въ многоземельныхъ губерніяхъ.

Поѣздка графа Киселева во внутреннія губерніи для обревизованія управленія.

15-го іюля Киселевъ отправился для обозрѣнія управленія государственныхъ имуществъ и осматривалъ между прочимъ Горыгорецкое земледѣльческое училище въ могилевской губерніи, посѣтилъ менонитовъ и духоборцевъ, осматривалъ въ Крыму и Бессарабіи учебныя садовыя заведенія и потомъ,

чрезъ Кіевъ и Могилевъ, 8-го октября возвратился въ Петербургъ.

Пожалованіе Киселеву ордена Андрея Первозваннаго.

Въ 1841 году, 16-го апрѣля, графу Киселеву пожалованъ Андреевскій орденъ „за дѣятельное исполненіе, какъ сказано въ рескриптѣ, намѣренія Его Императорскаго Величества къ обезпеченію благосостоянія государственныхъ крестьянъ, постепеннымъ устройствомъ ввѣреннаго ему управленія и введеніе благочинія и порядка". Поэтому поводу въ отвѣтъ на поздравленіе отъ брата Сергѣя Дмитріевича, онъ писалъ ему 3-го мая: „Спасибо за поздравленіе, любезный другъ. Милость Государя велика и превышаетъ мои заслуги, такъ что я безпрерывно остаюсь въ долгу предъ щедротами Его. Судьбѣ не угодно было удвоить мое удовольствіе сохраненіемъ той, которая была-бы истинно счастлива [1]) симъ торжественнымъ доказательствомъ всемилостивѣйшаго вниманія къ усердному служенію моему. Твое поздравленіе, какъ истинносердечное, мнѣ отрадно и тѣмъ болѣе, что вѣроятно много я получилъ поздравленій нестоль искренних; но въ дѣлахъ человѣческихъ быть иначе не можетъ; мнѣ-же на общее расположеніе людей жаловаться не должно, ибо здѣсь покрайней мѣрѣ, полагавшихъ себя обиженными нѣтъ; награда, мною полученная была принята публикою благосклонно".

Переписка съ братомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, 12-го іюня, онъ писалъ брату изъ С.-Петербурга:

„Занятія мои продолжаются успѣшно, потому что я одушевленъ желаніемъ выполнить намѣреніе Государя, ко мнѣ постоянно милостиваго и отъ котораго безпрестанно получаю новыя доказательства довѣрія и расположенія. Желалъ бы всѣхъ своихъ сослуживцевъ одушевить собственнымъ душевнымъ усердіемъ и служить болѣе честно при исправленіи обязанностей своихъ. Но Россію не передѣлаешь разомъ и время—цѣлитель всего, исцѣлитъ и эту заразу, въ нравы большинства нашихъ чиновниковъ вкравшуюся. Если что дойдетъ до тебя хорошаго или дурнаго, то сообщи мнѣ и будь твердо

---

[1]) Киселевъ здѣсь разумѣетъ свою мать, скончавшуюся предъ тѣмъ.

увѣренъ, что сокровенныя сообщенія будутъ сохранены собственно для меня и для личнаго указанія. Я желалъ-бы, что бы и всѣ пріятели давали мнѣ эту нравственную помощь и помогли въ трудномъ собираніи тайныхъ свѣдѣній о подчиненныхъ министерства, къ сожалѣнію большею частію незаслуживающихъ довѣрія.

„Просьбу мою я нынѣ повторяю, потому что между прочимъ увѣряютъ меня, будто бы въ Москвѣ все Управленіе находится въ дремотѣ и бездѣйствіи, и что дѣла дѣлаются низшими чинами сего Управленія; правда-ли?“

Интриги противъ Киселева; назначеніе Перовскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Расположеніе и довѣріе Государя къ Киселеву естественно возбуждали къ нему въ придворной сферѣ зависть, которая потомъ легко переходитъ въ ненависть и побуждаетъ къ интригѣ людей способныхъ къ ней.

О такой интригѣ противъ Киселева разсказываетъ графъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ подъ 1841 г. По словамъ его, враги Павла Дмитріевича надѣялись, что онъ встрѣтитъ опаснаго для себя соперника въ Л. А. Перовскомъ назначенномъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Событія однако-же не оправдали ожиданій враговъ Киселева. Л. А. Перовскій служилъ въ прежнее время адъютантомъ у князя П. М. Волконскаго и, управляя его домашними дѣлами, составилъ себѣ репутацію хорошаго хозяина. Это было причиною назначенія Перовскаго товарищемъ министра удѣловъ. Перовскій поддержалъ свою репутацію, увеличивъ удѣльные доходы. Увеличеніе это было слѣдствіемъ трехъ операцій: обмѣна удѣльныхъ имѣній на лучшія казенныя селенія, обложенія удѣльныхъ крестьянъ поземельнымъ сборомъ вмѣсто оброчной подати и наконецъ—введенія у нихъ общественной запашки.

Когда дѣло коснулось преобразованія управленія казенными крестьянами, то, по сходству предметовъ, казалось-бы, что къ этому дѣлу долженъ быть призванъ не кто иной, какъ Перовскій. Но объ немъ не было и рѣчи, какъ мы видѣли выше. Между тѣмъ, онъ, человѣкъ съ достаточною долею самолюбія и честолюбія, не могъ считать себя необойденнымъ и

втайнѣ питалъ нерасположеніе къ Киселеву. Нерасположеніе это онъ сталъ выказывать въ первое время назначенія его министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но чрезъ нѣкоторое время Перовскій, надо отдать ему справедливость, сознать превосходство ума и характера Киселева и перемѣнилъ свое обращеніе съ нимъ, какъ это замѣчаетъ и графъ Корфъ въ своихъ запискахъ подъ 1846-мъ годомъ.

Опубликованіе отчета по министерству за 1842 годъ; содержаніе этого отчета.

Въ 1843 году, Киселевъ въ первый разъ напечаталъ представленный имъ Государю отчетъ по управленію министерствомъ государственныхъ имуществъ за 1842 годъ, пятый—съ открытія министерства и шестой—со времени поступленія государственныхъ имуществъ и крестьянъ въ новое управленіе.

Отчетъ раздѣлялся на три части: первая часть относилась къ управленію государственными имуществами; вторая—къ попечительству надъ сельскими обывателями; третья—къ распространенію и улучшенію сельскаго хозяйства вообще.

Государственныхъ имуществъ въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства состояло: земель, кромѣ Сибири и Закавказскаго края			87.494,158 дес.
оброчныхъ статей:			
казенныхъ. . . .	10,232	на сумму	1.066,300 р.
мірскихъ	13,212	„	429,415 „
казенныхъ имѣній на хозяйственномъ положеніи 2,800, въ нихъ:			
ревизскихъ душъ			821,783
доходъ съ сихъ имѣній			2.481,079 р.
фундушевый капиталъ			2.632,182 „
лѣсовъ			119.062,241 д.

Главныя мѣры въ отношеніи управленія казенными землями состояли: въ приведеніи ихъ въ извѣстность съемкою, въ отдѣленіи земель, назначенныхъ во Всемилостивѣйшее пожалованіе, для надѣла крестьянъ и для водворенія переселенцевъ

изъ малоземельныхъ губерній, и наконецъ въ отграниченіи, размежеваніемъ, казенныхъ дачъ, состоящихъ въ черезполосномъ владѣніи.

Управленіе оброчными статьями, какъ заведеніями хозяйственными, предполагаетъ необходимость въ оборотномъ капиталѣ для устройства и улучшенія ихъ, отчего преимущественно зависитъ возвышеніе доходовъ. При неимѣніи такого капитала, министерству оставалось дѣйствовать на возвышеніе дохода однѣми административными мѣрами: учрежденіемъ по возможности новыхъ статей и возвышеніемъ оброка чрезъ открытіе способовъ участвовать въ торгахъ бóльшему, сколь возможно, числу желающихъ. Этими мѣрами доходъ съ казенныхъ оброчныхъ статей въ одномъ 1842 году возвышенъ на 102,302 р. и съ мірскихъ на 37,385 р.

Въ 1842 году поступило имѣній въ казну изъ частнаго владѣнія и военнаго вѣдомства 31 и духовныхъ 510. Для устройства имѣній, состоявшихъ на хозяйственномъ положеніи, министерство дѣйствовало тремя способами: а) люстраціею, т. е. надѣломъ крестьянъ достаточною пропорціею земли и установленіемъ соразмѣрныхъ хозяйственныхъ повинностей; б) отдачею имѣній въ администрацію на продолжительные сроки, и в) переводомъ крестьянъ на оброчное положеніе.

При люстраціи были достигнуты въ 144 имѣніяхъ, населенныхъ 57,860 душъ, двѣ важныя цѣли: уменьшеніе повинностей крестьянъ въ работѣ (на 400,000 рабочихъ дней) и въ оброкѣ (на 31,000 руб.) всего на 35%, и возвышеніе дохода казны на 40% (63,159 р.)

Въ отношеніи обращенія крестьянъ на оброчное положеніе, говорилъ отчетъ, министерство съ самаго учрежденія своего постоянно принимало къ тому всѣ зависящія отъ него мѣры; но мѣстныя обстоятельства поставляли величайшія затрудненія: крестьяне, находясь нѣсколько столѣтій подъ вліяніемъ арендной системы, приведены въ совершенную неспособность управлять собою и своимъ хозяйствомъ. Поэтому управленіе постановило правиломъ дѣйствовать въ семъ случаѣ по-

степенно, обращая на оброкъ ежегодно часть крестьянъ, которые, при собственномъ ихъ на то согласіи, признаны будутъ мѣстнымъ начальствомъ благонадежными въ поддержаніи своего хозяйства и въ исправномъ платежѣ оброка. Въ 1842 году, сверхъ перешедшихъ прежде на оброкъ 250 имѣній, переведено вновь 40 имѣній, заключавшихъ въ себѣ 12,238 душъ.

На министерствѣ также лежала ликвидація конфискованныхъ у польскихъ мятежниковъ имѣній. Изъ 459 такихъ имѣній окончательно ликвидировано, т. е. сдѣланъ расчетъ по долгамъ, сдѣланнымъ прежними ихъ владѣльцами, въ 228 имѣніяхъ.

По управленію лѣсами въ 1842 году принята была весьма важная мѣра: положены общія лѣсному хозяйству основанія состоявшія въ слѣдующемъ:

1) Всѣ казенные лѣса, по различію климата и мѣстности, предположено раздѣлить на 6 инспекцій, каждая подъ наблюденіемъ особаго вице-инспектора.

2) Въ каждой инспекціи избираются удобнѣйшія и ближайшія къ центру инспекціи лѣсныя дачи; въ нихъ, подъ личнымъ руководствомъ вице-инспекторовъ, учреждается правильное лѣсное хозяйство, которое, при упрощенной таксаціи, должно будетъ служить, съ одной стороны, образцомъ лѣснаго хозяйства, а съ другой, средствомъ практическаго образованія лѣсныхъ офицеровъ, именно въ томъ родѣ хозяйства, какое требуется мѣстными обстоятельствами края.

3) По достаточномъ практическомъ образованіи офицеровъ, избираются другія значительнѣйшія, по цѣнности и удобству сообщенія, лѣсныя дачи, для введенія въ нихъ хозяйства на правилахъ, принятыхъ въ образцовымъ лѣсничествахъ, и такимъ образомъ, изъ средоточія инспекцій будетъ распространяться лѣсное хозяйство постепенно на всѣ лѣса.

На основаніи такихъ предположеній, въ 1842 году образованы всѣ инспекціи; избрано въ 8-ми губерніяхъ [1]) 8 лѣсныхъ дачъ, пространствомъ 100,000 дес., которыя, посред-

[1]) Въ олонецкой, новгородской, вятской, казанской, нижегородской, тульской, черниговской и курляндской.

ствомъ ученыхъ лѣсныхъ офицеровъ, сняты на планъ, описаны и таксированы, т. е. раздѣлены на лѣсосѣки, и въ нихъ все количество произрастающаго лѣса исчислено въ кубическомъ его содержаніи; приведенъ въ извѣстность ежегодный приростъ и назначены части къ ежегодной вырубкѣ.

Введеніе правильнаго лѣснаго хозяйства относилось къ губерніямъ, гдѣ лѣса болѣе или менѣе еще сохранились; но тамъ, гдѣ въ лѣсѣ ощущался недостатокъ необходимо было обратить вниманіе на разведеніе лѣса, на пріисканіе и введеніе минеральнаго топлива. Въ первомъ отношеніи было приведено въ дѣйствіе предположеніе объ учрежденіи во всѣхъ колоніяхъ южнаго края лѣсныхъ плантацій, для чего и было отведено колонистамъ 10,600 десят. земли. Въ тоже время были произведены чрезъ особыхъ техниковъ розысканія торфяниковъ въ 6 губерніяхъ, а близъ Москвы была произведена учебная разработка торфа, и предположено было, по соглашенію съ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Воронцовымъ, учредить въ екатеринославской губерніи образцовую разработку антрацита.

Переходя къ другому предмету управленія, именно къ сбору доходовъ, Киселевъ говорилъ: „министерство съ одной стороны заботилось о возвышеніи доходовъ, съ другой о средствахъ сбора ихъ безъ обремененія крестьянъ, дабы при неуравнительности способовъ для платежей, поддержать ихъ состояніе доколѣ подати не приведены будутъ въ соразмѣрность со средствами крестьянъ, т.-е. съ ихъ доходами отъ земель и промысловъ“.

Окладъ податей и доходы съ оброчныхъ статей, казенныхъ имѣній и лѣсовъ составляли	29.604,578 р.
болѣе противъ 1841 года на	1.569,487 „
дѣйствительно поступило.	28.108,591 „
менѣе противъ оклада на	1.495,986 „
но болѣе поступленій 1841 года на. . .	2.263,390 „
Окладъ земскихъ сборовъ составлялъ . . .	2.828,199 „

действительно поступило. . . . . 2.833,429 р.
Общественнаго сбора окладъ составлялъ . . 3.450,356 „
и поступилъ весь сполна.

Говоря объ исполненіи государственными крестьянами натуральныхъ повинностей, Киселевъ останавливается на рекрутской.

„Какія бы мѣры ни были приняты, говорилъ онъ, къ улучшенію очередныхъ списковъ, все это не можетъ уничтожить коренныхъ неудобствъ очередной системы, въ которой, кромѣ разнаго рода злоупотребленій, естественная невозможность усчитать правильнымъ образомъ очередь каждаго семейства, поставляетъ величайшую преграду устроить сію повинность на началахъ удовлетворительныхъ.

„Дабы отвратить сіе неудобство и, съ тѣмъ вмѣстѣ, упростить систему рекрутскихъ наборовъ, въ 1838 году былъ сдѣланъ опытъ набора по жеребьямъ, который постепенно распространялся и въ 1842 году обнималъ 14 губерній.

„Жеребьевая система представляетъ важное превосходство, противъ очереднаго порядка, по своей простотѣ и удобности, какъ сіе доказывается 22 лѣтнимъ опытомъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Кромѣ того, ограничиваясь однимъ опредѣленнымъ возрастомъ молодыхъ людей 20 лѣтъ, она содѣлываетъ наборъ менѣе тягостнымъ, не касаясь людей высшаго возраста, и слѣдовательно людей женатыхъ, имѣющихъ семейства. Наконецъ самые рекруты, поступая на службу въ цвѣтѣ лѣтъ, не только съ большею удобностію могутъ перенести труды военной службы, но, окончивъ срокъ службы, они въ состояніи еще будутъ заняться, по отставкѣ, устройствомъ своего быта, не обременяя собою общества.

„Пятилѣтній опытъ, внимательное наблюденіе и отзывы лицъ, участвующихъ въ наборѣ, представляютъ полное убѣжденіе въ выгодности сей системы, и если иногда были замѣчанія, то это относилось къ нѣкоторымъ затрудненіямъ, неизбѣжнымъ въ началѣ при переходѣ отъ одной системы къ другой, которыя сами собою должны уничтожиться“.

Вторая часть отчета говоритъ о мѣрахъ попечительства надъ сельскими обывателями [1]) въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Къ первымъ отчетъ относитъ: устройство состоянія, религіозно-нравственное образованіе или воспитаніе народа и устройство домашняго суда.

Подъ устройствомъ состоянія отчетъ прежде всего разумѣетъ устройство сельскаго управленія, и говоритъ, „что всѣ распоряженія объ устройствѣ волостей и сельскихъ обществъ приведены въ исполненіе окончательно, и по новому положенію образованы 1,449 волостей и 6,895 сельскихъ обществъ. Повсемѣстно образованы волостныя и сельскія управленія по дѣламъ административнымъ, расправы по дѣламъ тяжебнымъ и о проступкахъ и наконецъ мірскіе сходы по дѣламъ общественнымъ“...

„Пользуясь собственно своею администраціею, крестьяне, сверхъ того, *имѣютъ право* требовать по дѣламъ своимъ защиты и покровительства отъ ближайшаго управленія окружнаго или палатъ государственныхъ имуществъ. Имъ открытъ свободный путь къ принесенію жалобъ и на дѣйствія учрежденнаго надъ ними управленія“.

Въ этой же статьѣ отчетъ указываетъ на мѣры, относившіяся: къ выведенію половниковъ изъ неопредѣленнаго состоянія, предоставленіемъ желающимъ изъ нихъ средствъ къ водворенію на казенныхъ земляхъ; къ покупкѣ въ казну въ продолженіи 10 лѣтъ всѣхъ однодворческихъ крестьянъ; къ водворенію неимѣющихъ осѣдлости западныхъ однодворцевъ на казенныхъ земляхъ въ новороссійскихъ губерніяхъ; къ устройству отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ; къ устройству проживающихъ въ казенныхъ селеніяхъ солдатокъ, которыхъ оказалось, по собраннымъ свѣдѣніямъ, 166,575.

Обращаясь къ мѣрамъ улучшенія нравственности и указавъ на число построенныхъ вновь церквей въ казенныхъ селеніяхъ, и на предпринятыя и отчасти уже выполненныя мѣры

[1]) Въ отчетѣ сказано, что общее количество податнаго народонаселенія, по вѣдомству государственныхъ имуществъ въ 1842 году, составляло 9.457,172 души, муж. пола; сверхъ того рожденныхъ послѣ ревизіи 897,805 д.

къ обезпеченію содержанія духовенства въ западныхъ губерніяхъ, Киселевъ останавливается на устройствѣ сельскихъ училищъ.

Еще при первоначальномъ обозрѣніи нѣкоторыхъ волостей государственныхъ крестьянъ въ 1836 году Киселевъ въ докладѣ Государю указывалъ на совершенное пренебреженіе образованіемъ крестьянъ, свойственнымъ сельскому быту [1]). Тогда въ высшихъ даже сферахъ смотрѣли еще недовѣрчиво на пользу образованія народа. Киселевъ не безъ труда и не съ разу побѣдилъ это предубѣжденіе и 23-го ноября 1842 года состоялся слѣдующій замѣчательный на его имя указъ:

„Господину министру государственнымъ имуществъ.

„Признавая главнѣйшимъ основаніемъ народнаго благосостоянія религіозно-нравственное воспитаніе, и слѣдуя мѣрамъ, которыя со временъ Императора Петра Великаго неоднократно были принимаемы къ учрежденію училищъ для доставленія людямъ изъ низшихъ сословій первоначальныхъ свѣдѣній, всякому необходимыхъ, Мы, согласно съ симъ утвердили, въ 1828 году, подробный Уставъ сельскихъ приходскихъ училищъ, и впослѣдствіи возложили на васъ постепенное учрежденіе сихъ заведеній въ казенныхъ селеніяхъ, постановивъ главною ихъ цѣлію религіозно-нравственное образованіе юношества, при непосредственномъ содѣйствіи приходскаго духовенства, на правилахъ Святѣйшимъ Синодомъ и министромъ народнаго просвѣщенія предположенныхъ.

„Нынѣ, съ приведеніемъ въ дѣйствіе таковой Нашей воли, желая обезпечить успѣхъ предпринятой мѣры, отъ которой зависитъ укорененіе добрыхъ нравовъ, и слѣдовательно самое улучшеніе хозяйственнаго быта поселянъ, Мы повелѣваемъ:

„1) Объявить государственнымъ крестьянамъ, что учреждая для собственнаго ихъ блага способы образованія сельскаго юношества, Мы желаемъ, съ одной стороны, чтобы они, исполняя долгъ отеческаго попеченія о своихъ дѣтяхъ, обучали ихъ въ приходскихъ училищахъ, а съ другой, чтобы дѣти поселянъ, пріобрѣтая въ сихъ училищахъ истинныя понятія о своихъ обязанностяхъ, предписанныхъ Закономъ Божіемъ, и

---

[1]) См. выше стр. 20.

обо всемъ, что необходимо въ кругу сельскаго быта, доставляли утѣшеніе родителямъ и пользу своимъ обществамъ.

„2) Войти въ сношеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, какъ относительно содѣйствія и надзора со стороны общаго училищнаго начальства къ преуспѣянію сельскихъ приходскихъ училищъ, на преподанныхъ для того правилахъ, такъ въ особенности объ избраніи достойнѣйшихъ изъ среды духовенства наставниковъ для обученія и назиданія сельскаго юношества. Ожидая отъ усердія и дѣятельности духовенства послѣдствій, намѣреніямъ Нашимъ вполнѣ соотвѣтствующихъ, Мы не оставимъ безъ особаго Нашего вниманія заслугъ, на семъ поприщѣ оказанныхъ.

„3) Со стороны министерства государственныхъ имуществъ обратить попеченіе на благоустройство приходскихъ училищъ, какъ въ отношеніи доставленія имъ приличныхъ и удобныхъ помѣщеній, такъ и снабженія ихъ учебными пособіями, постоянно наблюдая, дабы заведенія сіи вполнѣ соотвѣтствовали достиженію предположенной для нихъ цѣли, и распространяя число ихъ сообразно съ потребностями и средствами, для сего предназначенными. Объ успѣхѣ открытія училищъ и о самомъ ходѣ ученія въ нихъ, вы не оставите доносить Намъ въ свое время“.

Въ отчетѣ за 1843 годъ по этому предмету Павелъ Дмитріевичъ говорилъ слѣдующее:

„Убѣдясь собственнымъ обозрѣніемъ и донесеніями чиновниковъ, что большая часть священниковъ, занимаясь обученіемъ юношества, распространяетъ между ними самое полезное нравственное вліяніе, я занялся изысканіемъ денежныхъ способовъ для приведенія въ дѣйствіе по казеннымъ селеніямъ, Высочайше утвержденнаго въ 1828 году, положенія о приходскихъ училищахъ, полагая ввѣрить въ оныхъ обученіе юношества приходскому духовенству. Пріобрѣтя потребныя для сего средства, въ 1842 году я имѣлъ счастіе испросить Высочайшее разрѣшеніе Вашего Величества на открытіе въ продолженіи 3-хъ лѣтъ 2,000 приходскихъ училищъ. Хотя распоряженіе о семъ, послѣдовавшее въ исходѣ 1842 года, не

могло имѣть обширнаго развитія, но при всемъ томъ въ 11 губерніяхъ [1]) образовано 226 училищъ по новому положенію".

„Вообще при учрежденіи училищъ министерство повсемѣстно встрѣтило готовность и усердное содѣйствіе крестьянъ. Нѣкоторые предлагали свои домы для помѣщенія, а другіе представляли денежныя пожертвованія, которыя на первый разъ простираются до 5,000 руб. сер.".

Отчетъ далѣе указывалъ, какъ на одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ ослабленію пороковъ между крестьянами на учрежденіе домашняго суда или расправы, „которая пресѣкая порочныя дѣйствія въ самомъ началѣ ихъ мѣрами исправительными, полагаетъ преграду важнѣйшимъ преступленіямъ и тѣмъ самымъ содѣйствуетъ къ уменьшенію уголовныхъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ. Учрежденіе сіе встрѣтило одобрительные отзывы самихъ крестьянъ, которые весьма скоро убѣдились въ пользѣ ближайшаго разбирательства ихъ дѣлъ и большею частію прекращаютъ ихъ миролюбиво. По свѣдѣніямъ, собраннымъ по 35-ти великороссійскимъ губерніямъ, гдѣ расправы восприняли свое дѣйствіе съ 1840—1841 годовъ, уже было замѣчено уменьшеніе числа уголовныхъ преступниковъ изъ государственныхъ крестьянъ. Уменьшеніе это состоялось въ слѣдующей пропорціи:

	Находилось подъ судомъ:	Изъ нихъ осуждено:
1840	8,296	4,457
1841	6,709	3,010
1842	6,009	2,379

„Такимъ образомъ, число преступниковъ по великороссійскимъ губерніямъ въ теченіи трехъ лѣтъ уменьшилось вдвое, тогда какъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ расправы не восприняли дѣйствія, число преступниковъ не уменьшается".

Переходя къ мѣрамъ попечительства въ матеріальномъ отношеніи, Киселевъ говорилъ, что всѣ распоряженія министерства имѣли предметомъ: 1) устройство селеній; 2) по-

[1]) Именно, въ губерніяхъ: с.-петербургской, псковской, новгородской, ярославской, костромской, курской, орловской, черниговской, екатеринославской, вятской и казанской.

собія по случаю пожаровъ; 3) обезпеченіе народнаго продовольствія; 4) охраненіе народнаго здравія, и 5) улучшеніе хозяйства.

При устройствѣ селеній вообще принято правиломъ: пересѣкать ихъ площадями, дома строить на каменныхъ фундаментахъ или, по крайней мѣрѣ, на каменныхъ столбахъ, для чего во многихъ губерніяхъ устроены по казеннымъ селеніямъ кирпичные заводы; для устройства селеній, сообразно съ мѣстными обычаями и видами предохраненія отъ пожаровъ, во всѣ палаты опредѣлены гражданскіе инженеры.

Въ способахъ обезпеченія народнаго продовольствія по Положенію 1834 года, министерство нашло важныя неудобства: во-первыхъ, сборъ полной пропорціи опредѣленъ въ 16 лѣтъ, тогда какъ неурожаи повторяются гораздо чаще; во-вторыхъ, при сильныхъ неурожаяхъ пропорція мѣстныхъ запасовъ оказывается недостаточною и, наконецъ, въ-третьихъ, пособія разрѣшаются только при общемъ неурожаѣ, тогда какъ въ добромъ хозяйствѣ необходимо дѣлать ихъ и въ частныхъ случаяхъ.

Неудобства эти отвращены новымъ положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ въ 1842 году, на основаніи котораго сборъ въ магазины установленной пропорціи разложенъ на 8 лѣтъ; для пособія въ чрезвычайныхъ случаяхъ предназначено учредить особые центральные магазины въ мѣстахъ, имѣющихъ наибольшее удобство въ сообщеніи съ разными частями государства и преимущественно при верховьяхъ или сліяніи рѣкъ; наконецъ, дозволено производить пособія крестьянамъ не при однихъ чрезвычайныхъ неурожаяхъ, но и въ частныхъ случаяхъ особенно для обсѣмененія полей.

Положеніе это приведено въ дѣйствіе въ 1842 году съ полнымъ успѣхомъ. Крестьяне внесли въ магазины 1.642,602 четв., выдано изъ магазиновъ въ разныхъ губерніяхъ преимущественно на обсѣмененіе полей 1.086,259 четв., и затѣмъ наличные запасы къ 1843 году составляли 5.592,110 четв.

Продовольственный капиталъ долженъ былъ составлять

3.235,814 р.; но неурожаи 1839 и 1840 годовъ потребовали усиленныхъ пособій и министерство принуждено было употребить бо́льшую часть означеннаго капитала на покупку хлѣба, и такимъ образомъ обсѣмененіе полей и продовольствіе народа было достигнуто министерствомъ въ первый разъ безъ всякаго пособія со стороны государственнаго казначейства.

Мѣры охраненія народнаго здоровья въ казенныхъ селеніяхъ составляли предметъ новый. Отчетъ указываетъ на три цѣли, имѣвшіяся въ виду при устройствѣ этой части: преподаніе крестьянамъ врачебныхъ пособій особенно во̀-время, усиленіе способовъ оспопрививанія и, наконецъ, пособія при родахъ; для достиженія этихъ цѣлей надо было прежде всего создать врачебный персоналъ. Въ этихъ видахъ испрошено было Высочайшее разрѣшеніе на опредѣленіе по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ особыхъ врачей, и опредѣлено ихъ 79 чел.; опредѣлено въ разныя врачебныя заведенія нѣсколько крестьянскихъ мальчиковъ для обученія фельдшерскому искусству и 27 женщинъ въ родовспомогательное заведеніе для обученія акушерству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было устроено 15 временныхъ больницъ и приступлено къ учрежденію окружныхъ лечебницъ, на первый разъ въ 6 губерніяхъ.

Обращаясь къ мѣрамъ улучшенія хозяйства и промышленности въ казенныхъ селеніяхъ, отчетъ говоритъ, что для этого требовалось прежде всего составленіе нужныхъ капиталовъ.

Съ этою цѣлію, немедленно послѣ устройства управленія, именно съ 1840 года положено основаніе составленію хозяйственнаго капитала изъ особаго сбора и разныхъ остаточныхъ суммъ, государственному казначейству не принадлежавшихъ. Сверхъ того, для распространенія различныхъ отраслей хозяйства и для устройства казенныхъ земель образовались и другіе капиталы, состоявшіе въ вѣдѣніи министерства.

Въ 1842 году капиталовъ было:

крестьянскихъ	2.632,659 руб.
состоящихъ въ распоряженіи правительства	4.013,523 „
	6.646,182 руб.

При успѣшномъ составленіи капиталовъ приступлено было къ предварительнымъ мѣрамъ, до улучшенія хозяйства относящимся: преобразована Луганская учебная ферма и предположено учредить въ разныхъ полосахъ имперіи пять новыхъ учебныхъ фермъ, на которыхъ вводятся усовершенствованныя земледѣліе и скотоводство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приводилась въ исполненіе другая, весьма важная по вліянію своему на хозяйственное устройство крестьянъ мѣра—переложеніе подушной подати съ душъ на землю.

Министерство, начиная съ 1839 года, производило тщательныя изысканія о способѣ удобнѣйшаго исполненія этой мѣры и въ 1842 году былъ утвержденъ предварительный проектъ о переложеніи податей съ душъ на землю и промыслы. Для удостовѣренія въ удобствѣ этого проекта, въ томъ году произведены были опыты въ большомъ видѣ въ губерніяхъ с.-петербургской и воронежской. Опыты эти удостовѣрили въ удобствѣ и дешевизнѣ принятаго способа и, съ тѣмъ вмѣстѣ, указали необходимость въ разныхъ мѣрахъ для надѣленія землею или переселенія крестьянъ и вообще для хозяйственнаго устройства земель на будущее время.

Для содѣйствія успѣхамъ сельской промышленности предположено учредить вспомогательныя и сберегательныя кассы. Кассы эти были первоначально, въ видѣ опыта, учреждены въ с.-петербургской губерніи и затѣмъ положено было распространить ихъ по всѣмъ прочимъ губерніямъ.

Недостатокъ во многихъ селеніяхъ земель указывалъ на необходимость выселенія части крестьянъ на пустопорожнія земли.

Съ этою цѣлію въ 1842 году переселено на свободныя земли.	13,814 душъ.
Дано дозволеніе на переселеніе	10,745 „
На будущее время заявили желаніе переселиться.	54,982 „
На переселеніе и водвореніе сихъ крестьянъ употреблено изъ особаго капитала . .	181,882 рубл.

Въ этихъ мѣрахъ заключались дѣйствія попечительства

надъ государственными крестьянами въ 1842 году. „Касаясь существенныхъ предметовъ нравственнаго и хозяйственнаго быта поселянъ, говоритъ отчетъ, дѣйствія министерства, вопервыхъ, основывались на строгомъ соблюденіи законности въ отношеніи къ сельскому свободному состоянію и, во-вторыхъ, при всей очевидности въ пользѣ предпринятаго преобразованія, они долженствовали быть соглашены въ движеніи своемъ съ нравственнымъ состояніемъ, привычками и даже предразсудками народа, и потому должны были слѣдовать болѣе или менѣе постепенно".

Третья часть отчета относилась къ улучшенію сельскаго хозяйства вообще. Здѣсь отчетъ въ самомъ началѣ заявляетъ, что „успѣхъ сельскаго хозяйства въ Россіи, какъ въ государствѣ преимущественно земледѣльческомъ, зависитъ главнѣйше отъ усиленія внѣшней торговли и умноженія внутреннихъ потребителей, т.-е. умноженія городовъ и фабрикъ". Но предметы эти не принадлежатъ къ кругу управленія государственныхъ имуществъ, и потому министерству оставалось продолжать распространеніе полезныхъ теоретическихъ свѣдѣній, предпринимая, по возможности, и практическія мѣры. Въ первомъ случаѣ, для распространенія свѣдѣній о предметахъ государственнаго и сельскаго хозяйства, при министерствѣ издавались три періодическія изданія: Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, Лѣсной Журналъ и Земледѣльческая Газета.

Останавливаясь далѣе на положеніи главнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства, отчетъ упоминаетъ, что въ 1842 году образована для опыта инспекція сельскаго хозяйства южныхъ губерній, что садовыя заведенія министерства получили систематическое устройство и раздѣлены на три степени: главное училище садоводства для образованія садоводовъ съ высшими теоретическими и практическими познаніями, училища для образованія практическихъ садоводовъ и огородниковъ, и садовые питомники.

Указавъ на главнѣйшія дѣйствія министерства въ теченіе 1842 года, Киселевъ въ концѣ отчета приложилъ сравнитель-

ные выводы о состояніи предметовъ вѣдомства государственныхъ имуществъ за 6 лѣтъ, до поступленія ихъ въ новое управленіе и во время завѣдыванія ихъ этимъ управленіемъ. Укажемъ на главнѣйшіе предметы этихъ выводовъ.

Сравнительные выводы о состояніи предметовъ вѣдомствамъ государственныхъ имуществъ.

	Въ предшествовавшія 6 лѣтъ до 1837 года.	Въ послѣдніи 6 лѣтъ съ 1837 года.
Поступило доходовъ въ государственное казначейство.	137.750,176 руб.	164.730,833 руб.
Въ томъ числѣ:		
Съ казенныхъ оброчныхъ статей . . .	3.593,822 „	5.392,078 „
Съ казенныхъ имѣній	5.350,720 „	7.153,575 „
Съ казенныхъ лѣсовъ	3.025,871 „	3.680,911 „
Снято казенныхъ земель на планы. . .	736,363 дес.	11.224,724 дес.
Открыто земель не бывшихъ въ виду . .		415,399
Переселено крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній на свободныя земли. . . .	24,733 душъ.	64,812 душъ.
Переведено имѣній въ западныхъ губерніяхъ на оброкъ	76 „	290 „
Оказано пособій крестьянамъ по случаю пожаровъ:		
Безвозвратно	25,954 руб.	1.875,970 руб.
Въ ссуду.	318,519 „	43,474 „
Разсмотрѣно и поступило въ Правительствующій Сенатъ дѣлъ по огражденію государственныхъ имуществъ	1,240	2,492
Вслѣдствіе сихъ дѣлъ присуждено въ казну:		
Крестьянъ	1,940 душъ.	4,876 душъ.
Земель и лѣсовъ	91,392 дес.	402,619 дес.
Оброчныхъ статей	12	41
Денежныхъ капиталовъ.	92,789 руб.	275,837 руб.

ГЛАВА XXIX.

БЕЗПОРЯДКИ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ.

Неурожай 1839—1840 гг.—Введеніе обязательнаго посѣва картофеля въ казенныхъ селеніяхъ.—Предположеніе объ учрежденіи для государственныхъ крестьянъ центральныхъ магазиновъ.—Сопротивленіе государственныхъ крестьянъ посѣву картофеля.—Повтореніе тѣхъ-же безпорядковъ въ 1843-мъ году. — Мнѣніе Киселева о причинахъ безпорядковъ и способахъ къ ихъ отвращенію.

Прежде чѣмъ продолжать обзоръ послѣдующихъ дѣйствій Киселева по министерству государственныхъ имуществъ, мы должны остановиться на безпорядкахъ, возникшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между государственными крестьянами. Объ этихъ печальныхъ событіяхъ въ свое время много говорили и причину ихъ приписывали новому управленію, а слѣдовательно Киселеву.

Неурожай 1839—1840 г.

1839 годъ, второй по открытіи министерства, былъ тяжкимъ для него испытаніемъ: оказался сильный неурожай въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, въ особенности въ губерніяхъ полтавской, тамбовской, рязанской и тульской. Распоряженіемъ министерства крайнія нужды государственныхъ крестьянъ были удовлетворены и годъ прошелъ спокойно.

Въ слѣдующемъ 1840-мъ году, въ концѣ мая, въ Петербургѣ были получены частныя извѣстія, что всходы озимыхъ хлѣбовъ почти во всѣхъ губерніяхъ погибли, что повсемѣстно обнаружился голодъ и отчаяніе, что народъ толпами ходитъ по

дорогамъ и грабитъ проѣзжающихъ, что многія почтовыя станціи сняты и сообщенія прерваны, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне убивали помѣщиковъ, требуя хлѣба [1]). Въ тоже время получено было представленіе тамбовскаго вице-губернатора, который требовалъ военной силы для предупрежденія безпорядковъ.

Всѣ эти извѣстія съ разными преувеличеніями произвели большую тревогу; „мы были, писалъ статсъ-секретарь Карнѣевъ (управлявшій V отд. С. Е. И. В. канцеляріи) Киселеву, точно въ осадномъ положеніи и ожидали нашествія непріятелей“.

Обвиняли всѣхъ выѣхавшихъ за-границу, обвиняли и министра государственныхъ имуществъ, который уѣхалъ будто-бы для того, чтобы освободиться отъ трудныхъ обстоятельствъ голода. Но тревоги эти продолжались не болѣе одной недѣли. Посланные графомъ Строгоновымъ, управлявшимъ тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, чиновники доносили, что въ началѣ мая всходы оказались весьма удовлетворительными и цѣны на хлѣбъ начали значительно падать; но случившійся въ половинѣ мая, въ подмосковныхъ и замосковныхъ губерніяхъ, морозъ произвелъ опасенія за урожай; орловскій вице-губернаторъ и воронежскій губернаторъ запретили вывозъ изъ своихъ губерній хлѣба, а московскій генералъ-губернаторъ князь Голицынъ остановилъ вывозъ хлѣба изъ Москвы. Слѣдствіемъ этого было то, что помѣщики заперли свои амбары, а спекулянты подняли цѣны до неслыханной высоты; въ Тулѣ, напр, въ теченіе 10 дней хлѣбъ возвысился до 6 р. 80 к. асс. за пудъ.

Киселева не было въ Петербургѣ; онъ, какъ мы упомянули выше, въ началѣ мая выѣхалъ въ Карлсбадъ. Управлявшій министерствомъ товарищъ министра Гамалѣй сдѣлалъ своевременно всѣ распоряженія къ снабженію нуждающихся го-

---

[1]) Въ одномъ селеніи дѣйствительно крестьянинъ помѣщика Нарышкина объявилъ указъ о свободѣ и взбунтовалъ крестьянъ, которые разграбили помѣщичій домъ и связали становаго пристава. Порядокъ, однако, немедленно былъ возстановленъ окружнымъ начальникомъ при помощи государственныхъ крестьянъ.

сударственныхъ крестьянъ въ продовольствіи и для обсѣмененія полей, выдачею хлѣба изъ мѣстныхъ магазиновъ, частію передвиженіемъ запасовъ изъ другихъ губерній, частію покупкою хлѣба на счетъ продовольственнаго капитала.

Государь въ это время былъ за-границею, куда Онъ выѣхалъ съ Императрицею 7-го мая; но узнавъ объ оказавшейся невзгодѣ, Е. И. В. возвратился 15-го іюня на пароходѣ въ Петергофъ и на другой же день собралъ у себя комитетъ изъ управлявшихъ министерствами: финансовъ—Вронченко, внутреннихъ дѣлъ — графа Строгонова, государственныхъ имуществъ—Гамалѣя и путей сообщенія — Девятнина. Гамалѣй представилъ Государю записку о принятыхъ по министерству государственныхъ имуществъ мѣрахъ, которыя были Его Величествомъ одобрены и удостоились самаго лестнаго отзыва, неоднократно повтореннаго, о плодахъ новаго управленія.

Успокоенный на счетъ государственныхъ крестьянъ, Государь обратилъ всю свою заботливость на крестьянъ помѣщичьихъ, и съ этою цѣлію 21-го іюня, съ одной стороны, указомъ на имя графа Строгонова было ему поручено отправиться въ губерніи калужскую, тульскую, рязанскую и тамбовскую съ полномочіемъ принять мѣры къ отвращенію недостатка въ продовольствіи и особенно къ будущему обсѣмененію озимыхъ полей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ [1]), а съ другой, указомъ

---

[1]) Указъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ Государь выразилъ свой взглядъ на то, какъ помѣщики употребляли выдававшіяся имъ пособія для продовольствія ихъ крестьянъ.

„Возложивъ на васъ, сказано въ указѣ, личное обозрѣніе губерній: калужской тульской, рязанской и тамбовской, и направленіе дѣйствій мѣстныхъ начальствъ, какъ къ отвращенію недостатка въ продовольствіи, такъ особенно къ будущему обсѣмененію озимыхъ полей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, Мы повелѣваемъ вамъ, принять, по сей части, подъ главное свое начальство всѣ мѣстныя гражданскія власти, употреблять неотложныя и рѣшительныя мѣры съ полною властью по обстоятельствамъ и надобности. При исполненіи сего порученія имѣйте въ виду, что правительство всегда оказывало въ подобныхъ обстоятельствахъ и нынѣ готово оказать новыя пособія съ своей стороны, по совершенной необходимости; но Мы желаемъ чтобы сіе доброе дѣло не сопровождалось дурнымъ употребленіемъ пособій, и чтобы вспомоществованія доставлялись собственно крайне нуждающимся и вовсе лишеннымъ своихъ способовъ помѣщикамъ, а не расточались на тѣхъ, которые найдутъ въ томъ лишь новое средство къ удовлетворенію своимъ прихотливымъ желаніямъ“,

Правительствующему Сенату разрѣшенъ безпошлинный ввозъ хлѣба ко всѣмъ балтійскимъ портамъ.

Но заботы Государя неограничивались этимъ. Онъ повелѣлъ въ особомъ секретномъ комитетѣ (подъ предсѣдательствомъ военнаго министра графа Чернышева, изъ графа Строгонова, Врончено, Гамалѣя и Девятнина) обсудить мѣры къ отвращенію голода и на будущее время; въ числѣ этихъ мѣръ была предложена военнымъ министромъ (по внушенію статсъ-секретаря Позена) мысль о заведеніи въ каждомъ имѣніи картофельнаго поля; мысль эта предварительно была одобрена Государемъ, а подробности о приведеніи ея въ дѣйствіе были обсуждаемы и приняты въ комитетѣ 18-го іюля; въ казенныхъ селеніяхъ положено засѣвать картофель въ такомъ количествѣ, чтобы сборъ его составлялъ, кромѣ сѣмянъ, по 1 четв. на ревизскую душу. Введеніе обязательнаго посѣва картофеля въ казенныхъ селеніяхъ.

Уѣзжая изъ С.-Петербурга, Павелъ Дмитріевичъ распорядился, чтобы его увѣдомляли о ходѣ дѣлъ въ министерствѣ; но письма Гамалѣя доходили въ Калсбадъ поздно и до Киселева свѣдѣнія о неурожаѣ стали доходить уже тогда, когда всѣ мѣры для обезпеченія продовольствія государственныхъ крестьянъ были въ полномъ ходу. Гамалѣй писалъ въ первомъ письмѣ отъ 16-го іюля, что „случившійся неурожай пагубенъ и въ томъ отношеніи, что долженъ остановить успѣхи въ приведеніи всѣхъ частей управленія въ предположенное устройство; что разстройство крестьянъ на многіе годы неизбѣжно отъ погибели скота"....

Въ письмѣ отъ 20 іюля:

„Государь послалъ графа Строгонова для обозрѣнія губерній тульской, калужской, рязанской и тамбовской, и по его требованіямъ, выслано для пособія помѣщикамъ болѣе 10 м. р.; для казенныхъ крестьянъ я выслалъ до 4 м. рубл. и то изъ капитала продовольствія. Никогда, конечно, польза новаго управленія не была столь очевидно доказана, какъ при семъ бѣдствіи. Прежде казенные крестьяне всегда терпѣли отъ голода болѣе и вселяли правительству болѣе заботъ чѣмъ помѣщичьи, теперь наоборотъ — надобно было приступить въ отношеніи

къ помѣщикамъ къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, послать министра съ полномочіемъ. Государь изволилъ очень безпокоиться; управленіе же государственными имуществами шло въ порядкѣ: положеніе крестьянъ скоро приведено было въ извѣстность и было бы извѣстно еще скорѣе, еслибы всѣ управляющіе обратили должное и быстрое вниманіе; мѣры приняты и пособія высланы во-время; только медленность опекунскаго совѣта, который по билетамъ не высылалъ денегъ по нѣсколько недѣль, въ столь спѣшномъ дѣлѣ принесла большой вредъ и заставила крестьянъ страдать отъ нужды"...

Карнѣевъ съ своей стороны писалъ Киселеву отъ 20 іюня: „Всѣ пріѣзжающіе въ Петербургъ, въ томъ числѣ графъ Воронцовъ, громко и съ необыкновенною похвалою отзываются о благоразуміи и попечительности управляющихъ палатами, особенно изъ первыхъ выборовъ, говоря, что при распоряженіи о продовольствіи, государственные крестьяне гораздо лучше обезпечены чѣмъ помѣщичьи"; въ письмѣ отъ 29-го іюля: „Графъ Строгоновъ нашелъ, что государственные крестьяне вообще довольны новымъ управленіемъ. Это онъ сказалъ и Государю".

Несмотря на успокоительныя извѣстія, Павелъ Дмитріевичъ рѣшился оставить Карлсбадъ, изъ котораго и выѣхалъ 27 іюля.

Предположеніе объ учрежденіи для государственныхъ крестьянъ центральныхъ магазиновъ.

Чрезвычайное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ и испытанныя затрудненія, даже и по высокимъ цѣнамъ, достать его, утвердили Киселева въ мысли, независимо отъ сельскихъ магазиновъ, учредить центральные магазины, которые при большомъ урожаѣ скупали бы хлѣбъ и тѣмъ поддерживали бы цѣны, а при неурожаѣ не допускали бы повторенія неслыханныхъ цѣнъ.

Сопротивленіе государственныхъ крестьянъ посѣву картофеля.

Правилами, Высочайше утвержденными 8 августа 1840 года [1]), для распространенія посѣвовъ картофеля, въ казенныхъ селеніяхъ предписывалось отдѣлять въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существовала общественная запашка, часть ея подъ картофель, а гдѣ ея не было, то разводить картофель при волостяхъ; причемъ управляющимъ палатами государственныхъ имуществъ предлагалось донести, какую, по ихъ мнѣнію,

---

[1]) Правила эти статсъ-секретаремъ Карнѣевымъ были посланы для свѣдѣнія Киселеву только 27-го августа.

часть крестьянскихъ полей можно отдѣлить подъ посѣвъ картофеля.

Нѣкоторые изъ управляющихъ, именно въ восточныхъ губерніяхъ, не поняли смысла распоряженія и стали дѣйствовать слишкомъ усердно. Это вызвало сопротивленіе со стороны крестьянъ, въ слѣдующемъ же году, именно въ 1841-мъ, въ осинскомъ уѣздѣ, пермской губерніи, гдѣ крестьяне не только не хотѣли сѣять картофеля, но посѣянный уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вырыли и разбросали, уничтожая и сдѣланныя загороди; такія же смятенія обнаружились въ томъ же году въ сердобскомъ, петровскомъ и кузнецкомъ уѣздахъ саратовской губерніи.

Въ 1842 году безпорядки повторились въ пермской, вятской и казанской губерніяхъ.

Киселевъ, послѣ обозрѣнія имъ въ 1842 году 10 сѣверо-восточныхъ губерній, по поводу сказанныхъ безпорядковъ, писалъ Государю:

„Если со времени открытія новаго управленія оказались въ восьми волостяхъ, населенныхъ инородцами, ослушаніе и буйство противъ установленнаго начальства, то поводомъ сихъ безпорядковъ было совершенно частное обстоятельство, именно: посѣвъ картофеля, возбудившій крестьянъ къ неповиновенію и затѣмъ къ поступкамъ буйнымъ и сроднымъ дикости и грубости нравовъ.

„По тремъ губерніямъ безпорядки уничтожены были безъ употребленія силы и въ двухъ—мѣстное начальство признало нужнымъ употребить оружіе.

„Должно замѣтить однакоже, что посѣвъ картофеля и въ Европѣ былъ сопровождаемъ безпорядками, волненіями и кровопролитіями; но у насъ, при неограниченной преданности народа Государю, одно торжественное прочтеніе Высочайшаго Указа достаточно было для повсемѣстнаго принятія столь важной и общей мѣры; и сіе обстоятельство вполнѣ доказываетъ сколь полезно всѣ подобнаго рода общія мѣропріятія объявлять народу Указами отъ Высочайшей власти; ибо ничтожное число оказавшихъ неповиновеніе полудикихъ инородцевъ, при

8-ми милліонахъ государственныхъ крестьянъ, безспорно знаменуетъ въ дѣлѣ семъ неимовѣрный успѣхъ. Затѣмъ, сколь ни сожалительна участь погибшихъ при семъ 18 человѣкъ ослушниковъ, но мѣры строгости, губернскимъ начальствомъ употребленныя, по выгоднымъ послѣдствіямъ въ будущемъ, можно признать полезными, хотя неокончательными; ибо продолжая распространеніе посѣва картофеля, при общемъ на счетъ его народномъ заблужденіи, особенно между инородцами и раскольниками, нельзя увѣрительно сказать, чтобы не возникли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣже безпорядки и не потребовали принятія тѣхъ же мѣръ строгости.

„Разведеніе картофеля въ мнѣніи крестьянъ смѣшивается съ учрежденіемъ общественной запашки, для нихъ ненавистной. Я никогда не полагалъ и не полагаю, чтобы общественная запашка для наполненія запасныхъ магазиновъ была необходима, но всегда мыслилъ, что мѣра сія стѣснительна для поселянъ и производитъ въ нихъ подозрѣніе на счетъ утраты ихъ состоянія. Въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи я испыталъ это на самомъ дѣлѣ и тогда еще убѣдился въ необходимости предпочесть ссыпку хлѣба для составленія общественныхъ запасовъ, а запашку имѣть какъ острастку для неисправныхъ. Надѣюсь, что при руководствѣ этимъ правиломъ въ составленіи запасовъ у государственныхъ крестьянъ, цѣль учрежденія запасныхъ магазиновъ будетъ достигнута съ такимъ же успѣхомъ, какъ и при запашкѣ, но съ меньшими затрудненіями и негодованіемъ со стороны крестьянъ“.

Повтореніе тѣхъ-же безпорядковъ въ 1843 году.

Опасенія Киселева оправдались:

Въ 1843 году неповиновенія между государственными крестьянами возникли въ нѣкоторыхъ волостяхъ оренбургской, пермской и казанской губерній.

Независимо введенія посѣва картофеля и общественной запашки, поводомъ къ неповиновенію крестьянъ, по ихъ словамъ, были: стѣснительныя для нихъ дѣйствія окружныхъ и волостныхъ начальствъ, которые отнимали у крестьянъ подъ общественныя запашки лучшую обработанную землю и дѣлали для обработки ея несвоевременные и неуравнительные наряды;

нежеланіе платить общественный сборъ, который они считали произвольно на нихъ наложеннымъ сельскимъ начальствомъ изъ своекорыстныхъ видовъ; наконецъ, нелѣпые слухи о передачѣ ихъ во владѣніе какого-то Кульнева.

Въ докладѣ Государю объ окончаніи этихъ безпорядковъ Киселевъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

Мнѣніе Киселева о причинахъ безпорядковъ и способахъ къ ихъ отвращенію.

„Подобныя препятствія не могутъ быть совершенно уничтожены, доколѣ съ одной стороны не перемѣнится въ администраціи и сельскихъ обществахъ составъ людей ищущихъ возстановить прежнія свои средства существованія на счетъ крестьянъ, и доколѣ, съ другой стороны, не распространится между поселянами болѣе грамотности, какъ надежнѣйшаго средства противъ нелѣпыхъ слуховъ“.

ГЛАВА XXX.

1843 — 1855 годъ.

Главнѣйшія законодательныя и административныя мѣры въ 1843-мъ году.—Оставленіе безъ измѣненія Учрежденія объ управленіи государственными имуществами и крестьянами.—Циркуляръ графа Киселева о замѣченныхъ по управленію недостаткахъ и о мѣрахъ къ ихъ исправленію.—Главныя административныя мѣры, предпринятыя въ 1844—1853 г.—Отчеты по министерству за 1853—1855 годы; главные факты, въ которыхъ выразилась дѣятельность министерства.—Послѣдствія войны для государственныхъ крестьянъ—Заботы Киселева объ облегченіи тягостей, ложившихся по случаю войны на крестьянъ.

За слѣдовавшее послѣ 1842 г. время Киселевъ ежегодно обнародывалъ свои отчеты, которые до 1853 г. излагались въ томъ же порядкѣ, какъ и первый. Не останавливаясь на подробностяхъ, мы укажемъ только на главнѣйшія законодательныя и административныя мѣры, состоявшіяся по министерству государственыхъ имуществъ въ послѣдующіе годы, начиная съ 1843 г.

Главнѣйшія законодательныя и административныя мѣры въ 1843 г.

1843 годъ. Для сосредоточенія управленія казенными лѣсами учрежденъ въ составѣ министерства лѣсной департаментъ; въ с.-петербургской губерніи, въ видѣ опыта, введено въ казенныхъ селеніяхъ взаимное отъ огня страхованіе; утверждено положеніе объ учрежденіи мірскихъ капиталовъ. Наконецъ въ этомъ же году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ оставленіи безъ измѣненія Учрежденій объ управленіи государственными имуществами и крестьянами, въ

томъ видѣ какъ они вошли, въ видѣ опыта, въ Сводъ Законовъ. По поводу послѣдняго распоряженія, Киселевъ въ отчетѣ за 1843 годъ писалъ Государю: „По случаю сближенія опредѣленнаго для испытанія Учрежденій срока, я счелъ обязанностію окончательно убѣдиться въ удобствѣ исполненія сихъ Учрежденій на самыхъ мѣстахъ. Съ этою главнѣйшею цѣлію, я по примѣру предшествовавшихъ годовъ, произвелъ въ 13-ти губерніяхъ обозрѣніе состоянія управленія государственными имуществами во всѣхъ его видахъ. Послѣдствія сего обозрѣнія удостовѣрили меня, что въ Учрежденіяхъ сего управленія не требуется коренныхъ измѣненій, что въ первое время дѣлавшіяся указанія на большое число должностныхъ лицъ не имѣли въ существѣ своемъ основанія; ибо число сіе въ общемъ итогѣ противъ прежняго не увеличилось, и даже сдѣлалось менѣе. Напротивъ, истинная причина нѣкоторыхъ въ семъ случаѣ пререканій со стороны крестьянъ заключалась въ томъ, что съ устройствомъ управленія, всѣ вообще должностныя лица получили власть и имѣли право требовать исполненія законовъ. Столь важное измѣненіе естественно должно было произвести неудовольствіе между людьми, не пріобыкшими къ порядку и не охотно увидѣвшими въ своихъ односельцахъ строгихъ блюстителей онаго. Нынѣ, однакожъ, вліяніе законности и сознаніе собственныхъ выгодъ въ новомъ устройствѣ управленія, дали другой оборотъ и мнѣніямъ и дѣйствіямъ поселянъ. Учрежденіе сельское повсюду укореняется и пріобрѣтаетъ довѣріе. Отсюда слѣдуетъ стремленіе крестьянъ не только къ улучшенію хозяйственнаго быта, но и къ нравственному образованію въ училищахъ; отсюда происходитъ уменьшеніе числа преступленій, прекращеніе бродяжничества и нищенства [1]), и наконецъ сему же должно отнести удовлетворительное поступленіе податей, безъ привычнаго вымогательства и уничтоженіе многихъ бывшихъ прежде безотчетныхъ злоупотребленій.

Оставленіе безъ измѣненія Учрежденія объ управленіи государственными имуществами и крестьянами.

[1]) По отчетамъ попечительныхъ комитетовъ о нищихъ видно, что въ С.-Петербургѣ и Москвѣ нищихъ было изъ государственныхъ крестьянъ въ 1842 году 758 человѣкъ, а въ 1843 году 429 человѣкъ.

„Посему опираясь на фактахъ, достовѣрность коихъ была мною лично повѣрена на мѣстѣ, „говоритъ графъ Киселевъ“ я съ совершенною увѣренностію могъ представить на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе мнѣніе мое объ оставленіи Учрежденія объ управленіи государственными имуществами въ полномъ его дѣйствіи, въ томъ видѣ, въ какомъ оно вошло въ Сводъ Законовъ“.

Циркуляръ гр. Киселева о замѣченныхъ по управленію недостаткахъ и мѣрахъ къ ихъ исправленію.

Другимъ послѣдствіемъ обозрѣнія Киселевымъ въ 13-ти губерніяхъ мѣстнаго управленія было изданіе циркуляра отъ 30-го ноября 1843 года, „о недостаткахъ, замѣченныхъ по „управленію государственныхъ имуществъ и о мѣрахъ къ ихъ „исправленію“.

Въ этомъ циркулярѣ графъ Киселевъ касается главныхъ предметовъ управленія и попечительства: дѣлопроизводства, устройства сельскихъ общинъ, способа взиманія податей, оброчныхъ статей, лѣсовъ, хлѣбныхъ запасовъ, разведенія картофеля, общественныхъ запашекъ, крестьянскихъ строеній, огнегасительныхъ орудій, учрежденія приходскихъ училищъ, охраненія народнаго здравія, крестьянскихъ просьбъ, переселенцевъ, учебныхъ фермъ. Всѣ замѣчанія, которыя онъ дѣлалъ по этимъ предметамъ, основаны были на личныхъ его на мѣстахъ наблюденіяхъ и показываютъ съ какимъ вниманіемъ онъ вникалъ въ каждый предметъ, и съ какою ревнивою заботливостію слѣдилъ за успѣхами управленія.

Замѣчая въ заключеніе, что не всѣ чиновники управленія вникли въ разумъ Учрежденія, онъ повторяетъ въ циркулярѣ личныя его управляющимъ объясненія о духѣ постановленій, коими управляются крестьяне съ 1838 года и которыя должны быть сохраняемы безъ измѣненія.

„Всѣ изданныя, „говоритъ онъ“, постановленія основаны на существовавшихъ узаконеніяхъ примѣненныхъ только къ обстоятельствамъ времени и къ измѣненіямъ, которыя могли произойти въ естественномъ ходѣ общественныхъ дѣлъ.

„Права свободнаго состоянія, такъ какъ они выражены въ Сводѣ Законовъ, свято и ненарушимо сохранены; ограничено токмо необузданное своевольство учрежденіемъ поле-

жительной сельской администраціи, судебныхъ расправъ, на основаніяхъ, издавна существовавшихъ, и на правилахъ, ясно и положительно выраженныхъ въ учрежденіи.

„Во всѣхъ распоряженіяхъ не произволъ, а законъ руководствуетъ административною или исполнительною властію. Если законъ недостаточенъ и неясенъ, то испрашивается на дополненіе закона Высочайшее соизволеніе, а объ истолкованіи неясности представляется въ тѣ государственныя установленія, которымъ поясненіе законовъ принадлежитъ.

„Разборъ споровъ и тяжбъ между государственными крестьянами, а также исправительныя наказанія за проступки, предоставлены сельскимъ и волостнымъ расправамъ, безъ всякаго вмѣшательства чиновниковъ управленія.

„Религіозное воспитаніе сельскаго класса введено, какъ коренное основаніе благосостоянію будущихъ поколѣній его.

„Итакъ, для настоящаго—*законность,* для будущаго—*воспитаніе,* составляютъ основанія всего преобразованія, основанія мудрыя, указанныя Высочайшимъ попеченіемъ Августѣйшаго Монарха.

„Посему главныя наши усилія должны состоять въ томъ, чтобы слѣдуя къ цѣли Учрежденія, содѣйствовать развитію между крестьянами собственнаго мірскаго управленія, наблюдать за исполненіемъ преподанныхъ имъ правилъ, за порядкомъ въ составленіи сходовъ, но не вмѣшиваться въ сужденія по дѣламъ, принадлежащимъ сельскому управленію и расправѣ, ни въ постановленія мірскихъ сходовъ, если въ собственныхъ своихъ дѣлахъ они дѣйствуютъ по праву, предоставленному закономъ; затѣмъ, охранять поселянъ отъ постороннихъ стѣсненій, оказывать пособіе защитою и ходатайствомъ, не лишать ихъ совѣтовъ, а болѣе всего терпѣливо и внимательно выслушивать просьбы и по каждой давать ясное и справедливое рѣшеніе и отвѣтъ. Наконецъ, по всѣмъ предметамъ улучшенія внутренняго быта крестьянъ, дѣйствовать не властію и строгостію, но возбуждать соревнованіе ихъ, какъ выше сказано, приглашеніями и поощрять тѣхъ изъ домохозяевъ, которые, слѣдуя наставленіямъ, привлекутъ своимъ примѣромъ

и другихъ. Въ сихъ главныхъ чертахъ заключаются обязанности попечительства мѣстнаго управленія, способъ снискать довѣріе крестьянъ и пріобрѣсти право на мое уваженіе и признательность".

Главныя административныя мѣры, предпринятыя въ 1844—1853 г.

1844 годъ: государственные крестьяне въ западныхъ губерніяхъ распредѣлены на сельскія общества и въ нихъ введено сельское управленіе и расправы;—введена новая податная система въ губерніяхъ с.-петербурской и воронежской;—приступлено къ постройкѣ центральныхъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ;—произведено, чрезъ особую коммиссію, изслѣдованіе состоянія льняной промышленности въ Россіи.

1845 годъ: установлены основанія для перевода съ барщины на оброкъ государственныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ;—изданы правила о порядкѣ взиманія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ;—установлены начала для преобразованія управленія Калмыками и для заселенія дорогъ въ калмыцкихъ степяхъ;—поручено особой коммиссіи изъ ветеринаровъ производство изслѣдованій въ разныхъ полосахъ Россіи падежей, въ особенности чумы рогатаго скота.

1846 годъ: начатъ переводъ на поземельное оброчное положеніе крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ;—крестьяне конфискованныхъ у польскихъ мятежниковъ имѣній причислены въ общій составъ крестьянъ государственныхъ;—послана заграницу коммиссія для изученія состоянія льняной промышленности;—утверждено предположеніе объ образованіи военной лѣсной стражи изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, въ замѣнъ полѣсовщиковъ и пожарныхъ старостъ, избираемыхъ изъ крестьянъ.

1847 годъ: въ западныхъ губерніяхъ введенъ жеребьевый порядокъ отправленія рекрутской повинности;—положено начало открытія женскихъ училищъ въ казенныхъ селеніяхъ;—утверждены правила о покупкѣ въ казну населенныхъ помѣщичьихъ имѣній, продающихся съ публичныхъ торговъ въ великороссійскихъ губерніяхъ;—утверждены правила о надѣлѣ крестьянскихъ обществъ лѣсами.

1848 годъ: составленъ проектъ медицинской части вѣдом-

ства государственныхъ имуществъ;—положено основаніе заселенію дорогъ на калмыцкихъ степяхъ въ астраханской губерніи;—въ видахъ развитія у поселянъ садоводства, предположено учреждать сады при сельскихъ приходскихъ училищахъ;—горыгорѣцкое земледѣльческое училище получило новое устройство, сообразно потребностямъ высшаго агрономическаго образованія, именно: высшее отдѣленіе его преобразовано въ земледѣльческій институтъ, на правахъ университетскихъ факультетовъ;—присоединено къ министерству государственныхъ имуществъ государственное коннозаводство.

1849 годъ: составлено предположеніе о подчиненіи училищъ въ казенныхъ селеніяхъ епархіальному начальству;—въ южныхъ губерніяхъ учреждено шесть образцовыхъ питомниковъ, для указанія практическихъ способовъ лѣсоразведенія и снабженія желающихъ сѣмянами;—посредствомъ особой коммиссіи произведено изслѣдованіе пеньковой и свеклосахарной промышленности въ Россіи;—приняты мѣры къ поддержанію въ архангельской губерніи холмогорской породы скота выпискою стада остфрисландской породы.

1850 годъ: утверждено предположеніе объ отдачѣ, нуждающимся въ землѣ крестьянскимъ обществамъ безъ торговъ въ безсрочное пользованіе смежныхъ свободныхъ казенныхъ участковъ;—утверждено предположеніе о напечатаніи Сборника постановленій по управленію государственныхъ имуществъ;—государственные конскіе заводы преобразованы съ тою цѣлію, чтобы обратить эти учрежденія на улучшеніе коннозаводства въ государствѣ вообще, возвести ихъ на высшую степень совершенства достоинствомъ чистокровныхъ производителей опредѣленнаго для каждаго завода типа, дабы переходя въ общее пользованіе, они распространяли изящество породъ въ общемъ коннозаводствѣ; вслѣдствіе сего произведена сортировка лошадей и окончательно заводы получили слѣдующее назначеніе:

1) заводъ Чесменскій—для лошадей англійскихъ и арабскихъ;

2) Хрѣновскій—для высшаго сорта верховыхъ и рысистыхъ;

3) Деркульскій—для верховыхъ кирасирскихъ;

4) Стрѣлецкій—для верховыхъ легко-кавалерійскихъ;

5) Ново-александровскій—для рослыхъ экипажныхъ;

6) Лимаревскій—для легко-упряжныхъ;

7) Починковскій—для крестьянскихъ, ломовыхъ и рабочихъ.

Въ ноябрѣ этого года исполнилось 25 лѣтъ царствованія Императора Николая Павловича. Поэтому случаю графъ Киселевъ представилъ Государю обозрѣніе Управленія государственныхъ имуществъ при слѣдующемъ письмѣ:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„При совершившемся нынѣ двадцатипятилѣтіи благополучнаго царствованія Вашего Императорскаго Величества, вниманіе всѣхъ обращено на событія, ознаменовавшія сію счастливую для Россіи эпоху мудрыми законами, внутреннимъ благоустройствомъ и силою.

„Учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ есть также выраженіе Высочайшей воли и попеченія Вашего Величества о благѣ 20 милліоновъ Вашихъ поданныхъ сельскаго свободнаго состоянія. Посему я пріемлю смѣлость повергнуть на Всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе Вашего Величества обозрѣніе управленія государственныхъ имуществъ за послѣднія 25 лѣтъ“.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный
графъ Киселевъ.

20-го ноября 1850 г.

На этомъ письмѣ Государь написалъ: „благодарю за любопытный и весьма пріятный отчетъ: вамъ принадлежатъ всѣ достигнутые результаты“.

1851 годъ: начато надѣленіе крестьянъ отдѣльными лѣсными участками, изъ которыхъ за умѣренную подать они могли бы пользоваться лѣснымъ матеріаломъ;—для изслѣдованія причинъ уменьшенія рыбы въ Чудскомъ озерѣ и вообще мѣстахъ, прилегающихъ къ Балтійскому морю, назначена особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ академика Бэра.

1852 годъ: введено въ дѣйствіе утвержденное 26-го декабря 1851 года положеніе о медицинскомъ управленіи; — приведено въ дѣйствіе положеніе о взаимномъ страхованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ; — академикъ Бэръ командированъ въ Финляндію и Швецію для изученія тамошняго рыболовства.

1853 годъ: снаряжена, по сношенію съ Имп. Русскимъ Географическимъ Обществомъ, ученая экспедиція подъ начальствомъ академика Бэра для изслѣдованія рыболовства въ Каспійскомъ морѣ; — начаты опыты привитія чумы рогатому скоту, подъ руководствомъ директора дерптскаго ветеринарнаго института Іессена.

Отчеты по министерству за 1853—1855 годы; главные факты, въ которыхъ выразилась дѣятельность министерства.

Представляя Государю отчетъ за 1853 годъ, Киселевъ говорилъ, что долженъ начать оный съ тѣхъ распоряженій, которыя, по случаю военныхъ обстоятельствъ, были обращены преимущественно на выполненіе повинностей денежныхъ и натуральныхъ, какъ необходимыхъ военныхъ способовъ.

Въ томъ же порядкѣ были изложены и два послѣдніе отчета, обнародованные Киселевымъ, именно за 1854 и 1855 годы. Мы остановимся здѣсь на тѣхъ главныхъ фактахъ, которыми выразилась дѣятельность министра государственныхъ имуществъ съ этой стороны.

Въ слѣдующей таблицѣ показаны денежные сборы, поступившіе съ государственныхъ крестьянъ и отбытіе ими натуральныхъ повинностей въ теченіи трехъ лѣтъ военнаго времени:

	1853.	1854.	1855.
Поступило:			
Податей и разныхъ сборовъ. .	47.047,435 р. 1)	47,850,303 р.	46.617,788 р.
Противу оклада болѣе. . . .	на 762 р.	—	—
„ „ менѣе. . . .	—	1,6%	4 2/10%
Поставлено:			
Рекрутъ.	55,397	111,395	144,155
Ратниковъ.	—	—	150,386
Подводъ.	2.895,715	4.073,042	2.423,365
Постойныхъ дней.	23.149,835	20.783,380	39.566,225

1) Сверхъ того, для воспособленія государственному казначейству въ удовлетвореніи военныхъ потребностей внесено въ оное изъ капиталовъ министерства 1.648,595 руб.

Изъ этихъ цифръ видно въ какомъ размѣрѣ тягости, ложившіяся на крестьянъ, усиливались по случаю войны: въ три года изъ 8.825,958 ревизскихъ душъ государственныхъ крестьянъ взято въ военную службу 461,333 человѣка, т.-е. 1 изъ 19 душъ.

Исполненіе натуральныхъ повинностей, не считая квартирной, стоило крестьянамъ:

Въ	1853 году . . .	5.942,954	руб.
„	1854 „ . . .	8.725,916	„
„	1855 „ . . .	13.429,571	„

Указывая на увеличеніе въ 1853 году, противъ предшедшаго года, подводной и квартирной повинностей, Киселевъ говорилъ Государю: „поселяне не только не тяготились сими повинностями, но вездѣ радушно принимали войска; во многихъ случаяхъ воспособляли ихъ движенію поставкою бо́льшаго числа подводъ безденежно, предлагали имъ улучшенную пищу и винную порцію и, наконецъ, въ продолженіе войны ознаменовали преданность къ престолу и отечеству многочисленными пожертвованіями".

Въ отчетѣ за 1854 годъ говорилось, что „несмотря на затруднительныя обстоятельства того времени, всѣ повинности натуральныя и денежныя исполнены государственными крестьянами, съ полнымъ усердіемъ и сочувствіемъ къ государственнымъ потребностямъ".

Послѣдствія для государственныхъ крестьянъ войны.

Въ отчетѣ за 1855 годъ Киселевъ, указывая на усердіе поселянъ, на ихъ пожертвованія, на то, что многія общества отказывались отъ вознагражденія за поставку припасовъ, подводъ и т. п., замѣчаетъ однако, что при затруднительныхъ обстоятельствахъ войны, сопровождавшихся прекращеніемъ промышленности и трехлѣтними неурожаями, способы поселянъ естественно уменьшились, а чрезъ то поступленіе податей и доходовъ долженствовало затрудниться, тѣмъ болѣе, что въ мѣстахъ, занятыхъ или подверженныхъ нападенію непріятеля, всякіе платежи должны были прекратиться. Дѣйствительно,

поступленіе податей въ этомъ году противъ оклада было менѣе на 4,2%.

Графъ Киселевъ заботился не о томъ только, чтобы крестьянами были исполнены требованія правительства, но въ виду ихъ возрастанія, онъ старался сдѣлать все возможное къ облегченію тягостей, ложившихся на крестьянъ. Указавъ на мѣры, предпринятыя министерствомъ въ 1853 году, въ отношеніи улучшенія матеріальнаго быта крестьянъ (надѣлъ малоземельныхъ крестьянъ въ великороссійскихъ губерніяхъ землею и лѣсомъ, переселеніе, водвореніе половниковъ и однодворческихъ крестьянъ, переложеніе податей съ душъ на землю, люстрація, регулированіе, переводъ крестьянъ на оброкъ), Киселевъ говорилъ: „Среди таковыхъ коренныхъ улучшеній быта поселянъ, управленіе прилагало попеченіе объ облегченіи ихъ тягостей. При значительномъ возвышеніи по новой ревизіи оклада податей и земскихъ сборовъ, сборъ общественный, употребленіе котораго зависитъ непосредственно отъ распоряженій министерства, уменьшенъ по губерніямъ отъ 4 до 11 коп. съ души, а всего на 508,876 руб.“.

Заботы гр. Киселева объ облегченіи тягостей, ложившихся по случаю войны на крестьянъ.

Когда къ тягостямъ войны присоединился во многихъ губерніяхъ неурожай, то явилась потребность въ продовольствіи крестьянъ и обсѣмененіи ихъ полей, и сверхъ того, нужно было продовольствовать семейства поступившихъ на службу, а также отставныхъ и безсрочно-уволенныхъ нижнихъ чиновъ и ратниковъ; на всѣ эти предметы было отпущено хлѣба изъ запасныхъ и центральныхъ магазиновъ 1.531,644 четв., и денегъ 618,137 руб.; сверхъ того, въ видахъ облегченія государственныхъ крестьянъ и содѣйствія къ доставленію арміи продовольствія, отпущено войскамъ изъ ближайшихъ къ театру войны запасныхъ магазиновъ хлѣба 297,716 четв.

„Никогда“, говорится въ отчетѣ за 1855 годъ, „министерство государственныхъ имуществъ не было столько озабочено исполненіемъ чрезвычайныхъ и многосложныхъ требованій, выходившихъ изъ обыкновеннаго круга дѣйствій. Три рекрутскихъ набора, сформированіе ополченія и парковъ при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ неурожая, прекращенія тор-

говли и промышленности, исполнены не только съ успѣхомъ, но съ готовностію и усердіемъ... Затруднительное положеніе крестьянъ облегчено значительными пособіями изъ собственныхъ источниковъ министерства. При всемъ томъ мѣры попечительства и устройства быта поселянъ продолжались обыкновеннымъ порядкомъ; малоземельные крестьяне получили значительный надѣлъ землею; переложеніе податей съ душъ на землю совершено въ двухъ губерніяхъ и еще начато въ шести; переходъ крестьянъ въ западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ на поземельное оброчное положеніе приводится къ окончанію; крестьянскіе капиталы увеличены... Порядокъ и спокойствіе между государственными крестьянами, при всѣхъ чрезвычайныхъ требованіяхъ и распоряженіяхъ, не были нигдѣ нарушены“.

ГЛАВА XXXI.

1856 годъ.

Дѣятельность министерства государственныхъ имуществъ въ первую половину 1856 года.—Назначеніе графа Киселева посломъ въ Парижъ.—Послѣдній его циркуляръ.—Учрежденіе медали въ память графа Киселева. — Письмо его Государю, съ представленіемъ краткаго обозрѣнія дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ за 18 лѣтъ.—Назначеніе преемника графу Киселеву и товарища министра.—В. А. Шереметевъ и Д. П. Хрущовъ.

Дѣятельность министерства государственныхъ имуществъ въ первую половину 1856 г.

Въ 1856 году 1-го іюля было рѣшено назначеніе графа Киселева посломъ въ Парижъ. Дѣятельность министерства въ первую половину этого года была преимущественно направлена къ возстановленію хозяйственнаго быта государственныхъ крестьянъ, разстроеннаго во многихъ мѣстахъ военными обстоятельствами въ соединеніи съ предшедшими неурожаями. Въ заботахъ по этому предмету Киселевъ три раза докладывалъ Государю полученныя отъ палатъ государственныхъ имуществъ свѣдѣнія, по возбужденному тогда вопросу „объ уменьшеніи въ государствѣ, вслѣдствіе войны, рабочихъ силъ и земледѣлія“.

Въ послѣднемъ докладѣ, отъ 30 апрѣля, Киселевъ, основываясь на свѣдѣніяхъ, полученныхъ изъ всѣхъ губерній, говорилъ, что рабочее населеніе, вслѣдствіе болѣзней и усиленныхъ рекрутскихъ наборовъ, уменьшилось; но это не имѣло вліянія на уменьшеніе у государственныхъ крестьянъ посѣвовъ и вообще земледѣльческой дѣятельности, между тѣмъ,

какъ война имѣла рѣшительное вліяніе на сокращеніе промысловъ и денежныхъ оборотовъ, а это, въ свою очередь, произвело затрудненія въ поступленіи податей. Тягость этого положенія въ губерніяхъ ближайшихъ къ театру войны усилилась чрезвычайными повинностями для перевозки военныхъ тяжестей.

„Такое положеніе“, говорилъ въ заключеніи Киселевъ, государственныхъ крестьянъ составляетъ нынѣ предметъ особеннаго попеченія и мѣропріятій министерства, какъ для обезпеченія продовольствія и обсѣмененія полей, такъ и для возстановленія хозяйства крестьянъ, въ особенности пострадавшихъ отъ обстоятельствъ войны“.

На этомъ докладѣ Государь написалъ: „Дай Богъ, чтобы въ нынѣшнемъ году урожай былъ хорошъ, и чтобы мѣры, принимаемыя вами къ улучшенію быта крестьянъ были *дѣйствительны*“.

Въ послѣдней фразѣ этой резолюціи графъ Киселевъ видѣлъ слѣды недовѣрія къ дѣятельности ввѣреннаго ему министерства; поэтому онъ чрезъ мѣсяцъ представилъ Государю новый докладъ „о мѣрахъ пособія государственнымъ крестьянамъ во время войны и послѣ оной“.

Пособія во время войны состояли въ выдачѣ для обсѣмененія полей и на продовольствіе изъ запасныхъ магазиновъ хлѣбомъ	4.292,484 четв.
или полагая цѣну хлѣба по 2 р. за четв.	8.584,968 р.
деньгами отпущено	213,275 р.
	9.624,001 р.

Ссуды изъ сельскихъ банковъ (которыхъ, сверхъ прежнихъ 720, открыто было еще 644) простирались ежегодно отъ 1.239,658 р. до 1.761,377 р.

Указывая, затѣмъ, на сдѣланныя распоряженія о пособіяхъ государственнымъ крестьянамъ губерній, пострадавшихъ отъ войны и поселянамъ губерній, постигнутыхъ неурожаемъ, Киселевъ въ заключеніи говорилъ, что „сколь ни обширно и

трудно исполненіе всѣхъ предначертанныхъ предположеній, но осуществленіе ихъ необходимо, и управленіе, исполняя долгъ свой, употребитъ всѣ усилія, чтобы постепенно изгладить слѣды прошедшихъ бѣдствій. Въ семъ случаѣ крестьянскіе капиталы доставятъ возможность сдѣлать всѣ предположенныя пособія дѣйствительными, не обременяя государственное казначейство никакими въ семъ отношеніи требованіями".

Государь остался доволенъ этимъ докладомъ, написавъ на немъ: „благодарю искренне".

Назначеніе графа Киселева посломъ въ Парижъ.

Указъ о назначеніи графа Киселева посломъ при Императорѣ французовъ подписанъ 11-го іюля; но Павелъ Дмитріевичъ продолжалъ управлять министерствомъ до дня коронаціи, 26-го августа. Въ этотъ день ему былъ пожалованъ украшенный алмазами портретъ Императоровъ Николая I и Александра II-го.

Послѣдній его циркуляръ.

Оставляя министерство, графъ Киселевъ издалъ слѣдующій послѣдній свой циркуляръ:

„Въ 26 день сего августа, въ Москвѣ, Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить меня слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ:

„Графъ Павелъ Дмитріевичъ! Особенное довѣріе къ вамъ Моего незабвеннаго Родителя, всегда высоко цѣнившаго ваши достоинства, побудило Его ввѣрить вашему управленію и попеченію сословіе государственныхъ крестьянъ, сосредоточивъ управленіе ими во вновь образованномъ и ввѣренномъ вамъ министерствѣ. Зная благія и возвышенныя чувства и предначертанія Императора Николая I, вы вполнѣ оправдали Его ожиданія и трудами неутомимыми и заботливостію неусыпною въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ, положили прочныя начала къ будущему преуспѣянію и дальнѣйшему развитію благосостоянія этого многочисленнаго сословія русскаго народа. Призывая васъ нынѣ на новое поприще дѣятельности и оставаясь въ полной увѣренности, что ваши опытность и любовь къ Россіи всегда и вездѣ принесутъ прямую и благотворную пользу нашему отечеству, мнѣ пріятно изъявить вамъ за достохвальное служеніе ваше Мою искреннюю признательность, въ озна-

менованіе коей, Всемилостивѣйше жалую вамъ украшенный алмазами портретъ, съ изображеніями: Моего незабвеннаго Родителя и Моимъ для ношенія въ петлицѣ на Андреевской лентѣ".

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно-благосклонный
„Александръ".

„Осчастливленный такою Всемилостивѣйшею наградою, не могу не выразить, что безъ ревностнаго содѣйствія моихъ сослуживцевъ, я не могъ бы ее заслужить.

„При исполненіи возложенной на меня Высочайшею волею обязанности, я старался, вникая въ благія Монаршія предначертанія, избрать усердныхъ и достойныхъ довѣрія исполнителей, направлять дѣйствія ихъ къ высокой, благолюбіемъ Государей указываемой цѣли, къ водворенію, во всемъ кругѣ управленія министерства государственныхъ имуществъ, законности, къ попечительству, къ постоянному и терпѣливому назиданію, поощренію и руководству 20 милліоновъ сельскаго населенія, и къ сохраненію, путемъ закона, учрежденій, дарованныхъ сему сословію, для упроченія и развитія его благосостоянія.

„Если я могъ ошибаться въ выборѣ должностныхъ лицъ, если и встрѣчалъ со стороны нѣкоторыхъ неисполнительность и даже нарушеніе обязанностей, то мнѣ отрадно, что подобные случаи составляли исключенія, что большинство чиновъ и лицъ сельскаго управленія, постигая важность своихъ обязанностей, мѣрами кроткими и справедливыми, содѣйствовали и содѣйствуютъ къ водворенію должнаго порядка и благоустройства во всѣхъ частяхъ Управленія.

„Благодарю всѣхъ моихъ сослуживцевъ, которые, одушевляясь святостію своего долга, были мнѣ вѣрными помощниками въ государственномъ дѣлѣ, тихо, но прочно устроившемся при постоянномъ къ нему Всемилостивѣйшемъ вниманіи въ Бозѣ почившаго Государя Николая Павловича и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

„Въ обширномъ кругу предначертанныхъ для министерства обязанностей, многое сдѣлано, многое приготовлено, но мно-

гое остается еще сдѣлать. Желаю, чтобы сотрудники мои переходя подъ новое начальство, были и для него столь же ревностными дѣятелями, и продолжали свое служеніе съ тѣми же правилами чести и усердіемъ, которыя пріобрѣли имъ право на мою признательность.

„Благодарю всѣхъ поселянъ за ихъ полную довѣренность къ оставляемому мною Управленію, которому они содѣйствовали точнымъ исполненіемъ всѣхъ распоряженій начальства, трудолюбіемъ, спокойствіемъ и готовностію, по призыву Августѣйшаго Монарха, приносить всякія жертвы въ годины испытаній.

„Обращаясь въ послѣдній разъ къ подвѣдомому министерству государственныхъ имуществъ сословію поселянъ, желаю да укрѣпляется въ нихъ болѣе и болѣе сознаніе, что только по мѣрѣ утвержденія дарованныхъ имъ Монаршею милостію учрежденій, можетъ водвориться среди сего сословія *законность*—единое, прочное основаніе всякаго порядка и благосостоянія.

„И на иномъ поприщѣ службы, указанномъ мнѣ волею Монарха, вдали отъ отечества мнѣ будетъ также близко истинное благо государственныхъ крестьянъ, какъ оно было близко мнѣ въ теченіи многолѣтняго ими управленія; буду до конца дней моихъ радоваться ихъ успѣхамъ, и слѣдуя примѣру общаго отца нашего, Государя Императора, буду молиться за нихъ.

„Если они сохранятъ обо мнѣ память, то она будетъ, послѣ милостей Государя, лучшею, драгоцѣннѣйшею для меня наградою.

„Министръ государственныхъ имуществъ,
генералъ-адъютантъ графъ П. Киселевъ".

Итакъ, въ этомъ циркулярѣ графъ Павелъ Дмитріевичъ закончилъ свое управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ тѣмъ, чѣмъ началъ его: обращеніемъ къ идеѣ *законности*.

Находившіеся тогда въ Москвѣ волостные головы и старшины государственныхъ крестьянъ и колонистовъ, желая

проститься съ графомъ, явились къ нему 31 августа и поднесли ему хлѣбъ-соль и на память образъ благословляющаго Спасителя. Образъ этотъ, по желанію графа Павла Дмитріевича, переданъ въ нашу парижскую посольскую церковь.

Учрежденіе медали въ память графа Киселева.

Въ томъ же году подъ вліяніемъ сочувствія къ прощальнымъ словамъ графа Павла Дмитріевича, бывшіе его подчиненные и многочисленные почитатели его заслугъ составили, по добровольной подпискѣ, капиталъ на учрежденіе на вѣчныя времена преміи, которая, по назначенію своему, соотвѣтствовала бы существу великаго дѣла, бывшаго главною задачею государственной дѣятельности графа Киселева и съ тѣмъ вмѣстѣ, служила бы поощреніемъ къ ученымъ и литературнымъ трудамъ на пользу крестьянскаго сословія.

Положеніе о медали (преміи) графа Киселева и рисунокъ ея, Высочайше утверждены въ 24 день декабря 1856 года.

Письмо графа Киселева Государю съ представленіемъ краткаго обозрѣнія дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ за 18 лѣтъ.

По возвращеніи изъ Москвы въ С.-Петербургъ, онъ оставался тамъ до конца сентября, и предъ отъѣздомъ своимъ, представилъ Государю краткое обозрѣніе всей дѣятельности по управленію государственныхъ имуществъ съ 1836 по 1856 годъ, при слѣдующемъ письмѣ:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Оставляя, по Высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, министерство, котораго образованіе и управленіе возложено было на меня Высочайшею волею въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича, я поставляю долгомъ повергнуть на Всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе Вашего Величества подносимое присемъ краткое обозрѣніе управленія государственныхъ имуществъ за 18 лѣтъ, съ объясненіемъ причинъ и цѣли учрежденія министерства и степени достигнутыхъ имъ результатовъ. Но излагая состояніе разныхъ частей управленія, я вмѣнилъ себѣ въ непремѣнную обязанность указать на тѣ изъ нихъ, которыя, оставаясь недовершенными, требуютъ дальнѣйшихъ мѣропріятій и назидаданія. Съ сею цѣлію, я объяснилъ въ представляемомъ обо-

зрѣніи всѣ предметы, которые, по мнѣнію моему, должны обратить на себя особое вниманіе министра.

Въ искреннемъ желаніи успѣха дѣлу, которому я посвятилъ 18 лѣтъ моихъ дѣятельныхъ трудовъ, дозволяю себѣ питать утѣшительную надежду, что при Высочайшемъ направленіи Вашего Величества, дѣйствія достойнаго моего преемника, основываясь на началахъ, постановленныхъ Августѣйшимъ Вашимъ родителемъ, приведутъ къ окончательному исполненію всѣ части преобразованія.

Всемилостивѣйшій Государь,
Вашего Императорскаго Величества,
Вѣрноподданный графъ П. Киселевъ.

Обозрѣніе это состояло изъ четырехъ частей: I) историческій взглядъ на управленіе государственныхъ имуществъ; II) состояніе государственныхъ крестьянъ въ 1837 году; III) предположенія по управленію государственныхъ имуществъ; IV) дѣйствія по управленію государственныхъ имуществъ.

Въ первыхъ трехъ частяхъ заключались свѣдѣнія, изложенныя уже нами выше. Въ четвертой части излагались результаты дѣятельности по главнѣйшимъ предметамъ администраціи, и въ заключеніи говорилось:

„Неустройства и происходившія отъ онаго злоупотребленія, тяготѣя надъ государственными крестьянами, подавляли производительныя силы 20 милліоновъ населенія, порождали безпорядки и нерѣдко производили народныя волненія.

„Эти причины вызвали твердую рѣшимость Императора Николая I-го, осуществить обѣщаніе, данное въ манифестѣ 1810 года, устройствомъ особаго управленія, дабы водворить среди поселянъ порядокъ и оградить ихъ отъ притѣсненій.

„Къ сей цѣли направлено было учрежденіе: министерства, палатъ и окружныхъ правленій, а также учрежденіе общественнаго сельскаго управленія. Совокупными дѣйствіями сихъ установленій устройство внутренняго порядка утверждено, злоупотребленія и поборы большею частію устранены, поселяне ограждаются отъ притѣсненій; волненія болѣе не повто-

ряются, и какъ замѣтилъ одинъ изъ генералъ-губернаторовъ, по случаю безпорядковъ въ другихъ сословіяхъ, не могутъ возникнуть между государственными крестьянами, потому „что они управленіемъ своимъ довольны и желаютъ сохранить настоящее свое положеніе“. Слѣдовательно задача учрежденія управленія, сообразнаго съ видами огражденія и устройства крестьянъ, разрѣшена удовлетворительно.

„Но утвердивъ внутренній порядокъ, министерство должно было обратить свою дѣятельность на улучшеніе быта поселянъ и на устройство прочихъ частей, управленію его ввѣренныхъ. Въ семъ отношеніи оно не могло, подобно другимъ вѣдомствамъ, слѣдовать по опредѣленной колеѣ, потому что этой колеи не было; надлежало по каждой части собирать свѣдѣнія, постановлять правила, дѣлать опыты; но прежде всего надобно было создать способы дѣйствія, надобно было приготовить: межевщиковъ, инженеровъ, ученыхъ лѣсничихъ, сельскихъ хозяевъ, учредить цѣлый рядъ спеціальныхъ учебныхъ и образцовыхъ заведеній и училищъ, а для сего образовать денежныя средства. Все это исполнено, составъ корпуса межевщиковъ и лѣсничихъ, составъ сельско-хозяйственныхъ заведеній и, наконецъ, состояніе наличныхъ капиталовъ показываютъ, что министерство не теряло времени. Оно исполнило эту трудную часть своего назначенія безъ отягощенія казны и крестьянъ, приведеніемъ въ лучшее устройство существовавшихъ дотолѣ частныхъ денежныхъ сборовъ и сокращеніемъ расходовъ, которые не завися болѣе отъ произвольныхъ распоряженій мѣстныхъ властей, подчинены учету министерства и приводятся въ дѣйствіе неиначе, какъ по предварительнымъ смѣтамъ, представляемымъ въ Государственный Совѣтъ, и утверждаемымъ Высочайшею властію.

„Затѣмъ, съемка земель, приведя въ извѣстность владѣнія казны, доставила возможность сдѣлать коренныя улучшенія: малоземельные крестьяне получили по возможности надѣлъ на мѣстахъ, или переселены на свободныя земли, и такимъ образомъ, значительное пространство пустопорожнихъ земель обращено въ разработку; крестьяне арендные, въ западныхъ гу-

берніяхъ устроены на поземельномъ оброчномъ положеніи, а въ губерніяхъ великороссійскихъ, вмѣсто подушной подати, вводится поземельный налогъ. Эти коренныя улучшенія пополнены разными необходимыми мѣрами внутренняго благоустройства, въ числѣ которыхъ распространеніе въ народѣ религіозно-нравственныхъ началъ, учрежденіе запасовъ продовольствія и пособій погорѣвшимъ, учрежденіе опекъ, вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ доказали уже на опытѣ полезное вліяніе на благосостояніе сельскаго сословія. Присемъ нельзя не упомянуть о неоспоримомъ фактѣ возрастающаго благосостоянія сего класса людей: изъ 1.432,591 душ., составляющихъ по 9 ревизіи пріумноженіе народнаго населенія во всѣхъ сословіяхъ Имперіи, 1.191,213 душ., принадлежатъ исключительно государственнымъ крестьянамъ.

„По лѣсному хозяйству положены начала, которыя при постоянномъ продолженіи принятаго способа дѣйствія, должны водворить устройство въ лѣсахъ и обезпечить сохранность сего важнаго, по климатическому нашему положенію, государственнаго богатства.

„Наконецъ, по улучшенію общаго въ государствѣ сельскаго хозяйства, принявъ основаніемъ дѣйствій поощреніе и распространеніе полезныхъ свѣдѣній, министерство призвало въ пособіе высшее сословіе владѣльцевъ умноженіемъ экономическихъ обществъ и пользуется нравственнымъ и матеріальнымъ его содѣйствіемъ въ улучшеніи многихъ отраслей отечественнаго нашего хозяйства. Въ отношеніи же къ массѣ поселянъ, надлежало дѣйствовать другими способами; крестьяне наши, по степени своего образованія, не могутъ иначе усвоить себѣ улучшенія въ хозяйствѣ, какъ нагляднымъ убѣжденіемъ въ выгодѣ нововведенія и въ доступности его для крестьянскихъ средствъ.

„Посему, устраняя всякую поспѣшность и принужденіе въ отношеніи къ людямъ, для сего не приготовленнымъ, министерство старалось, съ одной стороны, дѣйствовать на распространеніе сельско-хозяйственнаго образованія между новымъ поколѣніемъ, а съ другой—доставлять примѣры практическихъ

улучшеній на фермахъ и другихъ заведеніяхъ. Примѣры сіи не остались безъ послѣдствій: введеніе во многихъ селеніяхъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, травосѣяніе, улучшеніе разработки льна, табаку и проч., показываютъ, что крестьяне начинаютъ понимать пользу улучшеній, и слѣдовательно представляютъ ручательство въ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Наконецъ, коннозаводство, какъ одна изъ важнѣйшихъ вѣтвей сельскаго хозяйства, получило полное и сообразное съ общими потребностями развитіе, доставляя всѣмъ сословіямъ, возможность улучшать коневодство.

„Естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ таковыхъ улучшеній долженствовало быть болѣе исправное поступленіе податей и увеличеніе доходовъ. Управленіе достигло этихъ результатовъ, безъ употребленія мѣръ насильственныхъ, однимъ дѣйствіемъ порядка. Недоборы уменьшились болѣе чѣмъ на половину и поступленіе доходовъ при новомъ управленіи превосходитъ сумму доходовъ, полученныхъ государственнымъ казначействомъ при прежнемъ Управленіи за такой же періодъ времени, на 150.920,380 рублей.

„Такимъ образомъ, въ продолженіи 18-ти лѣтъ, министерство, утвердивъ административный порядокъ, распространило дѣйствіе хозяйственнаго устройства на всѣ части своего вѣдомства. Многое сдѣлано, многое подготовлено, но при всемъ томъ, многое еще остается дѣлать: одно дополнять, другое довершать и вообще направлять всѣ дѣйствія, такъ чтобы, съ пособіемъ времени, слѣдуя неизмѣнно принятымъ въ основаніе началамъ, достигнуть окончательно опредѣленной цѣли преобразованія. Въ семъ отношеніи предлежитъ особенному вниманію министерства: усиленіе мѣръ для переселенія, пересмотръ правилъ о переложеніи податей съ душъ на землю для удобнѣйшаго уравненія поземельной подати между губерніями, пересмотръ положенія о жеребьевой системѣ, мѣры по устройству и уравненію натуральныхъ повинностей и по улучшенію сельскихъ строеній, распространеніе дѣйствій по охраненію въ казенныхъ селеніяхъ народнаго здоровья, распространенія раціональнаго сельскаго хозяйства и улучшенія скотоводства,

особенно между поселянами, и наконецъ, осушеніе болотъ и снабженіе водою мѣстъ безводныхъ—мѣры необходимыя, но въ которыхъ, по новости предмета, управленіе дозволяло себѣ только изслѣдованіе и предварительное испытаніе, дабы неосторожными или ошибочными распоряженіями не разстроить въ самомъ началѣ составленія необходимыхъ денежныхъ средствъ.

„Нынѣ по всѣмъ этимъ предметамъ министерство имѣетъ достаточныя свѣдѣнія и отчеты и обладаетъ значительными капиталами, чего при началѣ его учрежденія вовсе не существовало".

Назначеніе преемника графу Киселеву и товарища министра.

Графъ Киселевъ оставлялъ министерство съ грустью [1]) и не отъ того, что ему было тяжело разставаться съ дѣломъ, занятіе которымъ вошло у него въ привычку. Управленіе государственными имуществами и въ особенности крестьянами было для Киселева не удовлетвореніемъ честолюбія и властолюбія; нѣтъ, онъ всю свою душу полагалъ въ созданную имъ администрацію.

Слова послѣдняго его циркуляра, что „и вдали отъ отечества ему будетъ близко истинное благо государственныхъ крестьянъ" были не фразою, а истиннымъ выраженіемъ одушевлявшаго его чувства любви къ народу.

Подъ вліяніемъ этого чувства, оставляя, противъ своего желанія, министерство, графъ Павелъ Дмитріевичъ думалъ о томъ кто заступитъ его мѣсто и будетъ ли преемникъ его продолжать управлять въ томъ же духѣ, поддерживать тѣже начала, которыхъ онъ держался въ теченіи 18 лѣтъ. У него были въ свѣжей памяти замыслы измѣнить положеніе государственныхъ крестьянъ въ смыслѣ ретроградномъ [2]). Отказъ Государя утвердить представленіе его относительно указа о Сборникѣ постановленій по управленію государственныхъ имуществъ [3]) подкрѣплялъ опасенія его; тогда не было еще и рѣчи о начавшихся вскорѣ послѣ того либеральныхъ реформахъ, при которыхъ ограниченіе правъ государственныхъ крестьянъ было дѣломъ немыслимымъ.

---

[1]) См. ниже, главу XLVI.
[2]) См. ниже главу XXXII.
[3]) См. тамъ же.

В. А. Шереметевъ и Д. П. Хрущовъ.

Государь предоставилъ самому Киселеву избрать себѣ преемника; онъ указалъ на В. А. Шереметева, члена коммиссіи прошеній, бывшаго предъ тѣмъ товарищемъ министра юстиціи. Товарищъ министра государственныхъ имуществъ Гамалѣй не могъ оставаться въ этой должности; для занятія его мѣста графъ Киселевъ указалъ на Д. П. Хрущова, молодаго еще человѣка, занимавшаго должность директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, а предъ тѣмъ служившаго долго въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и потомъ бывшаго гофмейстеромъ при дворѣ Великой Княгини Елени Павловны и лично извѣстнаго при большомъ дворѣ.

Государь одобрилъ этотъ выборъ, прежде еще отъѣзда Своего въ Москву. Шереметевъ находился въ это время въ своемъ имѣніи въ Орловской губерніи, изъ котораго былъ вызванъ графомъ Киселевымъ въ Москву, предъ самою коронаціею и, по объясненіи съ нимъ, согласился принять министерство, съ назначеніемъ Хрущова товарищемъ министра.

Въ управленіе министерствомъ Шереметевъ вступилъ, однако же, не прежде отъѣзда Киселева въ Парижъ, а именно въ октябрѣ мѣсяцѣ, и тотчасъ же сталъ высказывать неудовольствіе къ Хрущову, обижаясь тѣмъ, что онъ назначенъ товарищемъ министра, не по его избранію. Одинъ изъ петербургскихъ корреспондентовъ графа Киселева, близко видѣвшій дѣло писалъ ему 16 (28) ноября 1856 года:

„Хрущовъ въ затруднительномъ положеніи и безъ всякихъ занятій. Его новый начальникъ вообразилъ, что Хрущовъ приставленъ къ нему въ видѣ Ментора, обязаннаго наблюдать за тѣмъ, чтобы новый Телемакъ, нѣсколько старый для этой роли, ничего не испортилъ въ томъ, что̀ сдѣлано его предшественникомъ. Шереметевъ отъ этого сдѣлался недовѣрчивымъ (ombrageux) и поставилъ Хрущова внѣ всякихъ дѣлъ министерства“. Эта исторія кончилась бы конечно удаленіемъ Хрущова, еслибы не предупредилъ такой развязки случившійся вскорѣ апоплексическій ударъ съ Шереметевымъ.

ГЛАВА XXXII.

ЗАБОТЫ КИСЕЛЕВА ОБЪ ОГРАЖДЕНІИ ПРАВЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Прекращеніе обмѣна государственныхъ крестьянъ на удѣльныхъ.—Несогласіе Киселева на перечисленіе государственныхъ крестьянъ въ горное вѣдомство.—Возраженіе противъ обращенія государственныхъ крестьянъ въ военные поселяне и противъ раздачи арендныхъ имѣній въ маіораты.—Возраженіе противъ ограниченія правъ государственныхъ крестьянъ въ Закавказскомъ краѣ.—Сборникъ постановленій по управленію государственныхъ имуществъ; цѣль составленія этого Сборника.—Попытка Киселева обнародовать Сборникъ при особомъ указѣ въ подтвержденіе правъ государственныхъ крестьянъ.

Въ Наказѣ министру государственныхъ имуществъ (ст. 27) въ числѣ обязанностей попечительства о государственныхъ крестьянахъ прежде всего указано министру „ограждать права, дарованныя сельскому свободному сословію, и въ случаѣ нарушенія ихъ, оказывать законное покровительство и защиту".

Случаи вступиться за эти права незамедлили представиться графу Киселеву.

Прекращеніе обмѣна государственныхъ крестьянъ на удѣльныхъ.

Мы упомянули выше [1]) о перечисленіи государственныхъ крестьянъ въ удѣльныя. При открытіи въ 1838 году министерства государственныхъ имуществъ перечисленіе это подъ видомъ обмѣна удѣльныхъ имѣній на казенныя еще продолжалось; Киселевъ считалъ эту операцію нарушеніемъ правъ государственныхъ крестьянъ, такъ какъ она производилась

1) Глава XXVI.

безъ согласія сихъ послѣднихъ, и обращала ихъ насильно изъ свободнаго состоянія на положеніе помѣщичьихъ. Государственные крестьяне эту коренную перемѣну ихъ состоянія принимали не равнодушно; во многихъ мѣстахъ надо было силою обращать ихъ въ удѣльные.

О возстановленіи правъ обращенныхъ такимъ образомъ государственныхъ крестьянъ въ удѣльные, конечно, нельзя было и думать.

Киселевъ желалъ остановить покрайней мѣрѣ эту операцію. Съ этою цѣлію онъ вошелъ въ переписку съ министромъ двора, и указывая на то, что при обмѣнѣ не соблюдено было, постановленное въ 1830 году, условіе равномѣрности выгодъ промѣниваемыхъ имѣній и количества оброка съ имѣній получаемаго; что напр. государственные крестьяне симбирской губерніи платили исправно оброкъ и остались должными казнѣ только 292 т. рублей, тогда какъ на удѣльныхъ имѣніяхъ было долга 3 милл. рублей; предложилъ съ своей стороны условія для правильнаго и основательнаго совершенія этой операціи, какъ-то соблюденіе равенства въ пространствѣ земель, въ качествѣ поземельныхъ угодій. Условія эти были настолько невыгодны для министерства двора, что князь Волконскій согласился отмѣнить дальнѣйшій обмѣнъ имѣній [1]).

Несогласіе Киселева на перечисленіе государственкрестьянъ въ горное вѣдомство.

Въ слѣдующемъ, 1839 году, по случаю недостатка въ рабочихъ на нерчинскихъ горныхъ заводахъ, министръ финансовъ, графъ Канкринъ, вошелъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ о причисленіи живущихъ въ округахъ тѣхъ заводовъ государственныхъ крестьянъ къ горному вѣдомству. Киселевъ заявилъ, что полная передача крестьянъ въ горное вѣдомство безъ предварительнаго ихъ на то согласія возбудила бы справедливыя со стороны ихъ жалобы и нарушила-бы права, присвоенныя имъ какъ свободному состоянію, и вновь утвержденныя изданіемъ проэктовъ учрежденія объ управ-

---

[1]) См. отношеніе графа Киселева отъ 17-го ноября 1838 года, № 1842, къ князю Волконскому и отвѣтъ послѣдняго Киселеву 28-го того-же ноября за № 106.

леніи государственными имуществами и крестьянами. Комитетъ министровъ согласился съ Киселевымъ и положеніе комитета было утверждено Государемъ.

Возраженіе противъ обращенія государственныхъ крестьянъ въ военное поселеніе и противъ раздачи арендныхъ имѣній въ маіораты.

Въ 1840 году Государь заявилъ Свою волю о присоединеніи двухъ казенныхъ селеній херсонской губерніи къ военному поселенію и о предназначеніи къ тому-же еще 37 селеній въ подольской губерніи.

Киселевъ по этому случаю представилъ 2-го декабря слѣдующій всеподданнѣйшій докладъ:

„Военный министръ отъ 24-го ноября сообщилъ мнѣ, что Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть: 1) два селенія херсонской губерніи, Сыровъ и Кривое Озеро, прилегающія къ 11-му округу новороссійскаго военнаго поселенія и заключающія въ себѣ 1,004 души, присоединить къ сему округу съ землею, и 2) предназначенныя подъ военное поселеніе 37 селеній въ подольской губерніи, впредь до разрѣшенія, продолжать отдавать въ администрацію, но токмо кратковременно.

„О приведеніи таковой Высочайшей воли въ надлежащее исполненіе, всѣ зависящія со стороны министерства государственныхъ имуществъ распоряженія изготовлены. Между тѣмъ, руководствуясь постоянно правиломъ, доводить до Высочайшаго свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества о всѣхъ обстоятельствахъ, которыя, по внушенію пользъ государственныхъ, казались мнѣ заслуживающими Всемилостивѣйшаго вниманія Вашего Величества, я осмѣливаюсь и при настоящемъ случаѣ всеподданнѣйше представить нѣкоторыя соображенія.

„Устройство государственныхъ крестьянъ, какъ въ нравственномъ, такъ и матеріальномъ отношеніи, представляетъ необходимость обезпечить самостоятельность ихъ сельскаго быта, въ которомъ они, не опасаясь измѣненія своего состоянія, могли бы свободно развивать свою дѣятельность на пользу государственную. Необходимость сего обезпеченія была постоянно признаваема правительствомъ. Городовое Положеніе, устроивъ городское состояніе, произвело намѣреніе даровать Высочайшую грамоту и сословію сельскому. Съ 1801 года

предположеніе сіе было предметомъ многихъ разсужденій; и наконецъ, въ царствованіе Вашего Императорскаго Величества вновь обсуждалось въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ князя Кочубея. Предположенія комитета поступили ко мнѣ, и я, при представленіи Государственному Совѣту проектовъ Учрежденія управленія государственныхъ имуществъ, основываясь на личномъ убѣжденіи Вашего Величества въ пользѣ обезпеченія сельскаго состоянія, изъяснилъ въ особомъ изложеніи, удостоенномъ Высочайшаго вниманія, о необходимости довершить сію мѣру по преобразованію управленія, дабы означить положительно предѣлы правъ и мѣру обязанностей сельскаго сословія, ибо полная извѣстность сихъ условій предупреждаетъ нарушеніе обязанностей и служитъ залогомъ нравственнаго улучшенія народа.

„При такомъ убѣжденіи въ необходимости обезпечить самостоятельность сельскаго класса, обращеніе государственныхъ крестьянъ подъ военное поселеніе не можетъ не потрясти въ нихъ довѣрія къ предположеніямъ правительства, тѣмъ болѣе, что состояніе военныхъ поселянъ, по укоренившемуся между крестьянами понятію, представляется для нихъ состояніемъ самымъ тягостнымъ.

„Переходя отъ сего къ назначенію крестьянъ подольской губерніи, нельзя оставить безъ вниманія замѣчаній генералъ-губернатора г.-л. Бибикова, что обращеніе въ тамошней губерніи конфискованныхъ имѣній подъ военное поселеніе имѣло самое неблагопріятное вліяніе на народъ. Основательно, или неосновательно укоренилось въ народномъ понятіи предубѣжденіе противу состоянія военныхъ поселянъ, но во всякомъ случаѣ оно укоренилось; и если обращеніе конфискованныхъ имѣній подъ военное поселеніе произвело въ краѣ неблагопріятные толки и недовѣріе, побудившіе мѣстнаго генералъ-губернатора объяснить предъ правительствомъ вредныя послѣдствія сей мѣры, то обращеніе въ военное поселеніе крестьянъ старостинскихъ, которые искони, и даже при польскомъ правительствѣ, сохраняли право свободнаго сельскаго состоянія, безъ сомнѣнія произведетъ еще болѣе тревоги и опасенія въ

сельскихъ обывателяхъ тамошняго края; и люди неблагонамѣренные, конечно, воспользуются симъ случаемъ, дабы посѣять въ народѣ недовѣріе ко всѣмъ будущимъ мѣропріятіямъ, тогда какъ по положенію западныхъ губерній, привлеченіе массы народонаселенія въ пользу правительства должно составлять одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ попеченія, дабы среди различныхъ враждебныхъ элементовъ сего края имѣть надежную опору въ народной любви и преданности къ Престолу сельскаго сословія.

„Обращаясь, засимъ, къ назначенію подъ военное поселеніе двухъ селеній Херсонской губерніи и принимая въ соображеніе, что при поступленіи нѣкоторыхъ казенныхъ селеній въ составъ казачьяго войска, крестьянамъ предоставлено было на волю остаться въ казакахъ, или переселиться на другія мѣста, и что, подобнымъ образомъ, поступлено и въ отношеніи городскихъ сословій при назначеніи подъ военныя поселенія, я полагалъ бы полезнымъ, если Вашему Величеству будетъ благоугодно, распространить сію мѣру и на крестьянъ означенныхъ двухъ селеній.

„Впрочемъ, повергая все сіе на Всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе, я въ чувствахъ всегдашняго вѣрноподданѣйшаго моего стремленія къ успѣху благихъ намѣреній Вашего Императорскаго Величества, желалъ только изъяснить со всею откровенностію опасенія на счетъ неблагопріятнаго вліянія, которое отъ дѣйствія сей мѣры можетъ произойти при самомъ началѣ введенія въ западныхъ губерніяхъ новыхъ постановленій, имѣющихъ цѣлію нравственное соединеніе сего края съ Россіею“.

Прочитавъ этотъ докладъ, Государь приказалъ: „имѣнія въ подольской губерніи отдавать въ арендное содержаніе или администрацію на 6 лѣтъ, а по херсонской губерніи совершить передачу двухъ селеній въ военное вѣдомство, какъ мѣру до изданія грамоты о сельскомъ состояніи не противную“ [1]).

---

[1]) Въ этихъ выраженіяхъ написана на докладѣ рукою Киселева Высочайшая резолюція. На словахъ графъ Павелъ Дмитріевичъ передавалъ намъ, что Государь сказалъ такъ: *вѣдь я еще имъ грамоты не далъ!*

Такимъ образомъ, доводы Киселева не произвели ожидаемаго дѣйствія на Государя; такъ сильно еще было у Его Величества предубѣжденіе въ пользу военныхъ поселеній, и хотя онъ тутъ же не отвергалъ осуществленія въ будущемъ мысли о дарованіи крестьянамъ грамоты, которая должна была закрѣпить за ними права свободнаго состоянія, но теперь этихъ правъ, по крайней мѣрѣ ихъ ненарушимости, Государь какъ бы еще не признавалъ. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что впослѣдствіи опять возобновились попытки обратить часть государственныхъ крестьянъ въ военные поселяне, какъ это мы увидимъ сейчасъ.

Въ 1841 году генералъ-губернаторы западныхъ губерній Бибиковъ и Мирковичъ представили предположеніе о раздачѣ арендныхъ имѣній кореннымъ русскимъ дворянамъ въ видѣ маіоратовъ. Государь потребовалъ мнѣніе Киселева, который въ докладѣ 9-го іюня, доказывалъ несправедливость подобной мѣры и опасность ея въ политическомъ отношеніи: „назначеніе въ составъ маіоратовъ людей свободнаго состоянія, т. е. крестьянъ старостинскихъ, писалъ онъ, не могло бы иначе быть сочтено ими, какъ за угнетеніе и лишеніе правъ, отъ Высочайшей власти единожды дарованныхъ". Государь согласился съ Киселевымъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1852 года военный министръ князь Чернышевъ спрашивалъ, по Высочайшему повелѣнію, заключенія Киселева о присоединеніи, по представленію инспектора резервной кавалеріи графа Никитина, трехъ казенныхъ селеній херсонской и екатеринославской губерній къ означенному поселенію. Киселевъ 23-го января отвѣчалъ князю Чернышеву, что „перечисленіе государственныхъ крестьянъ въ военныя поселенія, безъ ихъ согласія, какъ противное Всемилостивѣйше дарованному имъ праву свободнаго перехода въ другія дозволенныя для нихъ сословія, привело бы въ тревожное состояніе прочихъ государственныхъ крестьянъ, изъ коихъ подобныхъ перечисленій, въ царствованіе Его Императорскаго Величества доселѣ еще не было, и поколебало бы въ нихъ то довѣріе къ дѣйствіямъ правительства, которое нынѣ

начинаетъ постоянно утверждаться. Хотя въ составъ военныхъ поселеній, безъ особыхъ неудобствъ и послѣдствій, поступили крестьяне нѣкоторыхъ конфискованныхъ имѣній, но перечисленія эти не могутъ идти въ сравненіе съ нынѣ предполагаемымъ, ибо означенные крестьяне, съ поступленіемъ въ военные поселяне освобождались отъ тяготившаго ихъ крѣпостнаго состоянія; государственные же крестьяне при семъ лишились бы правъ, Высочайшею волею имъ дарованныхъ, и подобный примѣръ несомнѣнно возбудилъ бы въ прочихъ опасеніе на счетъ твердаго устройства состоянія, для нихъ Высочайше утвержденными Положеніями установленнаго".

Графъ Никитинъ не ограничивалъ своихъ предположеній присоединеніемъ къ военному поселенію упомянутыхъ выше трехъ селеній; онъ тогда же просилъ передать въ поселеніе еще 22,165 душъ казенныхъ крестьянъ въ чигиринскомъ, черкасскомъ и балтскомъ уѣздахъ. Объ этомъ былъ спрошенъ, чрезъ военнаго министра, не графъ Киселевъ, а генералъ-губернаторъ юго-западныхъ губерній Бибиковъ. Онъ отвѣчалъ, 9-го февраля 1852 года, князю Чернышеву въ томъ же смыслѣ, какъ и графъ Киселевъ, но въ выраженіяхъ гораздо болѣе сильныхъ; онъ указывалъ главное на политическое положеніе края, въ которомъ противовѣсъ польскому элементу правительство могло найдти только въ крестьянскомъ сословіи, и на то, что переводъ казенныхъ крестьянъ на оброкъ и дарованіе помѣщичьимъ—инвентарей, возбудили въ крестьянахъ восторженную признательность къ Государю. Въ заключеніе Бибиковъ писалъ:

„Послѣ всего этого, переводъ 22,165 казенныхъ крестьянъ, состоящихъ на оброкѣ, въ военное поселеніе, котораго, я долженъ сказать откровенно, они боятся болѣе даже прежняго своего положенія, не можетъ не произвесть въ краѣ самаго неблагопріятнаго вліянія; онъ поселитъ не только въ казенныхъ, но и въ помѣщичьихъ крестьянахъ, недовѣріе къ правительству и его дѣйствіямъ, боязнь и уныніе, ибо никто изъ нихъ не будетъ уже убѣжденъ въ постоянствѣ сдѣланныхъ однажды распоряженій. Такимъ образомъ, передавая часть

оброчныхъ крестьянъ въ военное поселеніе, надобно будетъ лишиться довѣренности всѣхъ крестьянъ, еще такъ недавно облагодѣтельствованныхъ Его Императорскимъ Величествомъ".

Списокъ съ своего отношенія Бибиковъ тогда же прислалъ графу Киселеву, какъ вполнѣ раздѣлявшему его мнѣніе.

Возраженіе противъ ограниченія правъ государственныхъ крестьянъ въ закавказскомъ краѣ.

На востокѣ, въ томъ числѣ и у насъ въ закавказскомъ краѣ, существуютъ многочисленные титулы или различія въ средѣ высшаго мусульманскаго сословія, каковы:

Ханъ (по-монгольски—государь), *султанъ* (тоже по-арабски), *меликъ* (по-арабски—повелитель), *бекъ* (по-монгольски—повелѣвающій), *ага* (по-монгольски—господинъ), множественное отъ ага—*агалары*.

Такимъ образомъ, наименованія: меликъ, бекъ и ага почти тождественны.

Титулъ бека встрѣчается во всѣхъ частяхъ закавказскаго края, присоединенныхъ отъ Персіи и Турціи, титулъ агалара—въ нынѣшнихъ тифлисской и елисаветпольской губерніяхъ; меликъ—въ армянскихъ частяхъ края.

При царяхъ Грузіи агалары управляли деревнями и пользовались за это особыми доходами. Они оставались въ этомъ положеніи до 1818 года, когда издано было генераломъ Ермоловымъ особое о нихъ положеніе. По этому положенію начальству было предоставлено назначать ихъ за заслуги и лишать ихъ достоинства агалара за упущенія и злоупотребленія, причемъ обязанности ихъ ограничены были полицейскимъ управленіемъ селеніями; жители-же должны были отбывать въ ихъ пользу разныя повинности и платить $^{1}/_{10}$ долю казенныхъ податей. Впослѣдствіи возникло дѣло по ихъ жалобамъ о нарушеніи правъ и въ 1841 г. признано было, что за введеніемъ въ краѣ земской полиціи въ агаларахъ нѣтъ вовсе надобности и отъ нихъ отобраны были всѣ деревни, съ производствомъ (собственно за татарскія деревни) пожизненнаго содержанія.

Беки, по примѣру агаларовъ, также управляли деревнями, пользуясь доходами и повинностями, но права ихъ остались неопредѣленными. Только въ бывшей кубинской про-

винціи издано было Ермоловымъ, въ 1824 году особое положеніе о взаимныхъ отношеніяхъ бековъ и поселянъ. Въ 1841 году предположено было распространить и на нихъ мѣру, принятую относительно агаларовъ; но это предположеніе было пріостановлено, по Высочайше предоставленной власти, военнымъ министромъ княземъ Чернышевымъ, при посѣщеніи имъ закавказскаго края, причемъ былъ возбужденъ общій вопросъ о разсмотрѣніи правъ бековъ и агаларовъ.

Вопросъ этотъ пересматривался въ разныхъ коммиссіяхъ и затѣмъ 5-го декабря 1846 г. состоялся Высочайшій, на имя намѣстника князя Воронцова, рескриптъ, въ которомъ между прочимъ было сказано:

„Въ ознаменованіе особой милости и благоволенія Нашего къ ханамъ, бекамъ, агаларамъ и прочимъ лицамъ высшаго мусульманскаго сословія въ закавказскомъ краѣ, а также меликамъ изъ армянъ, желая упрочить на твердыхъ основаніяхъ ихъ участь и тѣмъ самымъ дать имъ средства быть полезными правительству, согласно съ представленіемъ намѣстника, утверждаемъ за ними земли, находившіяся въ безспорномъ ихъ владѣніи, а равно земли, населенныя и ненаселенныя, отобранныя послѣ 1840 года у нѣкоторыхъ изъ нихъ“. Далѣе въ томъ-же рескриптѣ было сказано:

„П. 7. Поселянъ, живущихъ нынѣ на жалуемыхъ во владѣніе разнымъ лицамъ или утверждаемыхъ за ними земляхъ, оставить на мѣстахъ настоящаго ихъ жительства, причисливъ ихъ къ разряду государственныхъ поселянъ.

П. 8. Поселяне сіи обязаны отправлять въ пользу владѣльца земли разнаго рода повинности въ вознагражденіе за пользованіе его землею.

„Сверхъ того, владѣльцу земли предоставляется надзоръ за порядкомъ и благочиніемъ между поселянами и полицейское между ними управленіе. Взаимныя отношенія владѣльцевъ земли и поселянъ будутъ опредѣлены особымъ положеніемъ, на основаніяхъ вмѣстѣ съ симъ Нами одобренныхъ“.

Затѣмъ княземъ Воронцовымъ былъ представленъ въ кавказскій комитетъ проектъ о взаимныхъ отношеніяхъ между

поселянами и владѣльцами земли, именно беками и агаларами.

На этотъ проектъ были сдѣланы, въ кавказскомъ комитетѣ, разныя замѣчанія графомъ Киселевымъ и затѣмъ между нимъ и княземъ Воронцовымъ возникла частная переписка.

Князь Воронцовъ, въ видахъ поддержанія аристократическаго на Кавказѣ элемента, расширялъ права бековъ и агаларовъ и ограничивалъ права крестьянъ, возлагая на нихъ разныя повинности въ пользу владѣльцевъ, въ томъ числѣ обязанность давать извѣстное число лицъ на службу въ домъ помѣщика. Въ письмѣ къ графу Киселеву (изъ Тифлиса отъ 17-го февраля 1847 г.) князь Воронцовъ, поддерживая свои предположенія, говорилъ, что „обязанность (въ сокращенномъ имъ, княземъ Воронцовымъ, видѣ) давать людей на службу въ домъ помѣщика, не та, что̀ въ Россіи, гдѣ помѣщикъ беретъ дворовыхъ по произволу, продаетъ ихъ какъ скотъ, сдаетъ ихъ въ солдаты и посылаетъ безъ суда въ Сибирь; что это люди, которыхъ нельзя выбирать по произволу или держать постоянно у себя противъ ихъ воли; это просто повинность свободныхъ семействъ въ пользу владѣльцевъ земли, но которая ихъ кормитъ; это повинность, которую мы нашли въ краѣ согласною съ нравами и обычаями народонаселенія“... „Мы предполагаемъ“, говоритъ онъ далѣе, „узаконить переходъ крестьянъ на купленныя ими земли, въ извѣстномъ размѣрѣ, и неиначе какъ въ теченіе пятилѣтняго срока, чтобы избѣгнуть чего либо похожаго на переворотъ и на всеобщее бродяжничество“.

Графъ Киселевъ, въ письмѣ, отъ 2-го августа 1847 года, отвѣчалъ князю Воронцову, что „онъ не можетъ измѣнить мнѣнія, высказаннаго имъ въ кавказскомъ комитетѣ, такъ какъ оно основано на правѣ и справедливости. Крестьяне, о которыхъ идетъ рѣчь, въ 1845 году присоединены къ государственнымъ и получили чрезъ то личныя права и земли въ безсрочное пользованіе. Послѣ шестилѣтняго пользованія этими правами, они потеряли земли, отданныя прежнимъ ихъ владѣльцамъ, а теперь у нихъ хотятъ отнять и гражданскія ихъ права.

Что соображенія высшей политики заставили правительство возвратить земли агаларамъ—это понятно; но трудно понять почему хотятъ возвратить крестьянъ, живущихъ на этихъ земляхъ, въ положеніе предшествовавшее закону 1841 года, т.-е. въ рабство, основанное на обычаяхъ и понятіяхъ, признанныхъ стѣснительными. Подобная мѣра была бы также несправедлива, какъ и опасна: у крестьянъ отняли бы право, дорогое всякому человѣку, какъ бы онъ ни былъ мало развитъ,—право располагать своею личностію.

„Теперь вмѣсто арендной за землю платы, крестьянъ хотятъ обратить къ барщинѣ, что уже есть нарушеніе того, чѣмъ они пользовались по праву и на дѣлѣ; имъ угрожаетъ рабство, ибо ими управлять и ихъ судить будутъ землевладѣльцы; безъ согласія послѣднихъ крестьяне не могутъ оставить земли, не будутъ имѣть права ни приписываться къ городамъ, ни поселяться на земляхъ казны или другаго владѣльца... Семейства, не поселенныя на земляхъ владѣльцевъ, должны будутъ, какъ предполагается, платить имъ повинность въ качествѣ вассаловъ, несмотря на то, что эти отношенія раба къ господину уничтожены уже законами 1841 и 1846 годовъ“.

По мнѣнію графа Киселева „было бы не только несправедливо, но даже опасно посягать на права, уже дарованныя крестьянамъ: недостаточно пріобрѣсти преданность нѣсколькихъ сотень фамилій изъ высшаго класса, но болѣе чѣмъ необходимо не лишать себя расположенія и особенно вѣры въ наше правосудіе нѣсколькихъ тысячъ несчастныхъ, которые испытали преимущества положенія законнаго, и которые по всей вѣроятности вовсе не будутъ расположены возвратиться къ прежнему своему печальному положенію... Единственнымъ дѣйствительнымъ противовѣсомъ закрѣпощенію крестьянъ можетъ быть право переходить съ одной земли на другую и приписываться въ мѣщане, какъ это установлено для государственныхъ крестьянъ, которые для того, чтобы пользоваться этимъ правомъ, не сдѣлались, однако, кочевниками“...

Князь Воронцовъ въ длинномъ письмѣ къ графу Киселеву отъ

20-го октября 1847 года, прежде всего оправдывался въ томъ, что онъ нисколько не измѣнилъ своихъ убѣжденій въ необходимости измѣненія крѣпостнаго права въ Россіи. „Я всегда“, говорилъ онъ, „ненавидѣлъ личное рабство, ненавижу его и до сихъ поръ, оплакивая его существованіе у насъ и повсюду, гдѣ его вижу“. Но далѣе онъ поддерживалъ свою мысль о необходимости оставить крестьянъ въ извѣстной степени зависимости отъ агаларовъ, въ которыхъ, по его словамъ, народъ видитъ естественныхъ своихъ начальниковъ.

„Дѣлать болѣе того, что предлагалъ князь Воронцовъ, или все равно дѣлать то, что предлагалъ графъ Киселевъ, было бы мѣрою несправедливою и опасною, потому что она возстановила бы противъ насъ все сословіе самое сильное и самое вліятельное между магометанами, внушенію котораго будетъ всегда слѣдовать народъ; народъ былъ и всегда будетъ за или противъ насъ, смотря по расположенію этихъ же владѣльцевъ, бековъ или агаларовъ, которые отъ отца къ сыну всегда управляли имъ. Дѣлая народъ еще менѣе зависимымъ отъ его естественныхъ начальниковъ, чѣмъ онъ былъ когда-либо, чѣмъ мы теперь предполагаемъ, и возбуждая нерасположеніе высшаго класса, мы дѣйствуемъ въ руку Шамилю и оказываемъ ему услугу“.

Въ слѣдующемъ (1848) году князь Воронцовъ представлялъ въ кавказскій комитетъ о вознагражденіи грузинской фамиліи Сулукидзе, именно о возвращеніи имъ земель, у нихъ отобранныхъ, вмѣстѣ съ крестьянами на нихъ жившими. Чтобы отстранить противодѣйствіе въ этомъ дѣлѣ графа Киселева, князь Воронцовъ думалъ достигнуть этого, затронувъ его самолюбіе въ отношеніи проведеннаго имъ указа 2-го апрѣля 1842 года, и съ этою цѣлію предлагалъ означенныхъ крестьянъ обратить въ обязанные и дать тѣмъ примѣръ, которому найдутся послѣдователи въ Грузіи. Графъ Киселевъ однакоже не поддался на это обольщеніе и отвѣчалъ князю Воронцову, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія о законности обращенія государственныхъ крестьянъ въ обязанные. Переходъ отъ зависимости абсолютной къ зависимости опредѣленной законами, есть шагъ впе-

редъ для крѣпостныхъ; но государственные крестьяне принадлежатъ къ категоріи людей свободныхъ и отодвинуть ихъ назадъ прикрѣпленіемъ къ землѣ было бы и несправедливо, и незаконно.

Изданіе сборника постановленій о государственныхъ крестьянахъ.

Въ 1853 году, съ Высочайшаго разрѣшенія былъ напечатанъ *Сборникъ постановленій по управленію государственныхъ имуществъ*. Сборникъ этотъ составлялъ точное извлеченіе изъ всѣхъ уставовъ и положеній, которые, заключаясь въ Сводѣ Законовъ, относились собственно до сельскихъ обывателей, подъ попечительствомъ министерства государственныхъ имуществъ состоявшихъ. Первый томъ этого Сборника содержалъ Учрежденія: министерства государственныхъ имуществъ, палатъ, окружныхъ, волостныхъ и сельскихъ управленій; второй—законы о правахъ состоянія, соединенныхъ съ званіемъ сельскихъ обывателей и обязанности ихъ по отбыванію повинностей денежныхъ и личныхъ; третій — Уставы о сельскомъ хозяйствѣ, о благоустройствѣ въ селеніяхъ, объ обезпеченіи продовольствія и общественнаго призрѣнія, врачебный, путей сообщенія, строительный, пожарный, о паспортахъ, сельскій полицейскій и сельскій судебный и объ иностранныхъ колоніяхъ; четвертый—уставы казенные, лѣсной, оброчныхъ статей и объ управленіи казенными населенными имѣніями.

„Сборникъ этотъ“, сказано во введеніи, „издается для того, чтобы облегчить управленіе государственныхъ имуществъ, въ особенности мѣстное, въ руководствѣ при производствѣ дѣлъ дѣйствующими законоположеніями, а съ тѣмъ вмѣстѣ преподать каждому изъ подвѣдомственныхъ сему управленію сельскихъ обывателей способы къ познанію какъ дарованныхъ правъ, съ званіемъ ихъ соединенныхъ, такъ и обязанностей по отбыванію повинностей, устройству хозяйственнаго быта и проч.“

Но у Киселева была и другая цѣль составленія Сборника. Несмотря на существованіе министерства болѣе десяти лѣтъ, несмотря на то, что Государь видѣлъ въ немъ собственное свое созданіе и неизмѣнялъ своего расположенія къ главному его дѣятелю, враги Киселева не переставали видѣть въ немъ человѣка опаснаго для ихъ близорукихъ интересовъ. Они раз-

глашали, что Киселевъ въ своихъ либеральныхъ стремленіяхъ зашелъ далеко, что стремленія эти ведутъ къ *демократіи*, что необходимо остановить ихъ и измѣнить самое положеніе государственныхъ крестьянъ въ противоположномъ направленіи; это тѣмъ необходимѣе, говорили они, что главная цѣль учрежденія министерства государственныхъ имуществъ—увеличеніе доходовъ недостигается; они малы особенно сравнительно съ доходами имѣній помѣщичьихъ. Въ высшемъ петербургскомъ обществѣ было въ ходу предположеніе о нивелировкѣ всѣхъ крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ, не дарованіемъ правъ безправнымъ, а наоборотъ, именно учрежденіемъ изъ государственныхъ крестьянъ особаго рода феодальныхъ, для высшаго дворянства, имѣній, съ чѣмъ вмѣстѣ установлялся на твердой почвѣ аристократическій элементъ.

Толки эти усилились въ концѣ 40-хъ годовъ до того, что Киселевъ придавалъ уже имъ характеръ *замысла* и не считалъ возможнымъ, не обращать на нихъ вниманія, не принимать никакихъ мѣръ противъ опасности, грозившей нарушить права государственныхъ крестьянъ, огражденіе которыхъ онъ считалъ необходимымъ для самаго спокойствія и безопасности государства.

Лучшимъ къ тому средствомъ конечно было бы дарованіе государственнымъ крестьянамъ грамоты, на что еще въ 1840 году самъ Государь подавалъ надежду, но при наступившей съ 1848 года реакціи, объ осуществленіи этой надежды и думать нельзя было.

Въ такихъ обстоятельствахъ графъ Киселевъ думалъ достичь той же цѣли, т.-е. утвержденія и охраненія правъ государственныхъ крестьянъ, изданіемъ упомянутаго Сборника при особомъ Высочайшемъ указѣ.

Въ сохранившейся собственноручной запискѣ графа Киселева о составленіи Сборника, онъ говоритъ, что слѣдуетъ „Сборникъ преподать къ руководству при Высочайшемъ указѣ съ краткимъ указаніемъ на обязанности и права дарованныя отъ Высочайшей власти государственнымъ крестьянамъ“; онъ признавалъ это полезнымъ потому, что „замыслы ниспровергнуть

настоящее положеніе государственныхъ крестьянъ будутъ, при торжественномъ его сознаніи, невозможны или по крайней мѣрѣ, затруднительны".

Предположеніе объ указѣ однако не состоялось, не по винѣ конечно графа Киселева; онъ возвращался еще разъ къ той же мысли.

Попытка Киселева обнародовать Сборникъ при особомъ указѣ.

Въ 1856 году, при составленіи въ комитетѣ министровъ проекта манифеста по случаю готовившейся коронаціи, объявлено было всѣмъ министрамъ, „что вмѣстѣ съ льготами народу, по случаю коронованія, Его Величество желаетъ соединить и нѣкоторыя милости и отличія для разныхъ сословій государства".

На этомъ основаніи графъ Киселевъ представилъ предположеніе свое о внесеніи въ проектъ манифеста статьи „о подтвержденіи правъ, дарованныхъ сословію государственныхъ крестьянъ въ томъ пространствѣ, въ какомъ они вошли въ общій Сводъ Законовъ имперіи".

„Предполагаемое на семъ основаніи подтвержденіе правъ сословія государственныхъ крестьянъ, "писалъ графъ Киселевъ", не заключаетъ въ себѣ ничего *новаго* и ничего *исключительнаго*. Ничего новаго потому, что въ проектѣ составленной для Всемилостивѣйшаго манифеста статьи говорится о подтвержденіи дарованныхъ государственнымъ крестьянамъ правъ въ *томъ пространствѣ, въ какомъ они вошли въ общій Сводъ законовъ имперіи*"; ничего исключительнаго—потому, что всѣ прочія состоянія: дворянское и городское, удостоились уже получить грамоты, утверждающія права ихъ состоянія, и потому подтвержденіе или утвержденіе правъ, дарованныхъ государственнымъ крестьянамъ, есть ничто иное, какъ продолженіе того, что правительство сдѣлало въ отношеніи ко всѣмъ другимъ свободнымъ состояніямъ.

„Если неудобно говорить о семъ во Всемилостивѣйшемъ манифестѣ, то весьма полезно бы было объявить о томъ въ особомъ, въ день священнаго коронованія, указѣ, который, не прибавляя нисколько къ постановленіямъ вошедшимъ въ Сводъ Законовъ, показалъ бы монаршее попеченіе и вниманіе

къ многочисленному государственному сословію, явившему столько опытовъ усердія и преданности къ престолу, и тѣмъ самымъ утвердилъ бы его еще болѣе въ чувствахъ любви и приверженности къ Монарху".

Въ комитетѣ министровъ произошло разногласіе. Большинство было противъ мнѣнія графа Киселева и онъ рѣшился представить Государю слѣдующее письмо:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„При разсужденіяхъ въ комитетѣ министровъ о проектѣ изготовляемаго, по случаю коронаціи Вашего Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго манифеста, произошло разногласіе по статьѣ объ утвержденіи дарованныхъ государственнымъ крестьянамъ правъ.

„Сіе обстоятельство побудило меня представить на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе объясненіе сего предмета.

„Вашему Величеству не безъизвѣстны намѣренія въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Николая Павловича. Обративъ прозорливое вниманіе на устройство сельскаго состоянія, какъ источника силы, могущества и процвѣтанія государства, Онъ желалъ дать это устройство сельскому сословію вообще, начавъ съ государственныхъ крестьянъ.

„Намѣреніе незабвеннаго Государя исполнено въ отношеніи административнаго, судебнаго и полицейскаго устройства, и вслѣдствіе того, со времени учрежденія управленія государственныхъ имуществъ не проявлялось тѣхъ безпорядковъ, которые столь часто озабочивали Императора Александра I-го и Императора Николая I-го въ первые 10 лѣтъ Его царствованія! Новое управленіе, выполнивъ ту часть своего предначертанія, которая относилась къ административному порядку, сохранило тишину и спокойствіе среди нерѣдко волнующагося сосѣдняго населенія другаго состоянія, и не разрушая крутыми мѣрами вѣковыхъ привычекъ народа, проложило путь къ устройству его благосостоянія постепеннымъ введеніемъ раціональнаго хозяйства, котораго развитіе и

успѣхъ будутъ зависѣть отъ времени и постояннаго назиданія и поощренія.

„Въ 1853 году, по Высочайшей волѣ, составленъ былъ Сборникъ всѣхъ изданныхъ постановленій о государственныхъ крестьянахъ и имуществахъ. Сей Сборникъ, по повѣркѣ и одобреніи во II отдѣленіи собственной Вашего Величества канцеляріи, долженъ былъ служить для государственныхъ крестьянъ основаніемъ ихъ правъ и обязанностей, вошедшихъ въ общій Сводъ Законовъ, но не доступныхъ для ихъ свѣдѣнія и руководства, какъ по обширности Свода вообще, такъ и потому, что постановленія о государственныхъ крестьянахъ, не бывъ соединены вмѣстѣ, разсѣяны по всѣмъ частямъ Свода и размѣщены по разнымъ его отдѣламъ и главамъ, относящимся и до другихъ состояній.

„Трудъ составленія былъ исполненъ, но военныя обстоятельства заставили меня отложить представленіе объ обнародованіи сего акта, который, какъ плодъ постояннаго вниманія и заботъ незабвеннаго въ Бозѣ почивающаго Государя, долженъ былъ совершиться въ Его Царствованіе, но промысломъ Всевышняго перешелъ въ наслѣдіе Вашему Величеству.

„Всемилостивѣйшій манифестъ по случаю коронаціи Вашего Величества казался мнѣ удобнымъ для сего случаемъ. Имѣя въ виду Высочайшую волю, объявленную статсъ-секретаремъ графомъ Блудовымъ, о томъ, что вмѣстѣ съ льготами народу, по случаю предстоящаго коронованія, Вашему Величеству угодно соединить и нѣкоторыя милости и отличія для разныхъ сословій государства, я считалъ приличнымъ объявить во Всемилостивѣйшемъ манифестѣ, что Сборникъ постановленій о государственныхъ крестьянахъ, какъ основаніе благоустройства сего сословія, торжественно обѣщаннаго Императоромъ Александромъ I, въ Высочайшемъ манифестѣ 1810 года февраля 10-го, и довершеннаго волею и попеченіемъ Августѣйшаго Вашего Родителя, долженъ служить руководствомъ и подтвержденіемъ Всемилостивѣйше дарованныхъ государственнымъ крестьянамъ правъ.

„При разсужденіяхъ въ комитетѣ министровъ графъ Блудовъ,

считалъ болѣе приличнымъ объявить о семъ во всеобщее свѣдѣніе Высочайшимъ на мое имя рескриптомъ; я полагалъ, что если не признается удобнымъ сдѣлать о семъ объявленіе въ манифестѣ, то казалось бы соотвѣтственнѣе важности предмета, исходящаго отъ Монаршаго вниманія и попеченія къ сельскому сословію, сдѣлать о томъ объявленіе Высочайшимъ указомъ сенату; но нѣкоторые члены находили, что постановленія о государственныхъ крестьянахъ, бывъ помѣщены въ общемъ Сводѣ Законовъ, не требуютъ въ настоящее время подверждения.

„Я не нахожу себя въ правѣ оцѣнять мнѣнія, противуположныя моему, но осмѣливаюсь повторить, что Сборникъ постановленій былъ составленъ по Высочайшему повелѣнію, для соединенія въ одномъ объемѣ разбросанныхъ въ Сводѣ Законовъ постановленій и для утвержденія тѣмъ практическаго ихъ исполненія и самостоятельности, и что какъ дѣятель и исполнитель священной воли незабвеннаго Государя и благодѣтеля моего, я считаю себя обязаннымъ не оставлять возложеннаго на меня дѣла недовершеннымъ и могущимъ чрезъ то впослѣдствіи утратить свое прямое значеніе.

„Нынѣ, призванный, по Высочайшей волѣ Вашего Императорскаго Величества, къ другому служенію, я поставилъ себѣ непремѣнною обязанностію, по долгу на мнѣ лежащему, повергнуть на Высочайшее воззрѣніе Вашего Величества обстоятельства сего дѣла, какъ единственно зависящаго отъ Монаршаго благосоизволенія.

„Присемъ осмѣливаюсь поднести списокъ съ предъявленнаго комитету министровъ моего мнѣнія объ основаніяхъ сдѣланнаго по сему предмету отъ меня представленія.

„Всемилостивѣйшій Государь! Вашего Императорскаго Величества
Вѣрноподданный:
Графъ П. Киселевъ“.

Государь утвердилъ мнѣніе большинства членовъ комитета министровъ и въ этомъ случаѣ Онъ былъ конечно болѣе правъ, чѣмъ графъ Киселевъ, ибо какое могъ имѣть значеніе

указъ, подтверждая то, что внесено въ Сводъ Законовъ? Только опасеніемъ за судьбу государственныхъ крестьянъ объясняется домогательство графа Павла Дмитріевича.

Его Величество утвердилъ другой докладъ графа Киселева, въ тѣхъ же видахъ имъ представленный, именно о вызовѣ волостныхъ головъ государственныхъ крестьянъ (по одному изъ каждой губерніи) для присутствованія при коронованіи, чего прежде никогда не было, и крѣпостные крестьяне представителей своихъ не имѣли.

ГЛАВА XXXIII.

ПОРИЦАНІЯ УПРАВЛЕНІЯ ГРАФА КИСЕЛЕВА.

Сущность порицаній и поводы къ нимъ. — Какъ Киселевъ относился къ порицаніямъ.—Отвѣтъ Киселева на донесеніе генералъ-губернатора западной Сибири.— Отзывъ Государя; постоянно оказываемая Имъ довѣренность Киселеву. — Мнѣнія объ излишествѣ попечительства надъ государственными крестьянами; насколько эти мнѣнія были основательны.—Несправедливость мнѣнія о ненадобности Уставовъ сельскаго—полицейскаго и судебнаго.—Источникъ злоупотребленій въ управленіи государственныхъ имуществъ.—Разговоръ Государя съ Хрущовымъ. — Идеалъ, къ которому стремился Киселевъ.—Характеръ удѣльнаго управленія крестьянами. — Толки о малой доходности отъ государственныхъ крестьянъ и имуществъ. — Заключеніе.

Выраженныя графомъ Киселевымъ въ письмѣ Государю Николаю Павловичу отъ 26-го ноября 1837 года опасенія о томъ, что новое Управленіе встрѣтитъ лишь порицаніе и противодѣйствіе въ оскорбленныхъ самолюбіяхъ, въ потрясенныхъ личныхъ интересахъ—оправдались.

Сущность порицаній; поводы къ нимъ.

Масса государственныхъ крестьянъ жила нерѣдко въ одномъ и томъ же селеніи съ крестьянами крѣпостными. Безправіе послѣднихъ стало выказываться рѣзче когда новому учрежденію было поставлено въ обязанность „охранять права первыхъ, какъ людей свободнаго состоянія"; отсюда—опасеніе усиленнаго проявленія недовольства своимъ положеніемъ крестьянъ помѣщичьихъ, опасеніе, еще болѣе усилившееся съ принятіемъ мѣръ къ учрежденію въ казенныхъ селеніяхъ приходскихъ училищъ, мѣръ, отъ которыхъ порицатели ожидали не добра,

а зла, именно, „увеличенія числа составителей фальшивыхъ паспортовъ и дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій“. Уравненіе въ отбываніи натуральныхъ повинностей государственныхъ крестьянъ съ крѣпостными дѣйствовало уже прямо, и не въ будущемъ, а въ настоящемъ, на матеріальные интересы помѣщиковъ. До учрежденія министерства государственныхъ имуществъ было почти общимъ мнѣніемъ, что такъ какъ казенные крестьяне не несутъ помѣщичьихъ повинностей, то они и должны, преимущественно, если не исключительно отправлять натуральныя земскія повинности. Многія частныя лица почувствовали невыгоду того обстоятельства, что вмѣсто несвѣдущихъ повѣренныхъ изъ крестьянъ, по тяжебнымъ дѣламъ крестьянскихъ обществъ съ частными лицами адвокатомъ стало само управленіе. Стремленіе министерства уменьшить въ казенныхъ селеніяхъ число питейныхъ заведеній, преслѣдовать пьянство, недозволять откупщикамъ выходить за предѣлы откупныхъ условій — породило вражду въ многочисленномъ и вліятельномъ классѣ капиталистовъ, спекулировавшихъ на достояніе и нравственность крестьянъ. Указывали, наконецъ, и помѣщики и мѣстные административные лица, что отнятіе возможности наказывать произвольно государственныхъ крестьянъ поведетъ къ разрушенію всякой подчиненности, а предоставленіе крестьянамъ возможности достигать съ жалобами своими до высшихъ властей, будетъ гибелью всякаго порядка.

Всѣ эти порицанія слышались изъ провинцій и относились, главнымъ образомъ, вообще къ учрежденію, въ главѣ котораго стоялъ графъ Киселевъ. Но въ столицѣ, особенно въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, порицанія относились непосредственно къ самому графу Киселеву.

Графъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ подъ 1841 годомъ слѣдующее:

„Публика уже давно вооружена противъ Киселева, не видя никакого *плода* отъ его *операцій* надъ казенными крестьянами, сколько онѣ ни поглащаютъ милліоновъ и какъ онъ ни наводняетъ свою часть моремъ новыхъ постановленій. Но

вооруженіе это еще болѣе усилилось, превратясь почти въ ненависть, съ тѣхъ поръ, какъ пошла молва, что отъ Киселева возникла мысль о прекращеніи крѣпостнаго состоянія. Въ кругу высшей администраціи — графа тоже не жалуютъ, частію за разныя нововведенія, а болѣе по тѣмъ же причинамъ, по которымъ расплодились личные противъ него враги. Наконецъ, и въ салонахъ его больше боятся нежели любятъ: онъ заносчивъ, малопривѣтливъ и слишкомъ уже дерзокъ и на языкъ и на дѣлѣ. Все это, говорившееся прежде тихомолкомъ, постепенно обратилось въ гласный говоръ и наконецъ не могло не дойти и до его друзей и, что еще хуже, самые эти друзья начинаютъ колебаться и понимать, что весь умъ, всѣ дарованія, всѣ заманчивыя и увлекательныя бесѣды Киселева въ примѣненіи на практикѣ, болѣе или менѣе блестящій фейерверкъ.... Еще на дняхъ я слышалъ отзывы о немъ трехъ лицъ, поставляемыхъ всѣми въ число его ближайшихъ друзей, а именно графа Левашева, гр. Орлова и Великаго Князя Михаила Павловича. Всѣ они единогласно повторяютъ общій отзывъ публики на счетъ безуспѣшности управленія Киселева: множество письмá, плановъ, проектовъ, денегъ, а дѣла мало и во всякомъ случаѣ больше неудовольствій и ропота, нежели пользы. Левашевъ намекаетъ, что конечно лучше дѣйствовать какъ Перовскій, нежели все только писать и говорить какъ Киселевъ. Орловъ прямо говоритъ, что такъ не можетъ идти далѣе, прибавляя впрочемъ, что едва ли и всѣмъ нареканіямъ, которыя Киселевъ на себя навлекъ, и усиліямъ его враговъ, удастся уронить его въ Царской милости. Великій Князь, съ своей стороны, сказывалъ мнѣ, что знаетъ и любитъ Киселева уже 25 лѣтъ, и отдаетъ полную справедливость его неоспоримымъ дарованіямъ, что общее мнѣніе въ глазахъ его, Великаго Князя, ничтожно потому, что слагается изъ сказокъ и коммеражей, разносимыхъ нѣсколькими праздными вѣстовщиками; но что, при всемъ томъ, онъ, Великій Князь, и самъ видитъ неудачу и безуспѣшность многихъ предпріятій Киселева и потому, послѣ его возвращенія съ объѣзда, непремѣнно откровенно съ нимъ объяснится. Между тѣмъ городъ, въ ожи-

даніи событій, тѣшится по своему шуточками и каламбурами. Отчего Клейнмихеля и Киселева, хотя въ ихъ занятіяхъ нѣтъ ничего однороднаго, въ одинъ и тотъ же день пожаловали графами? Какъ помилуйте, l'un a bâti le chateau d'hiver, et l'autre ne fait que bâtir des chateaux en Espagne.

„Съ первой минуты нашего знакомства, послѣ назначенія его, Киселева, въ 1834 году членомъ Государственнаго Совѣта, онъ всегда показывалъ мнѣ особенную ласку, а потомъ большую откровенность и даже, нѣкоторымъ образомъ, дружбу, насколько сердце его къ тому способно. Все это, вмѣстѣ съ очаровательнымъ его умомъ, очень меня къ нему привязало, а потому я вмѣнилъ себѣ въ обязанность предупредить его, въ общихъ выраженіяхъ и никого не выдавая, о носящихся надъ политическимъ его горизонтомъ тучахъ. А мнѣ что за дѣло? — отвѣчалъ онъ: я убѣжденъ, что добросовѣстно работаю для добраго дѣла и милость Государя меня поддерживаетъ. Если-же врагамъ моимъ удастся меня ея лишить, то это будетъ больно моему сердцу, но и только; я безъ того ношу въ груди моей смертельную болѣзнь и оставить службу нѣсколько ранѣе или позже, мнѣ все равно. Но пока я тутъ, я не перестану дѣйствовать по моему убѣжденію, не страшась непріязни и гоненій. Вѣдь и Христосъ, посылая своихъ учениковъ на проповѣдь, предрекалъ имъ, что они будутъ и преслѣдуемы и камнемъ побіенны; но ревность ихъ оттого не охладѣла. Я просилъ его только не уѣзжать впередъ на долго изъ Петербурга, потому что les absents ont toujours tort".

Подъ 1842 годомъ упомянувъ о томъ, что дворянство Придунайскихъ княжествъ хотѣло воздвигнуть Киселеву памятникъ въ Бухарестѣ, гр. Корфъ говоритъ: „Съ другой стороны, ему, Киселеву, тоже хотятъ поставить памятникъ, но въ совсѣмъ противоположномъ смыслѣ. Ярославскій военный губернаторъ (Конст. Марков. Полторацкій) сказывалъ мнѣ, разумѣется въ шутку, что помѣщики собираются поставить Киселеву монументъ; съ тѣхъ поръ, что введено новое управленіе казенными крестьянами, положеніе ихъ до того стѣснилось и сдѣлалось невыносимымъ, что многіе изъ помѣщичьихъ далеко

предпочитаютъ свое и боятся какъ огня обращенія ихъ въ государственные. А что же Киселевъ? Онъ продолжаетъ свою систему преобразованій и говоритъ, что и Петръ Великій при своихъ реформахъ былъ окруженъ неудовольствіями и бунтами, и смѣло идетъ на перекоръ общему говору, обольщая здѣсь всѣхъ блестящимъ своимъ умомъ".

Подъ 1844 годомъ: „Гр. Киселевъ, какъ я и никогда не сомнѣвался, мастеръ своего дѣла или, лучше сказать, обдѣлывать свои дѣла. На общія порицанія, на распространенныя повсюду гласно и тайно нареканія и внушенія противъ него, онъ отвѣтилъ теперь отчетомъ своимъ за 1843 годъ, разосланнымъ кому только можно было, въ печатныхъ экземплярахъ. Въ этомъ отчетѣ (Государь написалъ на немъ: „читалъ съ удовольствіемъ") собрано столько блестящихъ фактовъ, столько изумительныхъ результатовъ его управленія, что всякая клевета должна умолкнуть, съ однимъ впрочемъ условіемъ: если все тутъ сказанное правда; но у кого-же есть въ рукахъ данныя, чтобы это провѣрить, у кого средства чтобы опровергнуть, если вкралась ложь? Не безъ искусства сложена и заключительная фраза отчета: „Борьба съ предразсудками и частными интересами есть неизбѣжное послѣдствіе всякаго преобразованія и здѣсь, по существу самаго дѣла, борьба эта должна быть и дѣйствительно есть какъ бы испытаніе для призванныхъ къ совершенію благихъ отеческихъ намѣреній Вашего Величества".

Изъ этихъ замѣтокъ графа Корфа, а въ особенности изъ послѣдней видно ясно, что и онъ раздѣлялъ мнѣнія порицателей Киселева и шелъ даже дальше ихъ, бросая тѣнь подозрѣнія на справедливость приводимыхъ въ отчетѣ фактовъ.

Важнѣйшими изъ этихъ фактовъ были получаемые отъ государственныхъ крестьянъ и имуществъ доходы, на которыхъ прежде всего и останавливались порицатели Киселева. Но для повѣрки этихъ фактовъ не было недостатка въ данныхъ; онѣ находились прежде всего въ министерствѣ финансовъ, по соглашеніи съ которымъ, назначено было составлять уѣзднымъ казначействамъ и волостнымъ правленіямъ ежемѣсячныя вѣдомости

и для сличенія доставлять ихъ окружнымъ начальникамъ, съ тѣмъ, чтобы изъ этиихъ вѣдомостей палаты государственныхъ имуществъ составляли полугодовыя вѣдомости и сличая хиъ въ январѣ и іюлѣ со счетами казенныхъ палатъ, представляли таковыя министерству [1]).

Къ порицаніямъ и толкамъ, ходившимъ въ публикѣ, Киселевъ оставался равнодушнымъ, сознавая и правоту своего дѣла и превосходство своего ума надъ противниками. Но когда порицанія принимали характеръ оффиціальный, Киселевъ не оставлялъ ихъ безъ отвѣта; и въ словесныхъ преніяхъ отвѣты этого рода не всегда отличались должною сдержанностію и нерѣдко выказывали пылкость характера графа Киселева, неохлажденную лѣтами и опытностію. Какъ Киселевъ относился къ порицаніямъ.

Графъ Корфъ въ запискахъ своихъ пишетъ, подъ 1845 годомъ: „23-го января было у Государя засѣданіе секретнаго комитета объ увеличеніи по нѣкоторымъ статьямъ государственныхъ доходовъ, въ которомъ и я участвовалъ въ качествѣ дѣлопроизводителя. Въ приведенной по этому случаю запискѣ, Канкринъ коснулся, между прочимъ, несоразмѣрности умноженія доходовъ отъ государственныхъ имуществъ сравнительно съ тѣмъ, чего стоитъ по новымъ штатамъ (уже при Киселевѣ введеннымъ) ихъ администрація. Это взорвало Киселева. Начавъ свой отвѣтъ съ того, что Государь вѣрно отдастъ ему справедливость въ томъ, что онъ никогда не скрывалъ предъ Его Величествомъ истиннаго положенія государственныхъ имуществъ и особенно государственныхъ крестьянъ въ ту эпоху, когда они поступили изъ министерства финансовъ въ его, Киселева, управленіе, онъ потомъ, въ блестящей рѣчи, съ порывами вспышекъ, не мѣшавшими ея плавности, изобразилъ это положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и наконецъ указывая на то, что непосредственное начальство департамента государственныхъ имуществъ (сенаторъ Дубенскій) уже привлечено, за беззаботливость и злоупотребленія свои, къ законной отвѣтственности, старался дать уразумѣть

[1]) См. представленіе министра государственныхъ имуществъ въ комитетъ министровъ 1843 г. іюня 28, № 3883.

что тому же слѣдовало бы подвергнуть и высшаго начальника, который въ 18-ти-лѣтнее управленіе такъ отодвинулъ эту часть назадъ и такъ мало пекся о благѣ ввѣренныхъ ему 8 мил. душъ. „На меня“, заключилъ Киселевъ свою рѣчь, „долгъ *русскаго* и вѣрноподданнаго налагаетъ другія обязанности. Я принялъ государственныхъ крестьянъ не съ тѣмъ, чтобы *выслужиться* внезапнымъ возвышеніемъ съ нихъ доходовъ казны, а съ тѣмъ, чтобы сначала исправить ихъ состояніе и думаю, что такимъ образомъ болѣе усердствую моему отечеству, нежели тѣ, которые во всѣхъ своихъ начинаніяхъ имѣютъ всегда въ виду одну только личную свою пользу“...

„Отвѣтъ Канкрина вышелъ чрезвычайно слабъ и никого не могъ ни убѣдить, ни переувѣрить. За то и Государь, отпуская членовъ, сказалъ имъ: „благодарю васъ господа, что меня просвѣщаете“.

Подъ 1845 годомъ: „По вопросу о томъ, чему отдавать въ спорныхъ съ казною дѣлахъ предпочтеніе: межеванію-ли или давности владѣнія, Киселевъ отстаивая мнѣніе свое о томъ, что давность не распространяется на казну, позволилъ себѣ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, между прочимъ, сказать: „Я знаю, что говорю одинъ противъ всѣхъ, и не могу надѣяться ни на чью симпатію; меня поддержитъ развѣ только министръ юстиціи, *который исполняетъ свой долгъ*“. При этой дерзкой фразѣ его прервалъ общій ропотъ, выразившійся довольно слышными восклицаніями: „да развѣ мы не исполняемъ своего долга? можно-ли такъ говорить? да что это значитъ? какъ это понимать?“ и т. п. Нисколько не смутясь произведеннымъ имъ волненіемъ, онъ продолжалъ: „Знаю, что нынче общее мнѣніе всегда и вездѣ направлено въ пользу помѣщиковъ и частныхъ лицъ; но я давно уже обрекъ себя на жертву и не перестану защищать права казны и исполнять мою обязанность, какъ я ее разумѣю“. „Несмотря на все это, вопросъ, послѣ блестящей рѣчи гр. Блудова, съ воодушевленіемъ подкрѣпленный и мною, былъ рѣшенъ такъ: съ министромъ государственныхъ имуществъ 3, съ нами 25;—результатъ этотъ такъ взбѣсилъ Киселева, что онъ сейчасъ уѣхалъ, не ожидая

конца засѣданія. Дерзость его, однако, на этотъ разъ не обошлась даромъ. Обѣдавъ въ тотъ же день у Государя, князь П. М. Волконскій вдругъ за столомъ сталъ просить увольненія, по дряхлости и слабости отъ присутствія въ Совѣтѣ. „Это что за вздоръ?“ спросилъ Государь. „Нѣтъ, не вздоръ, Ваше Величество“, отвѣчалъ Волконскій, „силы мои точно уже не позволяютъ мнѣ сидѣть такъ долго въ Совѣтѣ, а лѣта и прежняя служба не позволяютъ слушать тѣ наставленія, которыя даются намъ отъ людей, не начинавшихъ еще служить, когда мы давно уже были генералами“. И вслѣдъ затѣмъ старикъ разсказалъ всю утреннюю сцену. Государь чрезвычайно разгнѣвался. „Киселевъ“, сказалъ Онъ, „конечно, виноватъ; но виноватъ кругомъ и Левашевъ (предсѣдательствовавшій въ Совѣтѣ за болѣзнью Васильчикова), который не заставилъ его замолчать. Будь, впрочемъ, спокоенъ: я имъ обоимъ такъ вымою голову, что впредь уже ничего подобнаго не случится“. И Государь, призвавъ гр. Орлова, приказалъ объявить Оресту и Пиладу строгій Высочайшій выговоръ. Все это, однако, не помѣшало и Левашеву и Киселеву къ слѣдовавшей затѣмъ Пасхѣ (15-го апрѣля) получить на ихъ Андреевскія звѣзды бриллiанты“.

Отвѣтъ Киселева на донесеніе генералъ-губернатора Западной Сибири.

Но самый замѣчательный отвѣтъ графа Киселева, на порицанія произведеннаго имъ преобразованія, заключается въ докладѣ его Государю, 25-го мая 1843 года, представленномъ въ отвѣтъ на донесеніе генералъ-губернатора Западной Сибири объ опасеніи государственныхъ крестьянъ на счетъ перемѣны ихъ состоянія.

Въ 1842 году были посланы въ Сибирь коммиссіи для обревизованія государственныхъ имуществъ. Онѣ были приняты весьма неблагосклонно мѣстными властями, которыя своимъ опасеніемъ за собственныя выгоды старались придать видъ опасеній крестьянъ за перемѣну ихъ состоянія. Генералъ-губернаторъ князь П. Д. Горчаковъ, увлекшись общимъ настроеніемъ мѣстныхъ чиновниковъ и, быть можетъ, раздѣляя враждебное противъ графа Киселева настроеніе высшихъ правительственственныхъ лицъ въ Петербургѣ, представилъ Государю доне-

сеніе о томъ, что между крестьянами въ Сибири распространяются опасенія за перемѣну своего положенія и что въ случаѣ введенія между ними новаго управленія, можно опасаться безпорядковъ подобныхъ тѣмъ, которые были уже въ сосѣднихъ губерніяхъ пермской и оренбургской.

Донесеніе это Государь передалъ графу Киселеву, который и представилъ слѣдующій докладъ, помѣщаемый нами вполнѣ, такъ какъ въ немъ изложены тѣ идеи, которыя легли въ основаніе реформы.

„Прочитавъ всеподданнѣйшее донесеніе Вашему Императорскому Величеству генералъ-губернатора Западной Сибири, долгомъ поставляю представить на Высочайшее благоусмотрѣніе Вашего Величества, что если введеніе порядка въ управленіе государственными имуществами по внутреннимъ губерніямъ должно было встрѣтить непріязненное расположеніе людей, которые съ учрежденіемъ новаго управленія, лишились средствъ обогащенія на счетъ поселянъ, то въ Сибири, гдѣ крестьяне составляютъ почти единственный источникъ своекорыстныхъ выгодъ мѣстной администраціи, всякое преобразованіе по сей части должно найти еще сильнѣйшее противодѣйствіе. При укоренившемся тамъ издавна порядкѣ управленія, постороннее вмѣшательство пугаетъ всѣ власти; для нихъ не только страшно лишиться выгодъ, съ которыми они свыклись, но самое ожиданіе перемѣны, препятствуя обычному ходу дѣлъ и спекуляцій, возбуждаетъ опасеніе и тревогу. Посланныя въ Сибирь ревизіонныя коммиссіи, въ дѣйствіяхъ своихъ встрѣтили столь много препятствій, что едва могли составить общій очеркъ тамошнихъ неустройствъ, требующихъ неукоснительнаго измѣненія существующаго нынѣ порядка, или, правильнѣе, безпорядка.

„Зная по опыту, сколь трудно ввести устройство тамъ, гдѣ оно противно укоренившимся выгодамъ многочисленнаго сословія чиновниковъ и разныхъ спекуляторовъ, я имѣлъ намѣреніе, по подробномъ разсмотрѣніи полученныхъ ревизій, представить Вашему Императорскому Величеству предположеніе, чтобы не вводя въ Сибири никакого измѣненія въ управленіи

государственныхъ имуществъ, сообщить только генералъ-губернаторамъ главные виды новаго устройства, дабы они въ распоряженіяхъ своихъ сообразовались съ принятыми началами, доколѣ время не укажетъ возможности приступить къ мѣрамъ, болѣе положительнымъ.

„Такимъ образомъ, оставляя нынѣшнюю организацію управленія въ Сибири въ полной ея силѣ, тѣмъ самымъ уничтожается всякій поводъ къ опасеніямъ на счетъ перемѣнъ.

„Но обращаясь къ существу самыхъ опасеній, породившихъ непріятныя происшествія въ пермской и оренбургской губерніяхъ, я долженъ прежде всего замѣтить, что въ сихъ самыхъ происшествіяхъ, при всей готовности многихъ опорочить новое управленіе—оно выше многихъ ожиданій отразилось чистотою своихъ дѣйствій и правильностію вводимаго порядка. При допросахъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, конечно, готовыхъ въ извиненіе свое представить всякое малѣйшее стѣсненіе со стороны начальства, не было ни одного указанія на своекорыстіе или самоуправство чиновниковъ. Одинъ токмо распространившійся страхъ *объ измѣненіи состоянія* былъ поводомъ волненія умовъ, и этотъ страхъ основывался на подложномъ указѣ, составленномъ людьми, потерявшими при новомъ управленіи вліяніе на дѣла общественныя и сверхъ того, былъ возбуждаемъ нѣкоторымъ сходствомъ управленія государственныхъ имуществъ съ вѣдомствомъ удѣловъ, дѣйствующимъ на правахъ помѣщичьихъ; но это сходство касается токмо внѣшней формы управленія; въ существѣ же всѣ постановленія, мною представленныя и Вашимъ Величествомъ Высочайше утвержденныя, свято и ненарушимо сохраняютъ права состоянія крестьянъ. Соблюденіе *законности* всегда, и по обязанности моей, и по понятіямъ моимъ, составляло основу всего преобразованія. Законность въ актахъ и дѣйствіяхъ я почиталъ и почитаю вѣрнѣйшимъ средствомъ ко всему правильному и, слѣдовательно, твердому.

„На сихъ основаніяхъ, развитіе законнаго сельскаго состоянія опредѣляется:

1) „Въ учрежденіи Сельскаго Управленія, въ которомъ ясно

и положительно выражаются: обязанность, власть и отвѣтственность каждаго лица.

2) „Въ Сельскомъ Судебномъ Уставѣ, по которому маловажные проступки и тяжбы представляются разбирательству собственнаго крестьянскаго суда.

3) „Въ установленіи приговоровъ на распредѣленіе денежныхъ и личныхъ повинностей, и въ правѣ крестьянъ производить повѣрку и учетъ всѣхъ общественныхъ расходовъ.

4) „Въ принятомъ способѣ дѣйствовать на улучшеніе домоводства не властію и принужденіемъ, а убѣжденіемъ и примѣрами.

5) „Въ правѣ поселянъ свободно располагать своею дѣятельностію, употребляя оную на земледѣліе или промышленность, и въ правѣ переходить въ городское состояніе.

6) „Въ учрежденіи приходскихъ школъ для нравственно-религіознаго воспитанія.

и 7) „Въ указаніи на законы, Высочайше дарованные въ защиту правъ личныхъ и собственности, и особенно въ открытіи каждому путей предъявлять свои жалобы на отступленіе отъ оныхъ.

„Засимъ, всѣ дѣйствія министерства, бывъ основаны на строгомъ соблюденіи преимуществъ свободнаго сельскаго состоянія, имѣли предметомъ не столько временные успѣхи, сколько коренное устройство, которое обезпечивало бы развитіе народнаго благосостоянія въ будущемъ, и несмотря на мнѣніе многихъ сановниковъ, министерство ни въ изданныхъ постановленіяхъ, ни въ направленіи текущихъ дѣлъ не замѣняло закона произволомъ и ни въ одномъ случаѣ не отступало отъ кореннаго правила законности.

„Но охраняя права поселянъ, я въ то же время полагалъ должнымъ ограничить привычное своеволіе, развратъ и неисполненіе законовъ.

„Въ сихъ видахъ ограничены прежніе многочисленные мірскіе сходы, участіемъ однихъ только выборныхъ изъ числа домохозяевъ.

„Положены преграды къ произвольнымъ и безотчетнымъ поборамъ.

„Приведены въ извѣстность мірскія оброчныя статьи, остававшіяся дотолѣ въ расхищеніи.

„Возстановлены сила и дѣйствіе лѣсныхъ законовъ, нигдѣ и ни кѣмъ не исполнявшихся.

„Постановлены препятствія къ захвату казенной собственности.

„Положено основаніе къ уравненію правъ и обязанностей богатыхъ и бѣдныхъ, въ отношеніи надѣла землею, исполненія рекрутской повинности, въ участіи при выборахъ и въ назначеніи къ должностямъ, по избранію поселянъ не безгласныхъ, но болѣе самостоятельныхъ начальниковъ.

„Наконецъ, ограничено всѣми дозволенными закономъ средствами пьянство, что̀ болѣе или менѣе должно впослѣдствіи остановить распространеніе разврата.

„Всѣ эти мѣры, и въ особенности послѣдняя, объясняя дѣйствія и цѣль управленія, естественно должны были породить непріязненное расположеніе къ нему не только въ людяхъ, непосредственно участвующихъ въ дѣлѣ, но и въ тѣхъ, которые косвенно и скрытно могли утратить прежнія свои выгоды.

„Въ сихъ лишеніяхъ личнаго интереса, скрывается настоящая причина всѣхъ распространяемыхъ опасеній; она отражается и въ донесеніи генералъ-губернатора Западной Сибири и въ дѣлахъ Закавказскаго края, но въ особенности во всѣхъ дѣйствіяхъ земской полиціи, которая, утративъ вліяніе на хозяйственныя дѣла крестьянъ, не могла равнодушно смотрѣть на развитіе новаго управленія. Всякое злоупотребленіе чиновниковъ всего вѣдомства, хотя бы оно было самое ничтожное, выказывалось въ преувеличенномъ видѣ и представлялось какъ-бы новое открытіе, тогда какъ въ существѣ оно было не что иное, какъ остатокъ или повтореніе прежнихъ привычныхъ безпорядковъ въ уменьшенномъ видѣ; но здѣсь, нерасположеніе земской полиціи и другихъ лицъ имѣло и имѣетъ послѣдствія, для успѣха дѣла, совершенно противныя ихъ ожиданіямъ. Министерство, принимая всѣ подобныя ука-

занія за данныя, преслѣдовало виновныхъ безъ послабленія, перемѣняло чиновниковъ по одному сомнѣнію другими, и наконецъ, успѣло утвердить повсемѣстно убѣжденіе, что неблагонамѣренные члены управленія не могутъ ожидать пощады.

„Послѣднія событія въ оренбургской и пермской губерніяхъ доказали, что съ твердою волею можно достигнуть предположенной цѣли, и сколь ни чувствительны бываютъ разсказы и нареканія, но успѣхъ, въ дознанной чистотѣ управленія, вознаграждаетъ за всѣ эти непріятности и утверждаетъ въ надеждѣ довершить начатое.

„Въ возможности достигнуть этой цѣли я тѣмъ болѣе имѣю увѣренность, что во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ губернаторы по предоставленной имъ власти сохраняютъ въ двухъ отдѣльныхъ управленіяхъ, полицейскомъ и хозяйственномъ, равновѣсіе, тамъ новое управленіе дѣйствуетъ безпрепятственно и утверждается въ своихъ началахъ болѣе и болѣе; но къ сожалѣнію, есть губерніи, гдѣ губернаторы, по равнодушію, слабости, или инымъ причинамъ, допускаютъ преобладаніе полиціи; тамъ послѣдствія также очевидны, и ошибочное направленіе легко можетъ дать поводъ повториться безпорядкамъ. Посему, для предупрежденія ихъ, я полагаю, если Вашему Величеству благоугодно будетъ соизволить, войти съ особымъ всеподданнѣйшимъ представленіемъ о мѣрахъ возбудить вниманіе губернаторовъ къ исполненію ихъ обязанностей.

„Впрочемъ, всѣ преобразованія, какого бы они рода ни были во всѣхъ земляхъ, всегда сопровождались затрудненіями отъ явнаго или тайнаго сопротивленія. Дѣйствія наши тѣмъ труднѣе, что они въ безпрестанномъ столкновеніи съ закоренѣлыми предразсудками, а еще важнѣе въ борьбѣ съ частными интересами. Противу первыхъ—терпѣніе, и хотя не скорое, но постоянное и прямое дѣйствіе представляютъ залогъ успѣха. Противу послѣднихъ, основанныхъ на любостяжаніи, я уступчивымъ быть не въ правѣ.

„Вскорѣ я буду имѣть счастіе представить Вашему Императорскому Величеству отчетъ за 1842 годъ, съ изложеніемъ сравнительныхъ выводовъ прежняго и настоящаго управленія.

Не смѣю полагать, чтобы все было сдѣлано; но твердо убѣжденъ, что министерство добросовѣстно выполнило свое предназначеніе.

Графъ П. Киселевъ".

На подлинномъ докладѣ рукою министра написано:

Отзывы Государя; постоянно оказываемая Имъ довѣренность Киселеву.

„Его Величество по прочтеніи сего доклада, въ Петергофѣ 31-го мая, изволилъ отозваться, что совершенно раздѣляетъ всѣ заключенія онаго, и что при твердомъ уповаціи въ успѣхъ, Его Величество желаетъ, дабы чиновники вѣдомства государственныхъ имуществъ одушевились въ ихъ обязанности и пріобрѣли довѣріе крестьянъ, которыхъ, и въ особенности въ отдаленныхъ губерніяхъ, слѣдуетъ направить къ порядку и быту, какъ дѣтей, еще незнающихъ своихъ интересовъ. Затѣмъ, Его Величество изволилъ отозваться, что всякое дѣйствіе на губернаторовъ, въ возбужденіи ихъ дѣятельности и соучастія зависитъ и отъ упоминаемаго здѣсь представленія, въ слѣдствіе коего и удостоенъ Высочайшаго подписанія изготовленный указъ".

Приведенныя нами порицанія дѣйствій графа Киселева по управленію министерствомъ государственныхъ имуществъ, носили на себѣ характеръ неопредѣленности; въ нихъ отражажалось лишь возбуждаемое своекорыстными цѣлями нерасположеніе къ его личности, безъ всякаго серьезнаго отношенія къ дѣлу.

Мнѣніе объ излишествѣ попечительства надъ государственными крестьянами.

Съ другой стороны, не было недостатка и въ такихъ порицателяхъ, которые указывали на существенные, повидимому, недостатки въ самыхъ основахъ учрежденій, проведенныхъ Киселевымъ. Такъ лица, принимавшія крестьянское дѣло къ сердцу и потому сочувствовавшія стремленіямъ графа Киселева, говорили объ излишествѣ попечительства надъ государственными крестьянами, о вмѣшательствѣ въ ихъ дѣла окружныхъ начальниковъ, дававшемъ поводъ ко многимъ съ ихъ стороны злоупотребленіямъ; эти лица отвергали самую мысль о попечительствѣ, говорили, что надо предоставить крестьянъ самимъ себѣ.

Съ этою мыслью можно было бы согласиться, если бы государственные крестьяне могли быть поставлены внѣ государственной администраціи; но это въ отношеніи почти половины народонаселенія государства, очевидно, невозможно. Конечно, дѣйствія администраціи по существу своему бываютъ или отрицательныя, или положительныя. Администрація, препятствуя нарушеніямъ порядка въ обществѣ, удерживая его членовъ въ предѣлахъ закона—дѣйствуетъ отрицательно; но когда правительство принимаетъ на себя иниціативу, направляетъ свои услуги на осуществленіе предпріятій въ видахъ общихъ государственныхъ интересовъ, то оно дѣйствуетъ положительно.

Можетъ ли правительство всегда и вездѣ играть роль только отрицательную? Слѣдуетъ ли ему, даже въ чисто экономическихъ видахъ, держаться строго правила: laissez faire, laissez passer? Очевидно нѣтъ: правительство есть не только щитъ, но и рычагъ; *el goberno no es solo un escudo, es tambien una planca.* Но степень вмѣшательства правительства въ жизнь народную не вездѣ и не всегда можетъ быть одна и таже: она должна соразмѣряться съ характеромъ и возрастомъ народа.

Графъ Киселевъ очень хорошо понималъ это и высказывалъ не разъ Государю.

Въ Учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ цѣль его была опредѣлена ясно и положительно; министерству были ввѣрены: *управленіе* государственными имуществами, *попечительство* надъ свободными сельскими обывателями и *завѣдываніе* сельскимъ хозяйствомъ.

Что должно было понимать подъ *попечительствомъ*, это выражено въ Наказѣ министру; тамъ сказано слѣдующее: „Министръ, въ видахъ *попечительства* надъ государственными крестьянами, имѣя главною цѣлью улучшеніе ихъ благосостоянія, заботится о нравственномъ ихъ образованіи и о распространеніи между ними свѣдѣній полезныхъ въ ихъ быту и сообразныхъ съ ихъ состояніемъ; ограждаетъ права дарованныя свободному сельскому сословію, и въ случаѣ ихъ нарушенія, оказываетъ законное оному покровительство и защиту,

„Министръ государственныхъ имуществъ печется объ учрежденіи приходскихъ училищъ въ селеніяхъ, прилагаетъ попеченіе о введеніи постановленнаго въ законахъ порядка по всѣмъ частямъ сельскаго благоустройства, объ охраненіи народнаго здравія и объ отвращеніи скотскихъ падежей въ казенныхъ селеніяхъ".

При такомъ значеніи *попечительства*, въ немъ соединялись отрицательныя дѣйствія съ положительными.

Администрація не могла ограничиваться отрицательными дѣйствіями въ отношеніи государственныхъ крестьянъ, между прочимъ и потому, что земли, на которыхъ жили крестьяне, признавались имуществомъ государственнымъ, а эти имущества составляли предметъ не попечительства, а управленія; за нихъ крестьяне платили оброкъ и сверхъ того, обязаны были платить подушную подать и нести другія повинности. На министра возлагалось *попеченіе* о томъ, чтобы подати и повинности были взимаемы съ государственныхъ крестьянъ въ установленные сроки и бездоимочно; ему вмѣнялось въ обязанность наблюдать за исполненіемъ установленныхъ законами правилъ объ обложеніи крестьянъ податьми, о раскладкѣ ихъ, отчетности, пресѣкать всякаго рода произвольные съ крестьянъ поборы.

Ни министру, ни подчиненнымъ ему административнымъ органамъ не предоставлялось никакого права *распоряжаться* государственными крестьянами или вмѣшиваться въ ихъ общественныя дѣла.

Между мнистромъ и крестьянами были двѣ правительственныя инстанціи: палаты государственныхъ имуществъ и окружные начальники; послѣдніе находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ крестьянами, или точнѣе съ ихъ общественнымъ управленіемъ, установленнымъ на выборномъ началѣ, за исключеніемъ писарей, которые назначались въ сельскія управленія—окружнымъ начальникомъ, а въ волостныя—палатою государственныхъ имуществъ.

Отношенія окружныхъ начальниковъ къ волостямъ и сельскимъ обществамъ имѣли характеръ смѣшанный: попечительный и распорядительный.

На окружнаго начальника возлагались (ст. 153) „охраненіе и защита подвѣдомственныхъ ему волостей, сельскихъ обществъ и принадлежащихъ къ нимъ крестьянъ отъ всякихъ притѣсненій, притязаній и злоупотребленій, предупрежденіе и пресѣченіе оныхъ мѣрами закона".

Окружный начальникъ, сказано въ другой статьѣ, „долженъ выслушивать терпѣливо и съ особою внимательностію всѣ жалобы, приносимыя ему государственными крестьянами, не затруднять имъ къ себѣ доступъ, не отсылать обиженныхъ къ другимъ мѣстамъ и начальствамъ подъ предлогомъ непринадлежности жалобы до разсмотрѣнія окружнаго начальника; но если жалоба сія дѣйствительно не относится къ предметамъ его вѣдомства, то онъ обязанъ объяснить просителю къ кому онъ долженъ обратиться для полученія удовлетворенія".

Всѣ изложенныя обязанности имѣютъ характеръ исключительно попечительства. Но въ то же время на окружнаго начальника возлагались многія распорядительныя, хозяйственныя [1]) и частію даже полицейскія обязанности [2]).

„Окружный начальникъ надзираетъ за сохраненіемъ установленныхъ въ подвѣдомственномъ ему округѣ порядковъ по всѣмъ частямъ и за исполненіемъ обязанностей со стороны обывателей и подчиненныхъ ему волостныхъ и сельскихъ начальствъ.

„На основаніи сего окружный начальникъ въ правѣ разсматривать правильность дѣйствій и распоряженій подвѣдомственныхъ ему мѣстъ и лицъ, производить осмотръ, ревизію и повѣрку состоянія разныхъ частей подвѣдомственнаго ему управленія; обращать каждаго въ предѣлы его обязанностей, если бы кто изъ нихъ вышелъ и присвоилъ себѣ власть или распоряженія, до него непринадлежащія; исправлять упущенія и неустройства, дѣлать за нихъ взысканія на основаніи Учреж-

[1]) Такъ напр. онъ обязанъ былъ свидѣтельствовать совокупно съ гражданскимъ инженеромъ оконченныя постройки мостовъ, паромовъ и т. п.

[2]) Онъ обязанъ былъ напр. наблюдать, чтобы въ подвѣдомственныхъ ему мѣстахъ никто не держалъ бѣглыхъ, бродягъ и безпаспортныхъ, чтобы крестьяне самовольно не отлучались отъ своихъ жительствъ и т. п.

деній окружнаго, волостнаго и сельскаго управленій и представлять палатѣ государственныхъ имуществъ о наложеніи взысканій, превышающихъ степень его власти; прекращать и преслѣдовать злоупотребленія; побуждать и напоминать о исправнѣйшемъ отправленіи должностей, руководствуясь при семъ правилами, постановленными въ отношеніи сихъ предметовъ въ обязанностяхъ окружнаго начальника".

Чтобы получить вполнѣ ясное понятіе о характерѣ правъ и обязанностей окружнаго начальника, остановимся на двухъ самыхъ важныхъ, въ фискальномъ отношеній, предметахъ, которые, какъ сказано въ учрежденіи, подлежатъ исключительному вѣдѣнію окружнаго начальника, именно: на дѣлахъ по обложенію государственныхъ крестьянъ денежными сборами и на *распоряженіяхъ* по отправленію рекрутской повинности.

„Окружный начальникъ ограждаетъ сельскія общества и въ частности государственныхъ крестьянъ отъ всякихъ произвольныхъ и незаконныхъ денежныхъ сборовъ, недопуская оныхъ и преслѣдуя тѣхъ, которые окажутся виновными въ наложеніи оныхъ и взиманіи. Онъ печется, чтобы въ сельскихъ обществахъ и волостныхъ исполняемы были правила, для этого постановленныя въ уставахъ о повинностяхъ и податяхъ; разсылаетъ въ волостныя правленія полученныя изъ палатъ податныя тетради, бланки, платежныя книжки и шнуровыя книги для счетоводства, наблюдаетъ за своевременною и правильною раскладкою въ сельскихъ обществахъ денежныхъ сборовъ, за внесеніемъ оныхъ въ податныя тетради и за исправною въ свое время раздачею крестьянамъ платежныхъ книжекъ".

Всѣ эти обязанности носятъ на себѣ характеръ попечительства; но рядомъ съ этими обязанностями сказано, что окружный начальникъ печется и *отвѣтствуетъ*, чтобы всѣ денежные сборы, слѣдующіе съ сельскихъ обществъ, внесены были въ уѣздныя казначейства и волостныя правленія по принадлежности къ установленнымъ срокамъ бездоимочно; далѣе сказано: окружный начальникъ печется и *распоряжается* о взысканіи недоимокъ.

Распоряженія его должны были, впрочемъ, состоять въ

томъ, что онъ побуждаетъ сельскія общества лично и чрезъ волостныя правленія и сельскихъ старостъ ко взносу недоплаченныхъ сборовъ; наблюдаетъ чтобы этими начальствами и сельскимъ сходомъ употреблены были и приведены въ дѣйствіе всѣ мѣры, постановленныя для взысканія недоимокъ въ учрежденіяхъ волостнаго и сельскаго управленій, содѣйствуетъ къ тому собственными способами и отправляется на мѣста, въ потребныхъ случаяхъ, самъ, или посылаетъ своего помощника для побужденія неплательщиковъ.

Что касается распоряженій окружнаго начальника по исполненію крестьянами рекрутской повинности, то эти распоряженія состояли въ наблюденіи, чтобы очередные списки были составлены правильно, въ разсылкѣ въ волостные правленія доставляемыхъ палатами росписаній о количествѣ рекрутъ, слѣдующихъ съ каждой волости; въ наблюденіи, чтобы рекруты и подставные были назначены сельскими обществами изъ очередныхъ семействъ, въ числѣ опредѣленномъ росписаніемъ; чтобы денежный сборъ на отправленіе рекрутской повинности назначенъ былъ безъ излишества; присутствуетъ въ рекрутскомъ присутствіи, содѣйствуетъ къ огражденію отдатчиковъ отъ притѣсненій, вымогательствъ и поборовъ.

Окружный начальникъ *подъ строжайшею личною отвѣтственностію* печется, чтобы рекруты, слѣдующіе съ сельскаго общества, были поставлены ими бездоимочно къ положенному сроку; въ случаѣ неисправности, окружный начальникъ принимаетъ надлежащія мѣры для *побужденія* сельскихъ обществъ къ исполненію ихъ обязанностей, отправляясь въ случаѣ надобности самъ на мѣсто, для распоряженій о взысканіи недоимочныхъ рекрутъ и высылкѣ ихъ въ рекрутскія присутствія.

Такимъ образомъ оказывается, что по двумъ важнѣйшимъ административнымъ предметамъ, которые возлагались на личную отвѣтственность окружныхъ начальниковъ, обязанности ихъ ограничивались *побужденіями*.

Если вникнуть ближе въ смыслъ всего Наказа окружнымъ начальникамъ, то легко убѣдиться въ томъ, что во всѣхъ слу-

чаяхъ, гдѣ имъ предоставлялось право *распоряжаться*, это право ограничивалось исполненіемъ правилъ, указанныхъ въ законѣ.

Справедливо конечно то, что въ лицѣ окружнаго начальника соединялись обязанности попечительства съ обязанностями чисто административнаго характера. Послѣднія всегда требовательнѣе, настоятельнѣе и многочисленнѣе, а потому естественно поглощали всю дѣятельность окружныхъ начальниковъ, и порождали необходимость для нихъ быть въ личныхъ сношеніяхъ съ крестьянами, нестолько въ качествѣ попечителей, сколько въ качествѣ распорядителей.

Графъ Киселевъ сознавалъ самъ излишество власти окружныхъ начальниковъ. Отдавая отчетъ Государю по обозрѣніи управленія государственныхъ имуществъ въ 10 сѣверо-восточныхъ губерніяхъ еще въ 1842 г., онъ говорилъ:

„Съ развитіемъ сельскаго мірскаго управленія, вліяніе окружныхъ начальниковъ, допущенное на первый разъ по необходимости, будетъ ослаблено и обязанности ихъ ограничатся одними предметами попечительства“.

Въ тоже время, въ замѣчаніяхъ своихъ, переданныхъ департаментамъ, указывая на излишество въ числѣ сельскихъ начальниковъ, и на необходимость сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, именно, уменьшеніе старостъ и добросовѣстныхъ, онъ говорилъ:

„За симъ надлежитъ окружныхъ начальниковъ переименовать въ попечители и, сообразно тому, поставить ихъ въ предѣлы наблюдателей и исполнителей распоряженій палаты, въ видѣ чиновниковъ особыхъ порученій, съ ограниченіемъ власти и вмѣшательства въ дѣла сельскаго управленія, которыя сосредоточиваются въ волостномъ правленіи, а также отстранить вліяніе ихъ отъ раскладки и сбора податей, которыя подъ разными предлогами часто дѣлаются“.

Графъ Киселевъ, однако-же, неуспѣлъ этого сдѣлать, сознавая, быть можетъ, что не наступило къ тому еще время.

Нельзя здѣсь не замѣтить какъ трудно отдѣлить мѣры попечительства отъ мѣръ распорядительныхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство желаетъ придти въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ; этому служитъ доказательствомъ

учрежденіе „мировыхъ посредниковъ" по Положенію 19-го февраля 1861 г. Этимъ лицамъ, независимо отъ распорядительныхъ дѣйствій, по устройству дѣлъ поземельныхъ между помѣщиками и крестьянами, было предоставлено право подвергать штрафамъ лицъ сельскаго управленія, удалять ихъ отъ должностей и даже въ извѣстныхъ случаяхъ назначать по своему выбору на мѣсто ихъ другихъ; взыскивать съ крестьянъ недоимки въ пользу помѣщика; наконецъ, имъ предоставлено было по многимъ дѣламъ судебно-полицейское разбирательство.

Окружные начальники никакой судебной власти не имѣли; судъ по крестьянскимъ дѣламъ былъ предоставленъ сельской и волостной расправамъ.

Несправедливость мнѣнія о ненадобности уставовъ Сельскаго Полицейскаго и Судебнаго

Многіе находили одну изъ этихъ судебныхъ инстанцій излишнею; другіе шли гораздо далѣе, отвергая потребность Сельскаго Судебнаго Устава, говоря, что крестьянамъ надо было предоставить судиться въ своихъ дѣлахъ по существующимъ у нихъ обычаямъ. Но обычное право, гдѣ судьи имъ руководствуются, какъ напр. въ Англіи, основывается на примѣрахъ, т.-е. на *предъидущихъ судейскихъ рѣшеніяхъ, конечно записанныхъ*. У нашихъ крестьянъ ничего подобнаго несуществовало. Оставить крестьянъ въ отношеніи ихъ домашняго суда, въ особенности по проступкамъ, безъ всякаго руководства, значило бы узаконить полный произволъ, дать неограниченный просторъ дикимъ, жестокимъ инстинктамъ необразованной массы.

Изданіе Сельскаго Судебнаго Устава для государственныхъ крестьянъ, въ которомъ съ ясностію и краткостію были изложены и процессуальная, и карательная стороны, есть одинъ изъ лучшихъ памятниковъ законодательной дѣятельности графа Киселева.

Редакторы положенія о крестьянахъ 19-го февраля 1861 года находили необходимымъ для крестьянъ имѣть общій Судебный Уставъ и до изданія его, указали руководствоваться, въ отношеніи мѣры наказанія за маловажные преступленія и проступки, правилами Сельскаго Судебнаго Устава для государственныхъ крестьянъ (ст. 102 Общаго Положенія).

Нельзя также согласиться съ мнѣніями тѣхъ, которые считали излишнимъ изданіе для крестьянъ Сельскаго Полицейскаго Устава.

Мы привели въ своемъ мѣстѣ замѣчанія, въ этомъ смыслѣ сдѣланныя въ Государственномъ Совѣтѣ при изданіи его. Этотъ Уставъ раздѣляется на 7 главъ: I) объ обязанностяхъ въ отношеніи вѣры, II) о соблюденіи общественнаго порядка и Высочайшихъ учрежденій, III) о сохраненіи правилъ нравственности, IV) объ охраненіи личной безопасности, V) о безопасности во владѣніи имуществомъ, VI) о врачебномъ благоустройствѣ, VII) объ охраненіи отъ пожаровъ.

Всѣ статьи (112) основаны были на дѣйствующихъ законахъ.

Киселевъ, зная младенческое состояніе народа, желалъ облегчить ему способъ понять свои гражданскія обязанности. Онъ до такой степени считалъ важнымъ распространеніе знанія этихъ обязанностей, что сдѣлалъ распоряженіе о чтеніи Сельскаго Полицейскаго Устава въ крестьянскихъ училищахъ, и многія статьи Устава приказывалъ вводить въ тексты прописей.

Можно-ли это считать ошибкою или излишествомъ попечительства, вмѣшательствомъ въ дѣла крестьянъ?

Что касается до прочихъ уставовъ, вошедшихъ въ „Сборникъ Постановленій по Управленію Государственныхъ Имуществъ“, какъ-то: уставы о сельскомъ хозяйствѣ; постановленія о благоустройствѣ въ селеніяхъ, объ обезпеченіи продовольствія и объ общественномъ призрѣніи; Уставы врачебные, путей сообщенія, пожарный, о паспортахъ, — то они составляли, ни болѣе ни менѣе, какъ извлеченія изъ Свода Законовъ и, слѣдовательно, новаго въ себѣ ничего не заключали.

Вообще должно сказать, что тѣ, которые упрекали графа Киселева въ многосложности учрежденій, имъ проведенныхъ, мало вникали въ ихъ сущность, а часто даже и вовсе ихъ не знали.

Неосновательно также было приписывать существовавшія злоупотребленія въ мѣстныхъ управленіяхъ самимъ учрежденіямъ.

Источникъ злоупотребленій въ управленіи государственныхъ имуществъ.

Источникъ этихъ злоупотребленій заключался не въ учреж-

деніяхъ, а въ нравахъ и во всемъ общественномъ строѣ. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на полнѣйшее отсутствіе тогда гласности, на крѣпостное право и на откупа, растлѣвавшее вліяніе которыхъ на всю администрацію могло прекратиться только съ ихъ уничтоженіемъ.

Графъ Киселевъ былъ противникомъ и того и другаго, но онъ не могъ ихъ измѣнить.

Разговоръ Государя съ Хрущовымъ.

Когда съ назначеніемъ Муравьева министромъ государственныхъ имуществъ былъ уволенъ отъ званія товарища министра Хрущовъ и, Хрущевъ по этому случаю представлялся Его Величеству, то между ними происходилъ слѣдующій разговоръ:

Государь. Я долженъ сказать, что Я прежде и нынѣ постоянно слышалъ и слышу множество жалобъ на управленіе государственныхъ имуществъ. Всѣ говорятъ, что въ немъ множество лишнихъ чиновниковъ, и Я знаю, что удѣльное управленіе гораздо меньше, но оно одно, на которое никто не жалуется и крестьянамъ хорошо.

Хрущовъ. Жалобы, Ваше Величество, всегда были и будутъ, и изъ нихъ много справедливыхъ.

Государь. Отъ чего же это происходитъ?

Хрущовъ. Отъ трехъ причинъ, Государь. Во-первыхъ, отъ зависти къ графу Киселеву, который безспорно одинъ изъ умнѣйшихъ у насъ государственныхъ людей. Во-вторыхъ, отъ естественной враждебности помѣщиковъ, откупщиковъ и разныхъ другихъ сословій... Эта враждебность будетъ существовать до конца. Въ-третьихъ, отъ незнанія внутренняго устройства управленія, незнанія тѣми людьми, которымъ наименѣе это простительно и которые, между тѣмъ, судятъ и рядятъ. Позвольте, Ваше Величество, привести нѣсколько примѣровъ: на дняхъ князь А. Ѳ. Голицынъ говорилъ одному изъ нашихъ чиновниковъ, ему близкому, что управленіе государственныхъ имуществъ несовмѣстно съ монархическимъ правленіемъ, потому что въ немъ есть республиканскія начала, а именно: общественное устройство и мірскіе суды! Другой сановникъ, графъ Гурьевъ, увѣрялъ недавно одного изъ нашихъ директоровъ, что кадастръ нынѣ никуда негодится, потому что онъ передѣляетъ крестьян-

скія земли, тогда какъ крестьяне гораздо лучше дѣлаютъ это сами. А между тѣмъ, всѣ исчисленія кадастра основаны на раздѣленіи земель, самими крестьянами сдѣланномъ. Я. И. Ростовцовъ говорилъ мнѣ о многосложности нашего управленія; но когда я его спросилъ, знакомъ-ли онъ хорошо съ внутреннимъ его составомъ и обязанностями, то онъ мнѣ сознался, что нѣтъ, и что онъ судитъ только по слухамъ отъ другихъ. Вотъ, Ваше Величество, какъ у насъ знаютъ дѣло, на которое такъ сильно нападаютъ. Наконецъ, однако, одно совершенно справедливо, что много жалобъ происходитъ отъ не совсѣмъ удовлетворительнаго личнаго состава, который въ послѣднее время нѣсколько испортился и въ этомъ-то заключается весь ключъ, все искусство необходимыхъ преобразованій [1]).

Идеалъ, къ которому стремился Киселевъ.

Всѣ учрежденія, относившіяся до государственныхъ крестьянъ, проведенныя графомъ Киселевымъ, проникнуты чувствомъ гуманности и желаніемъ водворить въ жизнь законность на мѣсто произвола.

Если идеалъ, къ которому стремился графъ Киселевъ, не былъ имъ достигаемъ, то не надо забывать, что никакой идеалъ человѣческій не достигается вполнѣ.

Въ противоположность тѣмъ, которые находили излишнимъ вмѣшательство администраціи, т.-е. окружныхъ начальниковъ въ дѣла крестьянъ, было не мало и такихъ лицъ, которые укоряли графа Киселева въ излишнемъ заступничествѣ за государственныхъ крестьянъ, желали ограниченія ихъ правъ, болѣе непосредственнаго подчиненія государственныхъ крестьянъ распоряженіямъ администраціи, хотя бы въ такой степени, какъ это существовало въ отношеніи удѣльныхъ крестьянъ.

Характеръ удѣльнаго управленія крестьянами.

Выше, въ главѣ XXVII, мы привели причины, по которымъ графъ Киселевъ не считалъ возможнымъ устроить управленіе государственныхъ крестьянъ по образцу удѣльнаго. Здѣсь можемъ замѣтить еще, что удѣльное управленіе не составляло администраціи въ государственномъ смыслѣ; это было управленіе помѣщичье, въ которомъ крестьяне были не цѣлью, а только

---

[1]) Изъ письма Д. П. Хрущова къ графу Киселеву въ Парижъ отъ 18 (30) апрѣля 1857 г.

средствомъ извлекать наиболѣе дохода изъ имѣній,—управленіе, которое уплату удѣльнаго оброка считало *„первѣйшимъ долгомъ“* (sic!) крестьянина (Св. Удѣльныхъ Постановленій, ч. II, стр. 90), и, стало-быть, исполненіе этого долга ставило выше всѣхъ обязанностей семейныхъ и гражданскихъ, и такимъ образомъ, въ уплатѣ оброка видѣло предназначеніе всей жизни удѣльнаго крестьянина.

Поставивши благосостояніе государственныхъ крестьянъ, *цѣлью*, а не средствомъ, отодвинувши фискальные интересы на второй планъ, какъ это сдѣлалъ графъ Киселевъ, онъ не могъ принять удѣльныхъ порядковъ, которые, во многихъ случаяхъ, были для крестьянъ тягостнѣе помѣщичьяго управленія. Въ послѣднемъ, требованія могли смягчаться, и часто дѣйствительно смягчались патріархальными отношеніями, тогда какъ суровые порядки удѣльные были закованы въ форму закона, и неисполненіе ихъ равнялось нарушенію закона, влекшему за собою карательныя мѣры. Достаточно въ этомъ случаѣ указать на удѣльныя постановленія: „о семейныхъ раздѣлахъ“, „о переселеніяхъ, о припискѣ къ удѣлу и увольненіи крестьянъ изъ удѣльнаго вѣдомства“ [1]).

Здѣсь кстати упомянуть объ упрекахъ управленію государственныхъ имуществъ въ многосложности формъ вѣдомостей, отчетовъ и книгъ. Упреки эти дѣлались именно тѣми, которые въ образецъ ставили удѣльное управленіе; но эти лица никогда не заглядывали въ Сводъ Удѣльныхъ Постановленій, гдѣ половина каждаго тома состояла изъ многоразличныхъ формъ [2]).

Толки о малой доходности государственныхъ имуществъ.

Наконецъ, ставили въ упрекъ управленію графа Киселева то, что государственные крестьяне и имущества приносятъ мало дохода казнѣ; что доходъ этотъ, какъ говорилъ главный

---

1) Св. Уд. Пост. часть III, ст. 20—103.

2) Вообще должно сказать, что тѣ, которые ставили въ образецъ удѣльные порядки, едва-ли были знакомы съ ними. Сводъ Удѣльныхъ Постановленій, напечатанный въ 1843 году въ 4-хъ т., въ продажу никогда не поступалъ и составлялъ для публики секретъ. Удѣльныя постановленія не публиковались и сообщались начальникамъ губерній только въ тѣхъ случаяхъ, когда для приведенія ихъ въ исполненіе могло быть нужно содѣйствіе мѣстнаго губернскаго начальства. Св. Уд. Пост. ч. IV, ст. 30.

порицатель дѣйствій Киселева, графъ Муравьевъ, „можетъ быть значительно увеличенъ при умѣньи взяться за дѣло, умѣньи, котораго недоставало Киселеву какъ теоретику, а не практику".

Въ бумагахъ графа Павла Дмитріевича сохранилась собственноручная его замѣтка, очевидно, вызванная такими упреками. Вотъ что онъ въ ней говоритъ:

„Въ Россіи нельзя и, скажу болѣе, *не должно* въ настоящемъ ребяческомъ ея положеніи стремиться къ возвышенію до послѣдней возможности государственныхъ доходовъ; государственная жизнь развивается и должна развиваться медленно и съ нею только умножаются капиталы, безъ которыхъ промышленности быть не можетъ; мы на этой стезѣ находимся едва десятки лѣтъ и должны бороться не только со всѣми недостатками нашей юности, но и съ географическимъ положеніемъ нашего обширнаго государства, съ климатомъ суровымъ и со всѣми лишеніями отъ того проистекающими. Усиливать подати и сборы можно, но отбирать у бѣднаго послѣднее — значитъ произносить приговоръ всякому будущему преуспѣянію, и я дозволяю себѣ думать и скажу, что каждый, сверхъ мѣры исторгнутый отъ плательщиковъ рубль, удаляетъ на годъ развитіе экономическихъ силъ государства.

„Умноженіе доходовъ должно зависѣть не отъ внезапнаго и произвольнаго возвышенія налоговъ, но отъ средствъ, коими плательщики обладаютъ; до улучшенія ихъ быта всякое новое требованіе возвышенныхъ платежей увеличитъ недоборы и уничтожитъ въ самомъ началѣ развитіе самостоятельности плательщиковъ; новое управленіе государственныхъ имуществъ положивъ основаніе порядка, стремилось къ уменьшенію текущихъ недоимокъ и въ томъ успѣло, а возвышеніе доходовъ предоставило естественному ходу дѣлъ и въ томъ также успѣло, ибо въ періодъ 15 лѣтъ умножило ихъ болѣе чѣмъ на половину.

„...Одинъ прожектеръ, въ представленной запискѣ, брался доставить правительству доходъ отъ государственныхъ имуществъ въ 600 милл. франковъ, другой — былъ скромнѣе, предлагалъ 250 милл. р. асс.; графъ Канкринъ удостовѣрялъ, что болѣе имъ собираемаго ожидать нельзя. Все это неспра-

ведливо: увеличеніе доходовъ должно и можетъ быть, но при настоящихъ условіяхъ, все зависитъ отъ времени: переселите 800 тыс. душъ, употребите капиталы на устройство оброчныхъ статей и устройство лѣсовъ, откройте широкіе пути торговлѣ, дайте народу денежные способы и тогда ожидайте увеличенія доходовъ.

„Развитіе промышленности необходимо, но оно также требуетъ затраты денегъ и умственныхъ способностей; денегъ у насъ мало, а просвѣщенія еще менѣе.

„...Въ настоящемъ положеніи лѣснаго дѣла въ Россіи, не усиленіе средствъ къ умноженію доходовъ отъ лѣсовъ должно занимать первое мѣсто, а сбереженіе ихъ отъ конечнаго истребленія, которое намъ угрожаетъ и будетъ угрожать, если принятая система лѣсоустройства не будетъ сохранена и развита въ полномъ объемѣ".

Мысль графа Киселева объ осторожности, съ которою надо было поступать при возвышеніи доходовъ съ государственныхъ имуществъ, вскорѣ оправдалась на дѣлѣ.

Съ вступленіемъ графа Муравьева въ управленіе министерствомъ, именно съ 1857—1861 гг., доходы отъ государственныхъ имуществъ и крестьянъ были увеличены: возвышеніемъ оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ, обращеніемъ въ оброчныя статьи земель, бывшихъ во владѣніи крестьянъ сверхъ 8 и 15-десятинной пропорціи; увеличеніемъ числа оброчныхъ статей въ западныхъ губерніяхъ на счетъ отрѣзки излишнихъ земель отъ крестьянъ. Вотъ что о послѣдней операціи пишетъ генералъ-адъютантъ Зеленый въ Отчетѣ, представленномъ имъ Государю Императору, о дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ съ 1862 по 1872 годъ (стр. 27):

„Въ послѣдніе годы, предшествовавшіе изданію Положеній 10 февраля 1861 г., главное вниманіе министерства государственныхъ имуществъ было обращено на увеличеніе дохода съ казенныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ. Въ этихъ видахъ была поспѣшно произведена новая люстрація, крестьянскій оброкъ былъ увеличенъ, а изъ свободныхъ земель были

образованы фермы, отданныя въ долгосрочное арендное содержаніе. Но эти мѣры имѣли свою невыгодную сторону. Оброкъ, возвышенный не вездѣ равномѣрно и соотвѣтственно средствамъ крестьянъ, оказывался въ иныхъ мѣстностяхъ слишкомъ обременительнымъ; при образованіи фермъ были допущены отрѣзки крестьянскихъ земель и обмѣны, стѣснившіе крестьянское хозяйство. Фермы были взяты въ аренду преимущественно поляками, которые отъ себя уже допускали крестьянъ къ участію въ пользованіи за большія деньги, необходимыми крестьянамъ, а между тѣмъ, вошедшими въ составъ фермъ угодьями, и чрезъ это ставили крестьянъ въ экономическую отъ себя зависимость, иногда худшую, чѣмъ прежнія обязательныя отношенія".

Въ своемъ мѣстѣ (стр. 115) мы привели состоявшееся въ 1850 году, по докладу графа Киселева, Высочайшее повелѣніе о непредъявленіи къ торгамъ свободныхъ казенныхъ участковъ, признанныхъ по смежности съ казенными селеніями, необходимыми для государственныхъ крестьянъ. Это Высочайшее повелѣніе вошло въ Св. Закон. (Т. VIII. Устава оброч. казен. ст., ст. 63). Бывшія наоснованіи этого закона земли въ безпереоброчномъ содержаніи у государственныхъ крестьянъ, приказано было отдавать въ содержаніе съ торговъ.

Такая мѣра имѣла самыя печальныя послѣдствія, не только для крестьянъ, но и для казны. Вотъ свидѣтельство тому, извѣстнаго своими статистическими трудами, г. Анучина [1]) въ оффиціальной запискѣ, поданной имъ въ 1877 году министру финансовъ о самарской губерніи, гдѣ находилось наибольшее количество земель, бывшихъ въ безпереоброчномъ содержаніи у крестьянскихъ обществъ; онъ говоритъ:

„Фактъ повальнаго обѣднѣнія значительной части населенія самарской губерніи послѣ 1874 года неоспоримъ. Одинъ ли голодъ былъ причиною такого обѣднѣнія? Бывшая въ самарской губерніи коммиссія, основываясь, главнымъ образомъ, на докладѣ одного изъ своихъ членовъ, управлявшаго государственными имуществами въ самарской губерніи, склонялась къ

[1]) Управляющаго самарскою казенною палатою.

разрѣшенію вопроса въ утвердительномъ смыслѣ, приписывая какъ самые неурожаи 1872—1873 г., такъ и послѣдовавшее затѣмъ обѣднѣніе исключительно случайной метеорологической причинѣ, засухѣ. Между тѣмъ, произведенныя мною изслѣдованія, съ цѣлью разъясненія платежныхъ средствъ самарскаго населенія, совершенно подрываютъ установившійся взглядъ, обнаруживая, что обѣднѣніе самарскаго населенія началось гораздо ранѣе голода, благодаря постоянному вліянію причинъ чисто экономическаго свойства, и что засухи играли при этомъ роль неблагопріятныхъ случайностей, усугублявшихъ вредное вліяніе вышеупомянутыхъ коренныхъ и постоянныхъ культурно-экономическихъ условій и вызвавшихъ кризисъ, который и безъ нихъ хотя и позже но непремѣнно наступилъ бы. Явное доказательство тому представляется въ томъ кажущемся, на первый взглядъ, весьма загадочномъ обстоятельствѣ, что отъ неурожаевъ болѣе всего пострадало среднее степное пространство самарской губерніи: южная часть бузулукскаго уѣзда и сопредѣльная съ нею сѣверная половина николаевскаго. Обѣднѣніе населенія этой части губерніи началось ранѣе голода. На населеніи бузулукскаго уѣзда еще сначала 60-тыхъ годовъ числится хроническая недоимка 200 т. руб. и никакими мѣрами строгости не могла она быть взыскана, несмотря на настоянія казенной палаты и на усиленную ея понужденіями энергію полиціи, бездѣйствію которой накопленіе этой недоимки сперва приписывалось, такъ какъ всѣхъ удивляло то обстоятельство, что въ недоимкѣ состоятъ преимущественно государственные крестьяне, въ благосостояніи которыхъ, по изобилію окружающихъ ихъ селенія казенныхъ земель, не сомнѣвались. Сравненіе же положенія государственныхъ крестьянъ по подворнымъ описаніямъ 1858 и 1867 годовъ, разъясняетъ, что причиною накопленія недоимки на бузулукскомъ уѣздѣ было не иное что, какъ сильное обѣднѣніе его населенія въ этотъ промежутокъ времени. У крестьянскихъ обществъ бузулукскаго уѣзда находилось передъ 1860 годомъ, на основаніи закона 1850 года, въ безпереоброчномъ содержаніи 227 казенныхъ участковъ, въ количествѣ 120 т. десятинъ, изъ

платы по 15 коп. среднимъ числомъ за 1 десятину, а въ пользованіи крестьянскихъ обществъ николаевскаго уѣзда было 200 т. десятинъ, изъ платы среднимъ числомъ по 8 коп. за десятину. Въ 1860 году, въ видахъ увеличенія доходовъ съ казенныхъ оброчныхъ статей, находившіеся въ безпереоброчномъ пользованіи у обществъ казенные участки стали отдаваться съ торговъ, вслѣдствіе чего, на многіе изъ нихъ цѣны сразу увеличились въ нѣсколько разъ: втрое, впятеро, даже въ десятеро и болѣе.

„Подобное возвышеніе цѣнъ въ короткій промежутокъ времени, конечно, не можетъ считаться явленіемъ нормальнымъ. Оно было вызвано: со стороны крестьянъ неудовлетворительнымъ качествомъ ихъ душевыхъ надѣловъ, а со стороны капиталистовъ желаніемъ эксплуатировать крестьянъ въ свою пользу, такъ какъ вся операція ихъ заключалась въ полученіи отсталаго отъ обществъ, или въ передачѣ обществамъ взятыхъ земель тотчасъ же послѣ торговъ, или наконецъ, въ раздачѣ ихъ крестьянамъ въ раздробь, конечно по значительно возвышенной цѣнѣ, противъ той, за которую участокъ достался.

„Общій результатъ былъ тотъ, что послѣ введенія торговъ на сказанные участки въ непосредственномъ пользованіи у крестьянъ бузулукскаго уѣзда, вмѣсто прежнихъ 120 т. дес., осталось только 30 т. десятинъ, а у крестьянъ николаевскаго уѣзда, вмѣсто 200 т. десятинъ, 45 т. десят. Остальное, необходимое имъ для посѣвовъ, количество земель они должны были брать уже отъ крупныхъ промышленниковъ, изъ вторыхъ или изъ третьихъ рукъ, по цѣнамъ, далеко превосходившимъ даже увеличенныя торгами цѣны, такъ что если принять въ разсчетъ значительныя прибыли арендаторовъ, то окажется, что послѣ 1860 года пользованіе съемными землями стало обходиться крестьянамъ въ 20 или въ 30 разъ дороже прежняго.

„При неумѣренной игрѣ въ посѣвы и въ сдачу земель, принявшей совершенно характеръ самой злокачественной азартной эпидеміи, раззорились не только крестьяне, но и нажившіеся сначала чрезъ нихъ капиталисты. Не выиграло при

этомъ и государственное казначейство, такъ какъ, вмѣсто нѣсколькихъ сотенъ тысячъ, поступившихъ въ оное чрезъ возвышеніе цѣнъ на казенныя оброчныя статьи, отъ обѣднѣнія крестьянъ и банкротства арендаторовъ образовалась огромная недоимка. Вслѣдствіе непомѣрнаго возвышенія цѣнъ и другихъ притѣсненій со стороны крупныхъ арендаторовъ, многіе крестьяне стали предпочитать самостоятельному хозяйству посторонніе заработки, отчего число разбирающихъ земли изъ вторыхъ и третьихъ рукъ съ каждымъ годомъ уменьшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и съемъ участковъ становился менѣе выгоднымъ для крупныхъ арендаторовъ казны, все хозяйство которыхъ заключалось въ умѣньи поскорѣе раздать дробными частями снятый участокъ. Многіе участки стали оставаться на новыхъ торгахъ неразобранными, а отъ многихъ отказывались сами арендаторы, предпочитавшіе выплатить неустойку, и на многихъ изъ нихъ стала накопляться недоимка, сумма которой съ каждымъ годомъ увеличивалась. Такимъ образомъ, искуственное и свыше всякой мѣры, возвышеніе цѣнъ на земли привело само по себѣ къ паденію ихъ. Такъ, еще до голоднаго періода, пали въ цѣнѣ очень многія казенно-оброчныя статьи въ бузулукскомъ уѣздѣ, гдѣ иные участки спустились даже ниже той цѣны, по которой они раздавались въ безпереоброчное содержаніе обществамъ до 1860 года, т.-е. до введенія на нихъ торговъ“.

Заключеніе. Какія послѣдствія на улучшеніе экономическаго быта государственныхъ крестьянъ имѣло управленіе графа Киселева, лучшее свидѣтельство тому мы находимъ въ слѣдующемъ: при преемникахъ его, гр. Муравьевѣ и г.-а. Зеленомъ, съ 1857 года окладъ денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ увеличенъ съ 41.914,192 р. до 56.877,349 р.; одинъ сборъ оброчной подати, составлявшій въ 1861 году 24.437,430 р. увеличенъ въ 1865 г. до 31.806,501 р. [1]).

Несмотря на такое значительное увеличеніе налоговъ на

---

[1]) См. Обозрѣніе дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ, по завѣдыванію крестьянами и южными поселянами съ 1838 по 1866 годъ, представленное Государю Императору въ мартѣ 1867 года, министромъ государственныхъ имуществъ. Спб. 1867, стр. 63.

государственныхъ крестьянъ, при передачѣ ихъ изъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ въ вѣдѣніе общихъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, оставалось въ недоимкѣ на нихъ только около 3 мил. рублей [1]). Эти возвышенные оклады крестьяне не могли бы выплачивать, еслибы ихъ экономическое состояніе было въ разстройствѣ, и еслибы у нихъ не было накопленныхъ запасовъ при прежнемъ, до 1857 года, управленіи, когда заботливая рука графа Киселева охраняла государственныхъ крестьянъ отъ увеличенія всякаго рода налагаемыхъ на нихъ тягостей и старалась не объ ограниченіи, а объ увеличеніи ихъ экономическихъ средствъ.

Когда передача государственныхъ крестьянъ совершилась повсемѣстно, бывшій министръ государственныхъ имуществъ, г.-а. Зеленый обратился къ начальникамъ губерній съ просьбою доставить ему свѣдѣнія, въ какомъ, по мнѣнію ихъ, хозяйственномъ положеніи находились государственные крестьяне при переходѣ ихъ въ завѣдываніе мировыхъ учрежденій. Изъ полученныхъ вслѣдствіе сего отзывовъ, говоритъ въ своемъ Обозрѣніи г.-а. Зеленый [2]), оказывается, что хозяйственный бытъ государственныхъ крестьянъ почти повсемѣстно находится въ весьма удовлетворительномъ состояніи; что если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ положеніе временно-обязанныхъ крестьянъ столь же удовлетворительно, какъ и положеніе государственныхъ крестьянъ, то это относится только до тѣхъ временно-обязанныхъ, которые состояли на чистомъ оброкѣ и помѣщики которыхъ не жили въ своихъ имѣніяхъ; что вообще довольство гораздо ровнѣе распредѣлено между государственными крестьянами, чѣмъ между временно-обязанными; что у первыхъ вовсе не встрѣчается примѣровъ той крайней бѣдности, которая нерѣдко встрѣчается у вторыхъ; и что вообще между селеніями государственныхъ крестьянъ почти нѣтъ такихъ, состоятельность которыхъ къ уплатѣ повинностей внушала бы опасенія.

Причиною столь удовлетворительнаго положенія хозяйственнаго быта государственныхъ крестьянъ, сравнительно съ бы-

---

[1]) См. Обозрѣніе дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ съ 1838 по 1866 г., стр. 64.

[2]) См. тамъ же, стр. 126 и 127.

томъ временно-обязанныхъ, нѣкоторые начальники губерній прямо выставляютъ: 1) то, что теперешніе временно-обязанные крестьяне, состоя прежде въ крѣпостной зависимости, не пользовались такими личными и имущественными правами, какъ государственные крестьяне, а потому и не могли развить духъ хозяйственной предпріимчивости, и 2) то, что администрація государственныхъ крестьянъ, заботливымъ попеченіемъ о нихъ и правильно установившеюся системою управленія, много способствовала развитію ихъ благосостоянія и введенію между ними разныхъ полезныхъ учрежденій".

Сопоставляя приведенные нами сейчасъ факты съ тѣми порицаніями графа Киселева, которыя занесъ въ свои записки графъ Корфъ (см. выше, стр. 153), нельзя не удивляться отсутствію безпристрастія и проницательности въ ихъ авторѣ; нельзя не сожалѣть о присущей многимъ людямъ способности ослѣпляться въ дѣлахъ общественныхъ своекорыстными цѣлями. Потомство воздастъ каждому по его заслугамъ и почтитъ благоговѣйною памятью тѣ возвышенные умы, которые не ограничиваясь настоящимъ, прозрѣваютъ въ будущее и съ самоотверженіемъ дѣйствуютъ въ пользу его. Въ ряду такихъ умовъ, исторія отдастъ полную справедливость Императору Николаю за ту твердость, съ которою Онъ ни разу неизмѣнилъ слову, данному Имъ Киселеву въ Москвѣ, въ 1837 году, (см. выше, стр. 65) и, несмотря на внушенія и извѣты, не поколебался въ своей довѣренности къ государственному человѣку, избранному Имъ для осуществленія Его царственныхъ помысловъ объ устройствѣ будущихъ судебъ Его народа.

ГЛАВА XXXIV.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ УПРАВЛЕНІЯ ГРАФА КИСЕЛЕВА.

Строгость системы въ управленіи.—Уваженіе графа Киселева къ совѣщательнымъ учрежденіямъ.—Письменная дѣятельность.—Цѣль представленія рапортовъ сельскими начальниками.—Значеніе отчетности.—Предупредительность въ распоряженіяхъ.—Стремленіе къ законности и гуманность.—Отстраненіе фискальныхъ цѣлей.—Облегченіе крестьянскихъ повинностей.—Отстраненіе незаконныхъ поборовъ и насильственныхъ мѣръ при взысканіи податей. — Характеръ личныхъ сношеній администраціи съ крестьянами.—Доступность графа Киселева для крестьянъ.—Мнѣніе его о крестьянскихъ просьбахъ. — Надежды на будущее. — Осторожность въ преобразованіяхъ крестьянскаго домоводства.—Крестьянскій судъ.—Мѣры противъ пьянства. —Какъ Киселевъ смотрѣлъ на казенныя земли и лѣса.—Бережливость Киселева.— Препятствія развитію сельскаго хозяйства.

Строгость системы въ управленіи.

Дѣятельность графа Киселева, какъ администратора обширной и сложной части государственнаго управленія, отличалась строгою системою, которая выражалась ясно и въ уставахъ объ Учрежденіи управленія государственныхъ имуществъ, и въ наказахъ, и въ циркулярахъ, служившихъ имъ развитіемъ.

Начала, разъ принятыя графомъ Киселевымъ и составлявшія его убѣжденіе, онъ проводилъ настойчиво, считая постоянство въ дѣйствіяхъ правительства необходимымъ условіемъ успѣха. „Твердое, неотложное преслѣдованіе“, писалъ онъ Государю въ 1846 году, „начатаго дѣла, безъ частыхъ и рѣзкихъ перемѣнъ въ данныхъ основаніяхъ, утвердитъ добрыя начала и явно докажетъ всѣмъ и каждому, что порядокъ есть главное осно-

ваніе общественнаго благоустройства и благосостоянія"... „Принятыя основанія преобразованія", объяснялъ онъ въ докладѣ 1842 года, „имѣютъ цѣлью привести сельское состояніе отъ неустройства къ законному порядку, подобно тому, какъ Городовое Положеніе дало устройство городскому состоянію.

„Сія цѣль можетъ и должна быть достигнута, если съ твердостію, постоянствомъ и строгимъ назиданіемъ будетъ преслѣдована".

Отдавая отчетъ Государю за 1852 годъ, слѣдовательно за 15-й годъ дѣятельности министерства, графъ Киселевъ пишетъ: „Министерство, въ теченіи прошедшаго года, занималось дѣятельно исполненіемъ своихъ обязанностей; не осталось ни одного предмета, который не получилъ бы новаго послѣдовательнаго движенія въ разумѣ Высочайше утвержденныхъ Вашимъ Величествомъ основныхъ положеній. Сія неуклонная послѣдовательность въ мѣрахъ привела уже по нѣкоторымъ предметамъ къ желаемымъ результатамъ: сохраненіе внутренняго порядка, увеличеніе матерьяльныхъ средствъ поселянъ, и вслѣдствіе того, поступленіе податей и доходовъ болѣе противъ оклада и смѣтнаго исчисленія, суть факты видимые на самомъ дѣлѣ".

Иниціатива во всѣхъ законодательныхъ и въ главныхъ распорядительныхъ по министерству мѣрахъ принадлежала самому графу Киселеву.

Часто цѣлые листы набросанныхъ имъ мыслей онъ передавалъ для редакціи департаментамъ или канцеляріямъ, и окончательныя работы всегда самъ исправлялъ.

Это имѣло и свою невыгодную сторону.

Такою дѣятельностію своею графъ Павелъ Дмитріевичъ если не подавлялъ, то до извѣстной степени, сковывалъ своихъ подчиненныхъ, давая имъ чувствовать превосходство своего ума, превосходство—которое дѣйствительно ему принадлежало.

Уваженіе графа Киселева къ совѣщательнымъ учрежденіямъ.

Онъ, однакоже, не имѣлъ слѣпой вѣры въ собственную непогрѣшимость; поэтому онъ желалъ знать мнѣнія другихъ и относился съ уваженіемъ къ совѣщательнымъ учрежденіямъ; при немъ совѣтъ министра и ученый комитетъ не были синекюрами; учрежденія эти были постоянно заняты разработ-

кою административныхъ, судебныхъ и хозяйственныхъ вопросовъ.

Письменная дѣятельность. Письменная дѣятельность министерства при гр. Киселевѣ не имѣла простаго многописанія или такъ называемой отписки. Замѣтивъ медленность въ дѣлопроизводствѣ, онъ принималъ мѣры къ введенію порядка сокращенной переписки „въ надеждѣ", какъ онъ писалъ Государю въ отчетѣ за 1847 годъ, „что съ устраненіемъ письменнаго многодѣлія, должностныя лица будутъ имѣть болѣе времени и способовъ заняться существенными предметами своихъ обязанностей".

Въ сложномъ механизмѣ администраціи, обязанной обращать вниманіе на множество предметовъ по Учрежденію, неизбѣжно доставленіе разныхъ срочныхъ свѣдѣній; но графъ Киселевъ никогда не упускалъ изъ вида ограничивать требованія такихъ свѣдѣній только самыми необходимыми.

Цѣль представленія рапортовъ сельскими начальниками. Сельскіе начальники обязаны были представлять ревизующимъ лицамъ цифирные рапорты о состояніи сельскаго общества или волости. Замѣтивъ въ одномъ изъ объѣздовъ по губерніямъ, что эти рапорты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ составлялись, для подачи министру, окружными начальниками, графъ Киселевъ въ циркулярѣ своемъ писалъ: „Установленіе графныхъ рапортовъ со стороны волостныхъ и сельскихъ начальниковъ состоитъ не въ томъ, чтобы имѣть для ревизующаго начальства исправно разграфленную вѣдомость, но чтобы занимая симъ самихъ крестьянъ, исправляющихъ общественныя должности, пріучить ихъ къ составленію отчетности о положеніи частей ихъ вѣдомства, и по собственному ихъ изложенію, судить объ успѣхѣ сельской администраціи и о степени развивающагося порядка, дабы сообразно тому, дѣйствовать на дальнѣйшее улучшеніе. Замѣнить сіи рапорты другими подготовляемыми самими окружными начальниками, значитъ закрыть отъ высшаго начальства истинное положеніе дѣлъ подложнымъ рапортомъ".

Значеніе отчетности. Отчетности не только денежной, но и вообще по всѣмъ предметамъ управленія, графъ Киселевъ придавалъ особенное значеніе, какъ средству повѣрки дѣйствій администраціи. Съ этою цѣлью

палаты обязаны были доставлять ежегодно въ министерство свои отчеты, которые разсматривались въ департаментахъ, дѣлались по нимъ замѣчанія и сводъ ихъ публиковался въ общемъ циркулярѣ. Туже самую цѣль, т.-е. собственную повѣрку своихъ дѣйствій, графа Киселевъ имѣлъ въ виду и при составленіи общаго по министерству отчета, который онъ представлялъ ежегодно Государю и, затѣмъ, публиковалъ.

Онъ особенно заботился о введеніи внутренняго порядка въ письмоводствѣ и счетоводствѣ въ сельскихъ управленіяхъ, ибо, говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ, „этотъ порядокъ приводитъ къ тому, что текущіе платежи окладовъ начинаютъ уже поступать съ должною акуратностію и пріучаютъ крестьянъ и сельскихъ начальниковъ къ мысли, что дѣйствительнѣйшій способъ пользоваться свободнымъ состояніемъ—есть выполненіе законныхъ своихъ обязанностей; каждый плательщикъ знаетъ, что̀ отъ него слѣдуетъ по закону и каждый убѣжденъ въ необходимости быть исправнымъ, а сельскія начальства съ видимымъ удовольствіемъ не упускаютъ случая дать замѣтить, что въ отношеніи податей все должное, по ихъ волости или обществу, выполнено бездоимочно. Такимъ образомъ, отъ порядка народъ приходитъ къ исправности, отъ исправности къ нравственному чувству самостоятельности, безъ коего ожидаемаго преуспѣянія достигнуть нельзя“.

Предупредительность въ распоряженіяхъ.

Въ болѣе важныхъ и настоятельныхъ дѣлахъ графъ Киселевъ распоряжался непосредственно, посылая тотчасъ на мѣста довѣренныхъ лицъ; предусматривалъ нужды, не ожидая того, чтобы онѣ достигли крайнихъ размѣровъ, и распоряжался всегда заблаговременно и заботливо; доказательствомъ тому, между прочимъ, служатъ принимавшіяся имъ мѣры при исполненіи рекрутскихъ наборовъ, распоряженія его по обезпеченію продовольствія государственныхъ крестьянъ, при эпидеміяхъ и пожарахъ.

О мѣрахъ къ облегченію постигавшихъ государственныхъ крестьянъ бѣдствій, графъ Киселевъ доводилъ тотчасъ до свѣдѣнія Государя, который подобнаго рода событія горячо принималъ къ сердцу. Такъ, однажды, случился неурожай въ псковской

и витебской губерніяхъ: въ февралѣ дошло до Государя извѣстіе, что оказываемыя государственнымъ крестьянамъ пособія недостаточны; на вопросъ объ этомъ, графъ Киселевъ тотчасъ же послалъ Его Величеству донесеніе, что имъ посланъ уже и посылаются еще на мѣста чиновники съ полномочіемъ, „для отвращенія мѣстныхъ слишкомъ экономическихъ разсчетовъ въ оказаніи крестьянамъ пособія“. Государь на донесеніи графъ Киселева написалъ: „вѣрю вашей попечительности, но не могу равнодушно думать о подобномъ бѣдствіи и не понуждать къ принятію всѣхъ возможныхъ средствъ, чтобъ уменьшить его, колико отъ насъ зависитъ, что возлагаю на вашу отвѣтственность“.

Стремленіе къ законности и гуманность.

Общій характеръ управленія графа Киселева отличался стремленіемъ къ законности и гуманностію. Законность Киселевъ считалъ краеугольнымъ камнемъ всей администраціи; онъ указывалъ на это постоянно Государю. Въ отчетѣ за 1842 годъ онъ говоритъ: „Дѣйствіе министерства въ отношеніи попечительства надъ государственными крестьянами, прежде всего, должно основываться на строгомъ соблюденіи законности“. Чрезъ 10 лѣтъ (въ отчетѣ за 1852 г.) онъ туже мысль повторяетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Неуклонное исполненіе Положеній, Высочайшею волею Вашего Императорскаго Величества утвержденныхъ, укореняя въ дѣйствіяхъ управленія и въ понятіяхъ крестьянъ законность и распространяя въ нихъ сознаніе долга и обязанности, сближаетъ министерство по многимъ предметамъ съ цѣлью указанныхъ Вашимъ Величествомъ улучшеній нравственнаго и матерьяльнаго быта поселянъ“. Наконецъ, въ отчетѣ за 1854 годъ, онъ говоритъ: „Законное положеніе, данное государственнымъ крестьянамъ, обезпечивая ихъ права, удовлетворяетъ потребности ихъ быта и дѣлаетъ ихъ довольными своимъ состояніемъ“.

Графъ Киселевъ по природѣ своей былъ проникнутъ идеею законности и проводилъ ее вездѣ, гдѣ могъ. Онъ былъ врагъ всякаго произвола и стремился отстранить его, по крайней мѣрѣ, въ той части управленія, которая была ему ввѣрена. Онъ думалъ достигнуть этого не только своею непосредствен-

ною дѣятельностію, своимъ личнымъ вліяніемъ, но и изданіемъ положительныхъ правилъ для дѣятельности лицъ ему подчиненныхъ. Отсюда истекала подробная регламентація учрежденій правительственныхъ и крестьянскихъ.

„Порядокъ въ управленіи“, писалъ онъ Государю въ 1846 году, „и знаніе каждымъ начальникомъ своихъ обязанностей, правъ и отвѣтственности составляютъ главныя условія доброй и основательной администраціи“.

Въ циркулярахъ своихъ онъ строго воспрещалъ и преслѣдовалъ всякое произвольное вмѣшательство правительственныхъ лицъ во внутреннія мірскія дѣла. Онъ желалъ придать самостоятельность сельскимъ обществамъ. „Управленіе общественное“, говорилъ онъ, „хорошо опредѣленное и выполненное, есть лучшее ручательство порядка и успѣха. Оно служитъ оплотомъ противъ притѣсненій и злоупотребленій, предоставляетъ самимъ крестьянамъ кругъ дѣйствія и вліянія, сообразныя съ ихъ понятіями и тѣмъ возвышаетъ ихъ въ собственномъ своемъ мнѣніи“. Въ особенности его возмущала личная расправа чиновниковъ съ крестьянами; онъ былъ всегда противникомъ тѣлесныхъ наказаній, и не будучи въ силахъ, при господствовавшихъ тогда у насъ понятіяхъ, устранить эти наказанія вовсе, онъ дѣлалъ что могъ: наблюдалъ, чтобы наказанія эти прилагались къ государственнымъ крестьянамъ не иначе, какъ по суду.

Отстраненіе фискальныхъ цѣлей;— облегченіе крестьянскихъ повинностей.

Фискальные интересы, въ глазахъ графа Киселева, стояли не на первомъ планѣ, хотя они и служили непосредственнымъ поводомъ къ учрежденію новаго управленія. Поэтому онъ ограждалъ, насколько могъ, государственныхъ крестьянъ отъ увеличенія размѣра прямыхъ съ нихъ податей; въ операціи переложенія податей съ душъ на землю и промыслы, онъ устранилъ увеличеніе общей суммы оброчной подати въ губерніяхъ, отъ прибыли душъ при новыхъ ревизіяхъ. Цѣлью операціи постановлено было только уравненіе существовавшей суммы оброчной подати между селеніями по хозяйственнымъ выгодамъ ихъ, зависѣвшимъ отъ земельныхъ угодій и промысловыхъ занятій. Это было буквально объявлено крестьянамъ при

самомъ началѣ операціи, и этимъ, конечно, объясняется, что переложеніе податей не подало нигдѣ повода къ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ между крестьянами.

Графъ Киселевъ не только противился увеличенію прямыхъ съ крестьянъ налоговъ, но по возможности старался облегчать тягость ихъ. Такъ, въ виду значительнаго возвышенія по новой ревизіи оклада подушныхъ податей и земскихъ сборовъ, сборъ общественный, употребленіе котораго зависѣло непосредственно отъ министра государственныхъ имуществъ, въ 1853 году былъ имъ уменьшенъ, какъ сказано выше, на 506,876 р. въ годъ.

При производствѣ люстраціи въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній и регулированія въ прибалтійскихъ, соблюдалось общее правило объ облегченіи крестьянскихъ повинностей и о достаточномъ поземельномъ ихъ надѣлѣ. Такимъ образомъ, въ западныхъ губерніяхъ крестьянамъ, окончательно переведеннымъ на оброкъ (680 т. душъ, изъ 701 т. всего населенія) прибавлено земли 358,958 десят., а повинности уменьшены на 605,387 р.; въ балтійскихъ губерніяхъ по 154 регулированнымъ имѣніямъ въ составѣ 64,156 душъ прибавлено земли 12,803 дес., а повинности уменьшены на 119,090 р. Вообще регулированіе казенныхъ имѣній въ прибалтійскихъ губерніяхъ постоянно возбуждало тайныя неудовольствія мѣстнаго дворянства, такъ какъ жившимъ на казенныхъ земляхъ крестьянамъ предоставлялось угодій болѣе, повинностей требовалось съ нихъ менѣе и пользованіе землею было гораздо обезпеченнѣе, чѣмъ въ имѣніяхъ помѣщичьихъ. Вслѣдствіе этого ни одинъ крестьянинъ, изъ жившихъ въ казенныхъ имѣніяхъ, не перешелъ на землю помѣщичью, тогда какъ крестьяне, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, постоянно добивались мѣстъ въ имѣніяхъ казенныхъ; наконецъ, крестьяне, жившіе въ казенныхъ имѣніяхъ въ Лифляндіи, не принимали никакого участія ни въ 1841 году, ни въ послѣдующее время въ религіозномъ движеніи, главною причиною котораго было тягостное, не обезпеченное ничѣмъ положеніе крестьянъ, жившихъ на помѣщичьихъ земляхъ.

Съ другой стороны, Киселевъ преслѣдовалъ всякіе незакон-

Отстраненіе незаконныхъ поборовъ и насильственныхъ мѣръ при взысканіи податей.

ные поборы съ крестьянъ; это до такой степени озабочивало его, что онъ составилъ и разослалъ управляющимъ палатами государственныхъ имуществъ записку о случаяхъ, которые подавали поводъ къ противозаконнымъ съ крестьянъ сборамъ.

Для обезпеченія порядка во взиманіи сборовъ и для пріобрѣтенія довѣрія крестьянъ, онъ заботился о томъ, чтобы крестьянамъ было извѣстно, что̀ они должны платить, и чтобы заплаченное не взыскивалось въ другой разъ; съ этою цѣлію онъ ввелъ платежныя книжки, которыя ежегодно раздавались домохозяевамъ, и въ которыхъ вписывался окладъ и отмѣчались платежи; сверхъ того, объявленія объ окладахъ прибивались во всѣхъ волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ. При объѣздахъ своихъ, онъ повѣрялъ самъ до какой степени исполняются правила о платежныхъ книжкахъ и объявленіяхъ; такъ считалъ онъ эти правила дѣломъ важнымъ и справедливымъ.

Поставляя управляющимъ палатами въ обязанность очищать подати за каждую половину года исправно, онъ говорилъ, что во взысканіи податей не должно быть ни послабленія, ни насильственныхъ мѣръ, какъ-то: продажи крестьянскаго имущества, или наказаній, которыя были запрещены. Онъ строго воспретилъ управляющимъ требовать воинскія команды для взысканія податей съ государственныхъ крестьянъ.

Характеръ личныхъ сношеній администраціи съ крестьянами.

Гуманность графа Киселева, разумная любовь его къ народу яснѣе всего высказывались тамъ, гдѣ дѣло шло о личныхъ сношеніяхъ администраціи съ крестьянами. Онъ предписывалъ, чтобы чиновники отклоняли всѣ излишнія стѣсненія для крестьянъ и особенно не позволяли себѣ „строптиваго обхожденія, чрезъ которое законная и полезная мѣра принимается крестьянами за стѣсненіе и несправедливость“.

По дошедшимъ до него свѣдѣніямъ о печальномъ положеніи заволжскихъ переселенцевъ, онъ самъ, въ 1849 году, отправился въ саратовскую губернію для личнаго освидѣтельствованія состоянія ихъ, и найдя, что они подвергались разнымъ невзгодамъ отъ несоблюденія установленныхъ министерствомъ правилъ, онъ предписывалъ строго имъ слѣдовать и принимать мѣры, необходимыя къ уменьшенію естественныхъ

неудобствъ всякаго переселенія. „Само человѣколюбіе“, говорилъ онъ, „требуетъ строгаго исполненія сихъ правилъ“.

Послѣ объѣзда губерній, въ 1843 году, онъ въ циркулярѣ къ управляющимъ палатами, говорилъ: „Я изъ многихъ личныхъ моихъ объясненій съ крестьянами убѣдился въ ихъ готовности слѣдовать полезнымъ внушеніямъ; убѣдился и въ томъ, что дѣйствительное попеченіе объ ихъ нуждахъ и благосклонное обращеніе съ ними начальниковъ они принимаютъ съ довѣріемъ и признательностію; напротивъ недоступность, равнодушіе къ ихъ просьбамъ, суровость и строптивость въ обхожденіи, производятъ въ нихъ непріязненныя чувства къ начальникамъ, которые вслѣдствіе того, неумѣя пріобрѣсти довѣрія, не могутъ имѣть успѣховъ по управленію“.

Въ томъ же циркулярѣ, говоря о дурномъ состояніи крестьянскихъ построекъ, онъ для улучшенія ихъ предлагаетъ управляющимъ дѣйствовать неиначе, какъ совѣтами и убѣжденіями: „въ дѣлѣ внутренняго улучшенія народнаго быта, гдѣ требуется добрая воля, нельзя возбудить соревнованіе приказаніями и строгостями; оно достигается при довѣріи къ начальству, вслѣдствіе внушенія и поощренія тѣхъ изъ домохозяевъ, которые внявъ постановленіямъ, будутъ имъ слѣдовать и примѣромъ своимъ привлекутъ другихъ“.

Доступность Киселева для крестьянъ.

Предписывая чиновникамъ гуманное обращеніе съ крестьянами, графъ Киселевъ самъ отличался особенною для нихъ доступностію. Онъ не только безъ затрудненій, но даже съ особымъ расположеніемъ выслушивалъ личныя просьбы крестьянъ и принималъ письменныя. Одинъ день въ недѣлю былъ у него назначенъ для доклада всѣхъ поступившихъ на его имя просьбъ, на которыхъ онъ тутъ же своеручно писалъ резолюцію о томъ, какое должно быть дано направленіе дѣлу. Въ отчетѣ за 1851 г. онъ пишетъ Государю: „я не перестаю облегчать поселянамъ доступъ къ представленію своихъ жалобъ, дабы видѣть ближайшимъ образомъ недостатки, направлять дѣйствіе управленія къ пользѣ и защитѣ крестьянъ, и таковымъ вниманіемъ къ ихъ положенію, устранять сколь возможно всякія мѣстныя отклоненія отъ предуставленныхъ правилъ. Не могу присемъ

не замѣтить, что изъ 4,840 просьбъ, поступившихъ въ теченіи 1851 года въ министерство, большая ихъ часть относилась къ дѣламъ процесснымъ или обыкновеннымъ въ гражданской жизни случаямъ; но жалобы на управленіе весьма рѣдки".

Мысли Киселева о крестьянскихъ просьбахъ.

Въ крестьянскихъ просьбахъ графъ Киселевъ видѣлъ средство повѣрки дѣйствій мѣстной администраціи. „Обращая вниманіе на точное исполненіе правилъ по управленію государственныхъ имуществъ", пишетъ онъ въ отчетѣ за 1849 годъ, „я, кромѣ указанныхъ въ Наказѣ министру способовъ для повѣрки на мѣстахъ состоянія управленія, поставилъ себѣ въ обязанность слѣдить за дѣйствіями его по вступающимъ отъ поселянъ просьбамъ, для которыхъ открытъ полный и свободный доступъ".

Надежды на будущее.

Какъ истинный государственный человѣкъ, графъ Киселевъ неограничивался настоящимъ; онъ глядѣлъ въ будущее; успѣхи уже достигнутые онъ не считалъ окончательными, и придавалъ имъ значеніе болѣе скромное чѣмъ обольстительное; успѣховъ болѣе полныхъ онъ ожидалъ отъ успѣховъ народнаго образованія, и слѣдовательно отъ новаго поколѣнія.

Образованіе народа онъ считалъ основною государственною потребностію и потому, несмотря на господствовавшее въ то время предубѣжденіе, провелъ благодаря личной къ нему довѣренности Государя, замѣчательный указъ 23-го ноября 1842 года объ учрежденіи въ казенныхъ селеніяхъ приходскихъ училищъ. Число этихъ училищъ и отпускъ на нихъ суммъ графъ Киселевъ увеличивалъ постепенно [1].

Въ 1842 году, когда министерство было уже въ полномъ ходу, онъ писалъ Государю: „Обозрѣвая все сдѣланное по образованію управленія государственныхъ имуществъ, я утѣшаюсь мыслію, что если на обширномъ пространствѣ Россіи между племенами разнородными нельзя ожидать мгновенной перемѣны въ общемъ коренномъ устройствѣ сельскаго класса, то по крайней мѣрѣ начала положены основательныя".

---

[1]) Въ послѣдній годъ управленія гр. Киселевымъ министерства государственныхъ имуществъ (1855 г.) въ вѣдомствѣ его считалось 2,434 училища съ 170, 194 учащимися.

„Добрыя сѣмена посѣяны: они взойдутъ и дадутъ хорошій плодъ, но для другихъ. Въ этомъ случаѣ личное самолюбіе должно быть принесено въ жертву великой царственной мысли общаго устройства состояній для блага будущаго.

„Всѣ труды и усилія собственно по управленію государственныхъ имуществъ есть начало этого устройства“ [1]).

Какъ просвѣщенный и талантливый администраторъ, онъ понималъ, что въ практическомъ примѣненіи мѣръ самыхъ разумныхъ, слѣдуетъ принимать во вниманіе степень нравственнаго и умственнаго развитія народа, его привычки и избѣгать насильственнаго введенія хозяйственныхъ улучшеній.

Въ отчетѣ Государю за 1847 годъ онъ писалъ:

„Дѣйствіе попечительства объ устройствѣ хозяйственнаго быта крестьянъ должно идти наравнѣ съ народнымъ образованіемъ. Всѣ улучшенія, вводимыя насильственно, не могутъ имѣть ни успѣха, ни прочности; напротивъ, при распространеніи между крестьянами полезныхъ свѣдѣній и убѣжденій о выгодахъ усовершенствованнаго хозяйства, когда поселяне пріобрѣтутъ болѣе ясныя понятія о вещахъ, болѣе ясныя ощущенія новыхъ потребностей, тогда родится и желаніе и трудъ къ улучшенію хозяйственнаго быта.

„Тогда всѣ нынѣшнія пріуготовительныя дѣйствія министерства, какъ то: образцы на фермахъ, устройство въ лѣсахъ, осушеніе болотъ, травосѣяніе, луговодство, улучшеніе скота, должны усвоиться между поселянами и войти въ собственное ихъ хозяйство и домоводство.

„Но доколѣ укоренившіеся въ народѣ предразсудки, вслѣдствіе младенческаго его состоянія, не дозволяютъ видѣть быстрой по сей части перемѣны, министерство, устраняя всѣ крутыя мѣры или измѣненія, недоступныя для понятія нашихъ поселянъ, поощряетъ *развитіе нравственнаго воспитанія новаго поколѣнія*, дабы придти къ цѣли усовершенствованія хозяйства и домоводства путемъ хотя медленнымъ, но вѣрнымъ и надежнымъ“.

---

[1]) Записка 1842 г. октября 12, по обозрѣнію государственныхъ имуществъ въ 10 сѣверныхъ губерніяхъ.

Осторожность въ преобразованіяхъ крестьянскаго домоводства.

Въ 1849 году, въ докладѣ Государю отъ 26-го сентября, графъ Киселевъ говорилъ: „При объѣздѣ моемъ губерній и особенно во время пребыванія моего среди государственныхъ крестьянъ села Острова [1]), я не могъ не утвердиться еще болѣе во всегдашнемъ моемъ убѣжденіи, что было бы неосторожно и совершенно безуспѣшно стремиться къ преобразованію *крестьянскаго домоводства*. Оно, конечно, стоитъ на низкой степени и требуетъ для выгоды правительства и самихъ поселянъ другаго направленія; но закоренѣлая привычка, отсутствіе нравственнаго образованія, при равнодушіи или даже нерадѣніи, происходящихъ отъ усиливающагося пьянства,—указываютъ на необходимость дѣйствовать съ осторожностію и, по принятому министерствомъ правилу, заботиться предпочтительно о пріуготовленіи юношества къ новому способу хозяйства, удерживая прочихъ въ предѣлахъ покорности и порядка административнаго, что повсюду достигается съ желаемымъ успѣхомъ".

При такомъ взглядѣ на предметъ, понятно, почему графъ Киселевъ считалъ, что при тогдашнемъ положеніи крестьянъ, для возвышенія ихъ матеріальнаго быта администрація могла имѣть въ виду лишь слѣдующія мѣры: надѣлъ крестьянъ землею и переселеніе ихъ, переводъ съ душевой и арендной системы на поземельное положеніе, огражденіе и защита личности и, наконецъ, искорененіе пороковъ.

Крестьянскій судъ.

Искорененіе пороковъ въ тогдашнемъ поколѣніи крестьянъ графъ Киселевъ ожидалъ всего болѣе отъ сельскихъ расправъ, за дѣйствіями которыхъ онъ слѣдилъ постоянно. Сельскому суду онъ не придавалъ однако значенія исключительно карательнаго учрежденія. Послѣ обозрѣнія губерній въ 1841 году, въ докладѣ своемъ Государю онъ писалъ: „Судьи въ сельскихъ расправахъ малороссійскихъ губерній постигли, что ихъ предназначеніе состоитъ въ примиреніи тяжущихся и въ употребленіи строгости токмо противъ пороковъ".

Указывая на дѣятельность сельскихъ расправъ въ отчетѣ за 1848 годъ, онъ говоритъ: „Послѣдствія болѣе благопріят-

[1]) См. выше стр. 78. Въ Островѣ гр. Павелъ Дмитріевичъ провелъ лѣто 1849 г.

ныя оказываются по западнымъ губерніямъ, гдѣ съ предоставленіемъ арендньмъ крестьянамъ общаго законнаго устройства, въ великороссійскихъ губерніяхъ установленнаго, пороки въ общественной ихъ жизни уменьшаются".

Приводя въ доказательство тому цифры за два года, онъ продолжаетъ: „Освободивъ народъ отъ арендной системы, Ваше Величество вмѣстѣ съ тѣмъ освободили его и отъ пороковъ, неразлучныхъ съ свойствомъ сего притѣснительнаго управленія и, такимъ образомъ, даровали ему улучшеніе, нетолько матеріальное, но и нравственное".

Мѣры противъ пьянства.

Годъ предъ тѣмъ онъ писалъ Государю по поводу дѣйствія расправъ: „Главный порокъ, за который крестьяне подвергаемы были взысканіямъ, есть пьянство и неразлучныя съ нимъ: ссоры, драки, буйства и небреженіе къ хозяйству. Еслибы можно было отклонить отъ крестьянъ всѣ независящія отъ нихъ привлеченія къ пьянству, то нравственное состояніе нашихъ поселянъ могло бы стать на высшую степень и наши таблицы уголовныхъ преступленій и проступковъ конечно на половину уменьшилибы свою числительную важность".

Независящія отъ крестьянъ привлеченія къ пьянству графъ Киселевъ относилъ конечно къ господствовавшей тогда откупной системѣ; при возобновленіи откупныхъ условій, которыя тогда составлялись на каждое четырехлѣтіе, онъ старался въ казенныхъ селеніяхъ, насколько возможно, ограничить число питейныхъ заведеній и отклонять возможность откупщикамъ усиливать питейную продажу разными соблазнами.

Какъ Киселевъ смотрѣлъ на казенныя земли и лѣса.

На земельныя государственныя имущества графъ Киселевъ смотрѣлъ, съ одной стороны, какъ на источникъ государственныхъ доходовъ и какъ на запасъ финансовыхъ средствъ въ случаѣ чрезвычайныхъ нуждъ, а съ другой—какъ на средства къ обезпеченію благосостоянія государственныхъ крестьянъ, нуждающихся въ землѣ. Въ этомъ и вообще въ заселеніи крестьянами пустопорожнихъ земель онъ видѣлъ лучшій способъ употребленія государственныхъ имуществъ, способъ, которымъ, съ одной стороны, возвышался доходъ казны, а съ другой—улучшался бытъ крестьянъ.

На казенные лѣса онъ смотрѣлъ преимущественно съ общей государственно-экономической точки зрѣнія, по вліянію ихъ на климатъ, на плодородіѐ страны и на обезпеченіе нуждъ будущихъ поколѣній топливомъ и строительными матеріалами. При такомъ взглядѣ графъ Киселевъ строго держался неотчуждимости казенныхъ земель и лѣсовъ; онъ считалъ своею обязанностію охранять государственное достояніе отъ незаконнаго завладѣнія или пользованія, отъ перехода его тѣмъ или другимъ способомъ въ частное владѣніе; сверхъ того, лѣса онъ берегъ отъ истощенія неумѣренными порубками, несмотря на то, что этимъ самымъ онъ ставилъ препятствіе къ возрастанію доходовъ отъ лѣсовъ, и тѣмъ оправдывалъ упрекъ, который ему дѣлали его порицатели. Не будучи въ силахъ прекратить совершенно раздачу казенныхъ земель по Всемилостивѣйшему пожалованію, онъ по возможности ограничивалъ оную и недопускалъ отвода лучшихъ земель, которыя берегъ для надѣла государственныхъ крестьянъ.

Бережливость Киселева.

Графъ Киселевъ былъ бережливъ по природѣ своей; бережливость онъ считалъ необходимымъ условіемъ какъ порядочной жизни частнаго человѣка, такъ и правильной администраціи государственной. Онъ считалъ недостаточнымъ быть бережливымъ самому; „одинъ, говорилъ онъ, ничего не сдѣлаешь; необходимо, чтобы духъ бережливости проникъ во всѣ органы администраціи, и только тогда бережливость выкажется въ дѣйствительныхъ результатахъ, только тогда изъ копѣекъ составятся тысячи и милліоны“.

Что графъ Киселевъ дѣйствительно вдохнулъ во всю свою администрацію духъ бережливости, лучшимъ доказательствомъ тому служитъ состояніе капиталовъ при оставленіи имъ министерства.

Къ 1856 году капиталовъ въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ оставалось:

правительственныхъ.	4.394,890 р.
крестьянскихъ.	26.903,754 р.
	31.298,644 р.

„Развитіе нашего сельскаго хозяйства“, представлялъ онъ Государю въ 1849 г., „находится подъ вліяніемъ многихъ неблагопріятствующихъ причинъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ: способъ душеваго раздѣла земель между государственными крестьянами; недостатокъ путей сообщенія; физическое положеніе страны, образующей пространную равнину, неимѣющую, по причинѣ отсутствія горъ, никакой защиты отъ засухъ и другихъ климатическихъ вліяній; наконецъ, недостаточное еще распространеніе между нашими производителями знаній о раціональномъ хозяйствѣ.

Препятствія для развитія сельскаго хозяйства.

„Душевой раздѣлъ земель, столь вредный для всякаго кореннаго улучшенія въ хозяйствѣ, имѣетъ свою выгоду въ отношеніи устраненія пролетаріевъ, и потому составляетъ вопросъ, котораго рѣшеніе выходитъ изъ предѣловъ чисто экономическихъ“.

На недостатокъ путей сообщенія графъ Киселевъ указывалъ еще въ особой, поданной имъ въ 1847 году запискѣ при отчетѣ за 1846 годъ, и доказывалъ необходимость устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, „направленіе которыхъ,“ говорилъ онъ, „указать не трудно: оно опредѣляется потребностію сблизить производителей съ покупателями, т.-е. съ Петербургомъ, Ригою, Либавою и Одессою“.

Въ заключеніе онъ обращался къ Государю съ слѣдующими словами: „Предпринятыя, по Высочайшей волѣ Вашего Императорскаго Величества, сооруженія новыхъ путей, въ настоящемъ нашемъ положеніи составляютъ предметъ величайшей важности и всякое пожертвованіе на это сооруженіе оправдывается святостію самой цѣли: возвысить матеріальное благосостояніе государства“.

Графъ Киселевъ въ докладахъ своихъ Государю не указывалъ на самое существенное препятствіе ко всякимъ, въ томъ числѣ и хозяйственнымъ, въ государствѣ улучшеніямъ — на крѣпостное право, но позволялъ высказывать мысли о томъ въ основанномъ имъ Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Тамъ, при невозможности тогда говорить прямо о вредѣ крѣпостнаго права, постоянно высказывалась мысль въ такихъ

напр., выраженіяхъ: „главная причина, препятствующая развитію нашего хозяйства, заключалась въ ненормальномъ отношеніи производительныхъ силъ; безъ измѣненія экономическихъ отношеній рабочаго класса—измѣненіе системы земледѣлія, улучшенныя орудія и всѣ другіе технические пріемы, должны считаться средствами пальятивными и едва второстепенными; установленіе хозяйственныхъ отношеній на нормальныхъ основаніяхъ отразится не въ одной выгодности земледѣльческихъ работъ; оно поведетъ далѣе—къ измѣненію хозяйственныхъ привычекъ, обычаевъ, которые, въ свою очередь, имѣютъ неотразимое вліяніе на вещественный бытъ всѣхъ классовъ.“

Для успѣховъ земледѣлія въ Россіи графъ Киселевъ желалъ преимущественно развитія такихъ отраслей мануфактурной промышленности, которыя занимались бы переработкою собственныхъ сырыхъ продуктовъ, и при этомъ онъ не былъ поборникомъ запретительной системы. „Я всегда полагалъ и полагаю, что для Россіи вѣрнѣйшая фабричная промышленность та, которая, находясь въ связи съ произведеніемъ мѣстной почвы, процвѣтаетъ отъ земли и, въ тоже время, поощряетъ внутреннее земледѣліе, и что по ходу торговыхъ дѣлъ и общественнаго мнѣнія, запретительныя системы, въ покровительство туземныхъ манафактурныхъ издѣлій установленныя, рано или поздно замѣнятся болѣе пространными торговыми оборотами, по видамъ и свойству каждаго края и народа“ [1]).

---

[1]) Записка по обозрѣнію управленій государственныхъ имуществъ, 28-го ноября 1842 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

ГЛАВА XXXV.

Записка, представленная Киселевымъ Императору Александру Павловичу въ 1816 году, объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ Россіи.—Мысли Киселева по поводу безпокойствъ между крестьянами въ Украйнѣ, въ 1826 году.—Постоянство мысли у Киселева о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права.—Разговоръ съ Императоромъ Николаемъ о преобразованіи крѣпостнаго права.—Характеръ мѣръ Императора Николая о преобразованіи крѣпостнаго права.

Записка, представленная Киселевымъ, Императору Александру Павловичу въ 1816 году, объ уничтоженіи крѣпостнаго права.

Мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ Россіи занимала П. Д. Киселева еще въ ранней его молодости. Въ бумагахъ его сохранилась собственноручная черновая записка, поданная имъ Императору Александру Павловичу въ 1816 году, когда онъ былъ флигель-адъютантомъ при Немъ. Записка носитъ заглавіе: „О постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи“, и на ней помѣтка Киселева: „Представлена Государю въ Москвѣ, 1816 г. 27 августа“. Записка начинается такъ: „Гражданская свобода есть основаніе народнаго благосостоянія. Истина сія столь уже мало подвержена сомнѣнію, что излишнимъ почитаю объяснять здѣсь сколько желательно было бы распространеніе въ государствѣ нашемъ законной независимости на крѣпостныхъ земледѣльцевъ, неправильно лишенныхъ оной“.

Для постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго права, записка предлагала слѣдующія мѣры:

1) Дозволить капиталистамъ всѣхъ званій покупать у дво-

рянъ имѣнія, но съ тѣмъ, чтобы отношенія крестьянъ къ новымъ владѣльцамъ были опредѣлены закономъ.

2) Запретить увеличеніе дворовыхъ, образовавъ изъ нихъ особое сословіе и обязавъ владѣльцевъ вносить за нихъ подати.

3) Крестьянъ при фабрикахъ и заводахъ освободить.

4) Разрѣшить дворянамъ устройство маіоратовъ съ тѣмъ, чтобы крестьяне такихъ имѣній вошли въ составъ вольныхъ хлѣбопашцевъ.

5) Разрѣшить крестьянамъ выкупаться самимъ и съ семействами, по опредѣленной правительствомъ цѣнѣ.

и 6) Перемѣрить вновь земли и, назначивъ къ обработыванію нужное число крестьянъ, всѣхъ прочихъ, по возможности, выкупать правительству и переселять въ многоземельныя губерніи, гдѣ водворяя ихъ на земляхъ казенныхъ, объявить вольными хлѣбопашцами. Сумму же на сіе потребную, разложить въ сроки на переселенцевъ, по положенію иностранныхъ колонистовъ. Таковымъ образомъ, безъ ущерба для дворянства и правительства, усилится хлѣбопашество и уменьшится число крѣпостныхъ земледѣльцевъ".

„Итакъ, говоритъ въ заключеніе записка, мало по малу уменьшая права властвующихъ и распространяя оныя на порабощенныхъ, открывъ капиталистамъ способы обезпечить достояніе свое помѣстьями, дворянамъ охранять потомство свое отъ бѣдности и породу свою отъ униженія, каждому даровавъ право трудолюбіемъ достигнуть до независимаго существованія, правительство постепенно водворитъ законную свободу, и рабство значительной части народа русскаго само собою и безъ потрясенія государства уничтожится".

Какая участь постигла эту записку—мы не знаемъ.

Мысли Киселева по поводу безпокойствъ между крестьянами въ Украйнѣ въ 1826 г.

Въ апрѣлѣ 1826 года, рядовой днѣпровскаго пѣхотнаго полка, возвращаясь изъ домоваго отпуска, остановился на нѣсколько дней въ селѣ Кутѣ Уманьскаго уѣзда, былъ тамъ за что-то взятъ подъ караулъ экономомъ имѣнія и отправленъ въ штабъ квартиру полка на подводѣ подъ карауломъ двухъ крестьянъ; дорогою онъ уговариваетъ проводниковъ взять другое направ-

леніе, и вскорѣ затѣмъ объявляетъ себя маіоромъ, посланнымъ отъ Государя для забранія всѣхъ помѣщиковъ; внушаетъ повиновеніе сотскимъ въ селеніяхъ, требуетъ и получаетъ безпрекословно подводы, проводниковъ, собираетъ громады (мірскіе сходы), заковываетъ поссессоровъ и экономовъ, наказываетъ ихъ, наконецъ напивается пьянъ и отдается безъ сопротивленія въ руки засѣдателя (пріѣхавшаго на это происшествіе), чѣмъ и прекращается это однодневное сумасбродство.

Киселевъ донесъ объ этомъ происшествіи главнокомандующему бывшему тогда въ С.-Петербургѣ, который въ отвѣтъ писалъ ему:

„Любезный Павелъ Дмитріевичъ! Того же дня какъ получилъ письмо ваше о происшествіи рядоваго днѣпровскаго полка, довелъ оное до свѣдѣнія Государя; по слѣдствію ожидать должно, что сіе произошло отъ людей злоумышленныхъ, а не имъ самимъ выдумано, ибо эта самая исторія происходила и во многихъ другихъ губерніяхъ, все въ томъ самомъ смыслѣ, что помѣщиковъ берутъ въ С.-Петербургъ, а мужикамъ дается вольность; наиболѣе неповиновеній мужиковъ въ с.-петербургской, въ новгородской, въ псковской, рязанской и еще нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ; правительство беретъ мѣры, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и усмирило оныхъ; вотъ ясное доказательство, что сіе не должно быть выдумано самимъ рядовымъ, какъ онъ говоритъ въ своемъ показаніи“.

Такъ смотрѣли тогда на повторявшіеся въ разныхъ мѣстахъ возстанія помѣщичьихъ крестьянъ; источникъ этихъ происшествій видѣли въ постороннихъ внушеніяхъ злонамѣренныхъ людей, а не въ крѣпостномъ правѣ!

Не такъ смотрѣлъ на дѣло Киселевъ. Сохранилась слѣдующая собственноручная его записка о разсказанномъ нами происшествіи.

„Явился безграмотный, невидный, въ худой шинели солдатъ и провозглашеніемъ свободы очаровалъ народъ; этимъ могущественнымъ словомъ преклонилъ къ себѣ всѣ умы и всѣмъ внушилъ безпрекословное довѣріе, которое ни минуты и нигдѣ не измѣнилось, даже при исполненіи безразсудныхъ повелѣній. Вскорѣ послѣ сего происшествія распространился

по всей Украйнѣ слухъ, что Государь даровалъ вольность, скрываемую помѣщиками; что наслѣдникъ *Гонты* [1]) уже явился, что праздники ознаменованы будутъ избіеніемъ *Ляховъ* и *Жидовъ*; что для этого уже освящены ножи и назначенъ день; что во время поста священники объявили прихожанамъ своимъ, что церкви будутъ запечатаны, и что Ляхи хотятъ ввести уніятство. Войдя въ разсмотрѣніе готовности, съ коею крестьяне изъявили повиновеніе обольстителю-солдату, должно сознаться, что послѣдователи болѣе проницательные и рѣшительные могутъ сдѣлаться орудіемъ неизчислимыхъ бѣдствій, и что здѣсь провидѣніе явно указываетъ правительству на необходимость тщательнаго разсмотрѣнія *причинъ, возбуждающихъ мятежный духъ въ крестьянахъ, и на тѣ постановленія, которыя необходимы къ отвращенію тѣхъ причинъ.*

„Не дозволяя себѣ входить въ подробное изложеніе всѣхъ статей, могущихъ служить отвѣтомъ сему предложенію, я вкратцѣ изъясню мое мнѣніе, какъ лицо постороннее, близъ 10 лѣтъ здѣсь пребывающее и какъ помѣщикъ, другой годъ управляющій имѣніемъ жены моей".

Затѣмъ, слѣдуетъ программа записки, въ которой Киселевъ намѣренъ былъ изложить свое мнѣніе. Въ записку должны были войдти слѣдующіе предметы: 1) населеніе Украйны; 2) первобытное состояніе крестьянъ; 3) раздробленіе имѣній и, по открытіи одесскаго порта, усиленіе хлѣбопашества; 4) раздача имѣній въ поссессіонное владѣніе и самопроизвольное отягощеніе крестьянъ; 5) презрѣніе поляковъ къ народу, исповѣдующему другую религію и говорящему другимъ языкомъ; вражда крестьянъ къ помѣщикамъ; 6) священники, начальныя ихъ права, множество церквей и причина тому, союзъ священниковъ съ крестьянами, ненависть и презрѣніе помѣщиковъ къ грекороссійскому духовенству, пороки и невѣжество его; 7) взглядъ на причины, поддерживающія мятежный духъ въ польскихъ провинціяхъ, которыя требуютъ новыхъ постановленій; 8) трудность измѣнять обычаи, кото-

[1]) Извѣстный предводитель возставшихъ крестьянъ въ Заднѣпровской Украйнѣ въ концѣ XVIII столѣтія.

рые отъ времени приняли видъ законности и права; необходимость въ семъ случаѣ дѣйствовать осторожно, дабы при дарованіи правъ однимъ, не отнять ихъ неправильно у другихъ; способъ къ тому, заключающійся въ составленіи губернскихъ коммиссій, съ порученіемъ имъ: а) изложить правила для составленія инвентарей или сельскихъ подворныхъ вѣдомостей; б) назначить обязанности крестьянъ къ помѣщикамъ относительно дней работы, опредѣленія оной по силамъ и возможности человѣка и по количеству земли и выгодъ, предоставленныхъ крестьянамъ; в) разсмотрѣть права помѣщиковъ относительно взиманія налоговъ, здѣсь подъ разными наименованіями существующихъ. Сверхъ того, предполагалось установить сельское начальство и управленіе по примѣру казенныхъ крестьянъ; раздѣлить уѣзды на волости, избрать начальниковъ, которые въ случаѣ несоблюденія правилъ, законами предписанныхъ, доносили бы уѣздному прокурору, для сего отъ правительства назначенному; уменьшить число церквей, согласно съ существующими постановленіями; приготовлять прилично духовенство къ занятію мѣстъ священниковъ, назначивъ имъ содержаніе отъ земли деньгами и припасами".

Постоянство мысли у Киселева о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права.

Программа эта, кажется, осталась неисполненною; но она показываетъ, что Киселевъ имѣлъ вѣрный взглядъ на положеніе сельскаго населенія въ Украйнѣ, и что основная мысль, высказанная еще въ запискѣ 1816 года, о вредѣ крѣпостнаго права, о необходимости уничтоженія его и объ установленіи, вмѣсто произвола, законныхъ отношеній между землевладѣльцами и крестьянами была не мимолетною у Павла Дмитріевича; она никогда не покидала его; онъ постоянно стремился ввести ее въ жизнь какъ только обстоятельства позволяли то.

Неудача въ общихъ мѣрахъ не охлаждала его; онъ принималъ въ каждой частной мѣрѣ живое участіе и облегчалъ, гдѣ было можно, положеніе крѣпостныхъ.

Первый случай привести въ исполненіе свою завѣтную мысль представился Киселеву внѣ отечества, именно во время управленія имъ Дунайскими княжествами, какъ это мы объяснили въ I томѣ.

Въ воспоминанніяхъ своихъ, подъ 2 іюля 1864 года, графъ Павелъ Дмитріевичъ записалъ слѣдующее:

Разговоръ съ Императоромъ Николаемъ о преобразованіи крѣпостнаго права.

„Въ 1834 году по возвращеніи моемъ изъ княжествъ, Императоръ Николай Павловичъ, при вечернемъ разговорѣ, изволилъ мнѣ сказать, что занимаясь подготовленіемъ труднѣйшихъ дѣлъ, которыя могутъ пасть на Наслѣдника, Онъ признаетъ необходимѣйшимъ *преобразованіе* крѣпостнаго права, которое въ настоящемъ его положеніи болѣе оставаться не можетъ. Я, продолжалъ Государь, говорилъ со многими изъ Моихъ сотрудниковъ и ни въ одномъ не нашелъ прямаго сочувствія; даже въ семействѣ Моемъ нѣкоторые (Константинъ и Михаилъ Павловичи) были совершенно противны. Несмотря на то, Я учредилъ комитетъ изъ 7 членовъ, для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ. Я нашелъ противодѣйствіе. По отчету твоему о княжествахъ, Я видѣлъ, что ты этимъ дѣломъ занимался и тѣмъ положилъ основаніе къ будущему довершенію этого важнаго преобразованія; помогай Мнѣ въ дѣлѣ, которое Я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи и для того подумай, какимъ образомъ надлежитъ приступить безъ огласки къ собранію нужныхъ матеріаловъ и составленію *проекта* или руководства къ постепенному осуществленію мысли, которая Меня постоянно занимаетъ, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу.

„Я не скрылъ отъ Государя удовольствія, съ которымъ выслушалъ христіанское Его предложеніе, которое при удачномъ совершеніи, возвыситъ Россію и *Его царствованіе*; но вмѣстѣ съ тѣмъ я не умолчалъ о предстоящихъ затрудненіяхъ, которыя потребуютъ большихъ усилій и энергіи. Въ нѣсколькихъ словахъ я объяснилъ различіе нашего законодательства отъ того, которое сохранилось въ княжествахъ: тамъ съ XVI столѣтія гражданская свобода установилась соборною грамотою господаря Гики; бояры, т.-е. исключительные владѣльцы земли, мало-по-малу исказили статьи этой первоначальной грамоты, замѣняя ее произволомъ, по ихъ сказанію *обычаемъ*; основный законъ былъ измѣненъ произвольнымъ дѣйствіемъ

землевладѣльцевъ безъ участія законодательной власти при слабомъ и корыстномъ господарскомъ управленіи; у насъ, напротивъ, крѣпостное право постепенно входило въ составъ законовъ, и утвердилось наконецъ понятіе, что *человѣкъ*, живущій на помѣщичьей землѣ, есть вещь, принадлежащая помѣщику. Въ княжествахъ я могъ, основываясь на коренныхъ законахъ, никогда не отмѣненныхъ и не замѣненныхъ другими, составить предварительное положеніе, которое хлѣбопашцами было встрѣчено съ восторгомъ, а боярами безъ особаго неудовольствія. Это положеніе было моимъ прощальнымъ привѣтомъ. Оно показало однакоже мнѣ всѣ трудности предмета и недостаточную мою опытность въ подобномъ дѣлѣ; неменѣе того я съ душевнымъ удовольствіемъ принимаю Ваше приказаніе, болѣе уповая на усердіе, чѣмъ на способности, коими располагать могу“...

„Государь перебивъ мои слова, изволилъ сказать: „И Я неопытенъ, но твердо уповаю на *внушеніе* Всевышняго, который насъ просвѣтитъ и направитъ“ (это изрѣченіе было Ему обычное, и я не разъ слышалъ его при разрѣшеніи затруднительныхъ и спорныхъ вопросовъ); этимъ заключился тотъ первый разговоръ о семъ предметѣ. Государь, отпуская меня, подтвердилъ необходимость содержать въ строгой тайнѣ Его преднамѣреніе, прибавивъ: „Ты можешь, при объясненіяхъ съ Сперанскимъ объ учрежденіи V Отдѣленія Моей канцеляріи, коснуться и крестьянскаго вопроса *вообще*, не упоминая о нашемъ нынѣшнемъ разговорѣ. Онъ одаренъ необычайною памятью и всегда готовъ отвѣчать положительнымъ образомъ на всѣ обстоятельства того времени; онъ *пострадалъ невинно*, я это слышалъ отъ Императора Александра Павловича, который говорилъ, что Онъ *въ долгу* предъ этою жертвою политическихъ столкновеній, которыя тогда преодолѣть не могъ, но которыя Онъ себя обязаннымъ вознаградить считаетъ. Покойный Государь началъ, а я долженъ это довершить“.

Этотъ разговоръ и высказанная предъ тѣмъ Его Величествомъ, при первомъ свиданіи съ Киселевымъ, по его возвращеніи, въ минуты откровенности, готовность вести войну про-

тивъ рабства, — названіе, въ другомъ интимномъ разговорѣ, Киселева „начальникомъ штаба по крестьянскому дѣлу" [1]), давали ему надежду, что судьба предназначила ему главную роль въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Эта надежда, эта вѣра въ свою миссію не покидали Киселева до отъѣзда его изъ отечества.

Характеръ мѣръ Императора Николая о преобразованіи крѣпостнаго права.

Императоръ Николай Павловичъ былъ вѣренъ Своему слову: Онъ велъ войну съ рабствомъ во все Свое царствованіе, но не рѣшался взглянуть прямо въ лицо чудовищу и дать ему генеральную битву; война Его съ крѣпостнымъ правомъ была, такъ сказать, партизанскою, въ которой за набѣгами болѣе или менѣе удачными, слѣдовали иногда и отступленія. Онъ, подобно великой Своей бабкѣ, могъ сказать: „Крестьянскій вопросъ дѣло весьма трудное: гдѣ только начнутъ его трогать онъ нигдѣ не поддается" [2]). Не находя ни въ комъ, ни въ Своемъ семействѣ, ни въ окружавшихъ Его, кромѣ Киселева, поддержки Своему желанію уничтожить крѣпостное право, Государь не рѣшался на изданіе общаго и притомъ обязательнаго закона, а ограничивался мѣрами частными, болѣе или менѣе пальятивнаго свойства, предпринимавшимися подъ вліяніемъ господствовавшей тогда мысли, что такими лишь мѣрами крѣпостное право уничтожится постепенно, мало-помалу, и что крестьяне получатъ свободу прежде, чѣмъ это слово будетъ высказано въ законѣ, и наконецъ, что дѣйствія рѣшительныя въ крестьянскомъ вопросѣ повлекли бы за собою грозныя для государства опасности. Поэтому исторія крѣпостнаго права въ царствованіе Императора Николая не представляетъ ничего цѣлаго; ее составляютъ отдѣльныя мѣропріятія. А такъ какъ во всѣхъ совѣщаніяхъ объ этихъ мѣрахъ участвовалъ Киселевъ и голосъ его имѣлъ большое значеніе, то мы и должны остановиться на нихъ, держась на сколько возможно, хронологическаго порядка.

---

[1]) См. выше стр. 2 и 13.

[2]) «Русская Старина» 1876 г., Т. XVII, стр. 14.

ГЛАВА XXXVI.

ПЕРЕПИСКА КИСЕЛЕВА СЪ ПОБОРНИКАМИ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ 1835—1837 гг.

Собраніе свѣдѣній объ освобожденіи крестьянъ въ Австріи и Пруссіи.—Переписка съ нашимъ посломъ въ Вѣнѣ.—Сношенія съ нашимъ посломъ въ Берлинѣ.—Переписка съ княземъ М. С. Воронцовымъ.—Переписка съ княземъ Н. А. Долгорукимъ.

Собраніе свѣдѣній объ освобожденіи крестьянъ въ Австріи и Пруссіи.

Лѣтомъ 1835 года Киселевъ уѣхалъ въ Карлсбадъ. Крестьянскій вопросъ занималъ все его вниманіе въ это время. Въ Карлсбадѣ онъ интересовался положеніемъ богемскихъ крестьянъ; хотѣлъ узнать подробности ихъ быта и законодательныя мѣры въ отношеніи къ улучшенію ихъ прежняго положенія. Въ Вѣнѣ онъ видѣлся съ Татищевымъ, бывшимъ въ то время русскимъ посломъ при Австрійскомъ дворѣ. Татищевъ также интересовался крестьянскимъ вопросомъ и обѣщалъ Киселеву выслать въ Петербургъ всѣ данныя для изученія австрійскаго законодательства по устройству крестьянъ. Онъ исполнилъ это въ началѣ 1836 года. Пересылая ему записку о преобразованіи крестьянскаго состоянія въ Австріи и прилагая нужныя книги и брошюры, онъ писалъ Павлу Дмитріевичу:

Переписка съ нашимъ посломъ въ Вѣнѣ.

„Эти матеріалы заключаютъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія, которыя можно было собрать здѣсь; вы изъ нихъ увидите путь, которымъ здѣсь слѣдовали и которому единственно мы могли бы подражать, если не найдемъ своего собственнаго. Если бы отношенія между помѣщиками и крестьянами могли быть уста-

новлены у насъ подобно тѣмъ, какія существуютъ въ Богеміи [1]), то я думаю, что Россія была бы надолго устранена отъ безпорядковъ, которые могутъ произойти отъ теперешняго положенія вещей. Только тогда, когда наши *господа* (maitres) сдѣлаются *владѣльцами-протекторами* (seigueurs), *а крѣпостные* (serfs) обратятся въ *вассаловъ*,—только тогда права, обязанности и повинности получатъ у насъ характеръ законности, причины столкновеній сдѣлаются исключительными и спокойствіе страны не будетъ болѣе подвергаться большимъ опасностямъ. Я сознаю трудность этого предпріятія. Наши убѣжденія и степень образованія не таковы еще, чтобы можно было провозгласить начало,—что если земля принадлежитъ дворянину, то жители ея не составляютъ его собственности; еще труднѣе будетъ убѣдить крестьянина въ томъ, что его руки принадлежатъ ему, но что земля, на которой онъ живетъ, есть собственность другаго. И до тѣхъ поръ, пока это справедливое начало не будетъ у насъ принято, наше внутреннее спокойствіе останется непрочнымъ.

„Дѣло это находится въ хорошихъ рукахъ. У васъ, генералъ, есть желаніе и всѣ необходимыя нравственныя средства, чтобы даровать нашему отечеству тѣ органическія постановленія, которыя, обезпечивая законные интересы, измѣнятъ отношенія, существующія теперь между владѣльцами земель и сельскимъ населеніемъ. Самыя теплыя мои желанія напутствуютъ васъ въ этомъ благородномъ начинаніи“.

Киселевъ отвѣчалъ на это письмо 24-го февраля 1836 г.: „Я совершенно раздѣляю ваши мысли въ отношеніи того, что наиболѣе всего желательно для нашего отечества, которое нуждается, по моему мнѣнію, болѣе всего въ изданіи органическаго закона, способнаго справедливо и точно опредѣлить права и обязанности помѣщиковъ и земледѣльцевъ. Всѣ благоразумные люди признаютъ, что необходимо даровать учрежденія и гарантіи этимъ милліонамъ людей прежде, чѣмъ они

---

[1]) Въ Богеміи крестьяне были въ то время наслѣдственными арендаторами у своихъ землевладѣльцевъ. Они не имѣли права пріобрѣтать поземельную собственность. Положеніе ихъ значительно измѣнилось къ лучшему въ 1848 году.

вздумають потребовать ихъ сами; многіе другіе, большіе эгоисты, или менѣе предусмотрительные, думаютъ иначе и хотятъ всѣми силами сохранить statu quo. Неторопливый и спокойный путь, которымъ слѣдовала Австрія въ этомъ дѣлѣ, есть единственный, который мы могли бы принять у насъ, для того, чтобы достигнуть тѣхъ же результатовъ. Я надѣюсь и ожидаю этого отъ мудрости нашего правительства и призываю это всѣми силами моихъ желаній.

„Я нахожусь въ крайнемъ затрудненіи относительно перевода приложеній, полученныхъ вмѣстѣ съ французскою брошюрою. Наши нѣмцы вовсе незнакомы съ техническимъ языкомъ, который даетъ совершенно своеобразный оттѣнокъ редакціи этихъ бумагъ. Нѣмецкихъ сочиненій, означенныхъ въ присланномъ вами указателѣ, нѣтъ въ нашихъ книжныхъ магазинахъ, такъ что я, такъ сказать, предвкушаю только этотъ чрезвычайно интересный трудъ, съ которымъ мнѣ придется много разъ справляться. Я не смѣю говорить вамъ ничего болѣе; но все, что вамъ угодно будетъ сообщить мнѣ по этому предмету, будетъ принято мною съ признательностью, можетъ быть даже съ пользою для дѣла, конечно, очень далекаго, но тѣмъ не менѣе очень важнаго“...

Въ 1837 году, когда работы, по готовившемуся преобразованію управленія государственными имуществами и крестьянами, были въ полномъ ходу, Киселевъ, не оставляя мысли объ устройствѣ крестьянъ помѣщичьихъ, вошелъ въ сношеніе съ Рибопьеромъ, бывшимъ въ то время посланникомъ въ Берлинѣ, чтобы узнать подробности освобожденія прусскихъ крестьянъ. Вотъ переписка ихъ по этому поводу. 13 (25) іюня 1837 года Рибопьеръ писалъ Киселеву: Сношеніе съ нашимъ посланникомъ въ Берлинѣ.

...„Я представилъ вамъ, мой любезный Киселевъ, то, что по моему мнѣнію, должно было васъ интересовать; но я представилъ это, не какъ законченный трудъ, а какъ матеріалы, собранные людьми, достойными довѣрія. Мнѣ было очень пріятно узнать, что вы ознакомились съ этою работою, чего именно и хотѣлось мнѣ, когда я ее рекомендовалъ вамъ. Счастливый, что могу быть сколько-нибудь полезнымъ, служа

государственному интересу столь великой важности, какъ тотъ, который, къ общему восторгу, ввѣренъ вашимъ работамъ, я не терялъ ни минуты, чтобы отыскать и собрать свѣдѣнія о Пруссіи.

..."Да, мой добрый, дорогой Киселевъ, располагайте мною во всякомъ случаѣ. Кромѣ важности дѣла и кромѣ дружбы, которую я питаю къ вамъ издавна, вы овладѣли моимъ сердцемъ, выразивъ первый сомнѣніе въ моемъ мнимомъ превращеніи въ людоѣда. Такъ часто приходится видѣть, какъ людей судятъ не по тому, каковы они, а по тому, какими хотятъ ихъ видѣть, что я долженъ быть благодаренъ вамъ за то, что вы отдали мнѣ справедливость. Въ самомъ дѣлѣ, дорогой другъ, кромѣ морщинъ, которыя вы открыли только при второмъ свиданіи и при дневномъ свѣтѣ, какую перемѣну нашли вы во мнѣ? Никакой, — и особенно никакой въ моемъ расположеніи, которое вы на всегда сохраните"...

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней (письмо 16 (28) іюня) онъ прислалъ Киселеву просимыя свѣдѣнія, которыми, однакоже, послѣдній, какъ видно, неудовлетворился и просилъ сообщить новыя данныя, потому что 14 (26) сентября Рибопьеръ писалъ ему:

"Я не отвѣчаю еще оффиціально на ваше письмо, мой дорогой Киселевъ, потому что дѣло, которое вы мнѣ поручили, требуетъ времени и зависитъ не отъ меня одного. Скажу только теперь, что, вѣрный моему обѣщанію и желанію сдѣлать все, что можетъ быть вамъ пріятно, я приступилъ къ вашему дѣлу и надѣюсь скоро послать вамъ работу, которая будетъ вамъ полезна и которая докажетъ мое стараніе отвѣчать на ваше довѣріе"...

Переписка съ княземъ М. С. Воронцовымъ.

Изучая крестьянскій вопросъ въ западныхъ государствахъ, Киселевъ старался изучить его и въ Россіи и входилъ въ переписку объ этомъ съ людьми, сочувствовавшими крестьянскому вопросу. Однимъ изъ самыхъ видныхъ поборниковъ освобожденія крестьянъ, въ то время, былъ князь М. С. Воронцовъ. Въ началѣ 1837 года Киселевъ просилъ его сообщить

свое мнѣніе о крестьянскомъ вопросѣ. Воронцовъ писалъ ему, между прочимъ (17 февраля 1837 г. изъ Одессы), слѣдующее:

..."Я съ удовольствіемъ узналъ о расширеніи карьеры, которая открыта въ прошломъ году для вашей дѣятельности [1]) и для дѣлъ, истинно полезныхъ нашему отечеству. Есть двѣ причины радоваться: 1) что многочисленное населеніе государственныхъ крестьянъ будетъ изъято изъ нелѣпаго (absurde) управленія казенныхъ палатъ, гдѣ никакое добро, никакія улучшенія не были возможны, а зло всякаго рода дѣлается легко и постоянно; 2) что можно ожидать разумнаго и твердаго движенія къ существенному и необходимому улучшенію быта крестьянъ вообще. Это великое дѣло, которое васъ обезсмертитъ, если вы въ немъ успѣете, и которое сдѣлаетъ вамъ честь, даже и въ случаѣ неуспѣха; всѣ увидятъ, что вы его начинали. Я увѣренъ, что вы будете поддержаны свыше во всѣхъ благоразумныхъ и практическихъ мѣрахъ, которыя предпримите. Вы встрѣтите противодѣйствіе, но это не должно васъ смущать, потому что такова обыкновенно участь всѣхъ добрыхъ начинаній. Вы не будете, какъ въ княжествахъ, выше всякой помѣхи и противодѣйствія, но въ своей совѣсти вы можете сказать себѣ, что всѣ умные и истинно преданные своей странѣ люди будутъ за васъ, и что большинство вашихъ противниковъ будутъ люди съ ложными взглядами или руководимые личными интересами. Я буду вамъ чрезвычайно обязанъ, если вы найдете время и случай сказать мнѣ два слова о томъ, что̀ вы нашли, принимая департаментъ или скорѣе министерство, которое вамъ ввѣрили, и о главныхъ основаніяхъ, которыя вы предполагаете необходимыми для его улучшенія".

"Вы мнѣ дѣлаете честь, спрашивая моего мнѣнія о великомъ крестьянскомъ вопросѣ. Мой взглядъ на это дѣло извѣстенъ вамъ давно; что же касается способовъ осуществленія, то я уже такъ давно удаленъ и отъ центра правленія, и отъ са-

---

[1]) Говорится объ учрежденіи V Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и о предполагавшемся уже тогда учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ.

мой страны, гдѣ богатство заключается главнѣйше въ принудительномъ барщинномъ трудѣ, что мнѣ очень трудно имѣть вѣрное понятіе о тѣхъ первыхъ мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять, и о степени затрудненій (не предполагая невозможности), когда будутъ задѣты предразсудки и привычки массы владѣльцевъ крестьянъ и дворовыхъ. Есть, однакоже, одинъ пунктъ (здѣсь пропускъ словъ въ подлинникѣ)[1]), это то, что теперь не только необходимо начать это великое дѣло, но что этого требуетъ благоразуміе, и что можно бы было безъ всякаго риска и тотчасъ же начать съ мѣры, предложенной и одобренной Государемъ 7 лѣтъ тому назадъ, именно: отдѣлить совершенно *дворовыхъ* отъ крѣпостныхъ крестьянъ, записывать ихъ особо и опредѣлить закономъ, что изъ *дворовыхъ* можно дѣлать крестьянъ, но никогда не дѣлать изъ крестьянъ ни одного *двороваго*. Этимъ шагомъ мы достигнемъ только того, что было въ нѣкоторыхъ странахъ Европы два или три столѣтія тому назадъ; но во всякомъ случаѣ это было бы большимъ шагомъ, и я даже убѣжденъ, что онъ привелъ бы скоро и безъ шума къ разумной эмансипаціи (à une sage émancipation). Истинное несчастіе, что не привели въ дѣйствіе этого проекта во время послѣдней ревизіи. Въ самое короткое время наши *помѣщики* увидѣли бы, что они только выиграли отъ такого закона, а уменьшеніе дворни, которое можно бы было ускорить значительнымъ налогомъ на *дворовыхъ,* увеличило бы доходы, исправило и цивилизовало бы нравы и привычки нашихъ помѣщиковъ внутри Россіи. Этимъ великая рана, великое пятно тяготѣющее надъ нами, истинный стыдъ Россіи въ XIX вѣкѣ, — личное рабство, было бы если не уничтожено, то, по крайней мѣрѣ, потрясено — и скоро исчезло бы совершенно. Не было бы больше крѣпостныхъ театровъ, скверныхъ музыкантовъ-пьяницъ, которыхъ одѣваютъ и съ которыми обращаются какъ съ животными; было бы меньше лакеевъ, потому что скоро они набирались бы только изъ свободныхъ людей; но за то прислуга была бы лучше и

---

[1]) Il y a cependant un point sur lequel mon opinion erronée ou non arrête, c'est qu'il y a déjà...

не только сами владѣльцы, но и страна, сдѣлались бы богаче потому что было бы больше рукъ для земледѣлія и промышленности, и что населеніе распредѣлилось бы, сообразно общимъ интересамъ, по качеству и количеству земли, взамѣнъ случайности дающей людей тому или другому владѣльцу. Вотъ, дорогой Павелъ Дмитріевичъ, что, по моему мнѣнію, должно быть первымъ и важнѣйшимъ шагомъ, и шагомъ огромной важности, чтобы придти къ тому, что должно быть и что можетъ случиться само собою, если не остережемся и если правительство останется въ своей теперешней апатіи. Управлять движеніемъ и не допускать его управлять собою — вотъ великій принципъ; но недостаточно его признавать, нужно дѣйствовать согласно съ нимъ; а гдѣ же можно дѣйствовать такъ легко, сильно и навѣрняка, какъ не у насъ? Я буду ожидать съ нетерпѣніемъ вашего взгляда на это, дорогой Павелъ Дмитріевичъ, и приму за истинное доказательство дружбы, если вы будете сообщать мнѣ отъ времени до времени о томъ, что вы дѣлаете и что вы думаете дѣлать".

Въ томъ же 1837 году князь Н. А. Долгорукій, бывшій тогда генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ, писалъ, между прочимъ, П. Д. Киселеву (17 мая 1837 г.): Переписка съ княземъ Н. А. Долгорукимъ.

...."Чрезъ нѣсколько дней я пришлю вамъ еще одну работу касательно сложнаго дѣла, теперь насъ занимающаго, о разборѣ вольныхъ людей; оно по важности своей заслуживаетъ вашего вниманія. Если не будутъ приняты мѣры, то это дѣло будетъ причиною раззоренія многихъ бѣдныхъ землевладѣльцевъ и кончится прикрѣпленіемъ всѣхъ свободныхъ людей, живущихъ въ имѣніяхъ богатыхъ владѣльцевъ. Такое мнѣніе подтверждается способомъ, которымъ окончено въ сенатѣ дѣло во время Александра Зубова въ Самогитіи.

"На послѣднихъ выборахъ я хотѣлъ формальнымъ образомъ пощупать немного мнѣніе здѣшнихъ помѣщиковъ, относительно улучшеній, которыя они должны были бы подумать предпринять въ настоящемъ положеніи ихъ крестьянъ. Поэтому я внушилъ Огинскому, который самъ имѣетъ здѣсь 6—7 тысячъ душъ, чтобы онъ предложилъ отъ себя собранію дворянства

испросить у правительства позволеніе составить изъ среды себя комитетъ съ цѣлью изыскать средства къ улучшенію благосостоянія крестьянъ, установить правильное распредѣленіе ихъ работъ, защитить ихъ отъ дурнаго обращенія дурныхъ господъ и согласить все это, на сколько возможно, съ интересами владѣльцевъ, такъ чтобы послѣдніе ни въ какомъ случаѣ не были бы въ потерѣ. Огинскій развилъ имъ (дворянамъ), эти мысли и представилъ проектъ прошенія по этому поводу, копію съ котораго здѣсь прилагаю. Вы не можете себѣ представить ужаса, овладѣвшаго всѣми отъ этого предложенія. Они вообразили, что видятъ уже полное освобожденіе крестьянъ, потерю части своихъ земель и огромное уменьшеніе ихъ доходовъ. Самые либеральные, какъ бываетъ всегда, сильнѣе всѣхъ возстали противъ этого; но это сдѣлало ихъ кроткими, какъ агнцы. Ко мнѣ приходили по четыре и по пяти человѣкъ спрашивать моего мнѣнія объ этомъ; они старались всячески выпытать у меня, не было ли на это предварительнаго приказанія правительства? Видя, что дѣйствовать еще не много рано, но желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы эта мысль вдолбилась немного въ ихъ головы, я началъ съ того, что успокоилъ ихъ, увѣривъ положительно, что я не получалъ на этотъ счетъ никакого приказанія отъ правительства; но вмѣстѣ съ тѣмъ я старался навести ихъ самихъ на то, чтобы они развили этотъ вопросъ вмѣстѣ со мною. Я объяснилъ имъ, что предложеніе Огинскаго, о которомъ онъ не совѣтовался со мною, вовсе не такъ рѣшительно и ужасно, какъ они представляютъ себѣ; что въ массѣ помѣщиковъ есть отличные, которые заботятся о благосостояніи своихъ крестьянъ, не отягощаютъ ихъ работою сверхъ силъ, которые думаютъ также, что и крестьяне должны имѣть что-нибудь свое, не бьютъ ихъ, какъ животныхъ; но что, къ несчастію, число такихъ помѣщиковъ невелико, и что дурные, алчные, настоящіе тираны своихъ крестьянъ составляютъ главную массу. По этому хорошіе помѣщики должны бы, ради блага человѣчества вообще, ради своихъ собственныхъ интересовъ, ради того, чтобы не быть смѣшанными съ этой массой, противъ которой правительство

должно будетъ рано или поздно принять какія-нибудь мѣры, ради того, наконецъ, чтобы подражать этому же правительству, которое съ такою отеческою заботливостью занимается въ настоящее время улучшеніемъ своихъ крестьянъ; что эти помѣщики должны дѣйствовать на ихъ многочисленныхъ кліентовъ (clientelle), чтобы мало по малу ввести въ ихъ имѣніяхъ столь благодѣтельныя улучшенія и что виленское дворянство, вступая первое на этотъ прекрасный путь, справедливо заслужитъ почетное право на всеобщее уваженіе. Я прибавилъ впрочемъ, что все, что я имъ сказалъ, было только моимъ личнымъ мнѣніемъ, что я имъ совѣтую хорошенько объ этомъ подумать, что я даже сомнѣваюсь, чтобы правительство дало свое согласіе на учрежденіе комитета, подобнаго тому, который былъ предложенъ, потому что каждый отдѣльно можетъ дѣйствовать у себя въ этомъ направленіи по своей доброй волѣ; но что вмѣстѣ съ тѣмъ я увѣренъ, что правительство не можетъ найдти ничего преступнаго въ такой благородной мысли. Дѣло было отложено до болѣе удобнаго времени. Не нужно, впрочемъ, никогда спѣшить въ подобныхъ дѣлахъ. Я могу насчитать значительное число помѣщиковъ, которые убѣдились въ необходимости заняться, наконецъ, благосостояніемъ своихъ крестьянъ. Вообще это произвело на умы отличное дѣйствіе во всѣхъ отношеніяхъ.

„Простите, что я васъ безпокою такими длинными подробностями; но я расчитываю всегда вполнѣ на вашу дружбу и на то, что вы, быть можетъ, согласитесь помочь мнѣ вашими совѣтами по этому предмету, который, я знаю, въ особенности интересуетъ васъ. Такъ какъ дѣло не было представлено мнѣ оффиціально и осталось пока in statu quo, то я еще не вошелъ въ сношеніе по этому предмету съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; губернаторъ, однакоже, долженъ былъ донести ему объ этомъ, представляя отчетъ о сессіи собранія здѣшняго дворянства. Думаете ли вы, что слѣдуетъ подвинуть немного этотъ вопросъ впередъ? Если у васъ найдется свободная минута, то вы крайне обяжете меня, написавъ мнѣ объ этомъ нѣсколько словъ. Никто не разъяснялъ мнѣ моихъ мыслей,

такъ какъ вы, никто не проникнутъ такъ вашими идеями какъ я, и я ставлю себѣ это въ заслугу.... Я буду считать себя счастливымъ, если сохраню преимущество, которое вы нѣкоторымъ образомъ сами освятили съ давнихъ поръ, преимущество пользоваться результатами вашихъ столь ясныхъ разсужденій, основанныхъ, кромѣ того, на великой опытности. Я ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы отказаться отъ сладкой иллюзіи, что вы все еще сохраняете ко мнѣ немного дружбы" и т. д....

Киселевъ отвѣчалъ на это, 6-го іюня 1837 года, кн. Долгорукому:

....„Все, что вы сдѣлали по поводу проекта Огинскаго, достойно всякой похвалы и полнаго одобренія. Необходимо поддержать эту прекрасную и великодушную мысль, которая рано или поздно произведетъ отличные результаты; но въ тоже время не нужно забывать, что заслуга будетъ принадлежать верховной власти, благодѣтельное вліяніе которой на народъ въ этой странѣ было нейтрализовано происками польской аристократіи, завладѣвшей, въ послѣдній періодъ выборныхъ королей, всею властью и лишившей уваженія и силы королевскую власть, и въ особенности покровительства ея надъ низшими классами народа. Со времени присоединенія этихъ провинцій къ Россіи правительство никогда не думало дать иного направленія аристократическо-республиканской системѣ, которой до тѣхъ поръ слѣдовали, и которая въ долгій періодъ ея существованія впилась въ нравы и духъ націи. Скажу болѣе, подобная мѣра во всѣхъ этихъ провинціяхъ, по моему мнѣнію, должна быть *предписана* правительствомъ, а *не принята* имъ. Поведеніе помѣщиковъ въ отношеніи ихъ крестьянъ даетъ на это право правительству и чѣмъ болѣе будутъ говорить факты въ этомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе правительство вынуждено будетъ искать средствъ, чтобы помочь. Какое же лекарство можно предложить? Примѣръ прибалтійскихъ провинцій, гдѣ сами помѣщики регулировали права и обязанности землевладѣльцевъ? Наполеонъ, идолъ поляковъ, поступилъ безцеремоннѣе, когда однимъ почеркомъ пера уничтожилъ рабство въ герцогствѣ варшав-

скомъ. Мы должны, я думаю, поступить болѣе правильно, болѣе осторожно и показать, что Государь желаетъ своею властью принять участіе въ интересахъ массы земледѣльцевъ, какъ это сдѣлала Марія-Терезія и три послѣдніе короля Пруссіи. Вотъ какъ смотрю я на этотъ важный вопросъ, и такому пути, должно, по моему мнѣнію, слѣдовать въ его разрѣшеніи. Приготовить его, развить и, наконецъ, привести въ исполненіе было бы дѣломъ, достойнымъ васъ, любезный князь. Вы имѣете все, что нужно, что бы успѣть въ этомъ благородномъ начинаніи, которое, конечно, составитъ одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи императора Николая, желающаго болѣе всего блага своихъ подданныхъ и умѣющаго съ силою и настойчивостью выполнять то, чего желаетъ.

„Въ западныхъ провинціяхъ ввести регулированіе правъ и обязанностей между владѣльцами и землевладѣльцами легче, чѣмъ въ другихъ частяхъ Имперіи. Тамъ существуютъ инвентари; пусть сдѣлаютъ ихъ обязательными для обѣихъ сторонъ; пусть установятъ общія основанія для ихъ составленія. Затѣмъ, пусть будутъ учреждены суды для разбора недоразумѣній между владѣльцами и крестьянами, и вы будете имѣть точку отправленія, чтобы распространить болѣе и болѣе гражданскія права на эту массу нашего населенія, поставленную, такъ сказать, внѣ закона. Дѣло будетъ сдѣлано безъ произнесенія слова свобода и рабство исчезнетъ незамѣтно для самого раба. Вотъ, любезный другъ, вся моя мысль. Я сужу о вашихъ провинціяхъ по южнымъ губерніямъ, которыя я знаю, пробывъ тамъ 12 лѣтъ сряду и управляя 15 лѣтъ имѣніями моей жены; но Литва можетъ имѣть нѣкоторыя особенности, которыя нужно было бы хорошо знать, чтобы вполнѣ понять, чтó для нея было бы болѣе пригодно. Вы на мѣстѣ, вы наблюдаете и работаете съ любовью; нѣтъ сомнѣнія, что все будетъ сдѣлано хорошо, если вы поставите себѣ долгомъ дѣйствовать въ направленіи опредѣленной мысли, неспособной отступить предъ затрудненіями, которыя могли бы помѣшать ея ходу и постепенному развитію“...

ГЛАВА XXXVII.

ЗАКОНЪ О КРЕСТЬЯНАХЪ, ДОСТАЮЩИХСЯ РАЗНОЧИНЦАМЪ. 1833—1836 гг.

Вопросъ о примѣненіи ко всѣмъ губерніямъ закона, изданнаго для Грузіи въ 1824 г.—Разсмотрѣніе дѣла въ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ.—Возраженіе графа Канкрина.—Мнѣніе Киселева.—Рѣшеніе Государя.

Вопросъ о примѣненіи ко всѣмъ губерніямъ закона изданнаго для Грузіи въ 1824 году.

Въ 1824 году Высочайше утвержденнымъ, 22-го февраля, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта предоставлено было помѣщичьимъ крестьянамъ въ Грузіи, принадлежащимъ къ продаваемымъ съ публичныхъ торговъ имѣніямъ, вносить за себя, въ теченіи 30-ти дней, послѣдне-состоявшуюся на торгахъ за такія имѣнія цѣну, или въ случаѣ неявки желающихъ торговаться, полную по оцѣнкѣ сумму, съ тѣмъ чтобы выкупавшіеся на семъ основаніи крестьяне пріобрѣтали личную свободу и право собственности на землю, на которой поселены, съ поступленіемъ въ число свободныхъ хлѣбопашцевъ.

Такой порядокъ былъ допущенъ въ тѣхъ видахъ, „чтобы „отклонить продажу крестьянъ низкою цѣною по малому числу покупщиковъ въ тамошнемъ краѣ“

Въ 1833 году, по духовному завѣщанію ярославской помѣщицы Селивачевой, населенное ея имѣніе въ числѣ 47-ми душъ, досталось воспитанницѣ ея крестьянской дѣвочкѣ, которая, какъ не дворянскаго рода, не имѣла права имъ владѣть. Имѣніе было продано съ публичныхъ торговъ; но во время про-

изводства продажи крестьяне изъявили желаніе внести на выкупъ себя назначенную сумму. О просьбѣ ихъ министромъ юстиціи Д. В. Дашковымъ было доложено Государю и вслѣдствіе того состоялось Высочайшее повелѣніе Сенату разсмотрѣть вопросъ о томъ: „не слѣдуетъ-ли при продажѣ дворянскихъ недвижимыхъ имѣній, достающихся разночинцамъ, допускать къ участію въ торгахъ крестьянъ, къ тѣмъ имѣніямъ принадлежащихъ, и какъ сіе удобнѣе можетъ быть установлено [1])“.

Правительствующій Сенатъ во 2-мъ департаментѣ, 30-го апрѣля 1834 г., далъ такое заключеніе: „На изъясненный предметъ нѣтъ въ законахъ дозволенія; но что не слѣдуетъ допускать участія въ торгахъ самихъ крестьянъ, къ продающимся имѣніямъ принадлежащихъ, сіе видно изъ указа 22-го февраля 1824 года, коимъ при установленіи подобнаго права для крестьянъ, именно ограничена мѣра сія единственно Грузіею, и потому вопросъ сей разрѣшается самымъ тѣмъ закономъ“. **Разсмотрѣніе его въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ.**

Министръ юстиціи, не соглашаясь съ такимъ мнѣніемъ, въ предложеніи своемъ Сенату, писалъ; что „при изданіи указа 1824 г. февраля 22-го, правительство имѣло въ виду одни представленія грузинскаго мѣстнаго начальства на счетъ необходимости допускать крестьянъ къ торгамъ, дабы отклонить продажу ихъ низкою цѣною, по малому числу покупщиковъ въ тамошнемъ краѣ, и потому разсматривая предметъ сей не въ видѣ общаго правила, а какъ частный случай, ограничило дѣйствіе даннаго разрѣшенія тою токмо страною, по коей случай сей возникъ. Нынѣ же Его Императорское Величество, обращая Всемилостивѣйшее вниманіе на положеніе крестьянъ, достающихся разночинцамъ, которые, долженствуя поступать въ продажу въ установленный срокъ, если разрѣшено имъ будетъ участіе въ торгахъ, могутъ возвышеніемъ предъ про-

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь повелѣлъ, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ въ сношеніе съ ярославскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, дабы онъ употребилъ свое посредничество къ склоненію, купившей означенное имѣніе, помѣщицы Алексѣевой предоставить крестьянамъ свободу, съ условіемъ удовлетворить ее тою же цѣною, за которую она ихъ пріобрѣла.

чими покупателями цѣны пріобрѣтать себѣ свободу, Высочайше указать соизволилъ разсмотрѣть: не слѣдуетъ ли допустить таковое участіе и какъ сіе удобнѣе можетъ быть установлено? Исполняя таковую Высочайшую волю, по мнѣнію министра юстиціи, Правительствующій Сенатъ обязанъ, не стѣсняясь бывшимъ по настоящему предмету частнымъ разсмотрѣніемъ и послѣдовавшимъ разрѣшеніемъ по одной только Грузіи, войти въ разсмотрѣніе предложеннаго его сужденію обстоятельства, въ видѣ новаго постановленія, обратившаго на себя Высочайшее вниманіе, во всемъ его пространствѣ и связи съ прочими законами, и изложить свои на предметъ сей предположенія".

Возраженіе графа Канкрина.

Правительствующій Сенатъ во 2-мъ департаментѣ [1]) и въ общемъ собраніи полагалъ означенный вопросъ разрѣшить въ положительномъ смыслѣ; съ заключеніемъ Сената согласился и департаментъ законовъ Государственнаго Совѣта [2]) въ засѣданіи 9-го октября 1835 года. Но при слушаніи этого дѣла въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта 25-го ноября того же года, министръ финансовъ (гр. Канкринъ) заявилъ, „что онъ допущеніе крестьянъ къ торгамъ признаетъ неудобнымъ, потому что весьма естественное желаніе крестьянъ пріобрѣсти себѣ свободу можетъ побудить ихъ къ неумѣренному повышенію цѣны на торгахъ, привести ихъ въ разстройство и сдѣлать несостоятельными; что пріобрѣтеніе свободы нѣсколькими тысячами семействъ не можетъ принести государству существенной пользы и что для вѣрнѣйшаго достиженія подобной цѣли требуются мѣры не *частныя, но общія*".

Мнѣніе Киселева.

Въ бумагахъ П. Д. Киселева сохранилась по этому дѣлу подлинная его записка, въ которой вслѣдъ за указаніемъ на означенное мнѣніе министра финансовъ, говорилось слѣдующее:

„Неоспоривая основательности сужденія сего съ одной стороны, съ другой — дозволю себѣ, однакоже, замѣтить, что все законодательство проистекаетъ наиболѣе изъ случаевъ не *об-*

[1]) Его составляли тогда сенаторы: К. К. Родофиникинъ, А. М. Корниловъ, В. И. Болгарскій и П. П. Свиньинъ.

[2]) Предсѣдатель графъ (впослѣдствіи князь) И. В. Васильчиковъ, члены: графъ Ю. А. Головкинъ, С. С. Кушниковъ, М. М. Сперанскій и Ѳ. И. Энгель.

щихъ, но частныхъ, и что посему правительство, опредѣливъ *общее, основное правило*, которымъ оно руководствуется или намѣрено руководствоваться, затѣмъ, должно уже пользоваться каждымъ представляющимся ему удобнымъ для успѣшнѣйшаго достиженія его цѣли *частнымъ случаемъ*.

„Такъ и въ представляющемся нынѣ частномъ случаѣ слѣдуетъ сперва съ точностію опредѣлить въ чемъ заключается общее, основное правило, коимъ правительство руководствуется относительно крестьянъ? *Въ утвержденіи ли крѣпостнаго ихъ состоянія? Или въ дарованіи имъ правъ гражданскихъ?*

„Вникая въ смыслъ Высочайшаго повелѣнія о разсмотрѣніи вопроса: не слѣдуетъ ли допускать крестьянъ къ торгамъ для собственнаго ихъ выкупа изъ крѣпостнаго состоянія? Можно, кажется, изъ онаго заключить, что вообще виды правительства относительно крестьянъ стремятся къ *постепенному уничтоженію въ Россіи крѣпостнаго состоянія*.

„Слѣдовательно, неиначе, какъ сообразно съ сими видами его, должны быть разрѣшаемы и всѣ частные случаи, могущіе служить удобными средствами для достиженія сей цѣли.

„Въ возраженіе на сіе приводятъ тѣ неудобства, которымъ подвержено примѣненіе частныхъ по сему предмету постановленій. Но не слѣдуетъ-ли еще основательно обсудить и рѣшить, въ которомъ изъ двухъ правительственныхъ дѣйствій неудобства будутъ *наиболѣе* ощутительны: въ стремленіи ли, хотя постепенномъ, медленномъ, къ достиженію означеннаго важнаго и необходимаго преднамѣренія? или же въ оставленіи въ совершенномъ бездѣйствіи того, что безъ участія правительства, можетъ, ходомъ времени и силою обстоятельствъ, разрѣшиться само собою и, чего наиболѣе опасаться должно, мѣрами насильственными, не законными?

„По всѣмъ симъ уваженіямъ я полагаю, что *оставленіе въ бездѣйствіи* представляющихся нынѣ удобныхъ, для споспѣшествованія благонамѣренной цѣли правительства, *частныхъ случаевъ*, имѣетъ такія же неудобства *какъ и принятіе* общихъ, по сему предмету, мѣръ; что мѣры *частныя*, обсужденныя основательно и приводимыя въ исполненіе постепенно, должны

быть предпочтены, и что каждая изъ мѣръ частныхъ, споспѣшествуя постепенному улучшенію быта класса людей малообразованныхъ, но въ сильной степени жаждущихъ освобожденія отъ крѣпостнаго состоянія, послужитъ къ вѣрнѣйшему достиженію того прочнаго и основательнаго преобразованія 20-ти милліоновъ людей, которое для государства съ каждымъ днемъ становится болѣе и болѣе необходимымъ.

„Засимъ обращаясь къ настоящему случаю и соглашаясь въ неудобствѣ допускать крестьянъ къ участію въ торгахъ, смѣю, однакоже, полагать возможнымъ и полезнымъ постановить, чтобы имѣнія, достающіяся по наслѣдству личнымъ дворянамъ или разночинцамъ, были *продаваемы* на основаніи Свода Законовъ тома IX-го, статьи 166-й, или же *оставляемы во владѣніи сихъ личныхъ дворянъ или разночинцевъ, но на особыхъ правилахъ*, *а именно: чтобы крестьяне тѣхъ имѣній, оставаясь крѣпкими на землѣ, на которой живутъ, несли по ней обязанности на извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ условіяхъ.*

„Такое новое постановленіе было бы первымъ важнымъ шагомъ къ достиженію благонамѣренной цѣли правительства относительно крестьянъ, положивъ первое начало новому, нынѣ въ нашемъ законодательствѣ не существующему классу гражданъ, классу, такъ сказать, *условныхъ* земледѣльцевъ.

„Впослѣдствіи право пріобрѣтенія, на семъ основаніи, имущества недвижимаго могло бы быть распространено и на всѣхъ вообще капиталистовъ, нынѣ часто неимѣющихъ возможности съ пользою употреблять капиталы свои.

„Мѣры сіи содѣлались бы источникомъ несомнѣнной для государства пользы: дворянскія имѣнія значительно возвысились бы въ цѣнности, земледѣліе и промышленность получили бы сильнѣйшее развитіе, а государство обогатилось бы новымъ числомъ владѣльцевъ и новымъ классомъ полезныхъ гражданъ.

„Сверхъ того, если на томъ же самомъ основаніи допустить впослѣдствіи учрежденіе маіоратовъ, равно и дарованіе тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые того пожелаютъ, законной льготы ихъ крестьянамъ, учрежденію же фабрикъ и заводовъ постано-

вить даже основаніе сіе за непремѣнное условіе, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что многіе изъ владѣльцевъ дворянскаго сословія, особенно же изъ числа великопомѣстныхъ и образованныхъ, сами собою присоединятся къ дѣйствіямъ правительства, по сознанію собственныхъ своихъ въ томъ выгодъ, и даже по одному внушенію христіанскаго человѣколюбія, они станутъ постепенно даровать крестьянамъ своихъ имѣній *свободу условную съ крѣпостію ихъ только къ одной землѣ*.

„Такимъ образомъ, съ постепеннымъ ходомъ времени и обстоятельствъ, сопряженіемъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ *частныхъ мѣръ*, нечувствительно и безъ гибельныхъ для государства сотрясеній, можетъ быть достигнута цѣль важная, то есть *уничтоженіе въ Россіи крѣпостнаго состоянія*, въ достиженіи которой мѣрами *общими*, *единовременными*, успѣхъ кажется мнѣ столь-же сомнительнымъ, сколько несомнѣнны неудобства, сопряженныя съ *оставленіемъ въ совершенномъ бездѣйствіи* частныхъ, къ достиженію общей цѣли, *средствъ*".

Записка эта подписана Киселевымъ 30-го ноября 1835 г., слѣдовательно, послѣ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта. Какое она получила употребленіе намъ неизвѣстно; но она замѣчательна тѣмъ, что въ ней Киселевъ впервые оффиціально высказалъ свою мысль объ обращеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ *условные*, т.-е. такіе, которыхъ отношенія къ помѣщикамъ были бы опредѣлены закономъ. Мысль эту онъ провелъ, впослѣдствіи, въ указѣ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ.

Государственный Совѣтъ въ сказанномъ засѣданіи нашелъ, что дарованіе крестьянамъ права выкупать себѣ свободу при публичныхъ торгахъ сопряжено съ большими опасеніями, и потому полагалъ не издавать по возбужденному вопросу никакого новаго постановленія.

Рѣшеніе Государя.

Не такъ взглянулъ на дѣло Государь. 15-го января 1836 г. предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, графомъ Новосильцовымъ, объявлено, что „Государь Императоръ, соображая вопросъ о дозволеніи, при продажѣ разночинцами достающихся имъ по наслѣдству дворянскихъ имѣній, допускать къ участію въ торгахъ на сіи имѣнія самихъ принадлежащихъ къ нимъ

крестьянъ, изволитъ находить, что разночинецъ не помѣщикъ, а продажа крѣпостныхъ людей есть слѣдствіе права помѣщичьяго; какъ посему въ самомъ законѣ, присвояющемъ разночинцамъ право продавать достающіяся имъ по наслѣдству дворянскія имѣнія, есть противорѣчіе, то лучше бы таковыя имѣнія причислять въ казенное вѣдомство, а разночинцамъ, коимъ оныя достанутся, выдавать въ замѣнъ деньги по цѣнѣ безобидной, облагая крестьянъ извѣстнымъ платежемъ въ возвратъ казенныхъ издержекъ. На семъ основаніи Его Величество повелѣваетъ изготовить проектъ закона".

Вслѣдствіе сего, состоялось слѣдующее Высочайше утвержденное, 21-го мая 1836 года, мнѣніе Государственнаго Совѣта:

„Крѣпостные люди съ землею и безъ земли, доставшіеся по наслѣдству лицамъ, неимѣющимъ права владѣть таковыми, отбираются немедленно въ казенное вѣдомство, а наслѣднику уплачивается изъ казны за каждую ревизскую душу мужескаго пола сумма, какая причтется по цѣнѣ, установленной для писанія купчихъ крѣпостей на заселенныя имѣнія въ той губерніи, гдѣ отбираемыя деревни и крѣпостные люди съ землею находятся, или гдѣ крѣпостные люди безъ земли имѣли пребываніе при своемъ владѣльцѣ".

ГЛАВА XXXVIII.

КОМИТЕТЪ О ДВОРОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

1826—1844 гг.

Раздвоеніе вопроса о крѣпостномъ правѣ.—Предположенія преобразовательнаго комитета 1826 года.—Ограниченіе правъ помѣщиковъ надъ дворовыми въ 1833 году.—Докладъ графа Блудова въ 1840 году о мѣрахъ къ уменьшенію дворовыхъ людей.—Комитетъ для разсмотрѣнія этого дѣла.—Возраженіе графа Чернышева.—Государь поднимаетъ вновь вопросъ о дворовыхъ людяхъ въ 1844 году.—Собственноручная Его записка.—Мнѣніе Киселева.—Мнѣніе кн. Волконскаго.—Мнѣніе кн. Васильчикова.—Личныя заявленія Государя въ Комитетѣ.—Указъ 12-го іюня 1844 года.—Несостоятельность этого указа.—Слабое развитіе юридическихъ началъ между тогдашними государственными людьми.

Раздвоеніе вопроса о крѣпостномъ правѣ.

Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, занимавшій постоянно Императора Николая, въ самомъ началѣ Его царствованія раздвоился: касаться разомъ этого вопроса въ его цѣлости, казалось слишкомъ опаснымъ, и потому самъ Государь пришелъ къ мысли начать съ дворовыхъ людей, какъ съ такого разряда крѣпостныхъ, который не такъ многочисленъ, а между тѣмъ, который, по господствовавшему тогда мнѣнію, признавался не только вреднымъ, но даже опаснымъ. Такое мнѣніе о дворовыхъ, конечно, не оправдывалось на дѣлѣ, опасности собственно дворовые люди не представляли; они не возставали, да и не могли возставать массами, какъ то дѣлали постоянно крѣпостные крестьяне.

Преобразовательный комитетъ, извѣстный въ исторіи нашего законодательства подъ именемъ комитета 6-го декабря 1826 года, еще въ 1827 году предполагалъ отдѣлить въ за-

Предположеніе преобразовательнаго комитета 1826 года.

конѣ крестьянъ отъ дворовыхъ, съ дозволеніемъ послѣднихъ переводить въ крестьяне, но не на оборотъ; это предполагалось сдѣлать при новой ревизіи. Ревизія была произведена въ 1833 и 1834 годахъ; въ ней дворовые люди показаны отдѣльно отъ крестьянъ; но мысль о недопущеніи перевода крестьянъ въ дворовые осталась безъ исполненія; противъ нея былъ самъ Государь, какъ увидимъ ниже.

Въ 1830 году тотъ же Комитетъ предполагалъ: воспретить продажу и залогъ дворовыхъ людей отдѣльно отъ деревень; для дворовыхъ людей, которые не будутъ приписаны ни къ какимъ населеннымъ имѣніямъ, учредить въ городахъ служебные цѣхи; дворовыхъ людей, единожды приписанныхъ въ служебные цѣхи, не дозволять отчислять отъ оныхъ для приписанія къ деревнямъ. Изъ этихъ предположеній осуществилось только первое: Высочайше утвержденнымъ 2-го мая 1833 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта воспрещено назначать дворовыхъ людей въ продажу за долги и за казенныя взысканія, а равно продавать и передавать ихъ какимъ бы то ни было образомъ въ постороннія руки съ раздробленіемъ семействъ.

Ограниченіе правъ помѣщиковъ надъ дворовыми въ 1833 году.

Что касается учрежденія цѣховъ, то противъ нихъ были дѣлаемы многія возраженія; между прочимъ, графъ Канкринъ находилъ, „что это дастъ поводъ къ разнымъ непріятнымъ и вреднымъ о намѣреніяхъ правительства толкамъ“.

Докладъ графа Блудова въ 1840 году о мѣрахъ къ уменьшенію дворовыхъ людей.

Въ 1840 году (февраля 15) графъ Блудовъ, главноуправлявшій тогда II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, по инціативѣ Государя представилъ свои предположенія „о мѣрахъ къ уменьшенію числа дворовыхъ людей“. Докладъ свой Блудовъ оправдывалъ, между прочимъ, тѣмъ, что „состояніе нашихъ дворовыхъ людей весьма справедливо возбуждаетъ вниманіе правительства и всѣхъ благомыслящихъ людей... Что когда наступитъ время постепеннаго освобожденія привязанныхъ къ землѣ хлѣбопашцевъ, то существованіе крѣпостныхъ дворовыхъ представитъ въ семъ дѣлѣ особыя затрудненія, можетъ быть и нѣкоторую для общественнаго спокойствія опасность“.

Графъ Блудовъ предлагалъ: во-1-хъ, облегчить и побудить всѣми зависящими отъ правительства средствами переходъ дворовыхъ въ другія состоянія и къ другому роду жизни, и во-2-хъ, пресѣчь новыя перечисленія изъ крестьянъ въ дворовые, „сколько сіе совмѣстно съ огражденіемъ правъ и власти владѣльца“. Въ первомъ отношеніи предполагалось: дозволить помѣщикамъ въ отпускныхъ постановлять условія о единовременномъ или по срокамъ платежѣ капитальной суммы, или объ опредѣленномъ оброкѣ, платимомъ ежегодно или пожизненно увольняемымъ; требовать отъ помѣщика платежа податей только за одинъ годъ. Комитетъ присоединилъ къ этому, что дозволяется постановлять условія не только о денежномъ платежѣ, но и о личной службѣ владѣльцу по жизнь его или на извѣстное число лѣтъ.

Для разсмотрѣнія предположеній графа Блудова былъ составленъ секретный комитетъ, въ который назначены: князь Васильчиковъ, князь А. Голицынъ, графы: Нессельродъ, Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашевъ, князь Меншиковъ, графы: Киселевъ, Уваровъ, Блудовъ, А. Строгановъ и Панинъ. Комитетъ для разсмотрѣнія этого доклада.

Въ этомъ комитетѣ относительно общаго вопроса объ освобожденіи дворовыхъ людей Киселевъ говорилъ, что отдѣленіе дворовыхъ людей отъ крѣпостнаго состоянія и внезапное изданіе о семъ закона, по его мнѣнію, сопряжено съ многочисленными неудобствами въ исполненіи и потому онъ полагалъ полезнымъ совершить сіе дѣло мѣрами постепенными, именно: Мнѣніе Килева.

1) Приготовить образованіе особаго сословія, къ которому бы дворовые люди могли быть причисляемы, и для того учредить по всѣмъ городамъ цѣхи слугъ.

2) Когда учрежденіе цѣха слугъ получитъ образованіе, издать законъ, по которому дворовые люди, отпускаемые изъ оброка, должны быть причисляемы помѣщикомъ на время увольненія къ цѣху слугъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы подчинить сихъ людей общему порядку благоустройства, для цѣха постановленному, и съ платежемъ установленной по цѣховому состоянію подати.

3) Потомъ, въ видѣ объясненія какого-либо частнаго случая

при сужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ, замѣтить, что дворовые люди, какъ слуги, неправильно остаются изъятыми изъ общаго по государству порядка и надзора, и что посему они должны быть причисляемы къ сему цѣху и, оставаясь въ помѣщичьемъ владѣніи, должны уплачивать подать и отправлять рекрутскую повинность по дѣлу, къ которому причислены.

4) Когда вслѣдствіе сего выгоды помѣщиковъ по владѣнію дворовыми людьми будутъ стѣснены — издать постановленіе, предоставивъ владѣльцамъ право отпускать дворовыхъ людей на волю, съ причисленіемъ къ цѣху слугъ и съ выкупомъ личной свободы, единовременнымъ взносомъ условленной суммы или съ уплатою оной въ срокъ подъ наблюденіемъ цѣховаго управленія.

Такимъ образомъ, предварительно образуется сословіе, которое необходимо съ одной стороны для того, чтобы имѣть удобство въ пріобрѣтеніи домашней прислуги, а съ другой для устройства впослѣдствіи многочисленнаго класса дворовыхъ людей. Затѣмъ, мѣрами постепенныхъ ограниченій правъ владѣльцевъ на счетъ дворовыхъ людей, они приведены будутъ къ необходимости сперва уменьшить число ихъ, а потомъ предоставить имъ свободу, съ полученіемъ нѣкоторой суммы за выкупъ, чѣмъ самымъ прекратится существованіе дворовыхъ людей и они будутъ замѣнены цѣхомъ слугъ свободнаго состоянія.

Въ заключеніе графъ Киселевъ высказалъ и другую мысль, чтобы при малоземеліи помѣщичьихъ имѣній, опредѣленномъ извѣстною нормою, крестьяне по желанію и просьбѣ владѣльцевъ покупаемы были въ казну, чѣмъ отвратится бывающая иногда необходимость продажи крестьянъ на свозъ въ частныя руки.

Возраженіе графа Чернышева.

Самымъ сильнымъ и несговорчивымъ противникомъ всякихъ мѣръ къ освобожденію дворовыхъ явился графъ Чернышевъ. Несоглашаясь вообще, чтобы дворовые люди представляли дѣйствительную для государства опасность, онъ въ особой запискѣ писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Нельзя скрыть отъ себя, что послѣ происшествій минувшаго лѣта въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, общая дороговизна и

недостатокъ продовольствія, настоящіе сомнительные виды будущаго урожая и, наконецъ, частныя распоряженія правительства въ отношеніи нѣкоторыхъ сословій, сильно волнуютъ умы. А потому на вопросъ: время ли принимать теперь мѣры столь важныя, смѣло можно отвѣчать, что не время. Это опасно если мѣры эти предпринимаемы будутъ отдѣльно; еще опаснѣе если онѣ будутъ въ связи и, такъ сказать, предвѣстіемъ измѣненія отношеній крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ. Мысль общей политической свободы уже давно обладаетъ умами въ Европѣ; но къ счастію она у насъ недоступна еще классу поселянъ! Предметъ этотъ касается основныхъ началъ государственныхъ. Отъ мысли о свободѣ крестьянъ, неминуемо перейдутъ къ разнымъ другимъ послѣдствіямъ, поколебать въ основаніи все государственное зданіе. Глубоко убѣжденному въ сей истинѣ, мнѣ кажется, что мы всѣ должны согласиться, что намъ нужны не нововведенія, столь опасныя, а поддержаніе и усовершенствованіе стараго. Благоговѣніе къ чистой вѣрѣ отцевъ, безусловная привязанность къ правительству, постоянное отеческое наблюденіе правительства къ искорененію всякихъ безпорядковъ и жестокостей, и къ сохраненію семейныхъ и общественныхъ связей — вотъ что нужно для благоденствія земли русской....

„...Я удостовѣренъ, что мысль сія (отдѣленіе дворовыхъ отъ крестьянъ) произведетъ дѣйствіе совершенно противное той цѣли, для которой она опредѣляется. Дворовые люди, отдѣленные столь рѣзкою чертою отъ крестьянъ, увидятъ себя сословіемъ особеннымъ, несвязаннымъ съ обществомъ тѣми узами, которыя вездѣ и всегда считались важнѣйшими нравственными опорами общаго порядка и спокойствія. Въ новомъ своемъ положеніи дворовые будутъ способны покуситься на все и тогда-то могутъ дѣйствительно содѣлаться опасными въ высшей степени“.

Комитетъ собирался 3-го, 11-го и 16-го марта; записка гр. Чернышева подана 11-го марта, а 26-го марта, послѣ доклада журнала комитета, кн. Васильчиковъ объявилъ Высочайшее повелѣніе: „Дѣло сіе оставить впредь до удобнаго времени“.

Государь поднимаетъ вновь вопросъ о дворовыхъ людяхъ въ 1844 году.

Собственноручная его записка.

Удобное время это не замедлило наступить, по крайней мѣрѣ въ мнѣніи Государя, который въ концѣ 1843 года потребовалъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Перовскаго, соображенія по дѣлу объ устройствѣ дворовыхъ людей. По разсмотрѣніи этихъ соображеній, Государь въ началѣ 1844 года написалъ собственноручно слѣдующее:

„Классъ *дворовыхъ людей* подраздѣляется на *четыре* главные рода:

1) *Дворовыхъ*, составляющихъ домашнюю внутреннюю и надворную прислугу при домахъ въ городахъ.

2) *Таковыхъ въ помѣстьяхъ*.

3) *Дворовыхъ ремесленниковъ*.

4) *Заводскихъ и фабрикантовъ*.

„Послѣдній разрядъ, живя въ своихъ домахъ, по крайней мѣрѣ большею частію и даже имѣя частію свое хлѣбопашество, составляетъ подраздѣленіе, имѣющее нѣчто общее съ *крестьянскимъ бытомъ;* потому можетъ быть отчисляемъ къ сему разряду крѣпостнаго состоянія.

„Первые же три разряда должно дѣлить еще на непосредственно составляющихъ *господскую дворню* и на *ходящихъ по паспортамъ*.

„Ходящихъ по паспортамъ, въ какой бы должности ни находились, слѣдуетъ принимать въ цѣхи, т.-е. въ *служебный цѣхъ* учрежденный, или въ *ремесленный*, ежели кто изъ нихъ какимъ ремесломъ промышляетъ.

„Сихъ людей, кромѣ паспортовъ, обложить слѣдуетъ четверными подушными, дабы побудить помѣщиковъ отпускать ихъ на волю.

„Съ сихъ мѣръ начать, сдѣлавъ самую вѣрную перепись“.

Секретный Комитетъ.

Начертавъ эти предположенія, Государь для обсужденія ихъ повелѣлъ составить секретный комитетъ, въ который были назначены: князья: Васильчиковъ, Волконскій, Чернышевъ, Меншиковъ; графы: Левашовъ, Блудовъ, Бенкендорфъ, Киселевъ, и, наконецъ, Перовскій, Вронченко, баронъ Корфъ и Бахтинъ (дѣлопроизводитель).

Комитетъ собирался у Государя, подъ Его предсѣдатель-

ствомъ. Засѣданіямъ комитета велись меморіи, которыя просматривалъ Государь.

Въ началѣ открытія комитета графъ Киселевъ заявилъ слѣдующее свое мнѣніе: Мнѣніе графа Киселева.

„Ограниченіе сословія дворовыхъ людей есть предметъ государственной необходимости и пользы. Это сословіе, простирающееся до 1.200,000 душъ мужескаго пола, по положенію своему и личной безпрерывной зависимости отъ владѣльцевъ, есть сословіе недовольное, неимѣющее осѣдлости, и слѣдовательно опасное въ будущемъ.

„Нельзя конечно отрицать, чтобы въ мѣрахъ ограниченія дворовыхъ людей не было трудностей: вѣковой обычай имѣть изъ крѣпостныхъ людей разнаго рода прислугу и мастеровыхъ, невозможность замѣнить эту прислугу вдругъ и повсемѣстно вольнонаемными, особенно для недостаточныхъ помѣщиковъ и служащихъ, наконецъ, самое отдѣленіе дворовыхъ людей отъ крестьянъ и будущее устройство ихъ представляютъ многостороннія препятствія; но это не больше какъ затрудненія, неизбѣжныя при всякомъ преобразованіи, при всякомъ переходѣ отъ закоренѣлаго безпорядка къ порядку.

„Отказываться по причинѣ этихъ затрудненій отъ улучшеній, необходимыхъ для блага государственнаго, правительство не можетъ и не должно. Предоставить это дѣло времени безполезно, ибо въ Россіи безъ руководства правительства ничего не начинается и не дѣлается. Въ подобныхъ случаяхъ главное дѣло состоитъ въ удобствѣ законодательныхъ мѣръ. Если при этой сложности интересовъ въ обладаніи дворовыми людьми дѣйствовать внезапно, безъ всякаго подготовленія, распоряженіями крутыми, то мѣра сія, конечно, произведетъ всеобщую тревогу и законъ болѣе нежели не исполнится; онъ распространитъ повсемѣстно неудовольствіе и противодѣйствіе. Посему, дабы достигнуть цѣли правительства надобно, чтобы мѣры его соглашены были съ выгодами владѣльцевъ и будущимъ устройствомъ дворовыхъ людей, дабы тѣхъ и другихъ поставить за законъ, а не противъ закона; потомъ, самыя мѣры законодательныя раздѣлить по частямъ и дѣйствовать такимъ

образомъ, чтобы, отсѣкая или отклоняя одно затрудненіе за другимъ постепенно, облегчить исполненіе и придти къ цѣли съ полнымъ успѣхомъ.

„Основываясь на сихъ соображеніяхъ, можно бы раздѣлить дѣйствія правительства на три эпохи:

1) Пріуготовленіе или образованіе цѣха слугъ;

2) Преподаніе владѣльцамъ облегчительныхъ способовъ къ уменьшенію дворовыхъ людей; и за тѣмъ,

3) Мѣры понудительныя для достиженія сего уменьшенія“.

Мнѣніе кн. Волконскаго.

Князь Волконскій говорилъ:

„Нельзя не согласиться, что дворовые люди суть сословіе безнравственное, привыкшее къ праздности, безосѣдлое, и потому болѣе другихъ готовое къ безпорядкамъ и преступленіямъ; но нельзя также не признать и того, что доколѣ крѣпостное право будетъ существовать у насъ, совершенное уничтоженіе сего сословія есть дѣло невозможное.

„Стремиться къ уменьшенію количества дворовыхъ людей необходимо, но неиначе какъ *побудительными* къ тому мѣрами, которыя суть единственный способъ къ достиженію таковой цѣли; крутыя же и рѣшительныя мѣры при слабомъ образованіи нашихъ судовъ и полиціи рѣшительно невозможны.

„Убѣжденный въ сей истинѣ, я не могу согласиться на предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ о запрещеніи помѣщикамъ брать крестьянъ въ дворовые, потому что оно можетъ имѣть вредное вліяніе на повиновеніе крестьянъ, и потому что запрещеніе сего рода потребовало-бы бдительнаго наблюденія, которое недоступно правительству“.

Мнѣніе кн. Васильчикова.

По мнѣнію князя Васильчикова, послѣдняя степень дѣйствій въ настоящемъ важномъ дѣлѣ можетъ быть—*запрещеніе брать изъ крестьянъ въ дворовые.*

„Нѣтъ приличія правительству запрещать то, что недоступно его наблюденію. Существенное зло въ Россіи состоитъ въ слабомъ устройствѣ нашихъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ. Законы, даже удобные для наблюденія за ихъ дѣйствіемъ, не исполняются. Что же было-бы нынѣ съ за-

прещеніемъ, за исполненіемъ коего нельзя усмотрѣть? Посему-то наиболѣе полагаю я, что исполненіе способовъ исполненія и наблюденія должно предшествовать сей окончательной мѣрѣ.

Мнѣніе графа Бенкендорфа.

Наконецъ, графъ Бенкендорфъ писалъ слѣдующее:

„Образовеніе особаго цѣха или артели будетъ уже и потому полезно, что польститъ самолюбію сего униженнаго класса, и будетъ сильно способствовать къ исправленію людей, донынѣ подвергнутыхъ полному произволу помѣщиковъ, тѣмъ болѣе, что произволъ безпрестанно раздражаетъ дворовыхъ, доводитъ ихъ до того, что не видя особенной выгоды быть лучшими, они теряютъ и всякую охоту быть лучшими и предаются праздности и порокамъ. Къ сему я долженъ прибавить, что по моему мнѣнію, приступъ къ сему дѣлу, о которомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было намъ сообщить, не повлечетъ за собою никакого неустройства. При постоянныхъ опасеніяхъ, ни до чего достигнуть нельзя; причины взрыва, которыя вòвремя можно отклонить, не уничтожаются нерѣшимостію, а лишь укрѣпляются, и чѣмъ позднѣе будетъ сей взрывъ, тѣмъ сильнѣе и опаснѣе.

„Но я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ графа Блудова, что самыя выраженія проекта указа оскорбляютъ сей классъ безъ всякой надобности [1]); напротивъ, надобно въ ономъ яснѣе изложить, что мѣра сія принимается для ихъ пользы, и для того, дабы дать владѣльцамъ средства улучшить положеніе своихъ дворовыхъ людей“.

---

[1]) Проэктъ указа, представленный министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ, начинался такъ:

„При существующемъ у насъ издавна порядкѣ хозяйства въ помѣщичьихъ населенныхъ имѣніяхъ, образовалось особое сословіе, извѣстное подъ названіемъ дворовыхъ людей, которое, при несоразмѣрномъ размноженіи своемъ, обратилось въ тягость, не только владѣльцамъ но и самому правительству. Проводя время въ праздности, люди эти увеличиваютъ собою число тунеядцевъ, большею частію дѣлаются навсегда неспособными къ полезному труду и впадаютъ преимущественно предъ крестьянами въ пороки и всякаго рода преступленія.

„Признавая на семъ основаніи дворовыхъ людей вообще сословіемъ вреднымъ, мы сочли за благо принять мѣры для ограниченія дальнѣйшаго приращенія сего сословія и вслѣдствіе того повелѣваемъ“, и. т. д.

Личныя заявленія Государя въ комитетѣ.

Въ меморіи, бывшаго 25 февраля, въ присутствіи Государя и наслѣдника, засѣданія комитета, записано:

„Съ самаго начала царствованія Его Императорскаго Величества, крѣпостное состояніе озабочивало Его Величество. Изъ числа принадлежащихъ къ сему состоянію, дворовые люди обращали на себя особое вниманіе, но Его Величество не скрывалъ отъ себя важныхъ затрудненій, встрѣчающихся въ семъ дѣлѣ, и въ особенности по отношеніямъ онаго къ правамъ дворянства.

„Посему Его Величество еще въ 1826 году поручалъ покойному графу Сперанскому заняться симъ предметомъ.

„Сперанскій составилъ записку, но она осталась безъ послѣдствій.

„Послѣ, предположенія на счетъ новаго устройства дворовыхъ людей возобновлялись неоднократно,—но по тѣмъ же затрудненіямъ, о коихъ говорено выше, остались доселѣ не приведенными въ исполненіе.

„Нынѣ убѣдясь еще болѣе въ необходимости приступить безотлагательно къ уменьшенію у насъ класса дворовыхъ людей мѣрами постепенными и не крутыми, Его Величество поручилъ сей вопросъ соображенію министра внутреннихъ дѣлъ, который въ ноябрѣ прошлаго года (1843) и представилъ особую о томъ записку.

„По разсмотрѣніи оной, Его Величество, начертавъ, бѣглымъ образомъ, свои по сему предмету мысли, и собственноручную о томъ записку вручилъ министру внутреннихъ дѣлъ, который представилъ нѣкоторыя по содержанію оной замѣчанія.

„Между тѣмъ, князь Меншиковъ, графъ Киселевъ и наконецъ князь Васильчиковъ представили также Его Величеству свои соображенія о положеніи класса дворовыхъ людей и о способахъ къ достиженію имѣющейся въ виду цѣли".

Далѣе въ той же меморіи, между прочимъ, записано слѣдующее:

„По поводу предположенія министра внутреннихъ дѣлъ и князя Меншикова о разрѣшеніи продажи рекрутскихъ кви-

танцій, получаемыхъ помѣщиками за дворовыхъ людей, Его Величество замѣтилъ, что *Онъ на сіе никогда не согласится*".

Въ меморіи 19 марта 1844 г. между прочимъ, записано:

„Прежде всего Его Величество обратилъ вниманіе членовъ на главную цѣль всѣхъ предполагаемыхъ мѣръ. Цѣль сія есть: *измѣнить крѣпостное у насъ состояніе.* Помышленія о семъ никогда не оставляли Его Величество въ теченіе 18 лѣтъ Его царствованія. Считая въ семъ дѣлѣ постепенность мѣръ первымъ условіемъ, Его Величество принялъ намѣреніе начать съ дворовыхъ людей. Изъ нихъ положеніе ходящихъ по паспортамъ, какъ неимѣющее законнаго основанія, болѣе другихъ даетъ правительству поводъ заняться ихъ устройствомъ.

„Предположеніе объ учрежденіи служебныхъ цѣховъ одобряется всѣми членами комитета.

„Его Величество повторяетъ, что цѣхи такіе должны быть открыты въ обѣихъ столицахъ, въ губернскихъ, портовыхъ и главнѣйшихъ уѣздныхъ городахъ, впослѣдствіи же распространяемы и далѣе по городамъ меньшей важности.

„Его Величество возложилъ на министра внутреннихъ дѣлъ войдти въ соображеніе имѣющихся въ виду предположеній и составить проектъ постановленія о служебныхъ цѣхахъ...

„...Запрещеніе помѣщикамъ переводить крестьянъ во дворъ, Его Величество признаетъ рѣшительно на долгое время невозможнымъ".

Въ засѣданіи 5-го апрѣля, бывшемъ у Государя, разсматривалась записка гр. Блудова; въ ней говорилось о слѣдующихъ предметахъ:

1. О формѣ и условіяхъ отпуска дворовыхъ людей на волю.

2. Объ отпускѣ дворовыхъ людей по договору.

3. *Объ отпускѣ на волю дворовыхъ людей изъ имѣній, состоящихъ въ долгу кредитнымъ установленіямъ.*

4. О передачѣ дворовыхъ людей въ вѣдомство государственныхъ имуществъ.

5. О передачѣ дворовыхъ людей въ распоряженіе губернскихъ правленій.

Этимъ третьимъ засѣданіемъ кончились занятія секретнаго комитета.

Указъ 12 іюня 1844 года.

Проектъ указа собственно о мѣрахъ къ облегченію помѣщикамъ отпуска ихъ дворовыхъ людей на волю, написанный гр. Блудовымъ, по соглашенію съ Вронченко и Перовскимъ, былъ представленъ Государю чрезъ князя Васильчикова и потомъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Этотъ указъ былъ подписанъ 12-го іюня 1844 г. и распубликованъ Сенатомъ 10-го іюля.

Сущность указа состояла въ дозволеніи владѣльцамъ, желающимъ отпустить дворовыхъ своихъ людей на волю безъ земли, заключать съ ними по обоюдному согласію договоры о платежѣ сими послѣдними особыхъ суммъ, въ одинъ или нѣсколько сроковъ, или же ежегоднаго оброка по смерть владѣльца или на опредѣленное число лѣтъ.

Несостоятельность указа 1844 года.

Указъ этотъ остался безъ всякихъ послѣдствій и тѣмъ еще разъ доказалъ, что законодатели ошибались, думая, что вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права могъ разрѣшиться постепенно и мѣрами пальятивными.

Слабое развитіе юридическихъ началъ между тогдашними государственными людьми.

Читая теперь этотъ указъ, который остается только историческимъ документомъ, нельзя не удивляться и тому, до какой степени тогда (1844 г.) мало еще были развиты юридическія начала между государственными людьми. Увольнительные акты, о коихъ шла рѣчь, въ самомъ указѣ называются *договорами, по обоюдному согласію заключаемыми*. И что-же? въ случаѣ неисполненія такого договора отпускаемымъ на волю, онъ подвергается не только гражданскому, но и уголовному взысканію; въ случаѣ неисправности въ платежѣ такимъ вольноотпущеннымъ слѣдующихъ по договору суммъ (пункты 4 и 5 указа), предоставляется владѣльцу взыскивать оныя чрезъ посредство мѣстной полиціи изъ всякаго движимаго и недвижимаго имущества вольноотпущеннаго, преимущественно предъ всѣми казенными и частными долгами и повинностями; при несостоятельности же его къ немедленному платежу,

брать его въ рекруты и выдавать за него прежнему владѣльцу квитанцію, съ правомъ представить оную къ зачету за свое имѣніе, или же, буде онъ не владѣетъ такимъ имѣніемъ, за которое могъ бы представить квитанцію къ зачету, продать оную другому по желанію.

Если подобные люди окажутся совершенно неспособными къ военной службѣ, то поступать съ ними, какъ съ несостоятельными къ платежу разныхъ пеней, по силѣ примѣчанія къ 74 статьѣ Свода Уголовныхъ Законовъ (т. 15, изд. 1842 г.), а именно: отдавать въ заработки частнымъ лицамъ, или отправлять въ крѣпостныя работы (т.-е. въ каторгу).

Въ настоящее время изданіе подобнаго указа было бы дѣломъ немыслимымъ.

ГЛАВА XXXIX.

ЗАКОНЪ ОБЪ ОБЯЗАННЫХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ 1839—1842 гг.

Учрежденіе въ 1839 году секретнаго комитета по вопросу объ увольненіи помѣщичьихъ крестьянъ.—Докладъ графа Киселева и записка о средствахъ усиленія дѣйствій закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ.—Резолюція Государя.—Сущность записки Киселева.—Разсмотрѣніе дѣла въ секретномъ комитетѣ.—Мнѣніе кн. Меншикова.—Возраженіе Киселева.—Окончательный журналъ комитета въ 1841 г.—Утвержденіе журнала Государемъ.—Разсмотрѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ проекта указа объ обязанныхъ крестьянахъ въ 1842 г.—Письмо Государю князя Васильчикова.—Засѣданіе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта въ присутствіи Государя.

Учрежденіе въ 1839 году секретнаго комитета по вопросу объ увольненіи помѣщичьихъ крестьянъ.

10-го ноября 1839 года Государь Николай Павловичъ повелѣлъ учредить секретный комитетъ съ двоякою цѣлью: „1) опредѣлить, на какомъ основаніи впредь дозволять помѣщикамъ увольнять своихъ крестьянъ, не стѣсняясь положеніемъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и 2) разсмотрѣть, „какія мѣры признаны будутъ успѣшными для составленія инвентарей по каждой губерніи, предоставить-ли сіе губернскому дворянству или начать съ однихъ казенныхъ имуществъ“. Въ комитетъ этотъ были назначены членами: князь Васильчиковъ, графы Орловъ и Киселевъ, министръ юстиціи, статсъ-секретарь Блудовъ, членъ Государственнаго Совѣта Тучковъ, статсъ-секретарь Танѣевъ и управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ А. Строгановъ. При этомъ Высочайше повелѣно: *все дѣло сохранить въ тайнѣ.*

Комитетъ имѣлъ первое свое засѣданіе 16-го ноября 1839

года. Дабы сохранить дѣло въ тайнѣ и отклонить всякія догадки, положено гласно именовать этотъ комитетъ: *о повинностяхъ въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній*. Въ него были переданы, между прочимъ: а) часть проекта манифеста, изготовленнаго въ секретномъ комитетѣ 6 декабря 1826 года, о состояніяхъ. (Въ этомъ проектѣ, при расширеніи закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, установлялся классъ вольноотпущенныхъ землedѣльцевъ); б) примѣчаніе князя Меншикова о неудобствѣ сего закона, „ибо передаются крестьянамъ земли помѣщиковъ"; в) выписка изъ журнала Государственнаго Совѣта о томъ, что это примѣчаніе не принято, такъ какъ „указываемое неудобство не можетъ быть устранено, за существующимъ законоположеніемъ, дозволяющимъ лицамъ свободныхъ состояній пріобрѣтать земли въ собственность". Комитетъ положилъ, между прочимъ, поручить министрамъ государственныхъ имуществъ (графу Киселеву) и юстиціи (графу Панину), управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (графу Строганову) и тайному совѣтнику Тучкову, изложить неудобство существующаго закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ съ тѣмъ, чтобы они представили свои мысли о лучшихъ и успѣшнѣйшихъ средствахъ къ исполненію Высочайшей воли. Прежде чѣмъ было исполнено такое порученіе означенными лицами, графъ Киселевъ составилъ записку *о средствахъ къ усиленію дѣйствій закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ*, и до внесенія въ комитетъ, представилъ ее Государю, „дабы", какъ онъ писалъ въ своемъ докладѣ [1]), „предварительно убѣдиться, успѣлъ-ли онъ въ своемъ трудѣ выразить вполнѣ намѣренія Государя".

Докладъ гр. Киселева и записка о средствахъ усиленія дѣйствій закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

При этомъ графъ Киселевъ указывалъ на необходимость, въ виду постепеннаго ослабленія помѣщичьей власти и освобожденія крѣпостныхъ, ввести постепенно слѣдующія мѣры:

1) Устройство дворовыхъ людей;

2) Взиманіе рекрутъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по общимъ правиламъ, постановленнымъ относительно отбыванія очередей для всѣхъ прочихъ сословій;

[1]) 18-го марта 1840 г.

3) Назначеніе для надѣленія крестьянъ опредѣленной пропорціи земли и затѣмъ предоставленіе крестьянамъ права на движимую собственность;

4) Ограниченіе помѣщиковъ въ наказаніяхъ крестьянъ;

5) Устройство между помѣщичьими крестьянами сельскаго управленія, подъ вліяніемъ помѣщиковъ, съ предоставленіемъ крестьянамъ права обращаться въ судебныя мѣста наравнѣ съ свободными хлѣбопашцами.

Всѣ эти мѣры Киселевъ предполагалъ „вводить, пользуясь всякій разъ удобнымъ случаемъ къ объявленію той или другой мѣры, основанной на единожды принятыхъ началахъ“.

Докладъ вмѣстѣ съ запискою Государь возвратилъ гр. Киселеву на другой день съ слѣдующею резолюціею:

Резолюція Государя.

„Читалъ съ особеннымъ вниманіемъ и полнымъ удовольствіемъ; начала, на коихъ основанъ проектъ, Мнѣ кажутся весьма справедливы и основательны. Я не нашелъ сдѣлать ни одного замѣчанія и разрѣшаю внесть въ комитетъ“.

На основаніи такого разрѣшенія графа Киселевъ внесъ свою записку въ комитетъ.

Сущность записки гр. Киселева.

Въ этой обширной запискѣ, прежде всего говорилось въ историческомъ порядкѣ: объ основаніяхъ крѣпостнаго владѣнія крестьянами, о мѣрахъ предпринимавшихся къ облегченію крѣпостнаго состоянія, о послѣдствіяхъ сихъ мѣръ, о причинѣ ихъ малоуспѣшности; и затѣмъ, во 2-й части записки излагались предположенія о мѣрахъ усиленія дѣйствія закона о переходѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ свободное состояніе. Указавъ на способы уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Австріи, Англіи и другихъ европейскихъ государствахъ, графъ Киселевъ останавливался, главнымъ образомъ, на введенныхъ имъ постановленіяхъ о крестьянахъ въ Придунайскихъ княжествахъ. „Я имѣлъ случай“, говорилъ онъ, „изучить состояніе сихъ провинцій и убѣдиться въ томъ, что положеніе, въ 1831 году опредѣлившее тамъ новый порядокъ въ обоюдныхъ отношеніяхъ владѣльцевъ и поселянъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, признается съ обѣихъ сторонъ выгоднымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что крестьянамъ въ означенныхъ провин-

ціяхъ давно уже предоставлена была личная свобода; но они, разными ограниченіями и стѣсненіями перехода съ одного мѣста на другое, приведены были какъ бы вновь въ крѣпостное состояніе. Главныя основанія положенія 1831 года объ отношеніяхъ владѣльцевъ и крестьянъ состояли въ слѣдующемъ:

„1) Дворяне признаются вотчинниками земель, а крестьяне, поселенные на сихъ земляхъ, сохраняютъ полное право личной свободы.

„2) Сіе право дворянъ на земли и право крестьянъ на свободу подлежитъ ограниченію: первые, т.-е. помѣщики должны непремѣнно снабдить живущихъ на ихъ земляхъ крестьянъ опредѣленною пропорціею угодій, и пользуясь отъ нихъ установленными повинностями, не могутъ ссылать ихъ изъ своихъ помѣстій, доколѣ они исполняютъ свои обязанности. Крестьяне, съ своей стороны, получивъ въ свое пользованіе участокъ, обязаны соразмѣрною работою въ пользу владѣльца.

„3) Участокъ крестьянина обезпечиваетъ его содержаніе и уплату податей въ казну; но если бы крестьянинъ пожелалъ пріобрѣсти бóльшее количество земли, въ такомъ случаѣ, онъ входитъ съ помѣщикомъ въ особое соглашеніе.

„4) Крестьянинъ, исполнившій свои обязанности къ помѣщику, имѣетъ право перейти отъ него на другія земли; но дабы право сіе не дало повода къ бродяжничеству, постановлено, что крестьяне, получившіе полный надѣлъ земли, въ случаѣ переселенія безъ особенной тому причины, оставляютъ свой домъ, усадьбу и садъ въ пользу помѣщика.

„5) Симъ распорядкомъ поддерживается вліяніе помѣщиковъ на народъ; сверхъ того, оно поддерживается и тѣмъ еще, что помѣщику, какъ вотчиннику земли, сохраняется право учреждать въ имѣніи всякаго рода промышленныя заведенія, въ томъ числѣ—и продажу вина.

„Изъ сего слѣдуетъ, что существенное измѣненіе въ состояніи крестьянъ заключалось въ томъ, что они были ограждены въ обязанностяхъ своихъ къ владѣльцамъ земли положительнымъ закономъ, а помѣщики ограничены въ произволѣ.

„Далѣе“, говорилъ графъ Киселевъ, „нельзя не убѣдиться въ

отношеніи устройства крѣпостнаго состоянія въ Россіи, что система фермерства, существующая въ Англіи, въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы и у насъ въ остзейскихъ губерніяхъ, оставляя безъ всякаго устройства и обезпеченія цѣлое сословіе, составляющее главную массу населенія, и порождая огромный классъ бездомныхъ бобылей, столь опасныхъ для общественнаго спокойствія, не можетъ быть принята въ Россіи, безъ справедливаго опасенія послѣдствій, которыхъ вполнѣ невозможно и предвидѣть.

„Нельзя, конечно, оспаривать великой государственной пользы освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, но таже польза государственная требуетъ величайшей осторожности въ выборѣ средствъ къ устройству сословія, которое простирается до 25 милліоновъ душъ обоего пола и которое, по самому нравственному своему состоянію, требуетъ ближайшихъ надъ собою надзора и попечительства; вообще нельзя отвергать истины, что изъ полнаго рабства нельзя и не должно переводить людей полуобразованныхъ вдругъ къ полной свободѣ.

„Въ сихъ видахъ изложенныя основанія, которыя я называю среднею мѣрой, по устройству крѣпостнаго состоянія, могутъ служить образцомъ, тѣмъ болѣе приличнымъ для Россіи, что съ одной стороны, онѣ совершенно сообразны и съ прежними отношеніями крестьянъ нашихъ къ помѣщикамъ, а съ другой стороны, что сіи основанія, не нарушая правъ дворянства, согласны и съ существомъ монархическаго учрежденія; само собою, впрочемъ, разумѣется, что различіе времени и обстоятельствъ должно требовать нѣкоторыхъ измѣненій въ подробностяхъ. Я полагаю, что дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ свободы можетъ быть допущено на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

„Помѣщики, сохраняя при себѣ право вотчинной собственности на земли, представляютъ крестьянамъ личную свободу и затѣмъ, снабдивъ ихъ опредѣленною пропорціею земли, пользуются отъ нихъ, взамѣнъ этого, соразмѣрными повинностями или оброкомъ, положительно опредѣленными по каждому имѣнію въ инвентаряхъ. Исполненіе повинностей опре-

дѣляемыхъ инвентаремъ обезпечивается круговою отвѣтственностію крестьянъ и содѣйствіемъ правительства, посредствомъ судебной власти и посредствомъ власти помѣщиковъ, которые, въ качествѣ вотчинныхъ начальниковъ въ имѣніи, пользуются правомъ, предоставленнымъ закономъ сельскому управленію, какъ по части распорядительной, такъ и по разбору маловажныхъ тяжбъ и проступковъ крестьянъ. Лѣса, оброчныя статьи, богатства въ нѣдрахъ земли, составляютъ принадлежность помѣщика; сверхъ того, владѣльцы земли, предоставляя крестьянамъ личную свободу, освобождаются, вслѣдствіе того, отъ обязанности въ пособіи на продовольствіе и въ пожарныхъ случаяхъ, которые обезпечиваются въ видѣ взаимнаго страхованія на основаніи правилъ, постановленныхъ для мѣстныхъ крестьянъ. Уволенные такимъ образомъ крестьяне, по отношенію къ своимъ владѣльцамъ земли, получаютъ названіе обязанныхъ крестьянъ".

На сихъ основаніяхъ графъ Киселевъ предлагалъ подробныя правила: о надѣленіи землею, о повинностяхъ крестьянъ, о ссудахъ помѣщикамъ изъ кредитныхъ установленій, объ управленіи обязанныхъ крестьянъ и другія подробности.

Разсмотрѣніе дѣла въ комитетѣ.

Записка графа Киселева, съ разными къ ней приложеніями, внесена была въ комитетъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1840 года, и тогда же открылись засѣданія комитета, продолжавшіяся до начала мая и возобновившіяся въ октябрѣ.

На записку графа Киселева были сдѣланы многія замѣчанія со стороны членовъ; на всѣ эти замѣчанія Павелъ Дмитріевичъ представилъ свои объясненія. Замѣчанія членовъ, кромѣ князя Меншикова, относились не къ существу дѣла, а къ его подробностямъ; но князь Меншиковъ явился рѣшительнымъ противникомъ самаго существа дѣла. Главнымъ образомъ онъ возставалъ на то, что предлагаемымъ гр. Киселевымъ способомъ „у помѣщика вся земля рѣшительно и безвозвратно отнимается изъ родоваго его дворянскаго наслѣдства: ему ничего не остается кромѣ ничтожнаго оброка, котораго онъ не въ состояніи будетъ и взыскивать". „Такимъ образомъ", говорилъ князь Меншиковъ, „помѣщикъ былъ бы *обязанъ* гораздо болѣе, чѣмъ крестьянинъ".

Мнѣніе кн. Меншикова.

Въ заключеніе князь Меншиковъ находилъ „одинъ только способъ освобожденія крестьянъ справедливымъ—способъ, употребленный въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ, а именно, чтобы земля оставалась собственностію помѣщика, а крестьяне имѣли бы право личной свободы, примѣнивъ къ сему основному началу право о половникахъ съ подворнымъ надѣленіемъ. Въ остзейскихъ губерніяхъ дворянство имѣетъ полное безотчетное право собственности на свои имѣнія; русское купечество, владѣющее землями, располагаетъ ими также произвольно, по праву собственности, отдавая ихъ поселянамъ на добровольныхъ условіяхъ. И только одно русское коренное дворянство будетъ лишено правъ своихъ и родоваго своего состоянія".

Возраженіе гр. Киселева

Графъ Киселевъ возражалъ: „При предлагаемой княземъ Меншиковымъ мѣрѣ помѣщикъ можетъ, при всякомъ окончаніи условленнаго срока, выселять крестьянъ изъ имѣнія и крестьяне поставляются между двумя крайностями, болѣе тяжкими, нежели рабство: имъ остается или купить дорогою цѣною право продолжать свое существованіе на землѣ, воздѣланной ихъ трудомъ, или оставить свои дома, осѣдлость и скитаться изъ губерніи въ губернію, доколѣ не найдутъ средствъ водвориться въ другихъ мѣстахъ. На сіе мнѣ могутъ возразить, что собственная выгода помѣщика побудитъ его къ соглашенію съ крестьянами на условіяхъ, обоюдно выгодныхъ. Но какого рода условій можно ожидать отъ подобныхъ соглашеній? Нѣтъ сомнѣнія, что помѣщики, соблюдая исключительно свои выгоды, образуютъ систему фермерства; они раздадутъ большіе участки зажиточнымъ крестьянамъ и, можетъ быть, на условіяхъ, обоюдно выгодныхъ; но взамѣнъ этого $^9/_{10}$ населенія не будутъ имѣть ни земли, ни пристанища и должны будутъ обратиться въ работниковъ къ богатымъ крестьянамъ или фермерамъ. Такимъ образомъ, выгоды помѣщика и фермера падутъ на счетъ незаплаченнаго труда бѣдныхъ, и у насъ возникнетъ, изъ нѣсколькихъ милліоновъ душъ, новый классъ бобылей или поденьщиковъ, котораго состояніе будетъ столько же несносно для нихъ, сколько и опасно для государственнаго

спокойствія. Нужно-ли подробно описывать послѣдствія подобной мѣры? онѣ многосторонни. При безпрестанномъ движеніи бобылей изъ одного мѣста въ другое для прінсканія работъ, правительство встрѣтитъ неисчислимыя затрудненія въ сборѣ податей, равно въ исполненіи рекрутской повинности, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно будетъ терпѣть значительную потерю въ доходахъ и въ рекрутахъ. При недостаткѣ выгодныхъ работъ и въ особенности при первомъ общемъ неурожаѣ, правительство поставится въ необходимость пожертвовать всѣ свои средства, дабы взять на свое продовольствіе нѣсколько милліоновъ людей, или въ противномъ случаѣ, подвергнуть внутреннее спокойствіе величайшимъ безпорядкамъ, какихъ можно ожидать отъ народа неосѣдлаго, доведеннаго до крайности нищетою и голодомъ. Всѣ сіи причины, никакъ не дозволяютъ остановиться на мысли лишать крестьянъ возможности имѣть постоянную осѣдлость и обратить цѣлое населеніе въ бродягъ или въ полукочевое состояніе“.

25-го февраля 1841 года предсѣдатель секретнаго комитета князь Васильчиковъ объявилъ, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ объявить комитету, что „такъ какъ возложенныя на него занятія истекаютъ изъ существа указа 1803 года, предоставляющаго помѣщикамъ право увольнять крестьянъ съ землею или безъ земли, по собственному желанію, то Его Величество, какъ прежде не имѣлъ, такъ и нынѣ не имѣетъ намѣренія дать когда-либо, предлагаемому дополненію указа 1803 г., силу обязательнаго закона, и потому Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы собственное желаніе помѣщиковъ на увольненіе крестьянъ было принято главнымъ основаніемъ означеннаго дополненія“.

Комитетъ, въ засѣданіяхъ 28-го февраля, 7-го и 14-го марта 1841 года, разсмотрѣвъ въ подробности всѣ статьи проекта графа Киселева, постановилъ по нимъ свои заключенія, именно: о надѣлѣ обязанныхъ крестьянъ землею, о повинностяхъ крестьянъ и объ обезпеченіи исправнаго исполненія повинностей, о переходѣ обязанныхъ крестьянъ въ другія состоянія или на другія земли, о правахъ обязанныхъ крестьянъ, о правахъ по-

мѣщиковъ, объ управленіи поселенныхъ обязанныхъ крестьянъ и о порядкѣ составленія условій.

Когда занятія Комитета приходили къ окончанію, князь Меншиковъ представилъ новую записку, въ которой отстаивая прежнее свое мнѣніе о томъ, что предполагаемая мѣра ведетъ къ отчужденію дворянскихъ недвижимыхъ имѣній и ставитъ даже въ зависимость отъ крестьянскихъ обществъ, излагалъ опасенія свои „о послѣдствіяхъ, можетъ быть и не близкихъ, сего муниципальнаго начала—отдачи земли общинамъ, коего страшились и другія государства“... „Не отъ отдѣльно обязанныхъ обывателей“, говорилъ онъ, „опасаться должно неповиновенія, но отъ общинъ, которымъ дается политическое бытіе, огражденное матеріальными силами люднаго соединенія, способнаго къ сопротивленію и слѣдовательно къ неповиновенію. Отъ неповиновенія же недалекъ переходъ къ явному мятежу, и ему, князю Меншикову, неизвѣстно, чтобы гдѣ-либо допущены были условія съ общинами низшаго класса народа. Впрочемъ, исторія лучше всего доказываетъ, что̀ общины, въ какихъ бы ни было видахъ, предпринять, выполнить и поколебать могутъ. Для упроченія власти правительства и общественнаго спокойствія не соединять, а разъединять должно силы матеріальныя: *divide et impera*“.

Графъ Киселевъ на это замѣчаніе говорилъ: „Отъ учрежденія сельскихъ обществъ обязанныхъ крестьянъ опасеній быть не можетъ. Прежде всего, должно̀ сказать, что въ учрежденіи сельскихъ обществъ нѣтъ ничего новаго; они существуютъ въ Россіи со временъ первыхъ великихъ князей, и въ оффиціальныхъ актахъ, сохранившихся съ XVI столѣтія, можно видѣть объ образованіи общественнаго управленія. Общинное начало въ устройствѣ сельскихъ состояній существовало у насъ искони, и правительство, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій постоянно усиливая сіе учрежденіе, безъ сомнѣнія побуждалось къ тому не опасеніемъ, а пользою и увѣренностію въ сохраненіи порядка и спокойствія. И дѣйствительно, нѣтъ ни одного историческаго факта, чтобы сельскія общественныя учрежденія когда-либо произвели внутреннее неустройство; но все сіе относится къ

сельскимъ общинамъ, которыя пользуются властію. Въ сельскихъ общинахъ обязанныхъ крестьянъ, напротивъ, вся власть остается въ рукахъ помѣщика, который управляетъ имѣніемъ, какъ владѣлецъ земли и какъ органъ правительства въ административномъ отношеніи, имѣя право суда и расправы... Безпорядковъ нельзя не предвидѣть въ то время, когда массу крестьянъ съ неограниченною свободою лишатъ средствъ къ существованію, обращая такимъ образомъ цѣлое населеніе въ бродячее состояніе. Возразятъ, что правительство имѣетъ силу обуздать безпорядки; но есть-ли польза и необходимость составлять положеніе, которое должно поддерживать вооруженною силою?"

Въ засѣданіи 12-го апрѣля 1841 года комитетъ разсматривалъ окончательно проектъ графа Киселева; въ засѣданіи 26-го апрѣля разсуждалъ о способѣ исполненія дополнительныхъ правилъ объ обязанныхъ крестьянахъ и полагалъ издать ихъ не въ видѣ особаго положенія, а въ видѣ Высочайшаго указа или рескрипта на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Князь Меншиковъ вслѣдъ затѣмъ представилъ вновь свои возраженія въ длинныхъ запискахъ отъ 12-го апрѣля и 10-го мая и, въ заключеніе, 29-го мая 1841 г. писалъ, что онъ остался при своемъ мнѣніи, изложенномъ въ засѣданіи комитета; что единственный способъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, который ему кажется удобнымъ и справедливымъ, это—надѣленіе крестьянъ землею, по обоюдному условію, на продолжительные сроки и съ ограниченіями, которыхъ требуетъ постепенность освобожденія, съ тѣмъ, чтобы, по прошествіи срока, крестьяне имѣли право переходить на другую землю и чтобы помѣщику не воспрещалось заключать условія подворно, и признать общинное надѣленіе, какъ мѣру переходную, тамъ, гдѣ подворная окажется затруднительною, и устранить во всякомъ случаѣ общинное надѣленіе крестьянъ на вѣчныя времена.

Вслѣдъ затѣмъ возникла переписка съ министромъ финансовъ о порядкѣ ссудъ помѣщикамъ и обязаннымъ крестьянамъ.

Окончательный журналъ комитета въ 1841 году.

Въ іюнѣ 1841 года секретный комитетъ представилъ окончательный свой журналъ на Высочайшее усмотрѣніе, вмѣстѣ съ проектомъ главныхъ основаній Положенія объ обязанныхъ крестьянахъ [1]). Но, разсуждая о способѣ приведенія въ дѣйствіе этого Положенія, комитетъ принялъ въ уваженіе, что „сколько ни старался онъ соединить въ семъ проектѣ удобства къ соглашенію взаимныхъ пользъ помѣщиковъ и крестьянъ, но разнообразное положеніе помѣщичьихъ имѣній, на обширномъ пространствѣ государства, можетъ представить такого рода особенности, которыхъ, безъ предварительнаго опыта, нельзя предвидѣть, тогда какъ, при малѣйшемъ недостаткѣ въ законѣ, помѣщики могутъ встрѣтить затрудненія въ составленіи условій; а между тѣмъ крестьяне, не видя послѣдствій сего закона, могутъ быть вовлечены въ ложныя понятія объ уклоненіи помѣщиковъ. Дабы предупредить сіи неудобства и сдѣлать проектъ сколько можно удовлетворительнымъ, комитетъ призналъ необходимымъ, до изданія его, обратиться къ нѣкоторымъ предварительнымъ мѣрамъ, которыя доставили бы возможность согласить предполагаемыя правила съ мѣстными потребностями и желаніемъ помѣщиковъ и крестьянъ. Останавливаясь на этой мысли, комитетъ полагалъ: ограничиться на первый разъ изданіемъ объяснительнаго, къ указу 1803 года, указа, которымъ сохраняя за помѣщиками полное право вотчинной собственности на земли, предоставить имъ, не стѣсняясь закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, заключать съ крестьянами свои условія, какія, по взаимному соглашенію, будутъ признаны обоюдно выгодными; причемъ въ указѣ помѣстить главныя статьи Положенія объ обязанныхъ крестьянахъ, но не касаться подробностей, дабы дать помѣщикамъ возможность развить сіи подробности въ условіяхъ по ближайшему ихъ усмотрѣнію. Такимъ образомъ, указъ, какъ дополненіе объясненія существующаго закона, отвратитъ всякій поводъ къ ложнымъ толкамъ о видахъ правительства, доставитъ

[1]) Положеніе это опредѣляло: 1) надѣлъ обязанныхъ крестьянъ землею; 2) повинности ихъ; 3) обезпеченіе исполненія сихъ повинностей; 4) отношеніе крестьянъ по ихъ состоянію и мѣсту жительства; 5) права помѣщиковъ; 6) порядокъ управленія; 7) порядокъ ссуды изъ кредитныхъ установленій.

между тѣмъ средства получить нѣкоторое число заключенныхъ благонамѣренными помѣщиками договоровъ, и сообразивъ ихъ съ проектомъ новаго положенія, приступить затѣмъ къ изданію онаго съ бо̀льшею увѣренностію на успѣхъ".

Въ заключеніе комитетъ представилъ на утвержденіе Государя проектъ указа.

На журналѣ этомъ послѣдовала собственноручная Высочайшая резолюція: „исполнить". Но на томъ-же журналѣ находится слѣдующая резолюція, написанная рукою предсѣдателя князя Васильчикова: „оставлено безъ исполненія по особо данному словесному Высочайшему повелѣнію". Утвержденіе журнала Государемъ.

Дѣло было однако только отложено: въ началѣ слѣдующаго 1842 года, по Высочайшему повелѣнію, проектъ указа объ обязанныхъ крестьянахъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ и разсматривался сначала въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи, гдѣ противникомъ проекта явился одинъ графъ Гурьевъ, а защитниками — графъ Левашовъ, Блудовъ, Лавинскій, гр. Паленъ и Тучковъ. Разсмотрѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ проекта указа объ обязанныхъ крестьянахъ въ 1842 году.

Когда журналъ соединенныхъ департаментовъ былъ назначенъ къ слушанію въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, то было заявлено, что Государь изъявилъ желаніе присутствовать въ засѣданіи Совѣта.

Наканунѣ этого засѣданія князь Васильчиковъ писалъ Государю: Письмо Государю кн. Васильчикова.

„Ваше Императорское Величество!

Постоянно думая о впечатлѣніи, которое произведетъ присутствіе Вашего Величества въ Совѣтѣ въ будущій понедѣльникъ, я глубоко убѣжденъ въ благѣ, которое отъ этого послѣдуетъ, если пренія будутъ свободны и продолжительны, потому что въ этомъ увидятъ только желаніе Ваше выяснить вопросъ, до такой степени важный; въ противномъ случаѣ, не преминутъ сказать, что Вы явились въ засѣданіе только для того, чтобы погасить пренія. Я опасаюсь, что въ настоящемъ случаѣ благое впечатлѣніе, долженствующее неминуемо произойти при заявленіи, которое Ваше Величество предполагаете

сдѣлать, что въ Ваши принципы не входитъ освободить крестьянъ обязательнымъ для всѣхъ закономъ,—что это впечатлѣніе будетъ потеряно; а между тѣмъ только это заявленіе можетъ успокоить умы тѣхъ, которые полагаютъ, что это—не что иное, какъ первый шагъ, и что Вы намѣреваетесь вести дѣло далѣе.

„Простите, Государь, что я беру смѣлость настаивать на этомъ предметѣ; но дѣло мнѣ кажется слишкомъ важнымъ, чтобы остановиться и не высказать предъ Вами моихъ мыслей съ обыкновенною моею откровенностію".

Засѣданіе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта въ присутствіи Государя.

Засѣданіе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта въ присутствіи Государя состоялось 30-го марта 1842 года. Объ этомъ засѣданіи въ журналѣ Государственнаго Совѣта записано слѣдующее:

„По назначеніи къ докладу въ семъ засѣданіи журнала соединенныхъ департаментовъ законовъ и экономіи, касательно договоровъ помѣщиковъ съ крестьянами, Государь Императоръ, прибывъ въ Государственный Совѣтъ, объявить изволилъ, что прежде слушанія сего дѣла, нужнымъ считаетъ ознакомить членовъ съ Своимъ образомъ мыслей по сему предмету и съ руководившими Его Величество побужденіями. Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право, въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи, есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ. Блаженныя памяти Императоръ Александръ I-й, въ намѣреніяхъ коего, въ началѣ Его царствованія, было даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, впослѣдствіи самъ отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи. Его Величество также не изволитъ никогда на сіе рѣшиться, считая, что если время, когда можно будетъ къ тому приступить, вообще весьма еще далеко, то въ настоящую эпоху всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства. Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ достигнуть буйство черни. Позднѣйшія событія и попытки сего рода доселѣ всегда были счастливо прекра-

щаемы, что̀, конечно, и впредь точно также будетъ предметомъ особенной и, съ помощію Божіею, успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, что нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться *навсегда*. Причины сей перемѣны мыслей и чаще повторяющихся въ послѣднее время безпокойствъ нельзя не отнести главнѣйше: во 1-хъ, къ собственной неосторожности помѣщиковъ, которые даютъ крѣпостнымъ своимъ людямъ несвойственное имъ высшее воспитаніе, и чрезъ то развивая въ нихъ новый кругъ понятій, дѣлаютъ положеніе ихъ еще болѣе тягостнымъ; и во 2-хъ къ тому, что нѣкоторые помѣщики, хотя, благодаря Богу, самое меньшее ихъ число, забывая благородный долгъ, употребляютъ во зло свою власть, а къ пресѣченію сихъ злоупотребленій дворянскіе предводители, какъ многіе изъ нихъ Его Величеству отзывались, не находятъ средствъ въ законѣ, ничѣмъ почти неограничивающемъ помѣщичьей власти. Но если настоящее положеніе таково, что не можетъ продолжаться, а рѣшительныя къ прекращенію онаго мѣры, безъ общаго потрясенія, невозможны, то необходимо по крайности, пріуготовить средства для постепеннаго перехода къ иному порядку вещей и, не устрашаясь предъ всякою перемѣною, хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія. Не должно давать вольности, но должно открыть путь къ другому, переходному состоянію, связавъ съ нимъ ненарушимое охраненіе вотчинной собственности на землю. Государь Императоръ почитаетъ сіе священною своею обязанностію и обязанностію преемниковъ Своихъ на престолѣ, а средства къ тому, по мнѣнію Его Величества, вполнѣ представляются въ предложенномъ нынѣ Государственному Совѣту проектѣ указа. Онъ, во 1-хъ, не есть законъ *новый*, а лишь— послѣдствіе и, такъ сказать, развитіе существующаго сорокъ лѣтъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ; во 2-хъ, устраняетъ однакоже вредное начало помянутаго закона—отчужденіе отъ помѣщиковъ поземельной собственности, которую, напротивъ, столько по всему желательно видѣть навсегда неприкосновен-

ною въ рукахъ дворянства, мысль, отъ коей Его Величество никогда не отступитъ; въ 3-хъ, выражаетъ прямо волю и убѣжденіе правительства, что земля есть собственность не населенныхъ на ней крестьянъ, а помѣщиковъ, предметъ—также первостепенной важности для будущаго спокойствія; наконецъ, въ 4-хъ, безъ всякихъ крутыхъ переворотовъ, безъ вида даже нововведенія, даетъ каждому благонамѣренному владѣльцу средства улучшить положеніе его крестьянъ и, отнюдь не налагая сего по принужденію или съ стѣсненіемъ правъ собственности, предоставляетъ *все единственно доброй его волѣ и влеченію собственнаго сердца.* Съ другой стороны, оставляя крестьянъ крѣпкими той землѣ, на коей они записаны, проектъ избѣгаетъ неудобствъ тѣхъ положеній, которыя доселѣ дѣйствовали въ Остзейскихъ губерніяхъ, положеній, доведшихъ крестьянъ до самаго жалкаго состоянія, обратившихъ ихъ въ батраковъ и побудившихъ нынѣ тамошнее дворянство единодушно просить именно того-же, что теперь здѣсь предполагается. Между тѣмъ Его Величество изволитъ повторять, что все должно идти постепенно и не можетъ и не должно быть сдѣлано разомъ или вдругъ. Настоящій проектъ содержитъ въ себѣ однѣ главныя начала и указанія. Онъ открываетъ, какъ уже сказано, всякому способъ, подъ защитою и при пособіи закона, слѣдовать сердечному своему влеченію. Въ огражденіе интереса помѣщиковъ ставится добрая ихъ воля и собственная заботливость, а интересъ крестьянъ будетъ ограждаться разсмотрѣніемъ проектовъ условій, не только мѣстными властями, но и высшимъ правительствомъ, съ утвержденія власти самодержавной. Идти теперь далѣе и обнять впередъ прочія, можетъ статься весьма обширныя развитія сихъ главныхъ началъ невозможно. При желаніи помѣщиковъ воспользоваться дѣйствіемъ указа, представляемые отъ нихъ проекты условій, на мѣстностяхъ и на различныхъ родахъ хозяйства основанные, будучи соображаемы тѣмъ же порядкомъ, какъ договоры съ свободными хлѣбопашцами, по практическимъ даннымъ укажутъ, что̀ нужно и можно будетъ сдѣлать въ подробностяхъ и что̀ теперь, при всей осторожности и предусмотрительности, легко

могло бы быть упущено. Но отлагать начинаніе, котораго польза очевидна, и отлагать потому лишь, что нѣкоторые вопросы съ намѣреніемъ оставляются неразрѣшенными, и что на первый разъ предвидятся нѣкоторыя недоумѣнія, Государь Императоръ не изволитъ находить никакой причины. Невозможно ожидать, чтобы дѣло сіе принялось вдругъ и повсемѣстно. Это не соотвѣтствовало бы даже и видамъ правительства. Между тѣмъ, при постепенномъ и вѣроятно медленномъ развитіи на различныхъ пунктахъ Имперіи, опытъ всего лучше придетъ здѣсь на помощь. Имъ развяжутся всего надежнѣе и такіе вопросы, которые теперь, безъ пособія его, кажутся затруднительными. Въ законѣ должны быть одни главныя начала; частности разрѣшатся при частныхъ случаяхъ, и совокупный сводъ сихъ случаевъ впослѣдствіи, будетъ основою цѣлаго, положительнаго уже законодательства.

„Далѣе Государь Императоръ присовокупить изволилъ, что хотя дѣломъ симъ весьма продолжительно и подробно занимался особый комитетъ, однако, не скрывая отъ себя всей его важности, Его Величество не рѣшился подписать указа безъ новаго пересмотра въ Государственномъ Совѣтѣ; почему, любя всегда правду и полагаясь на опытность и вѣрноподданническое усердіе его членовъ, приглашать ихъ изволитъ изъяснить теперь со всею откровенностію ихъ мысли, не стѣсняясь личнымъ Его Величества убѣжденіемъ. Одного только Государь Императоръ не можетъ не поставить съ прискорбіемъ на видъ Совѣту, именно—той публичной, естественно преувеличенной молвы о семъ дѣлѣ, которой источникъ заключается въ неумѣстныхъ разглашеніяхъ со стороны лицъ, облеченныхъ Высочайшимъ довѣріемъ и обязанныхъ къ храненію государственной тайны самымъ долгомъ ихъ присяги. Подтверждая, вслѣдствіе того, предъ всѣмъ собраніемъ Государственнаго Совѣта о ненарушимомъ впредь исполненіи сего присяжнаго долга со стороны, какъ членовъ, такъ и канцеляріи, Его Величество изволитъ предварять, что если, сверхъ ожиданія, дошли бы еще до Его свѣдѣнія подобныя разглашенія, то

виновные будутъ судимы по строгости законовъ, какъ за преступленіе государственное.

„За симъ, по Высочайшей волѣ, прочтены были государственнымъ секретаремъ журналъ Соединенныхъ Департаментовъ и самый проектъ указа. Государь Императоръ, открывая сужденіе отдѣльно по каждой статьѣ, удостоилъ Всемилостивѣйше выслушать мнѣнія и замѣчанія членовъ, совокупно съ сдѣланными на нихъ возраженіями, и разрѣшить тутъ же произшедшее, касательно редакціи 8-й ст., разногласіе.

„Послѣ сего, Государь Императоръ повелѣть изволилъ прочесть для свѣдѣнія Государственнаго Совѣта, проектъ циркуляра отъ министра внутреннихъ дѣлъ, который въ упрежденіе всякихъ превратныхъ толковъ и могущихъ произойти отъ нихъ безпокойствъ, предполагается, по волѣ Его Величества, разослать ко всѣмъ начальникамъ губерній современно съ обнародованіемъ указа.

„Повторивъ за симъ вновь сказанное прежде о ненарушимомъ на будущее время сохраненіи присяжной по дѣламъ тайны, Государь Императоръ изволилъ закрыть собраніе, удостоивъ членовъ Всемилостивѣйшаго привѣтствія съ совершеніемъ столь благого, въ мысляхъ Его Величества, дѣла".

Бывшій тогда государственный секретарь графъ Корфъ о засѣданіи 30-го марта въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что „противъ указа говорили Кутузовъ [1]), графъ Гурьевъ и князь Волконскій, а князь Д. В. Голицынъ предложилъ новую мысль; онъ сказалъ, что договоры, если оставить ихъ на волю владѣльцевъ, едва ли кѣмъ будутъ заключаемы и потому предлагалъ прямо ограничить власть помѣщиковъ инвентарями, взявъ въ примѣръ и основаніе извѣстный указъ Павла I-го объ ограниченіи работъ крестьянъ на помѣщиковъ 3 днями въ недѣлю.

„Но эта мысль очевидно противорѣчила убѣжденію Государя о необходимости сохранить крѣпостное право, по крайней мѣрѣ до времени, неприкосновеннымъ. „Я конечно, сказалъ Онъ, самодержавный и самовластный, но на такую

[1]) Графъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ.

мѣру никогда не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключать договоры; это должно быть дѣломъ доброй ихъ воли, и только опытъ укажетъ въ какой степени можно будетъ перейдти отъ добровольнаго къ обязанному".

„Графъ Киселевъ всталъ только однажды, чтобы сказать коротко, что согласился на заключенія комитета и теперь не споритъ противъ нихъ единственно, въ той надеждѣ, что это будетъ предисловіемъ или вступленіемъ къ чему нибудь лучшему и обширнѣйшему впослѣдствіи времени".

Чрезъ три дня послѣ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, именно 2-го апрѣля, былъ подписанъ Государемъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ.

ГЛАВА XL.

ПОСЛѢДСТВІЯ УКАЗА 2 АПРѢЛЯ 1842 ГОДА.
(1842 — 1848).

Сущность указа 1842 г.—Толки при появленіи указа 2-го апрѣля 1842 г. —Противодѣйствія приведенію указа въ исполненіе. — Обращеніе княземъ Воронцовымъ крестьянъ одного своего имѣнія въ обязанные; встрѣченныя имъ затрудненія.— Письма князя Воронцова и графа Бенкендорфа. — Безпорядки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ 1845—1847 годахъ.—Попытки Государя, личными своими объясненіями съ предводителями дворянства, возбудить въ нихъ добрую волю къ устройству своихъ крестьянъ на основаніи указа 2-го апрѣля 1842 г.—Вызовъ депутатовъ смоленскаго дворянства; объясненія съ ними Государя.—Отвѣтныя записки, представленныя губернскимъ предводителемъ дворянства княземъ Друцкимъ-Сокольницкимъ.—Замѣчанія графа Киселева на эти записки.—Совѣтъ Киселева дѣйствовать въ крестьянскомъ вопросѣ открыто.—Охлажденіе Государя къ крестьянскому вопросу.—Прекращеніе дружескихъ отношеній между кн. Меншиковымъ и гр. Киселевымъ.

Сущность указа 1842 года.

По указу 1803 года помѣщику предоставлялось право увольнять своихъ крестьянъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, съ утвержденіемъ притомъ за ними участка земли, или и цѣлой дачи.

Условіе отчужденія помѣщичьихъ земель считалось главною, если не единственною причиною тому, что въ теченіе 40 лѣтъ было уволено въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ весьма незначительное число помѣщичьихъ крестьянъ, и что указъ 1803 года не оказалъ никакого вліянія на измѣненіе крѣпостнаго права.

По указу 1842 года предоставлялось помѣщикамъ, кото-

рые сами пожелаютъ, заключать съ крестьянами своими по взаимному соглашенію договоры, съ тѣмъ, чтобы помѣщики сохраняли принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на земли, а крестьяне получали отъ нихъ участки земли въ пользованіе за условленныя повинности; заключенные на семъ основаніи договоры должны были оставаться навсегда ненарушимыми, съ помѣщика слагалась отвѣтственность за подати крестьянъ, за продовольствіе ихъ и за пособія имъ въ пожарныхъ случаяхъ. Право суда и расправы оставлялось за помѣщикомъ или за учрежденнымъ имъ-же вотчиннымъ управленіемъ.

Крестьяне считались крѣпкими землѣ, а не лицу помѣщика; ни надѣлъ землею крестьянъ, ни повинности ихъ, немогли уже быть измѣняемы по произволу помѣщика; рекрутская повинность отправлялась крестьянами не по произволу помѣщика, а по общему рекрутскому уставу.

Такимъ образомъ, было положено начало введенія законныхъ отношеній между крестьянами и помѣщикомъ; но эта мѣра могла имѣть мѣсто лишь тамъ, гдѣ желалъ этого помѣщикъ; она не была обязательною для всѣхъ помѣщиковъ, слѣдовательно, не могла имѣть рѣшительнаго вліянія на коренное измѣненіе крѣпостнаго права во всемъ государствѣ.

Толки при появленіи указа 2-го апрѣля 1842 г.

Указъ 2 апрѣля далеко не заключалъ въ себѣ того, что желалъ ввести Киселевъ, какъ это видно изъ словъ, сказанныхъ имъ въ Государственномъ Совѣтѣ; тѣмъ не менѣе появленіе этого указа надѣлало много шума и тревогъ, особенно въ средѣ помѣщиковъ. Крѣпостное право было въ такой силѣ, въ такой степени сроднилось съ понятіями и нравами помѣщиковъ, до того вошло, такъ-сказать, въ плоть и кровь, что одно слово, одинъ намекъ на перемѣну прежняго порядка вещей производили уже безпокойство и крики. Умственное настроеніе общества представляло полный застой и много надо было имѣть силы убѣжденія и энергіи, чтобы дать толчекъ этой апатіи, и еще болѣе чтобы взяться проводить мысль объ освобожденіи крестьянъ, хотя бы на самыхъ умѣренныхъ началахъ. Для характеристики тогдашняго умственнаго на-

строенія приводимъ здѣсь слова современника [1]), записавшаго впечатлѣніе произведенное въ обществѣ изданіемъ указа 2 апрѣля.

„Указъ 2 апрѣля 1842 г., ожидаемый съ такимъ тревожнымъ чувствомъ, естественно долженъ былъ произвести многочисленные толки. Въ самый день выхода его изъ сенатской типографіи въ Петербургѣ, при встрѣчѣ знакомыхъ первый вопросъ былъ: читали-ли вы указъ (какой—не нужно было объяснять). Люди досужіе, у коихъ утро занято взаимными посѣщеніями, скакали изъ дома въ домъ съ экземпляромъ указа въ карманѣ. Самыя женщины показали свои способности быть публицистами. Невозможно опредѣлить сущность толковъ, бывшихъ въ первые дни: тутъ въ полномъ смыслѣ осуществилась поговорка: кто во что гораздъ. Но изъ всей этой безобразной массы толковъ высказывалось выше всего—злословіе, часто переходившее въ клевету на лицъ, которыхъ считали главными виновниками указа. Разсказывали утвердительно, что эти лица (правильнѣе лицо) продали дорогою цѣною свои имѣнія въ казну и потомъ пустили въ ходъ указъ. Выдавали за достовѣрное, что одинъ вельможа (Киселевъ) продалъ такимъ образомъ имѣніе свое въ харьковской губерніи, и на возраженіе, что у него нѣтъ и не было ни одной души въ этой губерніи, подозрительно покачивали головой.

„Но время лихорадочнаго настроенія прошло. Посмотрѣвши въ лицо указу, въ которомъ ожидали встрѣтить окончательный вопросъ *быть или не быть*, и не встрѣтивши буквально его, рѣшили, что дѣло не касается до нихъ, что ихъ еще не зовутъ разсѣкать гордіевъ узелъ, слѣдовательно не объ чемъ хлопотать. Но Петербургъ не довольствовался своими толками; онъ ждалъ вѣстей изъ Москвы. „Главное, говорили, что скажетъ Москва; тамъ живутъ ближе къ сценѣ, на которой должна разыграться драма“.—Что же сказала въ самомъ дѣлѣ Москва? Съ первою почтою она прислала извѣстіе, что помѣщики бѣгутъ изъ деревень въ Москву, потому что крестьяне будутъ бунтовать непремѣнно. Крестьяне по-

[1]) Найденныя въ бумагахъ Киселева.

мѣщичьи, однако, не бунтовали въ самомъ дѣлѣ. Но сдѣлались безпорядки между государственными крестьянами въ казанской губерніи, и Москва поспѣшила увѣдомить Петербургъ, что въ казанской губерніи крестьяне взбунтовались вслѣдствіе указа. Затѣмъ, что же было въ Москвѣ? При всемъ хаосѣ толковъ, при всей оппозиціи, столь же обычной Москвѣ, сколько и мало основательной, Москва обрадовалась тому, что нетолько у дворянства не отнимаютъ земли, но что даже указъ отнимаетъ у крестьянъ всякую мысль о томъ, что земля, на которой они живутъ, можетъ когда-либо принадлежать имъ въ собственнность.

„Вообще Москва находила указъ самъ по себѣ ни хорошимъ, ни дурнымъ; но циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ очень не хвалила и говорила, что не отъ указа, а отъ циркуляра надо ждать бѣды; ибо первый остался бы совершенно неизвѣстнымъ крестьянамъ. Были однако люди, которые по видимому хотѣли ближе вникнуть въ сущность указа. Одни изъ нихъ находили страннымъ вступленіе, и не находя подробностей о томъ, какъ заключать контракты, какъ учреждать вотчинное управленіе, какія повинности слѣдуетъ налагать на крестьянъ и проч., оставались въ недоумѣніи, что сказать положительнаго объ указѣ. Другіе говорили: что значитъ понуждать крестьянъ къ исполненію договоровъ? Это значитъ рѣшительно отказаться отъ нихъ и отъ данной имъ земли. На это имъ возражали: „Теперь, когда и крестьяне въ полной вашей власти, когда вамъ отдано не только ихъ имущество, но и самое тѣло, развѣ исправно получаете вы доходы, вполнѣ пользуетесь оброками, у васъ нѣтъ недоимокъ и неоплатныхъ долговъ крестьянскихъ„?—„Конечно такъ“, отвѣчали они; затѣмъ, слѣдовало молчаніе, ибо легче найти затрудненіе, нежели указать средство его отвратить. Третьи наконецъ, уже весьма немногіе, проникая болѣе въ глубь дѣла, сочувствуя всякому успѣху, и питая надежду на будущее, отрицали дѣйствительную силу указа въ настоящее время, но считали его все-таки шагомъ впередъ.

Прислушавшись ко всѣмъ этимъ толкамъ, раждается во-

просъ: осуществятся ли мысли законодателя, много ли помѣщиковъ устроятъ свои имѣнія на основаніи новаго закона?

„Что съищутся такіе—въ томъ нельзя сомнѣваться. Но нельзя также скрыть убѣжденія, что такіе случаи будутъ не многочисленны. Уже одно то, что новый законъ не имѣетъ обязательной силы, погрузитъ его для большинства въ совершенное забвеніе, пока новый толчекъ со стороны правительства не пробудитъ отъ усыпленія, и тогда навѣрное можно сказать—вмѣсто бодрственнаго размышленія и дѣйствія, у насъ начнутся грезы.

„Другое важное обстоятельство, парализующее у насъ такъ часто самыя важныя предначертанія правительства, есть совершенное разъединеніе людей, для которыхъ предпринимается дѣло, отъ лицъ, составляющихъ то, что у насъ понимаютъ подъ словомъ правительства. Законъ въ своихъ началахъ самый благодѣтельный, теряетъ въ исполненіи всю свою силу, потому что тѣ, до которыхъ онъ касается, или вовсе не понимаютъ намѣренія правительства, или толкуютъ его криво, или найдя какую либо погрѣшность въ подробностяхъ, стараются подорвать весь нравственный кредитъ закона.

„Одинъ тамбовскій помѣщикъ, человѣкъ замѣчательнаго ума, съ европейскимъ образованіемъ, соединяющій глубокое знаніе русскаго дворянина и крестьянина, толковалъ слѣдующимъ образомъ объ указѣ:

„Я не врагъ эмансипаціи крестьянъ; нѣтъ человѣка болѣе меня готоваго на эту мѣру. Въ этомъ порукою всегдашній мой образъ мыслей и поступки мои и наконецъ то, что я человѣкъ одинокій. Но по состоянію нашего крестьянина необходимо: или отдать его въ полное распоряженіе помѣщика, или поставить его внѣ всякой зависимости отъ послѣдняго. Договоръ и контрактъ есть еще анахронизмъ для нашего крестьянина и долго останется такимъ; полумѣры, къ которымъ я причисляю и указъ 2-го апрѣля, не приведутъ ни къ чему“.

„— Какъ же вы думали бы устроить положеніе крестьянъ, уничтоживъ всякую зависимость отъ помѣщиковъ?

„— Разумѣется отдать крестьянамъ то, что ихъ, т.-е. свободу, и оставить помѣщикамъ ихъ собственность, т.-е. землю. Тотъ и другой распоряжайся своею собственностью какъ хочетъ. Опровергать несообразность подобной мѣры излишне.

„Нѣкоторые, наконецъ, толкуютъ такъ:

„Если всѣ обстоятельства и нравственныя, и хозяйственныя убѣждаютъ въ необходимости уничтожить крѣпостное право, то зачѣмъ не дѣйствовать прямо, откровенно и рѣшительно? Если на это есть воля Государя, то остается сказать помѣщикамъ въ главныхъ чертахъ чего желаетъ Онъ, и затѣмъ предоставить самимъ помѣщикамъ привести это въ исполненіе. Тогда дѣло будетъ кончено однимъ разомъ и повѣрьте, безъ всякихъ потрясеній. Крестьяне зная, что занимаются устройствомъ ихъ судьбы, будутъ ждать въ смиреніи; безнадежность побуждаетъ человѣка на дѣйствія отчаянныя и преступныя; а надежда лучшаго, заставляетъ терпѣливо сносить всевозможныя страданія физическія и нравственныя“ [1]).

„Быть можетъ эта мысль слишкомъ рѣшительная, но она достойна вниманія уже потому, что существуетъ, что не чужда людей, принимающихъ живой интересъ въ дѣлѣ и можетъ быть противопоставлена совершенному отрицанію всякаго освобожденія. Ибо, къ сожалѣнію, есть еще много поборниковъ крѣпостнаго права, которые полагаютъ, что крестьянамъ не должно быть свободными потому же, почему лошадь не можетъ быть коровою. Очевидно, что это доказательство основывается на правѣ историческомъ, котораго, впрочемъ, помѣщики не знаютъ, ибо оно не въ пользу ихъ, а въ пользу крестьянина“.

Противодѣйствія приведенію указа въ исполненіе.

Первыя попытки осуществленія указа встрѣтили такія затрудненія и такія противодѣйствія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, что дѣло могло бы погибнуть, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда, еслибы къ этому дѣлу не были причастны такіе энергичные люди, какъ графъ Киселевъ и князь М. С. Воронцовъ.

---

[1]) Слова эти вполнѣ оправдались спустя 15 лѣтъ, въ 1857—1861 г.

Обращеніе княземъ Воронцовымъ крестьянъ одного своего имѣнія въ обязанные; встрѣченныя имъ затрудненія.

Князь Воронцовъ, по совѣту графа Киселева, рѣшился первый сдѣлать своихъ крестьянъ обязанными. Для начала онъ выбралъ свое имѣніе подъ Петербургомъ, село Мурино. По указаніямъ графа Киселева онъ составилъ проектъ договора съ крестьянами; лѣтомъ 1842 года пріѣхалъ въ Петербургъ, согласилъ крестьянъ и пустилъ дѣло въ ходъ. Къ несчастью, Киселева не было въ Петербургѣ и дѣло встрѣтило непредвидимыя препятствія; князь Воронцовъ не зналъ чтó дѣлать.

Письма князя Воронцова и графа Бекендорфа.

Вотъ что писалъ онъ объ этомъ графу Киселеву:

„Спб. 20 августа 1842 г.

....„Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ (въ Петербургъ) я занялся Муринскимъ дѣломъ. Оно устроилось между крестьянами и мною скоро и хорошо; все было подписано съ обѣихъ сторонъ; но тутъ-то и начались трудности и задержки.

„Во-первыхъ, ни одинъ нотаріусъ не хотѣлъ засвидѣтельствовать акта, говоря, что это совершенная новость. Потомъ, канцелярія предводителя дворянства не могла принять моего прошенія, потому что это была новость; я долженъ былъ послать курьера съ этими бумагами къ самому Потемкину [1]) въ Гостилицы. Потемкинъ былъ такъ добръ, что пріѣхалъ чрезъ два дня въ городъ нарочно для этого дѣла. Но оказалось, что надо было написать прошеніе на имя уѣзднаго предводителя, которымъ теперь Левъ Нарышкинъ. Послѣдній обѣщалъ мнѣ самъ съѣздить на будущей недѣли въ Мурино, чтобы исполнить формальности повѣрки. Но меня страшила мысль, которая у нихъ есть,—что мое прошеніе должно пойдти послѣ этого въ комитетъ министровъ. Я поговорю объ этомъ съ Карнѣевымъ и Перовскимъ; но пока, я хотѣлъ вамъ написать объ этомъ, чтобы показать, что есть что-то въ родѣ оппозиціи подчиненныхъ противъ благихъ намѣреній тѣхъ, которые писали указъ.

„Конечнó я преодолѣю все, что касается Мурина;—но очень боюсь, что много подобныхъ дѣлъ, и особенно вдали

---

[1]) Тогдашній с.-петербургскій губернскій предводитель дворянства.

отъ столицы, могутъ быть остановлены и запутаны такими затрудненіями и проволочками.

„По возвращеніи сюда, вы можете узнать обо всемъ этомъ и увидите что̀ можно будетъ сдѣлать, чтобы устранить эти препятствія, если они продолжатся.

„Я напишу вамъ еще предъ своимъ отъѣздомъ, который, какъ я думаю, состоится 1-го сентября....

„Вамъ одному".

„Спб. 7 сентября 1842 г.

„Какъ я васъ и предупреждалъ, любезный графъ, я не хочу выѣхать изъ Петербурга, не поговоривъ съ вами. Я не знаю, когда вы вернетесь сюда, но желаю, чтобы это было какъ можно скорѣе, особенно для муринскаго дѣла, которое требуетъ, мнѣ кажется, вашего присутствія, чтобы пройти безъ затрудненій. Я отъ души желаю, чтобы Перовскій не представилъ дѣло въ комитетъ министровъ ранѣе вашего пріѣзда, потому что нѣкоторые изъ этихъ господъ хотятъ затормозить его и, между прочимъ, Волконскій, который сказалъ вчера Бенкендорфу, что онъ слышалъ, будто бы въ моемъ контрактѣ есть вещи, о которыхъ не было рѣчи въ указѣ 2-го апрѣля; эти господа въ канцеляріяхъ имѣютъ страсть предлагать перемѣны, если не серьезныя, то по крайней мѣрѣ, въ редакціи, хотя бы для того только, чтобъ показать, что они дѣлаютъ что-нибудь на бѣломъ свѣтѣ.

„Между тѣмъ, перемѣна предложенная такимъ образомъ, можетъ почти погубить все дѣло, потому что послѣ моего отъѣзда придется посылать бумаги въ Одессу или Богъ знаетъ куда, а вы понимаете, какое дурное впечатлѣніе произведетъ это въ самомъ началѣ и при первомъ опытѣ въ этомъ родѣ. Вамъ надо защищать ваше дѣло. Вы знаете, что контрактъ былъ проектированъ и написанъ у васъ, и что въ немъ нѣтъ ничего моего. Вслѣдствіе довѣрія, которое вы показали мнѣ въ прошломъ году, я былъ очень счастливъ, что могъ, не теряя времени, доказать возможность подобнаго соглашенія и сдѣлать опытъ полезнаго дѣла, которое однакожъ обратится въ мертвую букву, если вмѣсто поощренія, затормо-

зять первый опытъ. Между тѣмъ, эти господа высказываютъ, по поводу этого дѣла, что никто не желаетъ и что все канетъ въ воду. Я просилъ Карнѣева зайдти сего дня утромъ ко мнѣ, разсказалъ ему все и просилъ его предупредить объ этомъ Гамалея. Впрочемъ, если какъ я надѣюсь, дѣло будетъ представлено въ вашемъ присутствіи, вы лучше всѣхъ съумѣете устранить затрудненія и разъяснить вашимъ коллегамъ, что если затормозятъ первую пробу и внушатъ къ ней отвращеніе, то все дѣло неминуемо рушится. Пріѣзжайте-же, любезный другъ, и еще разъ повторяю, защитите ваше собственное произведеніе. Я больше всего боюсь, что они, желая затормозить дѣло, прибѣгнутъ къ полумѣрѣ; попросятъ меня прежде, чѣмъ представится дѣло Государю, сдѣлать небольшое измѣненіе или даже просто объясненіе на какой нибудь параграфъ. Это бы ничего, если бы я былъ здѣсь; но разъ я уѣду, это равняется полнѣйшей гибели; а въ этомъ кажется вся предположенная цѣль. Не говорите никому, любезный другъ, того, что я вамъ здѣсь высказываю, защищайте сущность и форму дѣла, не оскорбляя никого, не подвергая меня какому нибудь неудовольствію со стороны этихъ господъ.

„Вполнѣ полагаюсь въ этомъ дѣлѣ на вашу дружбу, а еще болѣе на желаніе, которое вы должны имѣть болѣе, чѣмъ кто либо, чтобы дѣло пошло успѣшно. Мы уѣзжаемъ сегодня же, пишите мнѣ въ Одессу.

„Обнимаю васъ отъ всего сердца и остаюсь
на всю жизнь весь вашъ

М. Воронцовъ“.

Эти два письма сохранились вмѣстѣ съ запискою графа Бенкендорфа, писанною по поводу ихъ. Видно, что графъ Киселевъ передавалъ письма князя Воронцова графу Бенкендорфу.

Записка безъ числа:

„Вотъ, любезный другъ, оба письма; ихъ не слѣдуетъ показывать in extenso. Я отмѣтилъ мѣста, изъ которыхъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ составить маленькую записку, какъ

выдержку изъ письма Воронцова, и показать ее Государю; это дастъ вамъ случай все высказать; это необходимо; затѣмъ я буду горячо говорить. Было бы истиннымъ несчастьемъ, если бы дѣло остановилось; скажу болѣе—это было бы ударомъ верховной власти и вѣчною преградою для дѣла самаго нужнаго, самаго необходимаго для постепеннаго освобожденія крестьянъ.

весь вашъ
А. Бенкендорфъ".

Неизвѣстно, было ли доложено объ этомъ Государю, но дѣло долго еще тормозилось. Цѣлый рядъ писемъ князя Воронцова свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Особенно интересны слѣдующія:

„Алупка, 7 октября 1842 г.

„Посылаю вамъ, любезный Павелъ Дмитріевичъ, письмо только что полученное отъ моего управляющаго въ Петербургѣ. Онъ, кажется, подтверждаетъ мои опасенія и предположенія относительно препятствій, которыми хотятъ затормозить муринское дѣло. Этого бѣднаго человѣка допрашиваютъ, ему предлагаютъ кучу вопросовъ, какъ будто онъ участникъ въ какомъ нибудь очень подозрительномъ дѣлѣ, не во вкусѣ правительства. Я надѣюсь, что онъ самъ приходилъ къ вамъ за совѣтомъ и покровительствомъ; но такъ какъ онъ человѣкъ честный, но тихій и робкій, то быть можетъ онъ не посмѣлъ этого сдѣлать, и я нахожу лучшимъ сообщить вамъ тѣ подробности, которыя онъ мнѣ передаетъ, для того, чтобы вы знали навѣрное о чемъ его спрашивали и о чемъ еще, быть можетъ, будутъ спрашивать, прежде нежели дадутъ какой нибудь ходъ—хорошій или дурной этимъ дѣламъ. Хотя министерство внутреннихъ дѣлъ давно уже ставитъ намъ бревна на пути и дѣлаетъ самыя мелочныя затрудненія при каждомъ представленіи, какъ бы просто оно ни было, какъ бы дешево и полезно ни было дѣло для той мѣстности, для которой оно предполагается: касается ли то

почтовой станціи, или дѣло идетъ о новомъ перевозѣ для сокращенія пути, о новомъ способѣ освѣщенія города на его же счетъ и съ сокращеніемъ расходовъ; но я не хочу думать, чтобы затрудненія противъ муринскаго дѣла были преднамѣренны; можетъ быть это не болѣе какъ слѣдствіе крайняго злоупотребленія системы централизаціи, которая ставитъ насъ въ зависимость не отъ министра, не отъ директора даже, а отъ начальника отдѣленія, часто даже отъ столоначальника, имѣющихъ постояннымъ правиломъ предлагать пустые вопросы, и подъ предлогомъ безполезныхъ и часто нелѣпыхъ справокъ, останавливаютъ, отвращаютъ насъ и часто дѣлаютъ то, что самыя несомнѣнно-полезныя дѣла не удаются. Впрочемъ, какъ вы могли видѣть изъ того письма, которое я вамъ писалъ еще изъ Петербурга, у меня есть причина думать, что существуютъ нѣкоторые замыслы противъ всего этого дѣла, если нѣтъ ихъ и противъ меня лично. Что касается до меня лично, то мнѣ все равно, хотя будетъ очень смѣшно, что за желаніе дать первый примѣръ полезнаго дѣла, направленнаго правительствомъ и угоднаго Государю, меня обвинятъ опять, какъ въ 1820 году, въ опасныхъ намѣреніяхъ возмущать крестьянъ. Но болѣе всего огорчаетъ меня во всемъ этомъ то, что такой способъ дѣйствій парализуетъ и разрушаетъ съ самаго начала великую мѣру, благодѣтельную въ принципѣ и полезную въ приложеніи. Вы знаете, что я единственнымъ недостаткомъ ея находилъ то, что найдется не много людей, которые устроятъ это соглашеніе; но если вмѣсто того, чтобъ поддерживать, или хоть предоставить свободно дѣйствовать, министерство внутреннихъ дѣлъ начнетъ тормозить дѣло и придираться къ очень простому, по указанію правительства сдѣланному соглашенію, отъ котораго я ничего не выигрываю, но которымъ крестьяне довольны и благодарны, то можетъ явиться уже не боязнь о малыхъ результатахъ, а увѣренность въ томъ, что никакихъ результатовъ вовсе не будетъ. Что касается до меня, то я терпѣливъ и не боюсь толковъ и сплетень такихъ людей, какъ Ермоловъ, какъ старыя петербургскія барыни и

московскіе дворяне; но не всѣ такъ думаютъ: всякій, кто увидитъ, что онъ навлекаетъ на себя не только упреки, но еще и придирки министерства, непремѣнно отстранится отъ такого дѣла.

„Передаю вамъ все это дѣло. Берегите свое дѣтище, которое находится въ опасномъ положеніи; освободите его изъ рукъ филистимлянъ, которые желаютъ его погибели. Вамъ предстоитъ рѣшить должно ли мое муринское дѣло быть заторможено ссылками на статьи Свода Законовъ, напечатанныя гораздо раньше обнародованія новаго закона, на которомъ было основано это соглашеніе. Что касается до меня, то я въ этомъ ничего не понимаю и мнѣ кажется, что нелѣпо желать прилагать къ этому совершенно новому и столь отличному отъ прежнихъ дѣлу, законъ 1803 года.

„Прощайте, любезный графъ, напишите мнѣ въ отвѣтъ нѣсколько словъ; помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ, которое интересуетъ васъ еще болѣе, чѣмъ меня и вѣрьте моей совершенно искренней и вѣрной дружбѣ.

М. Воронцовъ“.

„Одесса, 8 января 1843 г.

....„Что касается муринскаго дѣла, то я буду терпѣливо ждать, что изъ него выйдетъ; но способъ, какимъ министерство внутреннихъ дѣлъ дѣйствуетъ въ настоящемъ случаѣ, не можетъ поощрять другія заявленія такого же рода; вы знаете, впрочемъ, что я всегда былъ того мнѣнія, что опредѣленное, законное положеніе о барщинѣ, вмѣстѣ съ новымъ закономъ о дворовыхъ, разрѣшили бы весь этотъ вопросъ въ нѣсколько лѣтъ, безъ потрясеній и безъ всякихъ затрудненій; я хотѣлъ бы прибавить къ этому еще распространеніе вашей новой системы рекрутства во всей Имперіи безразлично на всѣхъ крестьянъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и государственныхъ“.

„Одесса, 15 (27) марта 1843 г.

....„Со времени вашей коротенькой записки о направленіи, которое приняло муринское дѣло въ комитетѣ министровъ,

я не получалъ, какъ вы меня предупреждали, ни одной строки относительно тѣхъ небольшихъ измѣненій и поправокъ, которыхъ отъ меня требовали. Я долженъ думать, что все это попало въ бездну канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, и очень возможно, что дѣло съумѣютъ задержать до моего отъѣзда за-границу, такъ какъ совершенно основательно предполагать, что ни въ Лондонѣ, ни въ Неаполѣ я не буду въ состояніи измѣнить, исправить и еще менѣе подписать договоръ сообща съ крестьянами, отъ которыхъ я буду за 2000 верстъ. По крайней мѣрѣ, не моя будетъ вина, если первой пробѣ такого дѣла, на которое вы возлагали еще болѣе надеждъ чѣмъ я, будутъ поставлены такія странныя преграды. Во всякомъ случаѣ, вы должны понять, какъ все это охладитъ тѣхъ, кто раздѣлялъ наши намѣренія и ждалъ только дружественнаго и искренняго участія къ первому шагу, сдѣланному частнымъ лицемъ“.

„Алупка, 30 марта 1843 г.

...„Чрезъ два дня послѣ того, какъ я вамъ писалъ изъ Одессы о замедленіяхъ въ муринскомъ дѣлѣ, я получилъ, наконецъ, отъ министра внутреннихъ дѣлъ, рѣшеніе комитета министровъ и всѣ бумаги, контракты и проч. Не находя серьезныхъ возраженій на небольшія измѣненія, которыя мнѣ предлагали сдѣлать, я велѣлъ переписать контрактъ, согласно съ этими измѣненіями; это заняло нѣсколько дней, потому что (кто бы это могъ подумать!) въ Одессѣ не было гербовой бумаги. Все это мнѣ было прислано сюда съ первою почтою; я подписалъ, и три дня тому назадъ отправилъ къ министру при оффиціальной бумагѣ чрезъ моего петербургскаго управляющаго, съ тѣмъ, чтобы тотъ предложилъ муринскимъ крестьянамъ подписать этотъ новый контрактъ и затѣмъ отвезъ бы все къ Перовскому. Теперь вамъ, господа министры, двигать дѣло впередъ; если оно еще замедлится или не удастся, то ужъ, конечно, это будетъ не моя вина“.

„Вильтонъ, 10 октября 1843 г.

...„Я все ожидалъ извѣстія объ окончаніи моего муринскаго дѣла, и только на дняхъ получилъ это извѣстіе, вмѣстѣ съ рескриптомъ, которымъ Государь удостоилъ меня по этому поводу и который доставилъ мнѣ истинное удовольствіе. Я постараюсь заслужить это, продолжая работать надъ добрымъ дѣломъ, которымъ такъ живо интересуется Его Величество и которому, какъ вы знаете, я уже очень давно преданъ сердцемъ и убѣжденіемъ.

....„Вы хорошо знаете, что я не желалъ бы остановиться на одномъ Муринѣ, и потому я написалъ своему петербургскому управляющему, чтобы онъ тотчасъ же приготовилъ мнѣ планы, описи, оцѣнки и всѣ нужныя свѣдѣнія, касающіеся одного имѣнія въ новгородской губерніи, и чтобы онъ вошелъ въ переговоры съ крестьянами для составленія контракта подобнаго муринскому. Я вполнѣ надѣюсь, что онъ хорошо исполнитъ это порученіе, потому что онъ въ первомъ дѣлѣ выказалъ не только сметливость, но и такое желаніе и расположеніе въ пользу этого дѣла, какихъ я не смѣю надѣяться найдти съ перваго раза въ моей московской конторѣ. Такимъ образомъ я надѣюсь, тотчасъ же по возвращеніи моемъ въ будущемъ году въ Петербургъ, представить на утвержденіе правительства контрактъ по новгородскому имѣнію, и думаю, что на этотъ разъ, такъ какъ это будетъ не первая проба, утвержденіе его не задержатъ въ продолженіи 8-ми мѣсяцевъ, какъ это сдѣлали съ Муринымъ. Между тѣмъ я надѣюсь, что новый порядокъ дѣлъ въ Муринѣ будетъ таковъ, что возбудитъ въ обѣихъ сторонахъ желаніе распространенія подобныхъ договоровъ. Начало дастъ хорошія надежды и мой управляющій пишетъ мнѣ, что муринскіе крестьяне въ нынѣшнемъ году заплатили уже, и притомъ нѣсколько раньше обыкновеннаго, бóльшую часть того, чтò намъ слѣдовало; а надо знать, что уплата оброка муринскихъ крестьянъ, хотя онъ въ половину меньше оброковъ во всѣхъ окрестностяхъ Петербурга, почти всегда запаздывала и производилась менѣе правильно, чѣмъ взносъ оброковъ почти во всѣхъ остальныхъ нашихъ

имѣніяхъ. Вооружившись этимъ примѣромъ, я надѣюсь, что въ продолженіи 1845 года, я буду въ состояніи устроить подобное же дѣло въ нашихъ имѣніяхъ владимірской губерніи, что́ будетъ уже крупное дѣло, а затѣмъ и дальше, именно: въ саратовской, тамбовской и воронежской. Я займусь этимъ дѣломъ съ величайшимъ удовольствіемъ и если, какъ я надѣюсь, въ Муринѣ все пойдетъ хорошо и въ теченіе будущаго года крестьяне этого имѣнія начнутъ оцѣнивать выгоду своего новаго соціальнаго положенія, то я устрою такъ, чтобы показать это нѣсколькимъ умнымъ крестьянамъ другихъ нашихъ имѣній и тогда я уже не буду сомнѣваться въ успѣхѣ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, сообщите нашлись-ли помѣщики, которые послѣдовали муринскому дѣлу? Въ другой разъ, теперь я не хочу васъ болѣе утомлять, я спрошу вашего мнѣнія на счетъ того, что̀ можно будетъ еще сдѣлать въ этомъ родѣ въ нашихъ польскихъ и украинскихъ имѣніяхъ, только конечно съ измѣненіями, необходимыми по отношенію къ привычкамъ и образу жизни этихъ крестьянъ“.

Римъ, 22 марта (3 апрѣля) 1844 г.

....„Сафоновъ скажетъ вамъ: во 1-хъ, что наши дѣла въ Муринѣ идутъ до сихъ поръ очень хорошо и во 2-хъ, что мы серьезно занимаемся приготовленіями къ устройству подобныхъ же договоровъ въ болѣе значительныхъ имѣніяхъ. Возвращаясь изъ Вятки въ Москву, онъ проѣзжалъ чрезъ наше имѣніе Андреевское и онъ вамъ скажетъ, какъ мало крестьяне этого имѣнія оказались расположенными къ подобнымъ перемѣнамъ. Они измѣнятъ свое мнѣніе когда дѣло будетъ имъ объяснено какъ слѣдуетъ, и когда они увидятъ, что́ дѣлается въ Муринѣ. Чтожъ касается мелкихъ имѣній, которыя находятся въ завѣдываніи моей петербургской конторы, то управляющій Штоффъ дѣлаетъ все, чтобы приготовить это дѣло, и такъ какъ ваша помощь здѣсь была бы очень полезна, то онъ проситъ меня написать вамъ объ этомъ, и я вамъ пришлю или теперь же, или вслѣдъ за этимъ небольшое полуоффиціальное письмо объ этомъ дѣлѣ“.

Но предположенія князя Воронцова не осуществились, и результатомъ указа 1842 г. было только освобожденіе крестьянъ села Мурина и крестьянъ князя Витгенштейна въ царскосельскомъ уѣздѣ (662 души).

Такимъ образомъ, указъ, отъ котораго графъ Киселевъ ожидалъ такъ много, оказался, какъ онъ и самъ сознавался впослѣдствіи, почти мертворожденнымъ.

Безпорядки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ 1845—1847 годахъ.

Въ отчетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (по департаменту полиціи исполнительной) за 1847 годъ говорилось: „Безпорядки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ были упорнѣе и сильнѣе предшествовавшихъ годовъ, хотя число случаевъ было нѣсколько менѣе. Въ 1845 году неповиновеніе возникло въ 26, въ 1845 г. въ. 25 и въ 1847 г. въ 23-хъ имѣніяхъ, состоящихъ въ 16 губерніяхъ. Причины этихъ безпорядковъ были: угнетеніе крестьянъ и обремененіе ихъ работами со стороны владѣльцевъ, предосудительное положеніе одной владѣлицы, но главнымъ поводомъ къ неповиновенію крестьянъ помѣщичьихъ было желаніе свободы... Стремленіе къ пріобрѣтенію свободы, возбуждаемое разными нелѣпыми толками и слухами, произвело упорное неповиновеніе и буйство между помѣщичьими крестьянами въ 15-ти имѣніяхъ, и увлекло слишкомъ 11,000 крестьянъ къ побѣгу“....

Эти происшествія, а также доходившія свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, объ убійствахъ крестьянами помѣщиковъ, служили новыми для Государя доказательствами той опасности для спокойствія государства, которую носило въ себѣ крѣпостное право, о которой графъ Киселевъ не переставалъ говорить Ему при всякомъ удобномъ случаѣ, и высказывалъ всю необходимость измѣнить положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Между тѣмъ, надежда, что помѣщики, по доброй волѣ, по влеченію сердечному, сами отзовутся на призваніе, обращенное къ нимъ въ указѣ 1842 года, не оправдалась.

Попытки Государя личными объясненіями съ предводителями дворянства, возбудить въ нихъ добрую волю къ устройству своихъ крестьянъ.

И теперь Государь далекъ былъ отъ мысли сдѣлать законъ 1842 года обязательнымъ; исполненный любви къ народу, считая (какъ Онъ неоднократно выражался) себя отвѣтственнымъ предъ Богомъ за страданія народа, Онъ остано-

вился на мысли — попытаться возбудить добрую волю помѣщиковъ личными своими объясненіями съ дворянствомъ, и вотъ какъ Онъ къ этому приступилъ:

По закону (Свод. Зак. т. IX, ст. 115) дворянство по окончаніи выборовъ (въ губернскомъ собраніи) можетъ отправлять депутатовъ для принесенія Императорскому Величеству, отъ лица дворянства всей губерніи, вѣрноподданническаго благодаренія за Всемилостивѣйше дарованныя ему права и преимущества, испросивъ на сіе предварительно Высочайшее соизволеніе.

Вызовъ депутатовъ смоленскаго дворянства; объясненія съ ними Государя.

Ходатайства дворянства объ отправленіи депутацій обыкновенно Государемъ отклонялись; но когда, въ 1847 году, министръ внутреннихъ дѣлъ докладывалъ ему о подобномъ ходатайствѣ смоленскихъ дворянъ, Его Величество изъявилъ желаніе принять отъ нихъ депутацію. Всѣ понимали, что дозволеніе это, первое въ царствованіе Николая Павловича, дано было имъ не безъ цѣли, но въ чемъ она состояла, никто, кромѣ самого Государя, не зналъ.

Въ составъ депутаціи смоленскимъ дворянствомъ были избраны: губернскій предводитель дворянства князь Друцкой-Соколинскій, рославльскій предводитель Фонтонъ-де-Вераіонъ (полковникъ генеральнаго штаба нынѣ генералъ-лейтенантъ) и отставной генералъ-маіоръ Шембель. Въ маѣ депутація отправилась въ С.-Петербургъ, но безъ Друцкаго-Соколинскаго, который по болѣзни остался въ Смоленскѣ.

Исторія этой депутаціи сохранилась въ письмахъ полковника Фонтонъ-де-Вераіона къ князю Друцкому-Соколинскому. Въ письмѣ, отъ 4 іюня 1847 года, Фонтонъ-де-Вераіонъ писалъ:

„..17-го мая я получилъ записку, коею г. министръ увѣдомлялъ меня, что Государь Императоръ повелѣть соизволилъ быть мнѣ и генералу Шембелю у Его Величества послѣ обѣдни въ воскресенье 18-го числа.

„Отправившись съ г. Шембелемъ въ Зимній дворецъ, по утру 18 мая, мы ожидали окончанія обѣдни въ пріемной близъ кабинета Его Величества, вмѣстѣ со многими лицами

иностранныхъ посольствъ, имѣвшихъ счастіе быть представляемыми въ тотъ день Государю Императору.

„Около 2-хъ часовъ, по окончаніи представленія сказанныхъ лицъ, мы были введены въ кабинетъ.

„Его Величество изволилъ подойти ко мнѣ, пожалъ мнѣ руку сказавъ: „Здравствуйте полковникъ, Я очень радъ что вижу васъ, въ числѣ депутатовъ Смоленской губерніи"; потомъ обратившись къ генералу Шембелю, спросилъ его о состояніи здоровья и чувствуетъ ли онъ боль отъ ушиба? Генералъ отвѣчалъ, что еще носитъ перевязь.

„За симъ я сказалъ кратко, сколь я и г. Шембель считаемъ себя счастливыми, удостоившись высокой чести выразить предъ Его Величествомъ чувства вѣрноподданнической признательности цѣлой губерніи за дарованныя дворянству права и преимущества и за оказанныя намъ Смольянамъ въ послѣднее трудное время льготы и пособія.

„На это Его Величество изволилъ отвѣчать слѣдующее: „Я, господа, въ Мое царствованіе не принималъ еще подобныхъ депутацій,—но выраженіе признательности смоленскаго дворянства Мнѣ очень пріятно; Я смольянъ знаю за вѣрныхъ слугъ отечеству: на поприщѣ военномъ и гражданскомъ они всегда отличались усердіемъ, а дома благоустройствомъ. Поэтому Я изъявилъ желаніе принять васъ, чтобы выразить въ лицѣ вашемъ смоленскому дворянству, сколь Я люблю оное и уважаю за его чувства и рыцарскія правила; во-вторыхъ, сказать вамъ, что Я имѣю въ виду продолженіе шоссе отъ Соловьева Перевоза до Юхнова; конечно, шоссе сіе будетъ для губерніи полезно, но линія Брестъ-Литовскаго шоссе нужнѣе; по окончаніи же сей послѣдней будетъ приступлено и къ той, а также и къ другимъ работамъ по части сообщеній въ губерніи. Въ особенности Мнѣ желательно, чтобы вы занялись обсужденіемъ выгодъ водяныхъ сообщеній въ губерніи, дабы съ одной стороны, поставить оную въ независимость отъ неурожайныхъ годовъ, а съ другой—доставить ей способы къ выгодному сбыту своихъ произведеній къ рижскому порту, такъ какъ гжатская пристань не совсѣмъ надежна. Ты, (обращаясь

ко мнѣ) какъ офицеръ генеральнаго штаба, можешь это легко сообразить и изложить на бумагѣ; и въ третьихъ, господа, главное, поговорить съ вами *келейно* объ обязанныхъ крестьянахъ. Въ указѣ Моемъ по этому предмету, Я ясно выразилъ мысль Мою, что земля, заслуженная нами, дворянами, или предками нашими, есть наша дворянская; замѣтьте, что Я говорю съ вами какъ первый дворянинъ въ государствѣ; но крестьянинъ, находящійся нынѣ въ крѣпостномъ состояніи, утвердившемся у насъ почти не по праву, а обычаемъ чрезъ долгое время, не можетъ считаться собственностію, а тѣмъ болѣе вещью; слѣдственно Мое желаніе при обнародованіи извѣстнаго указа было и теперь есть, чтобъ дворянство помогло Мнѣ въ этомъ дѣлѣ, столь важномъ для развитія благосостоянія отечества нашего, постепеннымъ переводомъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные, хотя бы и на разныхъ условіяхъ, примѣненныхъ каждымъ къ мѣстности; ибо Я убѣжденъ, что такой переходъ долженъ предупредить крутой переломъ. Совсѣмъ тѣмъ, доселѣ только нѣкоторыми изъ помѣщиковъ представлены условія и между ними есть такія, кои не соотвѣтствуютъ предположенной цѣли. Знаю, что противъ обязанныхъ крестьянъ есть возраженіе: кто дворянамъ поручится, что крестьяне будутъ исполнять принятыя ими на себя обязанности? суды не хороши и проч. На это Я скажу, что порукою обоюднаго исполненія обязанностей дѣйствительно должны служить суды, состоящіе изъ дворянъ же и если суды эти не хороши, то виноваты сами дворяне, опустивъ должности по выборамъ. Я, напротивъ, нахожу, что всѣ сіи должности достойны быть заняты лицами, достигшими не малыхъ чиновъ на коронной службѣ, имѣющихъ знаки отличія. Основываясь на всемъ этомъ, Я желаю, господа, чтобы вы потолковавъ *келейно*, какъ Я дѣлаю теперь съ вами, написали Мнѣ о томъ свое мнѣніе“.

„Когда Государь Императоръ пересталъ говорить, я имѣлъ счастіе отвѣчать Его Величеству: „Слова Ваши, Государь, будутъ насъ руководить въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ нашихъ по этому предмету, съ которымъ связана вся будущность наша

и дѣтей нашихъ; но какъ порученіе наше ограничивается только изъявленіемъ вѣрноподданнической признательности Вашему Императорскому Величеству, то и не смѣемъ учинить что-либо въ предметѣ столь важномъ отъ своего лица собственно, а потому испрашиваемъ теперь Вашего Высочайшаго соизволенія посовѣтоваться, по прибытіи въ губернію, съ губернскимъ предводителемъ". На это Его Величество сказалъ: „да, разумѣется, Я съ этимъ совершенно согласенъ; повторяю вамъ—напишите Мнѣ, но не забудьте, что все это должно быть *келейно*".

„За симъ Его Величество изволилъ спрашивать о ходѣ болѣзни вашего сіятельства; я отвѣчалъ: „что болѣзнь губернскаго предводителя тѣмъ болѣе опечалила его, что произошла внезапно и что самая мысль не имѣть счастія представиться Вашему Величеству усилила недугъ, требующій нынѣ продолжительнаго и затворническаго леченія". Далѣе Его Величество изволилъ распрашивать о состояніи всходовъ, отстроился ли городъ Смоленскъ, о положеніи уѣздныхъ городовъ вообще и о другихъ подробностяхъ, и по выслушаніи надлежащихъ отвѣтовъ нашихъ изволилъ раскланяться.

„Однимъ словомъ, Государь Императоръ очаровалъ насъ Своимъ милостивымъ пріемомъ; разговоръ продолжался болѣе часа и день этотъ останется у насъ навсегда въ памяти.

„На другой день, я и г. Шембель имѣли счастіе представляться Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику и были обласканы какъ нельзя болѣе. Его Высочество сказалъ намъ, что Его Величество передалъ ему содержаніе вчерашняго разговора съ нами, распрашивалъ о Смоленскѣ, уѣздныхъ городахъ, о губерніи, выслушивалъ отвѣты наши крайне внимательно и послѣ получасовой, можно сказать, милостивой бесѣды, изволилъ раскланяться.

„Въ продолженіе разговора я имѣлъ счастіе представить Его Высочеству во первыхъ, что при составленіи какого бы то ни было предположенія объ условіяхъ съ крестьянами, необходимо имѣть въ виду долги помѣщичьи по залогу имѣній въ кредитныхъ установленіяхъ, крестьянскую недоимку казнѣ

и, наконецъ, самые долги крестьянскіе помѣщикамъ; и во вторы́хъ, относительно важнаго замѣчанія Его Императорскаго Величества, что дворянство опустило должности по выборамъ, что если это есть, то не вездѣ, причиною же тому, нѣкоторымъ образомъ, сама коронная, военная и гражданская службы, занимающія лучшіе годы жизни высшаго дворянства; съ чѣмъ Его Высочество изволилъ согласиться, сказавъ: „что какъ здѣсь, т.-е. на коронной, такъ и тамъ по выборамъ служба дворянъ одинаково нужна".

„Въ послѣдующій затѣмъ день я и г. Шембель отправились къ министру внутреннихъ дѣлъ и были приняты въ кабинетѣ.

„Главнымъ предметомъ разговора была депута́ція. Г. министръ жалѣлъ очень, что онъ не могъ передать намъ, прежде представленія, свои мысли объ инвентаряхъ; что, по его мнѣнію, это есть одно изъ удобнѣйшихъ средствъ къ переходу изъ крѣпостнаго въ обязанное состояніе. Затѣмъ его высокопревосходительство отпустилъ насъ, сказавъ мнѣ, что онъ дастъ знать когда я могу быть у него съ записками, кои ваше сіятельство передали мнѣ для доклада.

„Чрезъ нѣсколько дней я получилъ приказаніе министра явиться къ нему.

...„Я имѣлъ честь представить на благоусмотрѣніе г. министра о желаніи его высокопревосходительства по предмету обязанныхъ крестьянъ и просить объясненія на счетъ его собственнаго мнѣнія по тому же предмету, основанному наиболѣе на инвентаряхъ, дабы мнѣніе это передать вашему сіятельству, ибо оно можетъ наставить насъ при дѣлѣ столь сложномъ.

„На сіе г. министръ отвѣчалъ, что разговоръ его должно считать частнымъ, и что по всему этому дѣлу онъ мнѣ можетъ сказать одно только: дѣйствовать на мѣстѣ съ крайнею осторожностію, дабы не породить преждевременными толками безпокойствъ, коимъ мы видѣли примѣры въ могилевской и минской губерніяхъ, и потомъ, что̀ бы ни было написано нами къ Его Величеству, онъ долженъ получить съ того копію.

„Такъ какъ г. министръ не говорилъ мнѣ о прошедшихъ выборахъ, то я съ моей стороны не счелъ умѣстнымъ начинать о томъ рѣчь.

„Письмо же вашего сіятельства по сему предмету, я получилъ уже больной и не будучи въ состояніи выйти изъ комнаты, я еще не могъ быть у г. министра и подать ему полученный мною вчера запечатанный пакетъ съ запискою о постройкахъ зданій на счетъ суммъ земскихъ повинностей, ниже доложить о свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ мнѣ вами въ письмѣ, на счетъ плохаго состоянія озимыхъ полей.

„Изложивъ подробно о порученіи нашемъ, я принимаю смѣлость увѣрить ваше сіятельство, что зная вашъ взглядъ на вещи, я всегда буду вамъ усерднымъ помощникомъ въ исполненіи священной воли Его Величества въ дѣлѣ столь важномъ и сопряженномъ съ общимъ спокойствіемъ цѣлой губерніи и благосостояніемъ дворянства, къ коему я имѣю честь принадлежать.

„Генералъ Шембель ѣдетъ 4-го или 5-го сего мѣсяца, а я 11-го или 12-го іюля; это время, при первой возможности выйдти, я употреблю на окончаніе порученій вашихъ у г. министра и на собраніе свѣдѣній намъ нужныхъ по предмету, обязанныхъ крестьянъ. Я стараюсь получить копіи съ проектовъ представленныхъ въ министерство; но кажется мое стараніе останется тщетнымъ.

„Вамъ, ваше сіятельство, предстоитъ, скажу не обинуясь, подвигъ, сообразивъ всѣ обстоятельства, направить это дѣло къ хорошему исходу. При этомъ скажу вамъ, что я полагаю, что спѣшить не нужно и даже не лишнее бы было удержаться отъ всякихъ дѣйствій до нашего возвращенія въ Смоленскъ; быть можетъ я привезу свѣдѣнія намъ нужныя“...

Привезъ ли Фонтонъ-де-Вераіонъ въ Смоленскъ „нужныя свѣдѣнія“ — мы незнаемъ; но князь Друцкой-Соколинскій, слѣдуя его совѣту, сталъ не торопясь готовить записку въ отвѣтъ на слова Государя.

Записка была изготовлена только къ началу 1848 года; князь Друцкой-Соколинскій отправился съ нею въ С.-Петер-

бургъ и представилъ ее Государю въ январѣ 1848 года, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ составилъ другую записку въ видѣ приложенія къ первой. Въ первой запискѣ говорилось:

Записки представленныя предводителемъ дворянства кн. Друцкимъ-Соколинскимъ.

„Дворянство, воспитанное въ духѣ вѣры и неограниченной любви къ своимъ монархамъ, престолу и отечеству, всегда стремилось ознаменовать непоколебимость этихъ чувствъ на самомъ дѣлѣ. Всегда и вездѣ русское дворянство во всѣхъ случаяхъ являлось усерднымъ дѣятелемъ на пользу отечества. И нынѣ оно, вѣрное своему Государю, готово содѣйствовать дѣятельно и усердно всѣми зависящими отъ него средствами благотворнымъ намѣреніямъ правительства.

„Цѣль Высочайшаго указа 2-го апрѣля 1842 года [1]), содержащаго въ себѣ мысль учрежденія обязанныхъ крестьянъ, понята (sic!) дворянствомъ смоленской губерніи съ благоговѣніемъ.

„Если же никто изъ помѣщиковъ не воспользовался правомъ, предоставленнымъ указомъ, то на это существуютъ причины, отъ нихъ независящія“.

Причины, затрудняющія помѣщиковъ заключать съ крестьянами договоры на основаніи указа 2-го апрѣля 1842 года, приводились слѣдующія:

„Во 1-хъ, низкое нравственное и умственное состояніе народа, неимѣющаго понятія о свободѣ въ смыслѣ гражданскомъ, а понимающаго ее какъ *вольность*, въ смыслѣ естественнаго права (sic!),—народа, не признающаго, что земля есть собственность помѣщиковъ, или даже общая ихъ съ помѣщиками, но убѣжденнаго, что земля есть Божья; убѣжденія такія грозятъ гибелью государству.

„Во 2-хъ, затрудненія матеріальныя въ необезпеченности договоровъ съ крестьянами, въ лишеніи вслѣдствіе этого доходовъ, послѣдствіемъ чего будетъ раззореніе и дворянства, и государственныхъ кредитныхъ установленій, гдѣ заложены почти всѣ имѣнія, и наконецъ раззореніе самихъ крестьянъ“.

Далѣе записка доказывала, что указъ объ обязанныхъ

[1]) Поясненнаго циркулярнымъ предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3-го числа того же апрѣля.

крестьянахъ противорѣчитъ законамъ, говоря, что крестьяне, получивъ свободу и землю, получатъ право собственности на землю, которая принадлежитъ собственно помѣщику, а такъ какъ послѣдній обязанъ заботиться о благосостояніи крестьянъ, то собственно не крестьяне сдѣлаются обязанными, а самъ помѣщикъ".

Грустную картину послѣдствій договоровъ съ обязанными крестьянами князь Друцкой-Соколинскій рисовалъ такъ:

„Словомъ, договоры повлекутъ за собою послѣдствія, которыя трудно себѣ и представить; можно только утвердительно сказать, что нынѣшняя связь помѣщика съ крестьянами, связь, основанная на ихъ общихъ интересахъ, не только рушится, но обѣ стороны станутъ между собою во враждебныя отношенія; возникнутъ споры, раззорительныя тяжбы, которымъ не будетъ конца, *ибо по системѣ договоровъ, помѣщики и укрѣпленные его землѣ крестьяне разойтись никогда не могутъ;* слѣдовательно помѣщичьи заведенія должны будутъ прійдти въ разстройство, а многія и уничтожиться; количество произведеній съ помѣщичьихъ полей, главнѣйшихъ источниковъ хлѣбныхъ запасовъ, уменшится до того, что ихъ недостанетъ не только для отпуска за границу, но и для внутренняго потребленія въ государствѣ. Скотоводство и коннозаводство уничтожатся, лѣса отъ недосмотра подвергнутся истребленію; сколько падетъ заведеній, устроенныхъ трудами, иждивеніемъ и временемъ? Помѣщики лишатся доходовъ, хотя и останутся при своихъ правахъ на землю, если только съумѣютъ оградить свои законныя права на всю землю. Во всякомъ случаѣ отъ несостоятельности и ихъ земля должна будетъ поступить въ продажу; покупщиковъ не будетъ; имѣнія останутся за казною или кредитными установленіями, съ убытками какъ для первой, такъ и для послѣднихъ; потому что лица, правительствомъ опредѣленныя къ тѣмъ имѣніямъ, не дадутъ съ нихъ и половины тѣхъ доходовъ, какіе выручались самими помѣщиками. Фабрики и заводы, устроенные соразмѣрно нынѣшней потребности въ мануфактурныхъ издѣліяхъ, лишатся въ обѣднѣвшихъ помѣщикахъ своихъ потреби-

телей. Сколько погибнетъ капиталовъ, какое сдѣлается замѣшательство во всей государственной экономіи“!

Въ другой запискѣ, поданной вслѣдъ за тѣмъ, 19-го февраля, князь Друцкой-Соколинскій старался доказать, что въ Россіи рабства нѣтъ, а есть крѣпостное право, огражденное положительнымъ законодательствомъ. „Систему бывшаго рабства“, говоритъ онъ, „мы знаемъ только изъ исторіи временъ давно минувшихъ. Витіи европейскіе знаютъ ее изъ бывшей въ Европѣ феодальной системы и усиливаются доказать существованіе чего-то подобнаго въ Россіи. Но это *софизмы, вслѣдствіе зависти къ могуществу и благосостоянію Россіи—понятное стремленіе къ подрыву и уничтоженію этого могущества!*“

....„Съ освобожденіемъ крестьянъ образуется невѣдомый у насъ классъ пролетаріевъ, который своими идеями и дѣйствіями нанесетъ гораздо болѣе вреда, нежели сколько можно ожидать пользы отъ свободнаго труда.

....„Злоупотребленія помѣщичьей властью есть не что иное, какъ частность; и гдѣ не бываетъ злоупотребленій? Злоупотребленія, останутся и послѣ освобожденія крестьянъ, измѣнятся только дѣйствующія лица: *вмѣсто дурнаго помѣщика будетъ дурной полицейскій чиновникъ или окружной начальникъ, съ тою еще въ добавокъ разницею, что послѣдній не будетъ нисколько дорожить благосостояніемъ поселянъ, потому что ему нѣтъ выгоды: богатъ-ли поселянинъ или бѣденъ, лѣнивъ или трудолюбивъ.*

„Границъ стремленія къ свободѣ нѣтъ“,—говоритъ онъ еще далѣе,—„и чѣмъ права сословій, ее отыскивающихъ, шире или кругъ дѣйствій просторнѣе, тѣмъ желанія неограниченнѣе, и тѣмъ сильнѣе потребуются и мѣры къ удержанію этого стремленія, которому въ естественномъ смыслѣ—гдѣ предѣлъ? И самые крестьяне казеннаго вѣдомства увлекаются также мыслію, по понятіямъ своимъ, о свободѣ, разсѣкающей всѣ узы порядка и обязанности къ обществамъ и государству. На западѣ Европы, гдѣ народы пользовались личною свободою и бо́льшими еще правами, они неудовольствовались

ими, и какъ разрушительный потокъ ниспровергли гражданское и государственное благоустройство".

Доказывая затѣмъ, что лучшая система управленія народомъ есть помѣщичья, такъ какъ помѣщики суть правители ничего нестоющіе казнѣ и притомъ заботящіеся о крестьянинѣ въ личныхъ своихъ интересахъ, князь Друцкой-Соколинскій предлагалъ такую реформу: во-первыхъ, измѣнить форму купчихъ, завѣщаній и проч., не писать въ нихъ, что продаются души, но продается такая-то вотчина *населенная* крестьянами такимъ-то числомъ душъ. Во-вторыхъ, оставивъ право продажи крестьянъ на свозъ, писать въ купчихъ *для переселенія*. Въ-третьихъ, для предупрежденія злоупотребленій помѣщичьей власти, учредить дворянскія управы изъ предводителя и 2-хъ членовъ, избираемыхъ дворянами.

Такимъ образомъ смоленское дворянство, къ которому Государь непосредственно обращался чтобы помочь Ему въ дѣлѣ постепеннаго перевода крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные, высказалось совершенно въ противоположномъ направленіи. Государь высказалъ представителямъ дворянства, въ *келейномъ* разговорѣ, свое убѣжденіе, что такой переходъ необходимъ и для развитія благосостоянія отечества, и для предупрежденія крутаго перелома; смоленское дворянство, въ лицѣ своего предводителя, явилось, напротивъ, самымъ горячимъ защитникомъ существовавшаго крѣпостнаго права, и доказывало, что измѣненіе его, хотя бы даже въ скромныхъ размѣрахъ указа 1842 года, повлечетъ за собою послѣдствія гибельныя для государства не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніяхъ.

Обѣ записки князя Друцкаго-Соколинскаго переданы были Государемъ въ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Цесаревича, учрежденный 10-го іюня 1848 года, о которомъ будетъ сказано ниже. Въ бумагахъ графа Киселева сохранились его подробныя объясненія на обѣ записки. Объясненія эти онъ считалъ необходимымъ сдѣлать потому, что законъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ его произведеніемъ, точно также, какъ и министерство государственныхъ имуществъ; а во второй запискѣ, составленной

Замѣчанія гр. Киселева на эти записки.

уже здѣсь въ столицѣ и, конечно, не безъ совѣтниковъ, прямо говорилось „что крестьяне казеннаго вѣдомства (т.-е. государственные) увлекаются мыслію о свободѣ, разсѣкающей всѣ узы порядка и обязанности къ обществамъ и государству; что измѣнивъ нынѣшнюю систему управленія крѣпостными, можно ли поручиться, чтобы развитіе новой законодательной системы не потребовало измѣненія государственнаго [1]) и, наконецъ, что всякое распространеніе свободы крестьянъ есть могучій рычагъ для анархистовъ".

Опровергнувъ приведенныя въ первой запискѣ указанныя кн. Друцкимъ-Соколинскимъ причины, затрудняющія помѣщиковъ заключать съ крестьянами договоры на основаніи указа 2-го апрѣля 1842 года, графъ Киселевъ говорилъ:

„Существо бывшихъ предположеній (при обсужденіи закона объ обязанныхъ крестьянахъ) отнюдь не касалось объявленія свободы крестьянамъ или нарушенія частныхъ правъ владѣльцевъ; но ограничивалось только переводомъ крестьянъ изъ нынѣшняго неопредѣленнаго и неблагонадежнаго для благосостоянія и безопасности государства состоянія, на положеніе мѣрной работы, обезпечивающей трудъ и собственность крестьянъ; указъ 1842 года не былъ мѣрою окончательною, но заключалъ, такъ-сказать, вызовъ благонамѣренныхъ помѣщиковъ содѣйствовать видамъ правительства, составленіемъ образцовыхъ или примѣрныхъ положеній, которыя могли бы послужить основаніемъ къ составленію положенія общаго для всей Имперіи.

„Помѣщики: князь Воронцовъ и князь Витгенштейнъ, которые могли пріобрѣсти точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ намѣреніи правительства, не затруднились дать нѣкоторымъ изъ своихъ имѣній устройство основанное на положеніи объ обязанныхъ крестьянахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и Друцкой-Соколинскій, если бы зналъ въ точности виды правительства, могъ бы, по благонамѣренному его направленію, представить многія полезныя замѣчанія къ осуществленію дѣла.

„По крайней мѣрѣ онъ не сталъ бы утверждать, что

[1]) Авторъ очевидно здѣсь разумѣлъ ограниченіе самодержавной власти.

крестьяне наши неспособны къ свободѣ, о которой никто и не думалъ.

„Не сталъ бы выставлять затрудненій въ составленіи договоровъ, если бы зналъ, что все дѣло состоитъ въ устройствѣ ихъ надѣла и повинностей по инвентарному положенію.

„Не сталъ бы возражать, что помѣщики лишатся производительныхъ силъ и хлѣбопашество уменьшится, если бы зналъ, что повинности крестьянъ къ помѣщикамъ остаются тѣже, или почти тѣже, а трудъ крестьянина получаетъ законное огражденіе.

„Не сталъ бы распространяться о невозможности допустить въ настоящее время свободный переходъ крестьянъ, если бы зналъ, что правительство объ этомъ и не думало, по крайней мѣрѣ, до уравненія населенія съ пропорціею земли.

„И такъ, трудъ сего благонамѣреннаго помѣщика потерянъ для правительства, и потерянъ потому, что дѣло, о которомъ онъ разсуждалъ, было для него тайною.

„При всемъ томъ, нельзя оставить безъ замѣчанія, что если намѣреніе правительства искажается до такой степени въ представленіи столь значительнаго оффиціальнаго лица, каковъ губернскій предводитель, то какихъ толковъ должно ожидать въ массѣ частныхъ владѣльцевъ, не имѣющихъ точнаго понятія о существѣ дѣла. Подобное тревожное положеніе умовъ не можетъ быть полезно для правительства ни въ какомъ отношеніи. Поэтому я не могу не представить моего убѣжденія комитету, что нынѣшній способъ дѣйствія полумѣрами и полутайнами не можетъ произвести ничего добраго. Намѣренія правительства чисты и въ основаніи своемъ имѣютъ обоюдныя выгоды помѣщиковъ и крестьянъ, и выгоды государственныя. Слѣдовательно, нѣтъ причинъ скрывать этихъ намѣреній и возбуждать безпокойные толки.

„Мнѣ кажется, что *весьма легко выдти изъ этого положенія:* правительство желаетъ перевести крестьянъ на мѣрную работу и опредѣлить закономъ взаимныя отношенія владѣльцевъ съ крестьянами; для этого требуются два положенія: 1) хозяйственное — о надѣлѣ землею и о повинностяхъ, и 2) объ

административномъ устройствѣ, опредѣляющемъ взаимныя отношенія владѣльцевъ и крестьянъ. Первое изъ этихъ положеній, конечно, зависитъ отъ различія мѣстностей и даже отъ усмотрѣнія самихъ владѣльцевъ; поэтому выжидать примѣрныхъ условій здѣсь необходимо; но второе положеніе—объ административномъ устройствѣ и объ отношеніяхъ крестьянъ, возбуждающее болѣе всего опасенія и толки въ публикѣ, есть дѣло правительственное; ибо при такомъ или другомъ надѣлѣ, при такихъ или другихъ повинностяхъ, отношенія эти будутъ всегда одинаковы, т.-е. земли принадлежатъ помѣщику; помѣщику принадлежитъ также управленіе крестьянами и право первоначальнаго суда и расправы; онъ получаетъ отъ нихъ опредѣленныя въ вотчинной описи (инвентарѣ) повинности или оброкъ, который обезпечивается круговымъ ручательствомъ. Крестьяне, пользуясь предоставленными имъ въ надѣлъ землями, должны отправлять на владѣльца слѣдующія по инвентарю работы: уплачиваютъ государственныя подати и собственными средствами составляютъ запасы для обезпеченія продовольствія. Переходъ ихъ изъ одного имѣнія въ другое, до уравненія населенія съ пропорціею земли, допускается неиначе, какъ съ разрѣшенія владѣльца; ссуды изъ кредитныхъ установленій выдаются по соразмѣрности дохода, опредѣленнаго вотчинною росписью.

„Обнародованіе подобнаго положенія показало бы владѣльцамъ, что опасенія ихъ напрасны. По крайней мѣрѣ, прекратились бы нелѣпые толки о намѣреніяхъ правительства; а между тѣмъ явятся, конечно, люди благонамѣренные, которые постигая, что цѣль правительства состоитъ въ законномъ устройствѣ крѣпостнаго состоянія и въ обезпеченіи выгодъ дворянства по владѣнію землями, приступятъ къ составленію договоровъ или инвентарей, и дадутъ правительству средства начертать безошибочно и вторую часть положенія, т.-е. о надѣлѣ и повинностяхъ.

„За симъ, обращаясь къ второй запискѣ смоленскаго предводителя 19-го февраля, составленной здѣсь въ Петербургѣ, я не нахожу въ ней того достоинства благонамѣренной искрен-

ности, которою отличается первая записка. Здѣсь уже являются слишкомъ извѣстные толки нѣкоторыхъ людей о пагубныхъ послѣдствіяхъ предпринимаемаго устройства крѣпостныхъ крестьянъ, толки не заслуживающіе ни вниманія, ни возраженія".

Однако, Киселевъ возвратился еще разъ къ этой второй запискѣ и написалъ свои противу нея возраженія. Въ заключеніе, повторяя выраженную въ первой запискѣ мысль о необходимости правительству въ дѣлѣ устройства крѣпостныхъ крестьянъ устранить тайну, онъ оканчиваетъ слѣдующими словами: „Такимъ образомъ правительство откровенно объявитъ свои намѣренія и устраняя всѣ кривые толки, пріобрѣтетъ довѣріе, а потомъ и содѣйствіе владѣльцевъ къ достиженію своей цѣли".

Совѣтъ гр. Киселева дѣйствовать въ крестьянскомъ вопросѣ открыто.

Объясненія гр. Киселева не имѣли никакихъ послѣдствій; онѣ даже не были представлены въ комитетъ, который, покончивъ съ указомъ 8-го ноября 1847 года, не входилъ въ разсмотрѣніе ни записокъ князя Друцкаго-Соколинскаго, ни разныхъ другихъ, переданныхъ въ комитетъ проектовъ частныхъ и должностныхъ лицъ, объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, и 27-го апрѣля 1850 года испросилъ Высочайшее повелѣніе передать всѣ означенныя предположенія тѣмъ главнымъ управленіямъ, къ кругу дѣйствій которыхъ относились предполагавшіяся преобразованія [1]). Записки смоленскаго предводителя переданы въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онѣ не получили никакого движенія.

Охлажденіе Государя къ крестьянскому вопросу.

Очевидно, что въ это время произошло охлажденіе самого Государя къ крестьянскому вопросу; съ одной стороны, вниманіе Его было поглощено событіями въ Западной Европѣ,

[1]) 1) Записка г. А. Шипова „о приведеніи въ правильное положеніе крѣпостныхъ людей въ Россіи".

2) Записка неизвѣстнаго „объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія, не лишая помѣщиковъ принадлежащихъ имъ земель и строеній".

3) Записка тульскаго предводителя дворянства о разныхъ предметахъ.

4) Записка генералъ-маіора Баратынскаго „о предоставленіи крѣпостнымъ людямъ права личнаго выкупа на волю за опредѣленную цѣну".

5) Записка неизвѣстнаго: а) „о невыгодахъ для помѣщиковъ введеннаго въ западныхъ губерніяхъ порядка управленія помѣщичьими крестьянами, и б) „о причинахъ, по коимъ изданныя доселѣ постановленія, съ цѣлію постепенно уничтожить у насъ крѣпостное состояніе, не достигаютъ означенной цѣли".

возбудившими въ Немъ боязнь всякихъ сколько-нибудь либеральныхъ мѣръ, а съ другой—неудача двухъ мѣръ, которыя Онъ проводилъ съ такою настойчивостію, именно указы: 2-го апрѣля 1842 г. и 8-го ноября 1847 года, не могла не оставить въ Немъ тягостнаго впечатлѣнія, не могла не навести Его на мысль, что время къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса еще не наступило.

Замѣчательно, что въ это время, когда наступила полная реакція во всемъ, графъ Киселевъ, совѣтовавшій дотолѣ, въ дѣлѣ устройства помѣщичьихъ крестьянъ, соблюдать величайшую осторожность, теперь готовился совѣтовать правительству избрать противоположный путь, не скрывать своихъ намѣреній передъ народомъ и дѣйствовать открыто.

Наконецъ, остается упомянуть здѣсь о взглядѣ самого графа Киселева на причины неуспѣха указа 2-го апрѣля 1842 г.

Въ 1857 году по порученію Великаго Князя Константина Николаевича доставленъ былъ графу Павлу Дмитріевичу списокъ съ журнала секретнаго комитета, отъ 18-го августа 1857 года. Въ этомъ журналѣ комитетъ указывая на законы о свободныхъ хлѣбопашцахъ и объ обязанныхъ крестьянахъ, говорилъ, что „эти два закона до сихъ поръ имѣли весьма незначительное практическое примѣненіе, какъ по множеству разнаго рода затрудненій, формальностей и подробностей ими предписываемыхъ, такъ отчасти, можетъ быть, и потому еще, что въ основаніе ихъ приняты начала, не всегда примѣнимыя къ дѣлу“.

Графъ Киселевъ на это замѣтилъ: „Рецензія слабая и доказываетъ лишь одну истину, что помѣщики не приступятъ ни къ чему безъ принужденія. Законъ 1842 года не имѣлъ послѣдствій нетолько по замѣчаемымъ недостаткамъ, но и потому, что исполненіе затруднено было именно тою властію, на которую возложено было исполненіе сего закона. Пусть министръ внутреннихъ дѣлъ прикажетъ изъ архива взять заведенныя дѣла объ увольненіи въ обязанные крестьяне и онъ тогда убѣдится, что всѣ предположенія помѣщиковъ были отвергаемы административною властію подъ единственнымъ предлогомъ,

что не подходятъ подъ разумъ закона 1842 года. Законъ этотъ имѣетъ, конечно, многіе недостатки; они были видимы при его изданіи; но, по истинѣ, кто въ томъ виновенъ? Тѣ, которые не желали никакого закона о прекращеніи рабства, а еще менѣе появленія закона удобоисполнимаго".

Въ заключеніе нашего разсказа о ходѣ дѣлъ объ обязанныхъ крестьянахъ, мы должны упомянуть, что во время производства его измѣнились старинныя дружескія отношенія между кн. Меншиковымъ и гр. Киселевымъ. Вотъ какъ это произошло:

Въ то время, когда въ секретномъ комитетѣ было въ полномъ ходу дѣло объ обязанныхъ крестьянахъ, гр. Киселевъ, еще неувѣренный въ успѣхѣ его предположеній, основанныхъ на общихъ соображеніяхъ, желалъ въ подкрѣпленіе ихъ запастись фактами. Съ этою цѣлію онъ поручилъ двумъ довѣреннымъ чиновникамъ, лѣтомъ 1841 года, отправиться во внутреннія губерніи и, подъ предлогомъ обозрѣнія управленія государственныхъ имуществъ, вникнуть въ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ.

По возвращеніи въ Петербургъ этихъ чиновниковъ, старшій изъ нихъ З—й Д—ій представилъ Киселеву отчетную записку подъ заглавіемъ: „о крѣпостномъ состояніи въ Россіи".

Записка эта обнимала предметъ со всѣхъ сторонъ: съ хозяйственной, нравственной и политической; выводы въ ней опирались на видѣнномъ и слышанномъ означенными лицами.

Она начиналась взглядомъ на исторію крѣпостнаго права въ Россіи, и потомъ въ ней излагались:

I. Настоящее положеніе крѣпостныхъ: А) хозяйственное положеніе крестьянъ издѣльныхъ, оброчныхъ, смѣшанныхъ, дворовыхъ, фабричныхъ и заводскихъ; Б) управленіе крестьянами; В) домашній бытъ; Г) нравственность помѣщичьихъ крестьянъ; Д) взаимное отношеніе помѣщика съ крестьянами; Е) вліяніе крѣпостнаго права на качество труда, составленіе капиталовъ, развитіе промышленности и торговли вообще на благосостояніе народа.

II. Толки крестьянъ и мнѣнія помѣщиковъ о крѣпостномъ состояніи.

Записка яркими красками рисовала всю несостоятельность крѣпостнаго состоянія, всю неотложную необходимость его преобразованія. Она не предлагала подробныхъ средствъ къ тому; не въ томъ была и цѣль ея; тѣмъ не менѣе въ ней намѣчены были главныя основныя условія реформы.

Въ запискѣ говорилось слѣдующее:

„1) Должно отвергнуть всякую мысль о совершенномъ лишеніи крестьянъ земли. Можно права ихъ на землю облечь въ ту или другую форму, но лишить ихъ совершенно земли, значитъ идти на явную опасность, не имѣя рѣшительно никакихъ средствъ бороться съ нею.

„2) Такимъ же образомъ нельзя допустить въ настоящее время возможности установить отношенія крестьянъ съ помѣщиками на взаимномъ, свободномъ согласіи, на силѣ контрактовъ. Въ народѣ нашемъ не развиты еще понятія о правахъ и обязанностяхъ; ни съ той, ни съ другой стороны нельзя еще ожидать ненарушимости исполненія взятыхъ на себя добровольно условій. Онѣ будутъ нарушаться безпрестанно и повлекутъ за собою нескончаемые безпорядки“.

Наконецъ, записка отрицая всякую надежду на то, чтобы преобразованіе могло быть произведено самимъ дворянствомъ, оканчивалась слѣдующими словами:

„Требованія вѣка и настоянія нуждъ государственныхъ призываютъ самодержавную власть защитить крѣпостныхъ людей отъ своеволія господъ, поставить законъ выше произвола, открыть широкія врата нравственному образованію народа. Одна только самодержавная власть въ состояніи пролить новый источникъ жизни, обезпечивъ свободное и разумное развитіе народной дѣятельности. Одна она въ силахъ привести въ исполненіе идеи, связывающія поколѣнія отжившія, историческія, съ поколѣніями грядущими, направляя свои дѣйствія по вѣчнымъ законамъ порядка и истины, хотя бы при осуществленіи ихъ она встрѣтилась съ болѣзненнымъ ропотомъ, какой-нибудь забытой, частной корысти“.

Записка З—го, такъ сильно говорившая противъ крѣпостнаго права, при тогдашнихъ отношеніяхъ, нетолько не могла

быть напечатана, но даже и въ рукописи не могла быть передаваема для чтенія безъ опасности для ея автора. Графъ Киселевъ желалъ, чтобы она сохранялась въ секретѣ. Но какимъ-то образомъ досталъ съ нея копію князь Меншиковъ [1]).

Записка отъ первой до послѣдней страницы шла въ разрѣзъ съ его мнѣніями, съ его задушевными убѣжденіями, которыя онъ такъ настойчиво защищалъ въ секретномъ комитетѣ объ обязанныхъ крестьянахъ; она дала поводъ къ порицаніямъ быть можетъ неумѣреннымъ со стороны Меншикова и противъ Киселева и противъ автора записки; порицанія эти вскорѣ дошли до графа Киселева и онъ съ тѣхъ поръ считалъ дружескія отношенія между имъ и княземъ Меншиковымъ прерванными навсегда.

---

[1]) Въ бумагахъ гр. Киселева записка эта сохранилась въ пакетѣ, на которомъ рукою Павла Дмитріевича написано: „Бумаги доставленныя отъ 3—го для предстовленія Е. И. В.“ Была ли записка представлена Государю, намъ неизвѣстно; но думаемъ—едва-ли.

ГЛАВА XLI.

ДОЗВОЛЕНІЕ ПОМѢЩИЧЬИМЪ КРЕСТЬЯНАМЪ ПРІОБРѢТАТЬ НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО И ПРЕДОСТАВЛЕНІЕ ИМЪ ПРАВА ВЫКУПАТЬСЯ. 1847—1849 гг.

Записка гр. Киселева о засѣданіи комитета министровъ по вопросу о земляхъ графини Самойловой.—Разговоръ Государя съ гр. Киселевымъ.—Записка гр. Блудова и разсмотрѣніе ея въ Государственномъ Совѣтѣ.—Указъ 3 марта 1848 года.—Право, дарованное крестьянамъ, обращается въ обязанность.—Возникновеніе вопроса о распространеніи закона 1824 г. для Грузіи на прочія части Имперіи.—Совѣщаніе Государя съ гр. Киселевымъ и барономъ Корфомъ.—Совѣщаніе въ келейномъ комитетѣ.—Государь рѣшаетъ предварительно вопросъ въ положительномъ смыслѣ.—Баронъ Корфъ вноситъ въ Государственный Совѣтъ представленіе.—Одобреніе его въ Соединенныхъ Департаментахъ.—Несочувствіе дѣлу въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта.—Указъ 8 ноября 1847 г.—Сущность этого указа.—Предоставленіе министру государственныхъ имуществъ покупать въ казну населенныя имѣнія, продающіяся съ публичныхъ торговъ.—Слухи о неблагопріятномъ вліяніи указа на дворянство и крестьянъ.—Записка тульскаго губернскаго предводителя дворянства Норова.—Разсмотрѣніе ея въ особомъ комитетѣ.—Записка неизвѣстнаго о вредѣ указа 8 ноября.—Разногласія о ней въ особомъ комитетѣ.—Государь медлитъ дать Свое рѣшеніе.—Совѣщанія въ Москвѣ.—Отмѣна силы указа 1847 года.

Несмотря на неудачу закона объ обязанныхъ крестьянахъ, сила вещей выдвигала частные вопросы изъ крестьянской жизни, и Государь принимался за ихъ разрѣшеніе. Такимъ образомъ, въ теченіе 1847—1849 года возникло дѣло о дозволеніи помѣщичьимъ крестьянамъ пріобрѣтать въ собственность земли и другія недвижимыя имущества и о предоставленіи крестьянамъ права выкупаться изъ крѣпостнаго состоянія.

Въ 1847 году, въ комитетѣ министровъ разсматривалось

дѣло по жалобамъ бывшихъ крестьянъ графини Самойловой, с селъ Мячкова и Бортникова, на то, что, при продажѣ этихъ имѣній тогдашними ихъ владѣльцами, присоединены къ имуществу помѣщиковъ земли, купленныя крестьянами на собственныя ихъ деньги.

Записка гр. Киселева о засѣданіи комитета министровъ по вопросу о земляхъ графини Самойловой.

Комитетъ министровъ, имѣя въ виду, что на основаніи дѣйствовавшихъ законовъ, воспрещающихъ крѣпостнымъ людямъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя имущества, оставленіе у крестьянъ купленныхъ ими земель или присвоеніе ихъ себѣ можетъ зависѣть отъ произвола помѣщика, и крестьяне, бывъ лишены своей собственности, не имѣютъ противъ такихъ произвольныхъ дѣйствій владѣльцевъ никакой защиты, въ особенности при переходѣ имѣній изъ однихъ рукъ въ другія,— испросилъ Высочайшее разрѣшеніе: „законы о собственности крѣпостныхъ людей сообразить въ министерствѣ юстиціи и во II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи съ тѣмъ, не окажется ли возможность даровать симъ людямъ право на собственность и потомъ предметъ сей разсмотрѣть окончательно въ Государственномъ Совѣтѣ". Такой приняли оборотъ жалобы крестьянъ, бывшихъ графини Самойловой, по вчинанію графа Киселева; вотъ собственноручная его объ этомъ записка:

„Нынѣшнее засѣданіе (19 августа 1847 г.) почитаю для меня наисчастливѣйшимъ. Гр. Панинъ представилъ заключеніе свое объ отказѣ крестьянамъ въ прошеніи, потому что покупка имѣнія и закладъ были сдѣланы въ законномъ порядкѣ; объ отнятой землѣ, крестьянами купленной, не упоминалъ и дѣло проходило безъ дальнѣйшаго разсужденія. Я полагалъ должнымъ припомнить комитету министровъ, что выкупъ (этихъ крестьянъ) съ пожертвованіемъ можно исполнить, и просилъ о возложеніи сего на меня. Но за симъ я припомнилъ о землѣ и заявилъ, что безъ всякихъ изворотовъ я обращаюсь прямо къ цѣли моего желанія, которое состоитъ въ томъ, чтобы обратить къ законодательному разсмотрѣнію вопросъ о крестьянской собственности. Время наступило, сказалъ я, отсѣкать все то, что въ крѣпостномъ состояніи болѣе

отяготительно, а жить, работать и пріобрѣтать безъ права на собственность есть положеніе противуестественное".

„Одинъ членъ (гр. С. С. Уваровъ) возразилъ, что это вопросъ слишкомъ важный и къ дѣлу прямо не относящійся; на что я отвѣчалъ, что когда представляется общее положеніе, тогда онъ и другіе, мнѣніе его раздѣляющіе, возражаютъ, что внезапный переворотъ опасенъ и что слѣдуетъ частями и послѣдовательно исправлять зло, отсѣкая его при каждомъ удобномъ случаѣ; а когда случай къ тому представляется, тогда находятъ, что текущее дѣло не можетъ возбуждать сужденій столь важныхъ. Подобная теорія ведетъ прямо къ тому, чтобы оставаться въ неподвижности и ожидать кровавыхъ событій, могущихъ вынудить правительство согласиться на то, въ чемъ отказать уже будетъ не въ силахъ и проч.

„Гр. Левашовъ и гр. Адлербергъ мнѣніе мое поддержали, и постановлено единогласно журналъ составить со включеніемъ: „вопросъ о признаніи крестьянской собственности разсмотрѣть въ законодательномъ порядкѣ".

Разговоръ Государя съ гр. Киселевымъ.

Чрезъ нѣсколько дней, именно 1-го сентября, Государь, передъ отъѣздомъ своимъ на югъ, призвалъ къ себѣ гр. Киселева и въ длинномъ съ нимъ разговорѣ, записанномъ Киселевымъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Я разрѣшилъ представленіе комитета министровъ; это будетъ доброе дѣло, хотя говорятъ, что будетъ ропотъ и стращаютъ разными послѣдствіями; но Я твердо положилъ отсѣкать все то, что въ понятіи добрыхъ людей не можетъ безвредно болѣе сохраняться, и тихо, осторожно, но безостановочно буду выполнять Свою обязанность; прежде утвердимъ за крѣпостными недвижимую собственность, ими пріобрѣтенную, потомъ и движимую; но не разомъ и не теперь; пока человѣкъ есть вещь, другому принадлежащая, нельзя движимость его признать собственностію; но при случаѣ и въ свою очередь и это сдѣлается".

Записка гр. Блудова и разсмотрѣніе ея въ Государственномъ Совѣтѣ.

Управлявшій II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, графъ Блудовъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, внесъ въ Государственный Совѣтъ (30

ноября 1847 г.) записку о собственности крѣпостныхъ людей. Въ этой запискѣ онъ доказывалъ, что „можно безъ опасенія и неудобства и не только справедливо, но полезно разрѣшить крѣпостнымъ людямъ пріобрѣтать на собственное имя, наравнѣ съ людьми прочихъ состояній, всѣми законными способами, ненаселенныя земли и совершать на сей предметъ акты". При этомъ, однако, согласно съ мнѣніемъ графа Панина, графъ Блудовъ полагалъ, что „было бы неудобно, даже и вредно для самихъ крестьянъ - владѣльцевъ земли или иныхъ недвижимыхъ имуществъ, дозволять имъ располагать оными безъ вѣдома и согласія помѣщика".

По разсмотрѣніи этой записки въ Департаментѣ Законовъ и въ общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, состоялся указъ, подписанный Государемъ 3-го марта 1848 года, о распространеніи на крѣпостныхъ людей права пріобрѣтать земли и другія недвижимыя имущества. Но „само собою разумѣется," сказано въ указѣ, „что пріобрѣтать такую собственность, а равно и отчуждать оную, крѣпостные люди могутъ не иначе, какъ съ согласія своихъ помѣщиковъ". Эта вставка въ указѣ сдѣлана въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, который „находилъ ее необходимою по тѣмъ отношеніямъ, какія между крестьянами и помѣщиками существуютъ, по тѣсной связи взаимныхъ ихъ пользъ и, особенно, по уваженію того, что владѣлецъ есть, такъ-сказать, природный попечитель крѣпостнаго своего человѣка".

Указъ 3-го Марта 1848 г.

Такимъ образомъ, право, которое хотѣли дать крестьянамъ, обратилось въ обязанность. И въ Сводѣ Законовъ (изд. 1857 г., т. IX, 1138) статья, въ которую вошелъ указъ 3-го марта 1848 года, помѣщена въ отдѣлѣ *„объ обязанностяхъ крѣпостныхъ людей по владѣнію имуществомъ"*.

Право, дарованное крестьянамъ, обращается въ обязанность.

Въ томъ-же 1847 году въ Грузіи, при исполненіи упомянутаго выше (гл. XXXVII) закона 1824 г., возникли нѣкоторые частные вопросы; они изъ Кавказскаго комитета были, 29 мая, переданы во II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, которымъ тогда управлялъ статсъ-секретарь баронъ (впослѣдствіи графъ) Корфъ, за

Возникновеніе вопроса о распространеніи закона 1824 г. для Грузіи на прочія части Имперіи.

отсутствіемъ графа Блудова, находившагося въ Римѣ, по дѣлу о заключеніи конкордата съ папою.

Баронъ Корфъ, обратясь къ источникамъ указа 1824 года, остановился на томъ, что при изданіи этого указа, послѣдовавшемъ по ходатайству генерала Ермолова, Государственнымъ Совѣтомъ было возложено на существовавшую тогда Коммиссію Составленія Законовъ, разсмотрѣть какія могутъ быть удобства или неудобства ввести такую мѣру *въ видѣ общаго для цѣлой Имперіи правила*. Порученіе это осталось безъ исполненія, за преобразованіемъ Коммисіи Составленія Законовъ во II-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, занятіямъ коей дано иное направленіе и иной планъ.

Баронъ Корфъ, 4 іюня 1847 г., доложивъ объ этомъ Государю, испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе: „должно-ли нынѣ, при представившемся къ тому въ грузинскомъ дѣлѣ случаѣ, возвратиться къ соображеніямъ, возникшимъ въ 1824 году, относительно распространенія права грузинскихъ крестьянъ и на прочія части Имперіи, или же надлежитъ предметъ сей пройдти молчаніемъ и оставить какъ нынѣ безъ движенія“?

Въ оправданіе своей докладной записки, писанной имъ собственноручно („свойство дѣла“, говорилъ онъ, „не дозволило мнѣ ввѣрить переписку другому“), баронъ Корфъ приводилъ то обстоятельство, что „ему извѣстно, что убѣжденіе Государя состоитъ въ томъ, что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его положеніи есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное, но что прикасаться къ нему вдругъ мѣрами слишкомъ рѣшительными, слишкомъ крутыми, было бы зломъ еще болѣе гибельнымъ, но что необходимо приготовить средства для постепеннаго въ иной порядокъ вещей перехода и, не устрашаясь предъ всякою перемѣною, хладнокровно и внимательно обсуживать ея пользу и послѣдствія“.

Государь возвратилъ на другой же день барону Корфу его записку съ слѣдующею резолюціею: „Мысли и намѣренія Мои вамъ давно извѣстны; они не измѣнились ни въ чемъ; но дѣло столь важно, что надо намъ будетъ переговорить лично; будьте въ понедѣльникъ сюда (въ Петергофъ) въ 11 часовъ“.

Понедѣльникъ назначенъ былъ Государемъ потому, что въ этотъ день въ 10 часовъ докладывалъ ему министръ государственныхъ имуществъ. Дѣйствительно, 9 іюня Государь совѣщался съ гр. Киселевымъ и барономъ Корфомъ, который въ особой запискѣ поставилъ главные вопросы на тотъ случай, если будетъ принято предположеніе о распространеніи на всю Имперію грузинскаго закона.

Совѣщаніе Государя съ гр. Киселевымъ и барономъ Корфомъ.

Въ заключеніи записки говорилось, о необходимости прежде окончательнаго поднесенія дѣла на Высочайшее воззрѣніе, войдти въ подробное сношеніе съ министрами: юстиціи, финансовъ и государственныхъ имуществъ. На это послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „Снестись съ министрами, въ томъ числѣ и внутреннихъ дѣлъ, на *словахъ* и потомъ составить полную записку, которая снова будетъ разсмотрѣна въ этомъ же *келейномъ* комитетѣ".

Келейный комитетъ (въ который были приглашены графы Орловъ, Левашовъ, Киселевъ и Панинъ, министры: финансовъ и внутреннихъ дѣлъ и баронъ Корфъ) собирался у Государя 2-го іюля въ Петергофѣ. Его Величество изъяснилъ свои мысли и виды по запискѣ барона Корфа, о распространеніи на всю Имперію закона о выкупѣ крестьянъ, повелѣлъ упомянутымъ лицамъ, „собравшись въ составѣ особаго секретнаго комитета, обсудить подробности сего важнаго дѣла, коего пользу и главныя начала онъ считаетъ уже, впрочемъ, рѣшенными и потомъ представить Его Величеству ихъ заключенія" [1]).

Совѣщаніе въ келейномъ комитетѣ.

Государь рѣшаетъ предварительно вопросъ въ положительномъ смыслѣ.

При этомъ Высочайше повелѣно: „въ совѣщаніяхъ по сему дѣлу хранить глубокую тайну".

Такимъ образомъ, возбужденный вопросъ былъ предварительно рѣшенъ въ основаніи Гусударемъ, и комитету, собравшемуся 8-го іюля, подъ предсѣдательствомъ графа Орлова, оставалось только постановить свои заключенія по частнымъ вопросамъ. Въ этомъ же засѣданіи комитета гр. Киселевъ, согласно съ представленнымъ имъ въ присутствіи Государя отзывомъ,

---

[1]) См. докладъ комитета 10 іюля 1847 г., въ дѣлѣ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи о распространеніи на всѣ части Имперіи закона касательно выкупа крестьянъ.

объяснилъ, что для желаемаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, необходимо сколь можно болѣе упростить его и съ этою цѣлію полезнѣе не давать на выкупъ никакихъ частныхъ отъ правительства пособій; не имѣющихъ же собственныхъ средствъ крестьянъ выкупать просто и прямо самой казнѣ, безъ огласки, однако, о томъ въ законѣ".

Комитетъ одобрилъ мысль гр. Киселева и предложилъ, для приведенія ея въ исполненіе, открыть министру государственныхъ имуществъ, безъ всякой о томъ огласки, годичный кредитъ въ Заемномъ Банкѣ на первый разъ, въ видѣ опыта, до 300 т. руб. сер.

Баронъ Корфъ вноситъ въ Государственный Совѣтъ представленіе.

Государь 10 іюля утвердилъ журналъ Комитета, на основаніи коего, составленная барономъ Корфомъ записка прочтена имъ графу Левашову и Киселеву, одобрена предварительно Императоромъ и затѣмъ, 14 іюля, внесена въ Государственный Совѣтъ.

Одобреніе его въ Соединенныхъ Департаментахъ.

При разсмотрѣніи представленія барона Корфа въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ [1]) и Экономіи [2]), Департаменты не только согласились съ основною мыслію, но пошли еще дальше: они возбудили вопросъ о предоставленіи помѣщичьимъ крестьянамъ права: а) выкупа *при продажѣ имѣній между частными людьми* и б) выкупа, не только прежде еще утвержденія продаваемаго имѣнія за покупщиками, но и по утвержденіи уже продажи *въ теченіе года со времени ввода во владѣніе.*

Противъ этихъ предположеній, какъ представлявшихъ въ практическомъ отношеніи многія неудобства, были сдѣланы весьма подробныя возраженія барономъ Корфомъ.

Несочувствіе дѣлу въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта.

Въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта дѣлу этому сочувствовали далеко не всѣ; даже въ тѣхъ членахъ, которые участвовали въ келейномъ комитетѣ у Государя, оно возбудило сомнѣнія. Графъ Левашовъ спрашивалъ государственнаго секретаря Бахтина: какое сдѣлали на него впечатлѣніе *разнообразныя* по этому

---

[1]) Предсѣдатель гр. Блудовъ; члены Демьянъ Кочубей, бароны Ганъ и Корфъ.
[2]) Предсѣдатель гр. Левашовъ, члены: кн. Воронцовъ, графъ Ѳ. Паленъ, гр. Гурьевъ, Опочининъ, Тучковъ, В. Перовскій.

дѣлу мнѣнія? Отвѣтъ былъ тотъ, что цѣль закона останется не достигнутою, за исключеніемъ ничтожнаго числа случаевъ, въ сравненіи съ общею массою продаваемыхъ съ публичныхъ торговъ имѣній. Самъ баронъ Корфъ, возбудившій вопросъ, готовъ былъ повернуть назадъ и затруднялся только тѣмъ, что и въ особомъ комитетѣ, сперва въ личномъ присутствіи Государя, а потомъ въ отдѣльномъ совѣщаніи, никто изъ семи членовъ не возражалъ и что Государь, вслѣдствіе тогдашняго безмолвнаго согласія всѣхъ членовъ, далъ дѣлу окончательный ходъ.

Но несмотря на эти колебанія и въ виду того, что Государь пользу и главныя начала этого дѣла считалъ уже рѣшенными, основная мысль о выкупѣ помѣщичьими крестьянами своей свободы при продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ, принята Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта, и затѣмъ, состоялся именной указъ 8 ноября 1847 г., распубликованный Сенатомъ 24 ноября. Сущность этого Указа состояла въ слѣдующемъ: **Указъ 8 ноября 1847 г.**

Когда населенное недвижимое имѣніе за лежащіе на немъ долги, казенные, частные или кредитнымъ установленіямъ, назначено будетъ въ публичную продажу, крестьянамъ, къ такому имѣнію принадлежащимъ, предоставляется выкупать себя вмѣстѣ съ землею и прочими составными онаго частями, чрезъ взносъ послѣдней, состоявшейся на торгахъ цѣны, или при неявкѣ покупщиковъ, полной оцѣночной суммы. **Сущность этого указа.**

О выкупной цѣнѣ крестьянамъ дается знать чрезъ земскую полицію при совокупномъ въ томъ участіи предводителя дворянства и уѣзднаго стряпчаго; крестьяне обязаны внести всю выкупную сумму въ теченіи 30 дней со времени объявленія имъ.... Выкупившіеся поступаютъ въ званіе государственныхъ крестьянъ *безоброчныхъ* и пріобрѣтаютъ право собственности на земли и всѣ прочія принадлежности имѣнія.

Независимо отъ этого указа и прежде его подписанія, именно 11-го августа того же года, были Высочайше утверждены составленныя министрами государственныхъ имуществъ и финансовъ правила о покупкѣ въ казну населенныхъ имѣ-

Предоставленіе министру государственныхъ имуществъ покупать въ казну населенныя имѣнія, продающіяся съ публичныхъ торговъ.

ній, продающихся съ публичныхъ торговъ по великороссійскимъ губерніямъ. На основаніи этихъ правилъ министру государственныхъ имуществъ предоставлялось собирать о всѣхъ назначаемыхъ въ продажу населенныхъ имѣніяхъ свѣдѣнія, назначать для участія въ торгахъ одного изъ чиновниковъ министерства, снабжаемаго секретнымъ предписаніемъ министра до какой цѣны можетъ торговаться.

Размѣръ общей суммы на покупку имѣній опредѣлялся на каждый годъ, по предварительному соглашенію министровъ государственныхъ имуществъ и финансовъ. Купленные въ казну крестьяне поступали въ вѣдѣніе мѣстныхъ палатъ государственныхъ имуществъ.

Слухи о неблагопріятномъ вліяніи указа на дворянство и крестьянъ.

Вскорѣ по распубликованіи указа 8-го ноября, стали распространяться слухи о неблагопріятномъ вліяніи его на дворянство, о томъ, что онъ вызываетъ волненіе крестьянъ и подрываетъ права помѣщиковъ. Объ этомъ поступали донесенія министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ.

Записка тульскаго губернскаго предводителя дворянства Норова.

20-го мая 1848 года, тульскій губернскій предводитель дворянства, ротмистръ Владиміръ Андреевичъ Норовъ [1]) представилъ Государю записку: *о необходимыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ продажи дворянскихъ имѣній съ публичныхъ торговъ и въ порядкѣ исполненія указа 8-го ноября 1847 г.*

Въ этой запискѣ Норовъ объяснялъ, что при продажѣ съ публичныхъ торговъ помѣщичьихъ поземельныхъ имѣній, крестьяне, пользуясь предоставленнымъ упомянутымъ указомъ правомъ выкупа и подстрекаемые людьми неблагонамѣренными, для составленія выкупнаго капитала, продаютъ свое имущество за безцѣнокъ и тѣмъ самымъ раззоряютъ себя и понижаютъ цѣну продаваемыхъ имѣній, что̀ въ свою очередь, понижаетъ „кредитъ дворянскій“. Норовъ предлагалъ, не измѣняя цѣли указа, сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ порядкѣ исполненія его, именно:

Просроченныя имѣнія неисправныхъ плательщиковъ отдавать въ „распоряженіе“ особыхъ уѣздныхъ посредническихъ

[1]) В. А. Норовъ извѣстенъ былъ за помѣщика, весьма сурово, если не жестоко обращавшагося съ своими крестьянами, извлекавшаго изъ нихъ все, что можно было извлечь безотчетною барщиною. У него и послѣ указа 19 февраля 1861 г. были прискорбныя столкновенія съ его бывшими крестьянами.

коммиссій, которыя слѣдуетъ учредить въ уѣздахъ подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства; въ случаѣ же назначенія имѣнія въ продажу, вызывать сначала въ присутствіе коммиссіи нѣсколькихъ старшихъ крестьянъ, разъяснять имъ дарованное указомъ право выкупа, съ тѣмъ, чтобы они, въ случаѣ желанія воспользоваться тѣмъ правомъ, высылали отъ себя не болѣе двухъ довѣренныхъ лицъ къ торгамъ въ кредитное учрежденіе.

Записку Норова было Высочайше повелѣно разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, изъ графовъ Орлова, Левашова, министровъ: внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, государственныхъ имуществъ графа Киселева, финансовъ Вронченко и статсъ-секретаря Гофмана. Разсмотрѣніе ея въ особомъ комитетѣ.

Предварительно обсужденія записки въ комитетѣ Вронченко и Гофманъ отозвались, что они, касаясь только предлагаемыхъ способовъ продажи имѣній съ публичныхъ торговъ, не ожидаютъ, чтобы таковые достигали цѣли; графъ Орловъ и Перовскій раздѣляли вполнѣ мнѣніе Норова о вредныхъ послѣдствіяхъ указа 8-го ноября; графъ Киселевъ, въ подробныхъ сообщеніяхъ доказавъ несостоятельность предлагаемыхъ тульскимъ предводителемъ мѣръ, объяснялъ, что въ короткое время дѣйствія указа нельзя было положительно узнать, въ чемъ дѣйствительно заключаются его неудобства; есть въ виду только одни слухи, и притомъ несогласные между собою, что при существованіи крѣпостнаго права, указъ 8 ноября не могъ не произвести нѣкоторыхъ неудобствъ, неразрывныхъ со всякимъ новымъ постановленіемъ, особенно касающимся личныхъ интересовъ; но въ чемъ эти неудобства дѣйствительно состоятъ и какія къ отвращенію ихъ должно принять мѣры, все это должно быть изслѣдовано съ правительственной точки зрѣнія; если основываться на частныхъ свѣдѣніяхъ и предположеніяхъ, то можно весьма легко, отвращая одно неудобство, впасть въ другое, гораздо большее.

Въ заключеніе графъ Киселевъ предлагалъ, прежде всего, поручить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ иму-

committee ществъ собрать къ будущему году положительныя свѣдѣнія о послѣдствіяхъ указа.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ членовъ комитета одинъ графъ Киселевъ явился защитникомъ недавно изданнаго закона; одинъ онъ не смутился возгласами людей своекорыстныхъ или близорукихъ; онъ не довольствовался ихъ одностороннимъ взглядомъ на вопросъ, а какъ истинный государственный человѣкъ, указывалъ на всѣ стороны, съ которыхъ слѣдовало смотрѣть на дѣло. Несомнѣнно, что подъ вліяніемъ гр. Киселева составилось 14-го іюня 1848 года постановленіе комитета, который призналъ предположенія тульскаго предводителя дворянства вообще не состоятельными. Касательно мысли объ отмѣнѣ указа, комитетъ высказалъ свое убѣжденіе, что колебанія правительства въ распоряженіяхъ, касающихся необразованнаго класса народа, могутъ имѣть самыя вредныя послѣдствія, и что прежде чѣмъ рѣшиться на такую мѣру, необходимо собрать о положеніи дѣла достовѣрныя свѣдѣнія, что̀ и слѣдуетъ возложить на министра внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ.

Заключеніе комитета было утверждено Государемъ 23-го іюня 1848 года.

Записка неизвѣстнаго о вредѣ указа 8 ноября.

Вскорѣ затѣмъ, именно въ концѣ октября, была передана въ тотъ же Комитетъ полученная Государемъ записка неизвѣстнаго *о возмутительныхъ началахъ, развивающихся въ Россіи, вслѣдствіе указа 8 ноября.*

Авторъ, указывая какъ и тульскій предводитель Норовъ, но въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, на то, что указъ производитъ волненіе въ умахъ крестьянъ, между которыми распространяютъ слухи, будто бы имъ предлагаютъ свободу, за единовременный взносъ освобождаютъ ихъ отъ оброка, отдаютъ въ ихъ собственность земли, лѣса и жилища ихъ владѣльцевъ; что между выкупившимися крестьянами распространяется праздность, пьянство и своеволіе; что зло идетъ еще далѣе: народъ пріучается къ „коварству заговоровъ, такъ какъ крестьянамъ дается законный поводъ совѣщаться между собою о средствахъ къ освобожденію себя отъ помѣщичьей власти; что

такимъ, повидимому, законнымъ образомъ народу преподаютъ уроки коммунизма".

Въ заключеніе авторъ предлагалъ: прекративъ вовсе публичную продажу заложенныхъ населенныхъ имѣній, послѣ шестимѣсячной просрочки передавать ихъ въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, которое обязано будетъ уплачивать долгъ кредитному учрежденію, и за излишнюю стоимость имѣній противъ ссуды дѣлать владѣльцамъ вознагражденіе.

Въ комитетѣ князь Чернышевъ и Перовскій отозвались сочувственно къ выраженному въ запискѣ мнѣнію о вредныхъ послѣдствіяхъ указа 8 ноября. Графъ Киселевъ, разобравъ подробно предлагаемыя авторомъ записки мѣры, находилъ ихъ неудобоисполнимыми. Разногласіе о ней въ особомъ комитетѣ.

Комитетъ пришелъ къ такому же заключенію, которое и было утверждено Государемъ 19 декабря 1848 года.

По собраніи всѣхъ свѣдѣній о послѣдствіяхъ указа 8-го ноября, графъ Киселевъ, въ началѣ января 1849 года, внесъ въ комитетъ подробную записку, въ которой объяснялъ, что выкупъ крестьянъ, на основаніи означеннаго указа, давшій поводъ утверждать о происходящихъ отъ него вредныхъ послѣдствіяхъ: продажѣ крестьянами имущества, пьянствѣ, своеволіи, заговорахъ и распространеніи коммунизма [1]), послѣдовалъ только въ двухъ имѣніяхъ, крестьяне которыхъ не разстроили своего состоянія, приняты въ вѣдомство государственныхъ имуществъ въ хорошемъ положеніи и отличаются трудолюбіемъ и доброю нравственностію; причины безпорядковъ, происходившихъ въ шести имѣніяхъ заключались не въ существѣ указа 8 ноября, а въ неопредѣлительности отношеній между помѣщиками и крестьянами, при которой всякая мѣра, касающаяся до смягченія крѣпостнаго права, всегда возбуждаетъ между помѣщиками толки и опасенія, и на это было, при изданіи указовъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ, обращено вниманіе.

Далѣе графъ Киселевъ находилъ, что главное дѣло не въ неудобствахъ права, дарованнаго крестьянамъ указомъ 8 ноября,

---

[1]) Противъ словъ „о распространеніи коммунизма" на журналѣ комитета Государь написалъ: *въ первый разъ слышу и не вѣрю.*

а въ неудобствахъ прямыхъ сношеній чиновниковъ полиціи съ крѣпостными крестьянами при объявленіи имъ о правѣ ихъ на выкупъ, и потому, для успокоенія владѣльцевъ сохраненіемъ ихъ вліянія на крестьянъ, предлагалъ предоставить эти объявленія дѣлать крестьянамъ чрезъ самихъ владѣльцевъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій внесъ также въ комитетъ записку съ свѣдѣніями, полученными имъ отъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства, которые указывали на безпорядки, происходившіе въ нѣкоторыхъ изъ продававшихся имѣній, и въ заключеніе признавали указъ 8 ноября 1847 года вообще вреднымъ.

Комитетъ, по обсужденіи всѣхъ свѣдѣній и мнѣній, остановился на существенномъ вопросѣ: оставить ли въ дѣйствіи указъ 8 ноября, или слѣдуетъ его вовсе отмѣнить? Четыре члена [1]) отвергали мысль объ отмѣнѣ закона, и для отвращенія замѣченныхъ въ примѣненіи неудобствъ, признавали полезнымъ принять мѣру, предложенную гр. Киселевымъ въ его мнѣніи, и сверхъ того, чтобы уменьшить, сколь возможно, число продажъ помѣщичьихъ населенныхъ имѣній съ публичныхъ торговъ и тѣмъ устранить поводъ къ безпорядкамъ, происходящимъ при объявленіи крестьянамъ послѣдней цѣны, пересмотрѣть постановленія, относящіяся вообще до публичныхъ торговъ; другіе пять членовъ [2]) выразили мнѣніе, что, въ виду оказавшихся неудобствъ и ожидаемыхъ въ будущемъ вредныхъ послѣдствій указа 8 ноября, правительство находится въ необходимости рѣшиться на совершенную отмѣну означеннаго указа.

Государь медлитъ дать Свое рѣшеніе.

Журналъ комитета въ половинѣ марта 1849 г. былъ представленъ Государю, который, однако, не скоро рѣшился на отмѣну указа, по Его вчинанію изданнаго и притомъ такъ недавно.

Онъ потребовалъ къ себѣ подлинныя записки министра государственныхъ имуществъ и министра внутреннихъ дѣлъ

---

[1]) Графъ Киселевъ, графъ Блудовъ, Вронченко и Гофманъ.

[2]) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Принцъ Ольденбургскій, князь Чернышовъ, графъ Орловъ и Перовскій.

и все дѣло взялъ съ собою въ Москву, куда онъ отправился 25-го марта съ Августѣйшимъ Семействомъ на Пасху для освященія Николаевскаго дворца. Здѣсь, въ особенности, представлялъ Его Величеству о неудобствахъ указа и объ опасностяхъ его князь С. М. Голицынъ.

Совѣщанія въ Москвѣ.

Государь собралъ въ Москвѣ всѣхъ бывшихъ тогда тамъ членовъ Государственнаго Совѣта на совѣщаніе, и всѣ собранные были за отмѣну указа.

По возвращеніи Его Величества въ С.-Петербургъ (17-го апрѣля), на журналѣ комитета Государь Наслѣдникъ, 25-го апрѣля, написалъ слѣдующую резолюцію:

„Государь Императоръ изволилъ читать и приказать графу Блудову, согласно мнѣнію 4-хъ членовъ, составить проектъ положенія о продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ".

Такое положеніе было составлено очень скоро и Высочайше утверждено 19-го іюля.

Отмѣна силы указа 1847 г.

Въ § 188 этого положенія сказано:

„Если для удовлетворенія долга, владѣлецъ недвижимаго, назначеннаго въ продажу населеннаго имущества, заключитъ договоръ съ крестьянами того имѣнія объ увольненіи ихъ въ государственные на собственной землѣ поселенные, съ передачею въ ихъ собственность части земель или всей дачи имѣнія, то онъ обязанъ прежде окончательнаго утвержденія договора внести достаточную на уплату долга сумму въ то мѣсто, которымъ сдѣлано постановленіе объ описи имущества, или же представить формальное изъявленіе согласія кредиторовъ или кредитнаго установленія, въ коемъ имѣніе состоитъ въ залогѣ, на принятіе долга увольняемыми крестьянами на себя. По полученіи сего согласія или нужной на покрытіе долга суммы, вмѣстѣ съ выдачею въ томъ квитанціи, сіе мѣсто сообщаетъ о томъ губернскому прокурору для непосредственнаго, или же чрезъ подвѣдомственныхъ ему стряпчихъ, наблюденія за дѣйствительнымъ совершеніемъ договора и представленіемъ онаго на Высочайшее окончательное утвержденіе".

Такимъ образомъ, выкупъ крестьянами продающихся съ торговъ имѣній былъ поставленъ въ полную зависимость отъ

помѣщика и сила указа 8-го ноября уничтожена, конечно, безъ формальной его отмѣны, но не безъ существеннаго нарушенія дарованнаго крестьянамъ права, какъ заявлялъ графъ Блудовъ; напротивъ, право это вполнѣ отмѣнялось.

ГЛАВА XLII.

ПОПЫТКИ КЪ УЛУЧШЕНІЮ БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

1839—1855 гг.

Донесеніе губернатора о разстройствѣ витебской губерніи. —Гр. Киселевъ предлагаетъ введеніе инвентарей въ имѣніяхъ, поступающихъ въ опеку, по распоряженію правительства. — Комитетъ западныхъ губерній одобряетъ мысль гр. Киселева.—Повелѣніе о введеніи инвентарей во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ западныхъ губерній.—Затрудненія въ исполненіи такого Высочайшаго повелѣнія.—Составленіе инвентарныхъ правилъ для сѣверозападныхъ и бѣлорусскихъ губерній.—Жалобы со стороны помѣщиковъ.—Государственный Совѣтъ ограничиваетъ введеніе инвентарныхъ правилъ только двумя бѣлорусскими губерніями и лишь имѣніями, гдѣ существуетъ тягловая система хозяйства.—Объясненіе причинъ такого рѣшенія.—Вопросъ о правѣ помѣщиковъ отдавать свои имѣнія въ аренду.—Мнѣніе гр. Киселева.—Несогласіе Государя на предположенія гр. Киселева.—Новый докладъ гр. Киселева и отвѣтъ Государя.—Дальнѣйшій ходъ дѣла.—Разсмотрѣніе проекта правилъ въ Государственномъ Совѣтѣ. — Государь утверждаетъ мнѣніе Государственнаго Совѣта и сокращаетъ срокъ аренднаго содержанія.

Независимо отъ общихъ мѣръ, которыя императоръ Николай Павловичъ пытался ввести въ законодательство, относившееся къ помѣщичьимъ крестьянамъ вообще, Его въ особенности заботило положеніе сельскаго населенія въ западномъ краѣ. Въ губерніяхъ бѣлорусскихъ, литовскихъ и юго-западныхъ $^9/_{10}$ всего сельскаго населенія принадлежало помѣщикамъ.

Послѣдніе, будучи иного племени и вѣры, въ крестьянинѣ видѣли не болѣе, какъ тягловое животное, „быдло", рабочую силу, которую напрягали до послѣдней степени. Когда у крестьянъ не было ни инвентаря, ни рабочаго скота, помѣщикъ продавалъ физическую ихъ силу даже далеко за предѣлы имѣній [1]).

Государь желалъ мѣрами закона ограничить произволъ помѣщичьей власти, пагубно отзывавшійся не только на крестьянахъ, но и на самихъ помѣщикахъ и, слѣдовательно, на экономическомъ положеніи всего края. По участію, которое принималъ графъ Киселевъ въ этихъ мѣрахъ, слѣдуетъ упомянуть о двухъ: о введеніи инвентарей и о воспрещеніи отдавать имѣнія въ арендное содержаніе.

Донесеніе губернатора о разстройствѣ витебской губерніи.

Исправлявшій должность витебскаго губернатора, ст. сов. Львовъ, въ отчетѣ Государю за 1839 годъ, излагая разстроенное во всѣхъ частяхъ экономическое положеніе губерніи, указывалъ, какъ на главную тому причину, на отягощеніе помѣщичьихъ крестьянъ несоразмѣрными въ пользу владѣльцевъ повинностями, и находилъ необходимымъ, для пресѣченія этого зла, „снабдить предводителей дворянства особыми инструкціями и имѣть бдительный надзоръ, дабы владѣльцы не имѣли безусловнаго права на крестьянскую собственность и дабы крестьяне вынуждались единственно къ тѣмъ обязанностямъ, которыя опредѣлены коренными узаконеніями". Отчетъ Львова былъ переданъ на заключеніе подлежащимъ министрамъ, и въ томъ числѣ министру государственныхъ имуществъ.

Графъ Киселевъ, въ запискѣ своей Государю по этому

---

[1]) Въ западныхъ губерніяхъ, независимо отъ произвольнаго распоряженія барщиною крестьянъ въ предѣлахъ имѣнія, существовалъ между помѣщиками обычай отдавать своихъ крестьянъ въ наемъ по контрактамъ въ земляныя и другія черныя работы, а также для сплава судовъ въ заграничные порты. Злоупотребленія такимъ обычнымъ правомъ вызвали, наконецъ, въ началѣ царствованія Императора Николая Павловича, стремленіе правительства ограничить это право законодательными мѣрами. Рядъ этихъ мѣръ заключился изданіемъ въ 1853 году „правилъ о наймѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ въ земляныя и другія черныя работы".

Гр. Киселевъ предлагаетъ введеніе инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

поводу, писалъ слѣдующее [1]): „Наблюденіе дворянскихъ предводителей, сколь само по себѣ ни полезно, не въ состояніи отвратить зла, частію потому, что предводитель не можетъ входить въ подробности частнаго хозяйства каждаго владѣльца, не потрясая права собственности и власти помѣщичьей; а главнѣйше потому, что законами нашими опредѣлено только время трехъ-дневной работы, но мѣра самой работы нисколько не установлена и потому усчитать помѣщика въ несоразмѣрности его требованій невозможно“.

„Вѣрнѣйшимъ средствомъ къ огражденію крестьянъ отъ разоренія было бы составленіе положительныхъ инвентарей всѣмъ повинностямъ, которыми они обязаны владѣльцу; но какъ средство сіе не можетъ быть примѣнено къ одной витебской губерніи, то на первый разъ можно бы было достигнуть предполагаемаго ст. сов. Львовымъ ограниченія разорительныхъ дѣйствій помѣщиковъ другими способами, болѣе сообразными съ существующими постановленіями. Въ Сводѣ Законовъ содержатся правила, коими въ пресѣченіе всякаго рода злоупотребленій, а наипаче роскоши безмѣрной и разорительной, въ обузданіе излишества, безпутства, мотовства, тиранства и жестокости, а равно за неплатежъ податной недоимки, главнымъ начальникамъ губерній предоставляется учреждать надъ такими имѣніями опеки. Я полагалъ бы, основываясь на сихъ законахъ, воспользоваться тѣми случаями, въ коихъ помѣщики, разстройствомъ и обремененіемъ своихъ имѣній недоимками, давали поводъ употребить надъ ними мѣру законной строгости, и вслѣдствіе того предоставить генералъ-губернатору брать таковыя имѣнія въ опекунское управленіе (отмѣтка Государя: „согласенъ“), а для устройства ихъ, не стѣсняясь установленными отъ владѣльцевъ работами, вводить въ сихъ имѣніяхъ инвентарныя положенія, которыя употребляются уже въ оной губерніи благомыслящими помѣщиками и могутъ быть признаны дѣйствительно выгодными и полезными какъ для владѣльцевъ, такъ и для крестьянъ“.

---

[1]) На запискѣ помѣтка гр. Киселева: „Прочитана Е. И. В. 18-го февраля 1840 г.“.

„Распоряженія сіи покажутъ помѣщикамъ прямое намѣреніе правительства къ охраненію крестьянъ отъ несоразмѣрныхъ требованій и, не нарушая права владѣльцевъ, произведутъ полезное дѣйствіе въ предѣлахъ, законами установленныхъ, надъ тѣми исключительно помѣщиками, которые безпорядочнымъ управленіемъ сами дадутъ на сіе право; а между тѣмъ, время покажетъ средства сообразить, на какихъ основаніяхъ можно будетъ установить и ввести постепенно обязательные инвентари, опредѣливъ власть помѣщиковъ и участіе ихъ въ судѣ или мѣстной расправѣ".

Комитетъ западныхъ губерній одобряетъ мысли гр. Киселёва.

Записка гр. Киселева была внесена въ существовавшій тогда комитетъ западныхъ губерній, который призналъ весьма полезнымъ введеніе въ помѣщичьихъ имѣніяхъ вообще обязательныхъ инвентарей; но какъ для исполненія сего требовалась постепенность въ распоряженіяхъ, то полагалъ: ограничиться на первый разъ установленіемъ инвентарей въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя, по распоряженію правительства, подвергнутся опекѣ.

Повелѣніе о введеніи инвентарей во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ западныхъ губерніяхъ.

На журналѣ о семъ комитета послѣдовала, 27-го марта 1840 года, собственноручная Его Величества резолюція: „Полагаю, что можно рѣшительно велѣть ввести въ помѣщичьихъ владѣніяхъ тѣ инвентари, которыми само правительство довольствуется въ арендныхъ имѣніяхъ. Ежели отъ сего будетъ нѣкоторое стѣсненіе правъ помѣщиковъ, то оно касается прямо блага ихъ крѣпостныхъ людей и не должно отнюдь останавливать благой цѣли правительства".

Комитетъ для исполненія такой Высочайшей воли полагалъ: „предоставить управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по истребованіи какъ отъ начальниковъ западныхъ губерній предварительныхъ свѣдѣній, такъ и отъ нѣкоторыхъ благомыслящихъ помѣщиковъ составленныхъ уже ими для крестьянъ ихъ инвентарей, приступить къ начертанію подробныхъ по сему предмету правилъ, съ тѣмъ, во 1-хъ, чтобы, при составленіи инвентарей, принимаемы были въ основаніе тѣ, какіе вновь утверждены будутъ по новой люстраціи для казенныхъ имѣній, и во 2-хъ, чтобы противъ сихъ казенныхъ

инвентарей допущено было во вновь составляемыхъ инвентаряхъ нѣкоторое возвышеніе въ пользу помѣщиковъ, а между тѣмъ, во всѣхъ владѣльческихъ имѣніяхъ западнаго края, кои по злоупотребленію помѣщичьей власти взяты будутъ въ опеку, вводить инвентарное положеніе, принятое для имѣній казенныхъ".

На этомъ положеніи комитета Государь, 23-го апрѣля 1840 года, написалъ: „Совершенно согласенъ; кончить сіе непремѣнно не позже 1-го сентября".

Затрудненія въ исполненіи Высочайшаго повелѣнія.

Исполнить такое сложное дѣло, какъ начертаніе подробныхъ правилъ для составленія и введенія инвентарей въ такой короткій срокъ, который былъ назначенъ Государемъ, оказалось невозможнымъ.

Самые инвентари для казенныхъ имѣній по новой люстраціи, на основаніи правилъ 1839 г., еще не были утверждены и составленіе ихъ для всѣхъ казенныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ могло продолжаться еще нѣсколько лѣтъ. Поэтому комитетъ полагалъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ одно начертаніе общихъ правилъ, въ которыхъ излагались бы главныя основанія и порядокъ введенія инвентарнаго положенія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, а для примѣненія этихъ правилъ къ каждому имѣнію учредить на самыхъ мѣстахъ особыя коммиссіи.

На это положеніе послѣдовало, 21-го февраля 1841 года, собственноручное Его Величества повелѣніе: „Дѣломъ симъ не медлить; Я считаю его особенно важнымъ и ожидаю отъ сей мѣры большой пользы".

Приведенныя резолюціи Государя показываютъ какъ близко къ сердцу принималъ Онъ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе исполнить предполагавшіяся мѣры о введеніи инвентарей повсемѣстно такъ скоро, какъ желалъ Государь, не представлялось возможности.

Оказалось необходимымъ потребовать соображенія мѣстныхъ властей: завязалась переписка между генералъ-губернаторами и министерствами. Между тѣмъ, составлены были въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и Высочайше утверждены, 28-го декабря 1852 года, инвентарныя правила для сѣверо-

западныхъ и бѣлорусскихъ губерній. На эти правила, при введеніи ихъ въ дѣйствіе, стали возникать жалобы со стороны помѣщиковъ; вслѣдствіе этого, въ апрѣлѣ 1854 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ инвентарныхъ правилъ, сначала во второстепенномъ комитетѣ изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, а потомъ въ высшемъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ князя Чернышева изъ графовъ Киселева и Перовскаго, и ген.-ад. Бибикова.

Предположенія этого комитета были разсмотрѣны сначала въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Экономіи Государственнаго Совѣта, а потомъ въ Общемъ Собраніи.

Въ Соединенныхъ Департаментахъ возникло разногласіе относительно своевременности, при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ, введенія инвентарей, а также относительно трехдневной барщины и крестьянскихъ долговъ.

Въ Общемъ Собраніи, 7-го мая 1855 года, положено было инвентарныя правила ввести только въ двухъ бѣлорусскихъ губерніяхъ и лишь въ имѣніяхъ, гдѣ существуютъ тягловая система хозяйства.

Объясненіе причинъ такого рѣшенія.

Этимъ кончилось дѣло объ инвентаряхъ, принявшее въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта направленіе, противоположное тому, съ которымъ оно было начато. Причины тому объясняются въ слѣдующей собственноручной замѣткѣ графа Киселева въ его дневникѣ:

„7-го мая, суббота. Экстраординарное засѣданіе Государственнаго Совѣта по разсмотрѣнію бѣлорусскихъ и литовскихъ инвентарей. 4 часа спорили, толпились предъ предсѣдателемъ, который, въ болѣзненномъ состояніи и безъ сознанія предмета, прерывалъ объясненія членовъ, и между прочимъ, и мои. Онъ направлялъ сужденія противъ комитета, коего также былъ предсѣдателемъ. Здѣсь явились страсти, которыя мы видѣли при разсмотрѣніи дѣла объ обязанныхъ крестьянахъ и изданіи указа 2-го апрѣля 1842 года; но тогда предсѣдательствовалъ Государь Императоръ, а нынѣ изможденный тѣломъ и душою кн. Чернышевъ. Конфузія была необычайная, и нѣкто

уподоблялъ это засѣданіе торговой банѣ; все стремленіе клонилось къ тому, чтобы, въ успокоеніе русскихъ помѣщиковъ, отмѣнить въ западныхъ губерніяхъ инвентари, замѣнивъ ихъ трехдневною работою по указу 1797 года, т.-е. разрушить то, что существуетъ въ западныхъ губерніяхъ по примѣру Европы уже 300 лѣтъ.

„9-го мая. Докладъ у Е. И. В. въ Царскомъ Селѣ, разговоръ о засѣданіи 7-го мая; добрый мнѣ пріемъ и добрыя чувства и намѣренія Государя; боюсь за Его здоровье“.

Вопросъ о правѣ помѣщиковъ отдавать имѣнія въ аренду.

Въ то время, когда шло дѣло о введеніи инвентарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ западныхъ губерній, возбужденъ былъ вопросъ о существовавшемъ тамъ между помѣщиками обычаѣ отдавать свои населенныя имѣнія въ арендное содержаніе.

Дѣло это возникло вслѣдствіе всеподданнѣйшаго рапорта, въ 1846 году, витебскаго губернатора по обозрѣніи имъ губерніи, указывавшаго, между прочимъ, на вредное вліяніе оказываемое такимъ обычаемъ на нравственность крестьянъ и на благосостояніе самихъ помѣщиковъ. Родилась мысль объ ограниченіи права помѣщиковъ отдавать свои имѣнія въ аренду. Затребованы были мнѣнія генералъ-губернаторовъ; изъ нихъ виленскій—Мирковичъ и бѣлорусскій—кн. Голицынъ не находили нужнымъ воспрещать помѣщикамъ отдавать свои имѣнія въ аренду, а кіевскій—Бибиковъ полагалъ такую аренду на будущее время не допускать.

Мнѣніе графа Киселева.

Генералъ-адъютантъ Бибиковъ это предположеніе повторялъ во всеподданнѣйшихъ докладахъ своихъ 1849, 1850 и 1851 годовъ. Доклады эти Государь передалъ графу Киселеву, который, въ представленной Его Величеству запискѣ, отъ 2-го іюня 1851 г., объяснялъ, что запрещеніе арендъ не поведетъ ни къ чему, такъ какъ „управленіе“ имѣніями можетъ быть поручено тѣмъ же арендаторамъ и они будутъ еще болѣе разорять народъ; что поэтому для блага крестьянъ нужна не отмѣна арендъ, а изданіе положительнаго и общаго закона въ огражденіе крестьянъ, о правахъ и обязанностяхъ арендаторовъ и управителей, объ ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ; что необходимо

учредить суды для разбора дѣлъ между арендаторами, управителями и крестьянами и дать крестьянамъ свой судъ для разбора ихъ дѣлъ, т.-е. отнять у арендаторовъ и управителей право суда надъ крестьянами.

Результатъ этой записки, какъ онъ записанъ самимъ графомъ Киселевымъ, былъ слѣдующій:

Несогласіе Государя на предложеніе гр. Киселева.

„Государь Императоръ, по прочтеніи сей записки, изволилъ отозваться, что предполагаемыя мѣры не надежны для достиженія цѣли, которую Его Величество признаетъ священною для Себя обязанностію, вслѣдствіе чего и въ отклоненіе неминуемой медленности въ исполненіи сего дѣла, изволитъ находить удобнѣйшимъ издать указъ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

„Всѣ населенныя дворянскія имѣнія западныхъ губерній должны, относительно крестьянъ, управляться лично ихъ владѣльцами безъ всякой передачи правъ своихъ по условіямъ или довѣріямъ постороннимъ лицамъ.

„Если бы по какимъ-либо причинамъ владѣлецъ населеннаго имѣнія не могъ онымъ управлять лично, то имѣніе передается по инвентарю въ управленіе палаты государственныхъ имуществъ, а исчисленные доходы передаются владѣльцу.

„На представленіе мое, что первое условіе едва-ли будетъ въ исполненіи возможно и, конечно, для крестьянъ менѣе выгодно, чѣмъ арендаторы или управленіе по условіямъ, съ ограниченною властію и отвѣтственностію, и что управленіе частными имѣніями чрезъ палаты, по мнѣнію моему, рѣшительно невозможно, Государь Императоръ повторилъ вышеприведенныя указанныя основанія и повелѣть изволилъ: *вникнуть въ обстоятельства дѣла и представить при первомъ докладѣ на Мое соображеніе.*

„Сколь я почитаю себя счастливымъ всегда и во всякомъ случаѣ посвящать мои посильные труды на выполненіе видовъ и преднамѣреній Его Величества, но въ семъ разѣ я долженъ повторить мой первый отзывъ о сомнѣніи въ дѣйствительной пользѣ первой статьи и о рѣшительной невозможности принять исполненіе второй“.

Новый докладъ гр. Киселева и отвѣтъ Государя.

Вслѣдъ за симъ, именно въ запискѣ отъ 22-го іюля, графъ Киселевъ подробно объяснялъ тѣ затрудненія, которыя, по его мнѣнію, могли бы открыться при исполненіи предположеній Государя. Онъ указывалъ, что во многихъ случаяхъ для владѣльцевъ неизбѣжно отдавать свои имѣнія въ управленіе родственниковъ или другихъ постороннихъ лицъ; что личное управленіе владѣльцевъ своими имѣніями не можетъ оградить крестьянъ отъ притѣсненій, при той обширной власти, которая законами предоставлена помѣщику надъ крестьянами; что управленіе государственныхъ имуществъ въ западныхъ губерніяхъ учреждено для 650 тыс. ревизскихъ душъ, и оказывается и нынѣ недостаточнымъ, а передача ему имѣній помѣщичьихъ потребовала бы неизбѣжно огромнаго увеличенія штатовъ и издержекъ; что палаты государственныхъ имуществъ управляютъ крестьянами, переведенными на оброкъ, — помѣщичьи же крестьяне почти всѣ состоятъ на барщинѣ, и управлять ими въ такомъ положеніи, палаты рѣшительно не могутъ; что подобная передача имѣній въ управленіе палатъ возбудила въ помѣщикахъ всѣхъ губерній мысль, что правительство стремится къ общему отчужденію дворянскихъ имѣній, а въ крестьянахъ домогательство сравненія ихъ въ правахъ съ государственными.

Въ заключеніе графъ Киселевъ полагалъ истребовать, по изложеннымъ предположеніямъ мнѣніе генералъ-губернаторовъ, и передать его записку, отъ 2-го іюня, въ Государственный Совѣтъ, куда уже поступило представленіе ген.-ад. Бибикова по настоящему предмету.

На этомъ докладѣ Государь написалъ:

„Хотя Я не вполнѣ дѣлю мнѣніе ваше, но согласенъ дать дѣлу предлагаемый вами ходъ. Притомъ, раздѣляя вполнѣ взглядъ на дѣло ген.-ад. Бибикова, полагаю, что можно бы было ограничить право брать имѣнія въ аренду однимъ *дворянамъ*, признаннымъ и утвержденнымъ въ семъ званіи; всѣхъ другихъ же исключить изъ этого права; это будетъ справедливо“.

Дальнѣйшій ходъ дѣла.

Во внесенной затѣмъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Государственный Совѣтъ запискѣ, графъ Киселевъ предлагалъ воспре-

тить впредь отдачу помѣщичьихъ имѣній въ арендное содержаніе лицамъ, не принадлежащимъ къ потомственному дворянству, составить общее положеніе для арендаторовъ и управителей, для разбора жалобъ крестьянъ на арендаторовъ и управителей, учредить третейскій судъ по закону, а для разбора споровъ между крестьянами учредить при вотчинныхъ управленіяхъ особыя расправы.

Министры внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и главноуправляющій II Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи въ отзывахъ своихъ не признавали удобнымъ внезапное воспрещеніе отдавать имѣнія въ аренду.

Ген.-ад. Бибиковъ, который тогда былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, высказалъ свое убѣжденіе въ пользѣ прекратить на будущее время, единожды навсегда, отдачу помѣщичьихъ населенныхъ имѣній въ арендное содержаніе.

Графъ Киселевъ, соглашаясь во вредѣ арендной системы, считалъ, однако, что немедленная отмѣна ея повергнетъ владѣльцевъ бо́льшей части имѣній въ совершенное разореніе, и признавалъ, что для улучшенія положенія помѣщичьихъ крестьянъ и имѣній необходимо прежде всего учрежденіе сельскихъ расправъ и третейскихъ судовъ.

Соединенные департаменты поручили министрамъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ: 1) составить подробныя правила объ отдачѣ во временное владѣніе и управленіе населенныхъ помѣщичьихъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ; 2) изыскать средства, коими можно было бы остановить дальнѣйшее введеніе столь вредной системы на отдачу въ аренду управленія населенными помѣщичьими имѣніями въ другихъ губерніяхъ имперіи.

Государь очень живо принималъ къ сердцу это дѣло и на докладѣ князя Чернышева о положеніи вопроса объ инвентаряхъ, 27-го декабря 1852 года написалъ:

„Весьма желательно, чтобъ дѣло получило практическое разрѣшеніе, ибо теперешнее положеніе, несмотря на все, что сказано въ его пользу, рѣшительно болѣе нетерпимо“.

Проектъ правилъ былъ составленъ и внесенъ въ Государственный Совѣтъ 31-го августа 1853 года.

Разсмотрѣніе проэкта правилъ въ Государственномъ совѣтѣ.

Когда проектъ этотъ, послѣ разсмотрѣнія его въ Департаментѣ Законовъ, поступилъ въ Общее Собраніе, то оно нашло (9-го ноября 1853 г.), что предлагаемыя правила такъ стѣснительны и для помѣщиковъ и для арендаторовъ, что они почти равняются совершенному запрещенію. Соображая главный въ этомъ дѣлѣ вопросъ, не лучше-ли вовсе воспретить отдачу имѣній въ аренду, Общее Собраніе, согласно мысли, въ засѣданіи Совѣта выраженной Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Цесаревичемъ, признало, что будетъ удобнѣе и сообразнѣе съ достоинствомъ правительства, вмѣсто принятія подобной полумѣры, объявить рѣшительно, что арендная система признается вредною, и что потому она не можетъ быть болѣе терпима; для доставленія же помѣщикамъ возможности приготовиться къ новому порядку, назначить достаточный для такого приготовленія срокъ, послѣ котораго отдача имѣній вновь въ аренду не должна уже быть допускаема. По мнѣнію Совѣта, такое рѣшительное воспрещеніе, будучи объявлено за нѣсколько времени до приведенія онаго въ исполненіе, не произведетъ ни малѣйшаго потрясенія въ краѣ, ибо помѣщики, при невозможности тотчасъ вступить самимъ въ управленіе имѣніями, могутъ еще до истеченія льготнаго времени, заключить контракты хотя на короткіе сроки, а между тѣмъ приготовиться къ новому порядку.

Затѣмъ Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: воспретить на будущее время отдачу въ арендное содержаніе населенныхъ помѣщичьими крестьянами имѣній; но арендные контракты, до настоящаго времени установленнымъ порядкомъ заключенные, оставить въ своей силѣ до истеченія сроковъ, постановленныхъ въ тѣхъ контрактахъ; а какъ срокъ нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ кончиться вскорѣ по изданіи настоящихъ правилъ, то—для доставленія тѣмъ помѣщикамъ, коихъ имѣнія находятся нынѣ въ арендѣ, возможности приготовиться къ новому порядку управленія своими имѣніями, дозволить имъ заключать новые съ прежними или другими

арендаторами контракты, съ тѣмъ лишь, чтобы во всякомъ случаѣ срокъ арендного по симъ новымъ контрактамъ содержанія назначался не далѣе какъ до 1-го января 1859 г.

Государь утверждаетъ это мнѣніе и сокращаетъ срокъ арендного содержанія.

Государь утвердилъ 23-го декабря 1853 года мнѣніе Государственнаго Совѣта, измѣнивъ въ немъ только цифру 1859 на 1857.

ГЛАВА XLIII.

МЫСЛЬ ОБЪ ОГРАНИЧЕНІИ ПОМѢЩИЧЬЕЙ ВЛАСТИ.—ПЕРЕПИСКА СЪ КНЯЗЕМЪ ВОРОНЦОВЫМЪ О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ.
1848—1853 гг.

Сущность дѣла.—Разсмотрѣніе дѣла въ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ.—Графъ Киселевъ подаетъ мнѣніе о преданіи суду помѣщиковъ и объ изданіи закона къ ограниченію ихъ власти.—Переписка съ княземъ Воронцовымъ.

До правительства постоянно доходили изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣнія объ угнетеніи крестьянъ помѣщиками. Крестьяне были лишены права жаловаться; выводимые изъ терпѣнія они нерѣдко отказывались отъ повиновенія; возникали безпрестанно уголовныя дѣла, оканчивавшіяся обыкновенно строгими надъ крестьянами приговорами и тяжкими наказаніями неповинующихся. Одно изъ такихъ дѣлъ, доходившее до Государственнаго Совѣта, дало поводъ графу Киселеву высказать свою мысль о необходимости постановить въ законѣ предѣлы помѣщичьей надъ крестьянами власти. Дѣло это состояло въ слѣдующемъ:

Сущность дѣла.

Калужскіе помѣщики Дубровины, въ имѣніи которыхъ считалось 2,500 ревизскихъ душъ, отдали въ работы на разныя фабрики 800 человѣкъ взрослыхъ, съ условіемъ получать за нихъ заработную плату и жалованье. Въ имѣніи было всего около 1,000 взрослыхъ тяглыхъ работниковъ, слѣдовательно, получая плату за трудъ лучшей половины работниковъ, помѣщики получали съ крестьянъ все, что только могли брать по закону, не говоря уже о томъ, что отдачею лучшихъ

работниковъ на фабрики, они разлучали семейства и подрывали хозяйство крестьянъ, отдавъ на работы многихъ хозяевъ; несмотря на все это, Дубровины требовали отъ остальныхъ крестьянъ исполненія всѣхъ полевыхъ работъ въ ихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, выгоняя на барщину крестьянъ иногда поголовно. Кромѣ того, для увеличенія своихъ доходовъ, они отобрали у крестьянъ землю, которая прежде обработывалась отданными на фабрики крестьянами и присоединили ее къ помѣщичьей запашкѣ, а эту обработывать должны были оставшіеся крестьяне. Наконецъ, подати за отданныхъ на фабрики крестьянъ они заставили платить оставшихся. Этимъ Дубровины совершенно разорили крестьянъ, что и было обнаружено слѣдствіемъ, произведеннымъ чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ. Крестьяне взбунтовались, т.-е. отказались работать на фабрикахъ и не послушались ни помѣщиковъ, ни земской полиціи. За это многіе изъ виновныхъ были подвергнуты полицейскому наказанію, а потомъ содержались подъ стражею и въ смирительномъ домѣ, а главные зачинщики приговорены уѣзднымъ судомъ и уголовною палатою къ наказанію плетьми и къ возвращенію въ вотчину. Сенатъ измѣнилъ это опредѣленіе и приговорилъ виновныхъ къ наказанію розгами, отдачѣ въ арестантскія роты и лишенію правъ состоянія. Но исправлявшій въ то время должность товарища министра юстиціи [1]) протестовалъ, находя, что крестьянъ слѣдуетъ на казать плетьми чрезъ палача и сослать въ Сибирь на поселеніе. Дѣло перешло въ Государственный Совѣтъ (сперва въ Департаментъ Гражданскихъ дѣлъ, а потомъ въ Общее Собраніе). Графъ Киселевъ заявилъ, что если виновныхъ крестьянъ подвергаютъ такимъ тяжелымъ наказаніямъ, несмотря на то, что они доведены были до неповиновенія незаконными и притѣснительными распоряженіями помѣщиковъ, то „надлежало бы и виновниковъ сего предать взысканію и, что̀ всего важнѣе, слѣдуетъ обратить вниманіе на недостатокъ опредѣлительныхъ указаній въ законѣ о власти помѣщика и, въ отвращеніе подобныхъ угнетеній въ будущемъ, измѣнить и пояснить этотъ законъ (ст. 966 и 967, т. IX С. З.) и тѣмъ положить пре-

Разсмотрѣніе дѣла въ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ.

Графъ Киселевъ подаетъ мнѣніе о преданіи суду помѣщиковъ и объ изданіи закона къ ограниченію ихъ власти.

[1]) Т. С. Илличевскій.

дѣлъ разоренію крестьянъ чрезъ закабаленіе ихъ, вдали отъ вотчины, какому-либо содержателю фабрики".

Вотъ какъ записаны въ дневникѣ гр. Киселевымъ пренія по этому дѣлу въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта 1848 г. ноября 22:

„Д. Т. С. князь Гагаринъ находилъ нужнымъ передать дѣло во II-е Отдѣленіе; графъ Киселевъ, въ дополненіе предложенія князя Гагарина находилъ, что неповиновеніе по закону должно быть строго наказываемо для удержанія порядка, но въ семъ дѣлѣ слѣдуетъ сознаться, что неясность, неопредѣлительность закона могли завести обѣ стороны къ поступкамъ непозволительнымъ и проч., и что посему съ утвержденіемъ настоящаго приговора, въ предупрежденіе подобныхъ на будущее время и по принятому правительствомъ правилу исправлять законы при каждомъ обсужденіи текущихъ дѣлъ, онъ, Киселевъ, полагаетъ полезнымъ и должнымъ дѣло это передать, для соображенія при изданіи и исправленіи законовъ, во II-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Наконецъ, баронъ Корфъ обратилъ вниманіе Совѣта на приговоръ, въ коемъ сказано: „кромѣ тѣлеснаго наказанія, лишить крестьянъ *всѣхъ правъ и преимуществъ по состоянію*". Крѣпостные правъ и преимуществъ не имѣютъ, а потому и лишать нечего.

„Всѣ эти замѣчанія болѣе молчаніемъ, чѣмъ разсужденіемъ оставлены, какъ несвоевременныя. Почему?"

Мы упоминали выше о послѣдовавшемъ, въ концѣ 40-хъ годовъ, охлажденіи Государя къ вопросу о крестьянской реформѣ.

Переписка съ кн. Воронцовымъ.

При наступившей тогда реакціи въ высшей администраціи, только два лица, графъ П. Д. Киселевъ и князь М. С. Воронцовъ, не перемѣнили своихъ убѣжденій о необходимости поставить крѣпостныхъ крестьянъ подъ охрану закона. Когда ни тому ни другому не представлялось возможности дать прямо или косвенно толчекъ крестьянскому вопросу, они, какъ бы для поддержанія въ себѣ искры священнаго огня, продолжали обмѣниваться мыслями о великомъ вопросѣ въ интим-

ной перепискѣ, которую ни тотъ, ни другой, несмотря на свое высокое положеніе, не рѣшались ввѣрять обыкновенной почтѣ.

Князь Воронцовъ писалъ графу Киселеву изъ Кисловодска отъ 30 іюля 1851 года:

..."Вы знаете, что я всегда одобрялъ введенную вами новую систему рекрутства (жеребьевую), на сколько я ее понимаю; мнѣ кажется, что эта система въ дѣлѣ, вездѣ тягостномъ, а у насъ почти варварскомъ, уменьшаетъ неудобства и жестокость, и значительно приближается къ тому, что дѣлается во многихъ странахъ Европы... Я думаю, для того, чтобы сдѣлать вполнѣ удовлетворительною эту систему, надо стараться, чтобы въ ней было сколь возможно менѣе исключеній изъ общаго правила; чтобы никто не могъ быть привлекаемъ къ рекрутству по истеченіи двухъ лѣтъ, назначенныхъ для исполненія этой обязанности; чтобы общества не имѣли права отдавать въ рекруты безъ суда своихъ сочленовъ, дѣйствительно или мнимо дурнаго поведенія.

..."Пока общества, или помѣщики, или князь Волконскій въ своей администраціи будутъ имѣть право отдавать въ солдаты или ссылать въ Сибирь безъ суда тѣхъ, которые имъ не нравятся, мы будемъ оставаться съ варварствомъ личнаго рабства, отъ котораго всѣ ваши усилія стараются насъ избавить. Я хотѣлъ бы знать ваше мнѣніе о возможности установить для помѣщичьихъ крестьянъ систему рекрутства ту же самую (т.-е. жеребьевую) и съ тѣми же правилами. По моему мнѣнію, это дѣло великой важности, и еслибы, кромѣ этого, можно было уничтожить право брать крестьянъ въ дворовые, и въ тоже время, дать силу общему закону о трехдневной барщинѣ, установленной Императоромъ Павломъ, то безъ всякихъ треволненій, безъ всякой опасности, даже не показывая вида нововведеній, мы достигли-бы до такого положенія относительно крестьянъ, которое можетъ существовать въ настоящее время, не нарушая ни чьихъ интересовъ и не давая никому поводовъ къ неудовольствію или раздраженію.

"Вотъ что, любезный графъ, я хотѣлъ вамъ сказать не

только о рекрутствѣ, но и вообще о важномъ крестьянскомъ вопросѣ. Прошу васъ, напишите мнѣ, что вы объ этомъ думаете....

...."Это письмо отправляю съ г. Лазаревымъ [1]); оно дойдетъ до васъ чрезъ 6 недѣль или чрезъ два мѣсяца..."

Графъ Киселевъ отвѣчалъ князю Воронцову слѣдующимъ письмомъ:

"С.-Петербургъ. 3-го января 1852 г.

"Въ отвѣтъ на письмо, которое вы изволили, любезный князь, написать мнѣ 30 іюля и которое г. Лазаревъ передалъ мнѣ только въ декабрѣ, я считаю своимъ долгомъ и удовольствіемъ сказать вамъ, что я вполнѣ раздѣляю въ сущности ваши воззрѣнія на важные вопросы, которыхъ оно касается; но чѣмъ болѣе я живу и размышляю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ трудности, которая представляется при разрѣшеніи ихъ, въ виду законодательства нынѣ опредѣляющаго крѣпостное право. Очень ошибочно думали о моихъ воззрѣніяхъ на счетъ этого. По тому, что̀ было сдѣлано въ княжествахъ, и еще болѣе по разнымъ запискамъ, которыя я имѣлъ случай представлять въ качествѣ члена комитета, бывшаго подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова, можно достаточно убѣдиться въ томъ, что никогда не было рѣчи объ абсолютномъ освобожденіи (émancipation absolue), а только единственно о регуляризаціи крѣпостнаго права, съ цѣлію отнять у дурныхъ помѣщиковъ возможность злоупотреблять своими правами, случайно введенными въ сводъ нашихъ законовъ и несогласныхъ съ справедливостью. Я могу сказать, что этого и до сихъ поръ желаю изъ страха (par peur), потому что чѣмъ болѣе я всматриваюсь, тѣмъ болѣе страшусь возстанія крестьянъ (jacquerie), грозящаго спокойствію Россіи и существованію дворянства. Предупредить зло было бы, конечно, разумнѣе, чѣмъ дать ему развиться и сложа руки ожидать его печальныхъ послѣдствій. Такъ думалъ нашъ великій и велико-

[1]) Лазаревъ былъ въ то время управляющимъ ставропольскою палатою государственныхъ имуществъ.

душный Монархъ; но къ несчастью, Онъ встрѣтилъ такія затрудненія, какія было бы, можетъ быть, неосторожно не принять въ соображеніе. Поэтому всѣ усилія были парализованы и остались безплодными. У насъ, какъ и повсюду, личныя выгоды возбуждаютъ страсти и заставляютъ молчать разумъ. Есть минуты, въ которыя самыя ничтожныя жертвы могутъ предупредить великія несчастія. Исторія подтверждаетъ это неоспоримымъ образомъ. Во Франціи упрямство аристократіи произвело революцію со всѣми ея гибельными послѣдствіями. Въ Англіи аристократія своимъ практическимъ умомъ съумѣла избѣгнуть смутъ и удержаться до сихъ поръ при общемъ смятеніи. Этотъ урокъ, къ несчастію, мало дѣйствуетъ на нашихъ помѣщиковъ, думающихъ, что они погибнутъ, если правительство вмѣшается въ вопросъ объ ихъ неограниченной власти надъ крестьянами. Возгласы и страхи всякаго рода разносятся и эксплуатируются часто по причинѣ невѣжества, но еще чаще изъ желанія сдѣлаться популярнымъ, поддерживая предразсудки своего сословія,— изъ желанія, которое я извиняю нашимъ деревенскимъ помѣщикамъ, но ставлю въ вину тѣмъ, которые въ состояніи взвѣсить опасность и все-таки упорно дѣйствуютъ въ виду личныхъ выгодъ, дурно понимаемыхъ и, смѣю сказать, не честныхъ.

„Какъ бы то ни было, вопросъ о крѣпостномъ правѣ есть вопросъ жгучій и очень сложный. Едва ли можно коснуться одной части его, чтобы не разрушить цѣлаго. Вотъ почему законодательство по этому вопросу сдѣлало такъ мало, или скорѣе ничего не могло сдѣлать, съ тѣхъ поръ, какъ старые законы и обычаи, касающіеся земледѣльцевъ, были смѣшаны или замѣнены исключительными законами *Холопьего приказа*. Чтобы не удлиннять слишкомъ этого письма, посылаю вамъ записку, которая покажетъ вамъ, любезный князь, что больше чѣмъ трудно узаконить извѣстныя права и труднѣе всего трехдневную барщину, которая сама по себѣ вызываетъ регламентацію крѣпостнаго права во всемъ его объемѣ. Марія-Терезія повелѣла издать инвентари въ 1762 г.; три года спустя,

она должна была учредить мѣстные суды, чтобы разбирать несогласія между земледѣльцами и помѣщиками и съ тѣхъ поръ абсолютная власть господина должна была или исчезнуть, или еще больше тяготѣть, вслѣдствіе вліянія помѣщиковъ на мѣстные суды,—что и случилось.

„Еслибы можно было достигнуть того, чтобы замѣнить барщину *оброкомъ*, то это было бы громаднымъ шагомъ въ пользу крестьянъ; но какъ достигнуть этого, не уменьшая доходовъ мелкихъ помѣщиковъ? Тотъ, кто нашелъ бы такой способъ, принесъ бы своему отечеству блистательную услугу.

„Я провелъ нынѣшнее лѣто въ Лѣсномъ Институтѣ, близъ Мурина; я видѣлъ крестьянъ и разговаривалъ съ ними; они совершенно довольны своимъ положеніемъ, и ваши доходы поступаютъ, говорятъ, аккуратно, несмотря на близость столицы и связанное съ этимъ обстоятельствомъ пьянство. Тѣмъ не менѣе, кромѣ Льва Витгенштейна, никто не послѣдовалъ вашему примѣру; правда, многіе желали этого, но встрѣтили сопротивленіе со стороны ихъ собратій и властей, и порывъ, вызванный важнымъ и мудрымъ указомъ 1842 года, вовсе исчезъ, и объ немъ нѣтъ больше и рѣчи.

„Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса, столь важнаго для Россіи, осталось въ своемъ первобытномъ положеніи. Государь горячо желалъ этого рѣшенія, но Онъ долженъ былъ уступить въ виду непреодолимыхъ трудностей, которыя представляетъ еще у насъ регулированіе крѣпостнаго права. Богъ и время рѣшатъ этотъ вопросъ!“

На это письмо графъ Киселевъ получилъ отвѣтъ болѣе чѣмъ чрезъ годъ. Князь Воронцовъ писалъ ему отъ 24 апрѣля 1853 года изъ Тифлиса, между прочимъ, слѣдующее:

....„Говорю вамъ, держа въ рукахъ ваше драгоцѣнное письмо отъ 3-го января. Оно полно справедливыхъ и благородныхъ чувствъ, которыя васъ вдохновляютъ и которыя я считаю себѣ за честь раздѣлять. Вы говорите почти все, что я осмѣлился сказать въ своемъ отвѣтѣ. Вы сознаете, что мы стоимъ на волканѣ, вы боитесь возстанія крестьянъ, которое грозитъ странѣ и существованію дворянства; вы говорите, что

желаете регулированія крѣпостнаго права, даже изъ страха тѣхъ послѣдствій, которыя угрожаютъ намъ. Вы совершенно правы; я раздѣляю этотъ страхъ и, подобно вамъ, желаю регулированія *изъ страха*, но также по чувству справедливости и по правиламъ нашей святой религіи. Вы прибавляете, что предупредить зло было бы конечно разумнѣе, нежели давать ему развиться и сложа руки ожидать печальныхъ послѣдствій. И такъ, мы вполнѣ согласны не только въ основаніяхъ этого жгучаго вопроса, но и во всѣхъ почти его подробностяхъ; разнорѣчіе между нами существуетъ только на счетъ одного пункта. Вы, кажется, думаете, что нельзя ничего сдѣлать, не сдѣлавъ всего; я напротивъ думаю, что сдѣлать все, еще долго будетъ невозможно; но я думаю и убѣжденъ въ томъ, что можно сдѣлать что-нибудь и даже многое теперь же, и безъ шума, мало по малу, не давая ни причинъ, ни даже предлога въ руки тѣхъ, которыхъ мнѣнія, а можетъ быть и намѣренія, совершенно противоположны нашимъ. Дѣло весьма важно, любезный графъ; отъ него зависитъ наша будущность, наше соціальное существованіе. Будемъ дѣлать, что возможно и не будемъ принимать на себя отвѣтственности матеріальной и нравственной въ тѣхъ несчастіяхъ, которыя, можетъ быть, ожидаютъ насъ, если мы не будемъ дѣлать ничего положительно. Обыкновенные люди могутъ, но вы не можете утверждать, что пока у насъ существуетъ крѣпостное право, нельзя ввести въ дѣйствіе и строго исполнять законъ о трехдневной барщинѣ, изданный Императоромъ Павломъ; вы не можете серьезно утверждать и искренно думать, что власть помѣщиковъ погибнетъ, коль скоро они не будутъ имѣть права ссылать людей въ Сибирь безъ всякихъ разговоровъ, безъ всякой причины, кромѣ своей воли, или доносовъ, т. е. воли, а иногда капризовъ своихъ управляющихъ. Это двѣ главныя вещи, которыя, по моему мнѣнію, слѣдуетъ регулировать и которыя могутъ предохранить насъ отъ катастрофъ. Вы хорошо знаете Россію; но ваше постоянное пребываніе въ столицѣ, гдѣ злоупотребленія подобнаго рода не совершаются или неизвѣстны, не ставитъ васъ въ такое положеніе, въ

какомъ я нахожусь уже 30 лѣтъ и въ которомъ я постоянно вижу подобные примѣры и отвратительныя злоупотребленія, неизбѣжныя при законѣ въ его настоящемъ положеніи. Говорю вамъ, что я вижу все это уже тридцать лѣтъ, слѣдовательно, мнѣ нѣтъ надобности приводить вамъ въ примѣръ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, какъ напр., донесеніе сенатора Брадке о подобныхъ злоупотребленіяхъ въ херсонской губерніи, или страшное событіе, только что совершившееся на земляхъ Колонтарова въ ставропольской губерніи. Эта послѣдняя катастрофа не совершилась бы, еслибы помѣщики не имѣли права заставлять крестьянъ работать, не только безъ справедливаго распредѣленія барщинныхъ дней, но даже за сто верстъ отъ ихъ жилищъ. Когда слѣдствіе объ этомъ несчастномъ дѣлѣ будетъ окончено, я долженъ буду представить его Государю, и тогда моимъ долгомъ будетъ высказать Его Величеству все, что лежитъ у меня на сердцѣ и выставить главныя причины несчастія, случившагося въ Масловомъ Кутѣ, и то, что предстоитъ сдѣлать, чтобы предупредить, насколько это возможно, повтореніе подобныхъ катастрофъ. Подумайте объ всемъ этомъ, любезный графъ, подумайте безпристрастно; вы больше, чѣмъ кто либо, въ состояніи дѣйствовать въ подобныхъ дѣлахъ, а главное, повторяю, не сердитесь на меня, потому что я этого не заслуживаю; я говорю все это искренно и люблю васъ отъ всего сердца“.

ГЛАВА XLIV.

ОТНОШЕНІЯ КИСЕЛЕВА КЪ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМѢ 1861 ГОДА.

1857—1861 г.

Секретный комитетъ 1857 года.—Государь въ Киссингенѣ передаетъ записки членовъ комитета гр. Киселеву; замѣчанія его на эти записки.—Переписка гр. Киселева съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. — Журналъ секретнаго комитета 19-го августа 1857 г. — Замѣчанія гр. Киселева на этотъ журналъ. — Извѣстія о неудовлетворительномъ ходѣ крестьянскаго дѣла; письма Балабина и Милютина.—Отвѣтъ Киселева Милютину.—Письмо кн. В. А. Долгорукова.—Отвѣтъ гр. Киселева.—Слова Государя въ Государственномъ Совѣтѣ.—Извѣстіе о манифестѣ 19-го февраля 1861 г.—Письмо гр. Киселева Великому Князю Константину Николаевичу.—Проектъ письма Государю. — Письмо гр. Муравьева-Амурскаго.—Отвѣтъ гр. Киселева.— Сочувствіе гр. Киселева дѣлу 19-го февраля.—Письмо гр. Сумарокова и отвѣтъ гр. Киселева.—Отзывъ гр. Киселева о трудахъ Н. А. Милютина.

Мы не знаемъ, было ли графу Киселеву, при отъѣздѣ его изъ Россіи, извѣстно что-либо о намѣреніяхъ Государя по крестьянскому вопросу.

Секретный комитетъ 1857 г. Въ началѣ 1857 года былъ учрежденъ секретный комитетъ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи; въ комитетъ назначены: предсѣдателемъ князь Орловъ, членами: Великій Князь Константинъ Николаевичъ, гр. Адлербергъ, кн. Гагаринъ, Ланской, бар. Корфъ, Чевкинъ, Ростовцевъ, Брокъ и Тимашевъ, а производителемъ дѣлъ Бутковъ.

Лѣтомъ того же года, Государь, во время пребыванія своего въ Киссингенѣ, куда былъ вытребованъ и графъ Киселевъ,

говорилъ съ нимъ нѣсколько разъ объ освобожденіи крестьянъ [1]), передалъ ему представленныя княземъ Орловымъ записки: кн. Гагарина, Ростовцева, бар. Корфа и Ланскаго, и требовалъ его заключенія.

Государь въ Киссингенѣ передаетъ записки членовъ комитета гр. Киселеву; замѣчанія его на эти записки.

Графъ Павелъ Дмитріевичъ, по прочтеніи этихъ записокъ, представилъ Государю свои на нихъ замѣчанія.

Сущность мнѣнія кн. Гагарина состояла въ освобожденіи крестьянъ лично, безъ земли. Графъ Киселевъ замѣчалъ, что дарованіе личной свободы безъ надѣла землею имѣетъ важныя неудобства; онъ не полагалъ возможнымъ при такомъ условіи оградить земледѣльца отъ утѣсненія, а государство — отъ безпорядковъ.

Я. И. Ростовцевъ предлагалъ, по изготовленіи нѣкоторыхъ проектовъ для разныхъ мѣстностей, препроводить ихъ въ губернскіе комитеты для обсужденій. Графъ Киселевъ находилъ неудобнымъ правительственныя предположенія подчинять такому обсужденію.

Постановляя вопросы: какъ, чѣмъ и когда освободить крестьянъ, съ землею или безъ земли, выкупомъ или безъ выкупа, одновременно или разновременно, Ростовцевъ указывалъ на проектъ Позена, коимъ, по его словамъ, всѣ эти вопросы разрѣшаются вполнѣ. Графъ Киселевъ говорилъ, что не имѣя проекта Позена не можетъ представить какое-либо заключеніе о немъ.

Ростовцевъ затѣмъ предлагалъ разныя частныя мѣры къ смягченію крѣпостнаго права улучшеніями законовъ объ обязанныхъ крестьянахъ и свободныхъ хлѣбопашцахъ. Графъ Киселевъ замѣчалъ, что принятіе этихъ мѣръ предполагается необязательнымъ, а потому и судя по предшедшему, появится токмо новый законъ, который, какъ и прежніе, останется безъ исполненія.

Баронъ Корфъ объяснялъ, что полувѣковыя попытки къ освобожденію крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія оттого не имѣли успѣха, что соображеніе истекало сверху, а не снизу

---

[1]) О подробностяхъ этого свиданія см. ниже въ III томѣ.

и что посему слѣдуетъ предоставить опытности и добрымъ чувствамъ дворянства выразить свое мнѣніе, что̀ и слѣдуетъ исполнить циркуляромъ губернскимъ предводителямъ дворянства. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, одобряя мнѣніе барона Корфа съ нѣкоторыми дополненіями, упоминалъ о необходимости указать дворянству, какихъ главныхъ началъ оно должно придерживаться въ сужденіяхъ своихъ.

Графъ Киселевъ полагалъ удобнѣйшимъ, по одобреніи основаній, прежде окончательнаго обсужденія и рѣшенія дѣла, постановить вопросные пункты для полученія отвѣтовъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ говорилъ, что общественное начало (общинное пользованіе землей), какъ вредное, должно быть вытѣснено изъ нашего законодательства. Графъ Киселевъ замѣтилъ: общинный порядокъ существуетъ въ Россіи съ самыхъ древнихъ временъ, имъ утверждается административная сила правительства надъ милліонами людей.

Въ заключеніе графъ Киселевъ писалъ: „Я полагаю, что даровать полную свободу 22 мил. крѣпостныхъ людей обоего пола недолжно и неможно. Недолжно потому, что эта огромная масса людей не подготовлена къ законной полной свободѣ; неможно потому, что хлѣбопашцы безъ земли перешли бы въ тягостнѣйшую зависимость отъ землевладѣльцевъ и были бы ихъ полными рабами или составили бы пролетаріатъ, не выгодный для нихъ самихъ и опасный для государства“.

Можетъ показаться страннымъ, что графъ Киселевъ выразилъ здѣсь мнѣніе противъ дарованія полной свободы крѣпостнымъ. Но очевидно, что онъ разумѣлъ полную свободу безъ земли, выкупъ которой онъ считалъ тогда въ финансовомъ отношеніи недоступнымъ. Вотъ почему въ концѣ концовъ онъ считалъ необходимымъ приступить немедленно къ пересмотру всѣхъ, безъ изъятія, статей Свода Законовъ о крѣпостномъ состояніи, и замѣнить всѣ тѣ, „которыя обращаютъ человѣка въ вещь“.

„Новыя узаконенія“, по его словамъ, „должны стремиться къ тому, чтобы, оставляя крестьянъ *на время* крѣпкими землѣ оградить ихъ личность и собственность законами“.

Почти въ тоже время, именно 19-го іюля 1857 г. Ве-

ликій Князь Константинъ Николаевичъ писалъ изъ Стрѣльны графу Павлу Дмитріевичу:

Переписка гр. Киселева съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

„Будучи увѣренъ, что и въ отсутствіи и вдали отъ Россіи ваше сіятельство неравнодушны къ важнымъ вопросамъ нашей внутренней администраціи, посылаю вамъ нѣсколько записокъ, которыя вы, безъ сомнѣнія, прочтете съ любопытствомъ. Я прошу васъ возвратить мнѣ оныя и сообщить ваши соображенія по тѣмъ изъ нихъ, по которымъ сами признаете полезнымъ. Я же за всякое откровенное изложеніе вашихъ мыслей буду искренно признателенъ"...

Не знаемъ, какія это были записки; но очевидно, что онѣ относились къ важнѣйшимъ вопросамъ, занимавшимъ тогда правительство.

Три недѣли спустя (12 (24), августа 1857 г.), Великій Князь послалъ графу Киселеву еще нѣсколько бумагъ по разнымъ предметамъ...

На это письмо графъ Павелъ Дмитріевичъ отвѣчалъ слѣдующее:

„Парижъ. 9 (21) сентября 1857 г.

„Ваше Императорское Высочество!

„Удостоясь получить рескриптъ Вашего Высочества отъ 12 (24) августа, я, во исполненіе Вашего указанія, воспользовался прибытіемъ въ Штутгартъ Великой Княгини Елены Павловны для представленія Ея Высочеству всѣхъ приложеній, которыя Великою Княгинею имѣютъ быть прямо доставлены Вашему Высочеству.

„По пристальномъ прочтеніи всѣхъ бумагъ, въ особенности замѣчаній Вашего Высочества на вопросные пункты комитета, за долгъ себѣ поставилъ обратить вниманіе Ваше на два изъ оныхъ, которые, по мнѣнію моему, требуютъ зрѣлаго обсужденія для окончательнаго ихъ разрѣшенія.

„Кромѣ того, я полагаю, *пересмотръ* законовъ о состояніи крѣпостномъ есть предметъ особой важности, и что успѣшное совершеніе сего труда будетъ зависѣть отъ удачнаго выбора лицъ, къ тому призываемыхъ и вполнѣ одушевленныхъ свято-

стію дѣла, отъ котораго зависитъ развитіе благотворительнаго преднамѣренія.

„Наконецъ, я смѣю думать и повторить, что начать преобразованія въ западныхъ губерніяхъ, по многимъ уваженіямъ, мнѣ кажется неудобнымъ и даже неблаговиднымъ.

„Представляя мои скромныя, но откровенныя замѣчанія, я повергаю ихъ на собственное Вашего Высочества обсужденіе и, умѣя въ полной мѣрѣ цѣнить Ваше ко мнѣ лестное вниманіе, счастливымъ себя почту, если хоть одна мысль, одна строка моихъ замѣчаній Вамъ будетъ пригодна.

„Съ чувствомъ истиннаго высокопочитанія честь имѣю быть" и. т. д.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПИСЬМУ 9 (21) СЕНТЯБРЯ 1857 г.

Если будетъ разрѣшено приступить къ общимъ мѣрамъ, то слѣдуетъ ли при этомъ сохранить помѣщикамъ право полной собственности на земли, или же отдать крестьянамъ земли, коими они пользуются, или только земли усадебныя и огородныя, съ вознагражденіемъ или безъ вознагражденія помѣщика?

„Я всегда полагалъ и нынѣ полагаю, что крестьянская земля должна оставаться (съ вознагражденіемъ помѣщиковъ) въ полной и неотъемлемой собственности крестьянъ. Это условіе я почитаю важнѣйшимъ при освобожденіи крестьянъ; оно составляетъ главное ручательство въ спокойномъ достиженіи желаемой цѣли. Крестьяне не поймутъ освобожденія безъ родной земли, и если смягченіе крѣпостнаго состоянія ихъ польститъ, то отобраніе земли измѣнитъ первое впечатлѣніе и дастъ дѣлу оборотъ совсѣмъ иной. Уступка за деньги усадебныхъ мѣстъ съ домами есть скрытый выкупъ личности; если это окажется необходимымъ, то удобнѣе было бы нѣсколько возвысить оцѣнку всей крестьянской земли, чѣмъ разложить эту выкупную сумму на одну лишь усадьбу.

„Увольненіе съ землею, въ моемъ понятіи, есть условіе необходимое, нетолько въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Во Франціи собственники земли, коихъ

считается 7 милліоновъ, составляютъ классъ людей покойныхъ и преданныхъ правительству, какъ защитнику ихъ собственности; они дѣлаютъ перевѣсъ пролетаріату и не дозволяютъ ему распространять свои превратные замыслы.

„Освобожденіе 22 милліоновъ людей обоего пола не можетъ исполниться безъ пожертвованій; а какъ участвующіе въ семъ дѣлѣ суть крестьяне, помѣщики и правительство, то всѣ должны содѣйствовать благому предпріятію. По моему мнѣнію, на часть правительства можно отнести уступку 4-го процента, и я полагаю, что за такимъ уменьшеніемъ годовой платы и за обращеніемъ сего 4-го процента въ годовое погашеніе, крестьянская земля можетъ быть выкуплена даже выгоднымъ образомъ для помѣщиковъ.

Слѣдуетъ ли допустить общинное начало въ распоряженіи и пользованіи крестьянами землею или же оно должно быть уничтожено и замѣнено личнымъ и отдѣльнымъ пользованіемъ каждаго крестьянина?

„Предметъ отмѣнной важности, но который до времени не слѣдуетъ, кажется, возбуждать. Дѣйствительно, общественное пользованіе землею имѣетъ свои *хорошія* и *дурныя* стороны; но право пользоваться ею уравнительно, столь у насъ укоренилось въ народѣ, что было бы неосторожно измѣнять вѣковой обычай силою закона. Я это испыталъ въ самарской губерніи, гдѣ изъ осторожности предложилъ желающимъ безземельнымъ крестьянамъ богатыя нивы, съ условіемъ только раздѣла ихъ на семейные наслѣдственные участки, и находилъ мало къ тому сочувствія, а напротивъ, непрерывное стремленіе къ принятію душеваго раздѣла. Должно сознаться, что если въ экономическомъ отношеніи общинное пользованіе землею имѣетъ, для преуспѣянія хлѣбопашества, явные недостатки, то во всѣхъ прочихъ перевѣсъ остается на сторонѣ противной.

„За симъ по запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ я могу только замѣтить, что освобожденіе, по примѣру остзейскихъ губерній, совершиться не можетъ, ибо все хозяйство Прибалтій-

скаго края основывается на раздѣленіи хлѣбопашцевъ на два класса: хозяевъ (Wirthe) и работниковъ (Knechte). Кто знаетъ свойства русскаго народа, тотъ не затруднится разрѣшеніемъ сего вопроса.

„Полагаю также, что освобожденіе отъ крѣпостнаго состоянія по полосамъ, начиная съ западныхъ губерній, принято быть не должно. Оно опасно, несправедливо и ненужно.

„Принявъ за основное начало, что *переходныя* мѣры суть залогъ успѣха, я не полагаю, чтобы законовъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ не слѣдовало пересмотрѣть. Сіи узаконенія послужатъ воспособленіемъ къ уничтоженію крѣпостнаго права, а всякое отдѣльное и добровольное средство освобожденія есть дѣло доброе, ведущее къ общей цѣли. Если закономъ воспрещается располагать родовымъ имѣніемъ по духовнымъ завѣщаніямъ въ пользу вольныхъ хлѣбопашцевъ, то не слѣдовало бы распространять сей законъ на благопріобрѣтенное имѣніе, которое какъ полная собственность, должна оставаться въ безусловномъ распоряженіи каждаго владѣльца".

Вслѣдъ за приведеннымъ письмомъ Великаго Князя, графу Павлу Дмитріевичу былъ сообщенъ журналъ секретнаго комитета, отъ 19 августа, причемъ ему писали, между прочимъ, слѣдующее:

…„Крестьянскій комитетъ отчаявался придти къ какому-либо результату; таково было смѣшеніе въ его понятіяхъ и такъ были бурны и безпорядочны его разсужденія. Предсѣдатель и секретарь думали только о томъ: подъ какимъ бы благовиднымъ предлогомъ закрыть комитетъ и передать все дѣло министру внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, Великій Князь рѣшился предложить свой планъ, который былъ тотчасъ принятъ и утвержденъ Государемъ…"

Журналъ секретнаго комитета 19-го августа 1857 г.

Въ означенномъ журналѣ комитета говорилось:

„Послѣ тщательнаго и подробнаго обсужденія всѣхъ вообще обстоятельствъ, до настоящаго дѣла относящихся, комитетъ пришелъ къ положительному убѣжденію, что нынѣ невозможно приступить къ общему освобожденію крѣпостныхъ у насъ крестьянъ, что они вовсе не приготовлены къ полученію внезапно

и вдругъ свободы; что общее объявленіе ихъ свободными разстроитъ вѣковыя отношенія ихъ къ помѣщикамъ и можетъ поколебать спокойствіе и порядокъ въ государствѣ, и что потому въ семъ государственномъ дѣлѣ надо дѣйствовать не вдругъ, но, какъ неоднократно уже указано Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, осторожно и благоразумно".

..."Комитетъ, принимая во вниманіе, что для общаго освобожденія крѣпостнаго сословія, не только помѣщики и крестьяне, но даже и само правительство въ настоящее время еще не приготовлены, считаетъ необходимымъ прежде всего приготовить все, что для этого будетъ нужно и потомъ уже приступить къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ, но приступить не вдругъ, а постепенно".

Руководствуясь этими правилами, комитетъ полагалъ весь порядокъ дѣйствій, для освобожденія крѣпостнаго состоянія въ Россіи, раздѣлить на три періода: а) *приготовительный*, въ продолженіе котораго правительство должно всячески смягчать и облегчать крѣпостное состояніе, открыть помѣщикамъ всѣ способы и возможность увольнять крестьянъ по взаимнымъ съ ними соглашеніямъ и собрать всѣ вообще матеріалы, свѣдѣнія и данныя, необходимыя для постановленія тѣхъ мѣръ, кои должны быть въ послѣдствіи приняты при освобожденіи крѣпостнаго сословія; б) *переходный*, въ продолженіе котораго правительство должно принять мѣры къ освобожденію крѣпостнаго сословія, но освобожденію не по взаимному уже соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ, *а обязательному*; в) *окончательный*, когда крестьяне, получивъ права личныя, будутъ поставлены въ отношеніяхъ своихъ къ помѣщикамъ, какъ люди совершенно свободные.

Комитетъ не указывалъ въ чемъ должны состоять мѣры для смягченія и облегченія крѣпостнаго состоянія (и открытія способовъ помѣщикамъ увольнять крестьянъ по взаимному соглашенію), а предоставилъ себѣ приступить къ подробному ихъ обсужденію по одобреніи Государемъ его предположеній. Комитетъ считалъ существенно необходимымъ не затруднять помѣщиковъ въ составленіи условій и соглашеній съ крестья-

нами на увольненіе ихъ, а напротивъ, открыть помѣщикамъ всѣ способы и возможность заключать сіи условія, лишь бы условія эти не содержали въ себѣ ничего противнаго общимъ законамъ.

Порядокъ дѣйствій правительства во второмъ или переходномъ періодѣ предполагалось указать, когда министерство внутреннихъ дѣлъ соберетъ всѣ необходимыя для того свѣдѣнія, данныя и факты. Наконецъ, порядокъ дѣйствій въ третій или исполнительный періодъ будетъ истекать изъ тѣхъ оснований, кои будутъ приняты для дѣйствій во второмъ, т.-е. переходномъ періодѣ. Означенныя предположенія принадлежали большинству членовъ комитета; но князь Гагаринъ предлагалъ дать помѣщикамъ возможность увольнять крестьянъ безъ заключенія съ ними условій, но съ соблюденіемъ одного только правила, чтобы крестьянамъ была оставлена ихъ усадебная осѣдлость.

Замѣчанія гр. Киселева на этотъ журналъ.

Киселевъ на этотъ журналъ сдѣлалъ свои замѣчанія только по тремъ предметамъ:

„1) Комитетъ полагаетъ необходимымъ смягчить теперь же крѣпостное положеніе, не прекращая настоящихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и не ослабляя власти сихъ послѣднихъ. Въ этомъ предположеніи заключаются два противуположныя основанія, которыя для исполненія слѣдуетъ ясно и положительно опредѣлить, дабы при сохраненіи помѣщичьей власти дѣйствительнымъ образомъ крѣпостное состояніе могло быть смягчено".

„2) О дозволеніи совершать условія съ крестьянами, *лишь бы сіи условія не содержали въ себѣ ничего противнаго общимъ законамъ.*

„Въ чемъ же заключается *пособіе* и возможность заключать сіи условія? Прежде всего необходимо исключить изъ закона все затруднительное для совершенія сихъ условій.

„Касательно оставленія вновь увольняемыхъ помѣщичьихъ крестьянъ въ зависимости министерства внутреннихъ дѣлъ, то я вполнѣ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ и еслибы я продолжалъ быть министромъ государственныхъ имуществъ, то я о семъ неотступно бы ходатайствовалъ.

„Въ отношеніи увольненія крестьянъ по предложенію князя Гагарина я обязываюсь сказать, что если главное и неотложное мое желаніе оставить крестьянамъ *ихъ* пахотную и прочую землю, за безобидное для помѣщиковъ вознагражденіе, не сбудется, то считаю предположеніе князя Гагарина предпочтительнѣе другихъ.

„3) Собрать свѣдѣнія для втораго періода весьма полезно, но при семъ не должно полагать, чтобы изъ сего могъ составиться законъ общій и ненарушимый. Подобныя узаконенія не составляются a priori. Дайте дѣлу первоначальный ходъ, время довершитъ остальное лучше всѣхъ предусмотрѣній человѣческой мудрости.

„Откладывать на неопредѣленное время рѣшеніе сего важнаго дѣла, подъ предлогомъ собранія свѣдѣній, данныхъ и фактовъ, неудобно и опасно. Для постановленія общихъ *правилъ увольненія* не нужно собирать частныя подробныя свѣдѣнія; этимъ отдалится разрѣшеніе дѣла на многіе годы, а между тѣмъ, негодованіе однихъ и нетерпѣніе другихъ могутъ возродить новыя обстоятельства, которыя ниспровергнутъ все сдѣланное. Это крайне опасно и тѣмъ болѣе, что, если вѣрить доходящимъ слухамъ, многіе уповаютъ на отсрочку окончательнаго рѣшенія".

Въ письмѣ къ одному изъ своихъ Петербургскихъ корреспондентовъ, отъ 15 (27) октября 1857 года, изъ Парижа, Киселевъ писалъ: „Его Высочество генералъ-адмиралъ былъ правъ, говоря въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, что и въ отдаленіи отъ отечества я не остаюсь равнодушнымъ къ великимъ интересамъ Россіи. Это дѣйствительно такъ, и я изъ глубины сердца благодарю Его Высочество за доброе его слово, которое, какъ проблескъ жизни, озарило мою старость"...

Далѣе, прилагая замѣчанія свои на журналъ секретнаго комитета для представленія ихъ Великому Князю, Павелъ Дмитріевичъ говорилъ:

...„Крестьянскія земли должны быть выкуплены; выкупъ, по моему мнѣнію, долженъ составлять основаніе освобожденія; внѣ его я вижу только смятенія и безпорядки въ будущемъ.

Отнять землю у крестьянъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ было бы дѣломъ неполитическимъ, опаснымъ во всѣхъ отношеніяхъ, и которое произвело бы результаты діаметрально противоположные цѣли, съ которою его предлагаютъ. Я не распространяюсь далѣе. Вашъ умъ логическій пойметъ это безъ труда. Дѣло освобожденія такимъ образомъ поставленное, будетъ единственнымъ въ Европѣ, ибо я не скрываю, что ни въ какомъ государствѣ освобожденіе или выкупъ барщины не былъ сдѣланъ при подобныхъ условіяхъ. Притомъ же я думаю, что выкупъ возможенъ безъ потери для помѣщиковъ, и не будетъ особенно затруднительнымъ для крестьянъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ заплатятъ тотчасъ же, чтобы немедленно получить свободу; для другихъ же нуженъ будетъ заемъ или извѣстная разсрочка платежей, чтобы освободиться окончательно въ теченіе болѣе или менѣе близкаго времени. Повторяю, хорошее и прочное освобожденіе (bonne et solide émancipation) можетъ быть совершено только при сохраненіи *земли* за крестьянами".

Извѣстія о неудовлетворительномъ ходѣ крестьянскаго дѣла.

Вскорѣ стали доходить до графа Киселева извѣстія о неудовлетворительномъ ходѣ крестьянскаго дѣла въ комитетѣ.

Вотъ выписка изъ двухъ писемъ N къ Павлу Дмитріевичу, сохранившихся въ его архивѣ:

„29 октября (10 ноября) 1857 г. С.-Петербургъ.

..."Главные современные вопросы наши: освобожденіе крестьянъ, раскольники и финансы. Первый—нисколько не подвинулся со времени засѣданія 18-го августа. Гг. членамъ разосланы были вопросы, но до сихъ поръ не могутъ собрать отъ всѣхъ отвѣты. Между тѣмъ вездѣ помѣщики въ безпокойствѣ и изъ всѣхъ мѣстъ Имперіи получаются просьбы — что-нибудь сдѣлать и объявить, чтобы успокоить умы. Волненіе крестьянъ во многихъ мѣстахъ усиливается"...

„8 (20) ноября 1857 г. С.-Петербургъ.

„Мы теперь вошли въ періодъ реакціи противъ прогресса и члены комитета подпали подъ ея вліяніе. Корфъ дошелъ до

того, что представилъ записку, въ которой предлагалъ признать comme nul et non avenu все, что сдѣлано доселѣ комитетомъ. Къ счастію, на это не согласились. Въ послѣднее засѣданіе комитета разсматривали представленіе генерала Назимова, который, по желанію дворянства трехъ губерній, просилъ дозволенія собраться ему для совѣщанія о способѣ освобожденія крестьянъ. Комитетъ не хотѣлъ отказать въ этой просьбѣ, но онъ полагалъ, что основанія разсужденій должны быть выработаны предварительно въ Петербургѣ. Эта работа будетъ продолжаться годы.

„Комитетъ началъ обсуждать отвѣты на вопросы о *смягчительныхъ мѣрахъ;* оказалось, что большинство не желаетъ никакого смягченія“...

Письма Балабина и Милютина.

Бывшій тогда въ Петербургѣ, назначенный посланникомъ въ Вѣну, Балабинъ писалъ [1]):

„6 (18) мая 1858 г.

...„Вы рискуете теперь пріѣхавъ въ Россію, не узнать ее. По внѣшности все кажется тоже, но вы чувствуете внутреннее обновленіе во всемъ, вы чувствуете, что начинается новая эра. Самые отчаянные скептики, самые строптивые противники прогресса должны признать, что въ эти два года общественное мнѣніе въ Россіи сдѣлало огромные успѣхи. Читайте наши газеты и журналы, послушайте, что говорится въ блестящихъ салонахъ и въ скромныхъ домахъ, и вы будете поражены работою, которая совершается въ головахъ. Со всѣхъ сторонъ идеи и свѣтлые взгляды вытѣсняютъ, мало-по-малу, старую рутину, которая прежде и даже во время войны не стѣснялась ничѣмъ, кичилась своимъ невѣжествомъ и своею глупостію. И не только въ Петербургѣ понятія измѣняются къ лучшему, но вездѣ тоже, даже въ избахъ крестьянъ, которые твердо убѣждены, что ихъ судьба скоро перемѣнится.

„Идеи высшаго класса объ этомъ предметѣ могутъ служить вамъ мѣриломъ того, какой огромный прогрессъ совершился въ русской мысли...

---

[1]) Въ бумагахъ Киселева находится списокъ съ этого письма, которое поэтому было писано не къ нему.

..."Вы помните, какъ еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ было шатко. Теперь всѣ говорятъ въ пользу освобожденія. Я говорю это о публикѣ. А что же правительство? никто ничего не знаетъ положительно... По слухамъ о занятіяхъ комитета, можно предполагать, съ вѣроятностію, что вопросъ идетъ къ разрѣшенію; говорятъ, что Государь рѣшился довести дѣло до конца и выказываетъ въ этомъ отношеніи твердость необыкновенную. Что касается до способа рѣшенія, то можете себѣ вообразить какъ въ этомъ отношеніи мысли смѣшаны и неопредѣленны. Изученія и изысканія въ дѣлахъ администраціи и политики долго были контрабандою самою опасною для тѣхъ, которыя ею занимались.

..."Но alea jacta est. Мы вступили въ новую эру; эру жизни политической и соціальной. Освобожденіе крестьянъ есть переворотъ гораздо болѣе великій, чѣмъ всѣ, которые Россія доселѣ испытывала. Какъ онъ сдѣлается? Вотъ вопросъ! Рѣшеніе его узкое, боязливое, предпринятое только въ худо понятыхъ интересахъ помѣщиковъ, пагубно. Только освобожденіе широкое, справедливое, либеральное, ограждающее насколько возможно всѣ интересы, можетъ быть началомъ новой для Россіи, счастливой эры, которую прозорливые умы ожидаютъ и предсказываютъ давно. Только при этомъ условіи кончится періодъ нашихъ переворотовъ, власть найдетъ несокрушимое для себя основаніе, высшіе классы пріобрѣтутъ авторитетъ и вліяніе, которое принадлежало бы имъ по-праву издавна, если бы ихъ отношенія къ массѣ не были поставлены въ ложное положеніе невѣжествомъ и слѣпымъ эгоизмомъ. Дай Богъ, чтобы здравый политическій смыслъ страны, который спасалъ ее отъ величайшихъ опасностей, умѣлъ бы восторжествовать надъ софизмами. Дай Богъ, чтобы императорская власть оставалась вѣрною своему прошедшему и своему великому предназначенію, не дозволила бы сбить себя съ пути справедливости никакими, такъ-называемыми, политическими видами: равновѣсіемъ властей, divide et impera, и подобными устарѣлыми поговорками".

Н. А. Милютинъ, отъ 4-го марта 1858 года, писалъ:

„Здѣсь всѣ мысли, всѣ заботы поглощаются великимъ вопросомъ, который такъ неожиданно возбудили въ Россіи. Теперь для самыхъ близорукихъ проясняется 18-ти-лѣтняя дѣятельность министерства государственныхъ имуществъ; но въ какихъ все это рукахъ? что за безсмысліе и неурядица? Горестно вспомнить, какъ творится такое трудное и важное дѣло. Дворянство корыстное, неподготовленное, неразвитое, предоставлено собственнымъ силамъ. Не могу себѣ представить, что выйдетъ изъ всего этого, безъ руководства и направленія, при самой грубой оппозиціи высшихъ сановниковъ, при интригахъ и недобросовѣстности исполнителей. Нельзя не преклониться предъ твердостію Государя, который одинъ обуздываетъ реакцію и силу инерціи".

Отвѣтъ Киселева Милютину.

Не такъ мрачно смотрѣлъ на дѣло графъ Киселевъ. Въ письмѣ къ Н. А. Милютину, отъ 16-го апрѣля 1858 года, онъ, между прочимъ, писалъ:

...„Отъ всей души желаю успѣшныхъ результатовъ предпринятому дѣлу, и молю Бога даровать твердость (persévérence) тѣмъ, которые призваны работать въ вертоградѣ. Я такъ старъ и дряхлъ, что не увижу плодовъ этого великаго и прекраснаго дѣла, но желаю, чтобы постоянно надъ нимъ трудились и чтобы оно шло къ цѣли, которая рано или поздо должна быть достигнута, несмотря на желанія тѣхъ, которые расчитываютъ на утомленіе работниковъ"...

Дѣйствительно, всѣ опасенія искреннихъ друзей освобожденія крестьянъ были напрасными; дѣло двигалось!

Оказалось, что въ Россіи были люди, которые, несмотря на лежавшій, долгое предъ тѣмъ время, тяжелый гнетъ надъ всѣмъ, что носило на себѣ признакъ свободной мысли, занимались, по мѣткому выраженію Балабина, самою опасною контрабандою — изученіемъ вопросовъ администраціи и политики, и, главное, изученіемъ положенія народа, его нуждъ, желаній и надеждъ. Между этими умственными контрабандистами, разсѣянными въ разныхъ углахъ Россіи, не было никакой матеріальной связи; ихъ соединяло только служеніе

одной идеи, съ которою было связано имя графа Киселева [1]). Въ избраніи этихъ лицъ въ составъ редакціонныхъ коммиссій оправдывались слова графа Киселева, указывавшаго въ письмѣ В. К. Константину Николаевичу, отъ 9 (21) сентября 1857 года, на необходимость поручить трудъ лицамъ, *одушевленнымъ святостію дѣла* [2]).

Какъ ни велики заслуги этихъ лицъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, но исторія воздастъ больше всѣхъ имени Государя Александра Николаевича, назначившаго предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій Я. И. Ростовцева и предоставившаго ему полную свободу въ выборѣ членовъ редакціонныхъ коммиссій. Среди ихъ, или точнѣе, среди большинства ихъ, Ростовцевъ, имѣвшій сначала самый неопредѣленный и узкій взглядъ на дѣло, преобразился, что̀ составляетъ несомнѣнную его заслугу, увеличившуюся еще и тѣмъ, что онъ велъ постоянную борьбу съ интригами противниковъ освобожденія, борьбу, сведшую его въ могилу; онъ сошелъ въ нее непобѣжденнымъ и сохранившимъ до послѣдняго вздоха преданность дѣлу.

Извѣстно, какимъ порицаніямъ подвергались редакціонныя коммиссіи, успѣвшія довести дѣло до конца только при неизмѣнномъ покровительствѣ Государя, который оставался глухъ ко всѣмъ доходившимъ до него навѣтамъ; смотрѣлъ на дѣло прямо, не смущаясь страхами, о которыхъ ему говорили со всѣхъ сторонъ.

Когда дѣло приходило уже къ концу, лица близко стояв-

---

[1]) Ю. Θ. Самаринъ въ письмѣ къ NN изъ Москвы, отъ 10 марта 1858 года, писалъ: „Сегодня выходитъ № Сельскаго Благоустройства (журналъ, который былъ основанъ въ Москвѣ А. И. Кошелевымъ и Ю. Θ. Самаринымъ съ цѣлію разъясненія крестьянскаго вопроса); вы получите экземпляръ и билетъ. Потрудитесь передать ихъ отъ моего имени графу Киселеву въ Парижъ. Я не хочу писать къ нему самъ, чтобъ не утруждать его; но потрудитесь сказать ему, что мы подносимъ ему наше изданіе не ради достоинства онаго, а потому, что въ убѣжденіяхъ всей Россіи, имя графа Киселева связано съ идеею, которой мы служимъ".

[2]) Въ составъ редакціонныхъ коммиссій поступило нѣсколько лицъ, служившихъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и проникнутыхъ идеями графа, и, сверхъ того, самое приближенное къ нему лицо—племянникъ его, Н. А. Милютинъ, который вскорѣ силою своихъ дарованій, сдѣлался главнымъ двигателемъ дѣла въ редакціонныхъ коммиссіяхъ.

шія къ Государю и участвовавшія въ дѣлѣ, сомнѣвались еще въ его успѣхѣ.

Князь В. А. Долгоруковъ, 16 (28) декабря 1860 г., писалъ графу Киселеву, между прочимъ, слѣдующее: Письмо кн. В. А. Долгорукова.

..."Здѣсь великій современный вопросъ занимаетъ всѣхъ. Ожидаютъ рѣшенія его съ безпокойствомъ и съ большимъ недовѣріемъ. Кризисъ, который намъ предстоитъ, весьма серьезенъ. Вѣроятно, въ первыхъ мѣсяцахъ наступающаго года будетъ обнародована новая организація помѣщичьихъ имѣній (la nouvelle organisation des biens des propriétaires). (Это между нами, потому что всякая великая реформа подчиняется обстоятельствамъ). Будемъ надѣяться на Божію помощь!"...

Киселевъ въ отвѣтъ на это письмо писалъ князю, 8 (20) января 1861 года: Отвѣтъ Киселева.

..."Путешественники приносятъ намъ грустное извѣстіе объ отсрочкѣ великаго дѣла, которое занимаетъ Россію и даже всю Европу; по моему такая отсрочка была бы прискорбна во многихъ отношеніяхъ и, я думаю, что это только желаніе лицъ заинтересованныхъ, желаніе, которое они хотятъ видѣть исполненнымъ во что бы то ни стало"...

Наконецъ, наступило 19-е февраля 1861 года; великое дѣло совершилось.

4 (16) марта графъ Штакельбергъ привезъ графу Павлу Дмитріевичу письмо Великой Княгини Елены Павловны, при которомъ она сообщала ему рѣчь Государя въ Государственномъ Совѣтѣ объ освобожденіи крестьянъ. Вотъ эти знаменательныя слова, произнесенныя Его Величествомъ 28 января 1861 года:

"Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, Я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и Я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У Меня есть еще и другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему Я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно Слова Государя въ Государственномъ Совѣтѣ.

было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ; возлагаю это на прямую обязанность Предсѣдательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ. Повторяю, и это Моя непремѣнная воля, чтобъ дѣло это теперь же было кончено. Вотъ уже четыре года какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть погубно для государства. Я не могу не удивляться и не радоваться, и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя опасенія Дворянства, до нѣкоторой степени, понятны, ибо они касаются до самыхъ близкихъ и матеріальныхъ интересовъ каждаго, при всемъ томъ Я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого Дворянства и Я счастливъ, что Мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ предъ потомствомъ. При личныхъ Моихъ разговорахъ съ губернскими предводителями Дворянства и во время путешествій Моихъ по Россіи, при пріемѣ дворянъ, Я не скрывалъ Моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и говорилъ вездѣ, что это преобразованіе не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ ихъ стороны и что все стараніе Мое заключается въ томъ, чтобъ пожертвованія эти были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для Дворянства. Я надѣюсь, господа, что при разсмотрѣніи проектовъ, представленныхъ въ Государственный Совѣтъ, вы убѣдитесь, что все, что можно было сдѣлать для огражденія выгодъ помѣщиковъ, сдѣлано; если же вы найдете нужнымъ въ чемъ либо измѣнить или добавить представляемую работу, то Я готовъ принять ваши замѣчанія; но прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только, и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ.

„Прежде чѣмъ приступить къ подробному разсмотрѣнію самаго проекта, хочу изложить вкратцѣ историческій ходъ

этого дѣла. Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостнаго права. Оно у насъ прежде не существовало: право это установлено Самодержавною властью и только Самодержавная власть можетъ уничтожить его, а на это есть Моя прямая воля.

„Предшественники Мои чувствовали все зло крѣпостнаго права и постоянно стремились если не къ прямому его уничтоженію, то къ постепенному ограниченію произвола помѣщичьей власти.

„Съ этою цѣлью при Императорѣ Павлѣ былъ изданъ законъ о трехдневной барщинѣ; при Императорѣ Александрѣ, въ 1803 г., законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ; а при Родителѣ Моемъ, въ 1842 г., указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Оба послѣдніе закона были основаны на добровольныхъ соглашеніяхъ, но, къ сожалѣнію, не имѣли успѣха. Свободныхъ хлѣбопашцевъ всего немного болѣе 100,000, а обязанныхъ крестьянъ и того менѣе. Многіе изъ васъ, бывшіе членами Совѣта при разсмотрѣніи закона объ обязанныхъ поселянахъ, вѣроятно, припомнятъ тѣ сужденія, которыя происходили въ присутствіи самого Государя. Мысль была благая и если бы исполненіе закона не было обставлено, можетъ быть и съ умысломъ, такими формами, которыя останавливали его дѣйствіе, то введеніе въ исполненіе этого закона тогда же во многомъ облегчило бы настоящее преобразованіе. Покойный Мой Родитель постоянно былъ занятъ мыслію освобожденія крестьянъ. Я, вполнѣ ей сочувствуя, еще въ 1856 г., передъ коронаціею, бывши въ Москвѣ, обратилъ вниманіе предводителей Дворянства Московской губерніи на необходимость заняться улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ, присовокупивъ къ тому, что крѣпостное право не можетъ вѣчно продолжаться и что потому лучше чтобы преобразованіе это совершилось сверху, чѣмъ снизу. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ 1857 года, Я учредилъ, подъ личнымъ Моимъ предсѣдательствомъ, особый Комитетъ, которому поручилъ заняться принятіемъ мѣръ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Въ концѣ того же 1857 года поступило прошеніе отъ трехъ

Литовскихъ губерній, просившихъ дозволенія приступить прямо къ освобожденію крестьянъ. Я принялъ это прошеніе, разумѣется, съ радостію и отвѣчалъ рескриптомъ 20-го ноября 1857 года на имя генералъ-губернатора Назимова. Въ этомъ рескриптѣ указаны главныя начала, на коихъ должно совершиться преобразованіе; эти главныя начала должны и теперь служить основаніемъ вашихъ разсужденій. Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ, какъ для помѣщика, такъ и для Государства. Эта мысль служила основаніемъ работъ, представленныхъ теперь Государственному Совѣту Главнымъ Комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того, что происходило за границею, гдѣ преобразованіе совершалось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому, весьма дурной, мы видѣли въ Австріи, и именно въ Галиціи; безземельное освобожденіе крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое и только теперь, послѣ 40-ка лѣтъ, Намъ едва удалось улучшить ихъ бытъ, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. То же было и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ свобода была дана Наполеономъ безъ опредѣленія поземельныхъ отношеній и гдѣ безземельное освобожденіе крестьянъ имѣло послѣдствіемъ, что власть помѣщиковъ сдѣлалась для крестьянъ тяжелѣе чѣмъ прежнее крѣпостное право. Это вынудило покойнаго Родителя Моего издать въ 1846 году особыя правила для опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и въ Царствѣ Польскомъ.

„Вслѣдъ за рескриптомъ, даннымъ генералъ-губернатору Назимову, начали поступать просьбы отъ Дворянства другихъ губерній, которымъ были даны отвѣты рескриптами, на имя генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, подобнаго же содержанія съ первымъ. Въ этихъ рескриптахъ заключались тѣ же главныя начала и основанія и разрѣшалось приступить къ дѣлу на тѣхъ же указанныхъ Мною началахъ. Вслѣдствіе того были учреждены губернскіе комитеты, которымъ для облегченія ихъ работъ была дана особая программа. Когда,

послѣ даннаго на то срока, работы комитетовъ начали поступать сюда, Я разрѣшилъ составить особыя Редакціонныя Коммисіи, которыя должны были разсмотрѣть проекты губернскихъ комитетовъ и сдѣлать общую работу въ систематическомъ порядкѣ. Предсѣдателемъ этихъ Коммисій былъ сначала генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, а по кончинѣ его графъ Панинъ. Редакціонныя Коммисіи трудились въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ и, не смотря на всѣ нареканія, можетъ быть, отчасти и справедливыя, которымъ Коммисіи подвергались, онѣ окончили свою работу добросовѣстно и представили ее въ Главный Комитетъ. Главный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Моего Брата, трудился съ неутомимою дѣятельностью и усердіемъ. Я считаю обязанностію благодарить всѣхъ Членовъ Комитета, а Брата Моего въ особенности, за ихъ добросовѣстные труды въ этомъ дѣлѣ.

„Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія Я выслушиваю охотно, но Я въ правѣ требовать отъ васъ одного, чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали какъ государственные сановники, облеченные Моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, Я не скрывалъ отъ Себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь, но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, Я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ Отечества. Теперь съ Божіею помощію приступимъ къ самому дѣлу“.

Извѣстіе о манифестѣ 1[9] февраля 186[1] года.

5 (17) марта Великая Княгиня извѣщала Киселева телеграммою о прочтеніи въ тотъ день въ церквахъ манифеста 19-го февраля.

Письмо граф[а] Киселева Ве[ликому] княз[ю] Константину Николаевичу.

12 (24) марта онъ получилъ самый манифестъ и всѣ положенія объ освобожденіи крестьянъ, и въ тотъ же день онъ написалъ слѣдующее письмо Великому Князю Константину Николаевичу.

„Ваше Императорское Высочество!

„Благотворное участіе, принятое Вами при исполненіи благихъ предначертаній Государя Императора, нынѣ въ первомъ ихъ дѣйствіи осуществленныхъ, даетъ мнѣ право привѣтствовать Васъ и принести усердное поздравленіе съ утвержденіемъ важнаго основанія на преуспѣяніе любезнаго отечества.

„Ваше Высочество пріучили меня быть съ Вами откровеннымъ, а потому при дряхлости моей я дозволяю себѣ выразить мысль мою о предстоящемъ.

„Прекращеніе крѣпостнаго права, сколь ни согласно съ христіанскимъ ученіемъ и духомъ времени, встрѣтитъ еще и на долгое время много противниковъ и порицателей, движимыхъ предразсудками или односторонними опасеніями, а потому, для успѣшнаго исхода сего великаго дѣла, необходимо, по моему понятію, прежде всего избрать орудія, къ тому способныя; безъ сего борьба будетъ продолжительная, упорная и вредная для обѣихъ сторонъ. Старые атлеты не въ силахъ выдержать эту борьбу, несмотря на желаніе и способности многихъ изъ нихъ. Новое дѣло требуетъ новыхъ дѣятелей, одаренныхъ свѣжестью силъ физическихъ и нравственныхъ. Я смѣю думать, что молодые люди, показавшіе исключительныя способности и горячее сочувствіе къ новому устройству гражданской жизни въ Россіи, должны быть призваны на служебное поприще предпочтительно предъ прочими.

„Я столь убѣжденъ въ вѣрности этого мнѣнія, что страшусь за періодъ исполненія, которое можетъ исказить добрыя начала, свидѣтельствующія о хорошемъ расположеніи большинства умовъ, призванныхъ на приготовленіе и теоретическое совершеніе сего великаго преобразованія. Я могъ бы короче выразить мою мысль сказавъ, что табель о рангахъ нынѣ къ избранію дѣятелей неудобопримѣнима, что старики нашего времени не суть орудія надежныя; и, наконецъ, что новое дѣло требуетъ новыхъ и могучихъ работниковъ.

„Не взыщите Ваше Высочество, что при поздравленіи съ новымъ успѣхомъ Вашего усердія къ Царю и Царству, я

воспользовался случаемъ, чтобы высказать мои опасенія за благоуспѣшное исполненіе начатаго гражданскаго благоустройства и указать на одно изъ важнѣйшихъ условій къ оному.

„Въ чувствахъ глубочайшаго почтенія имѣю честь быть,

Вашего Императорскаго Высочества
покорнѣйшій слуга
гр. П. Киселевъ."

Письмо это выказываетъ замѣчательную черту въ жизни и характерѣ графа Киселева. Еще при самомъ приступѣ къ рѣшенію крестьянскаго вопроса онъ писалъ Великому Князю, что для успѣха необходимо чтобы дѣло поручено было людямъ вполнѣ одушевленнымъ святостію дѣла [1]); теперь, когда вопросъ былъ рѣшенъ теоретически, графъ Киселевъ съ проницательностью истиннаго государственнаго человѣка указывалъ на предстоявшую борьбу новыхъ началъ съ своекорыстіемъ и предразсудками защитниковъ старыхъ порядковъ и на необходимость для успѣшнаго исхода великаго дѣла поручить веденіе его людямъ новымъ, одареннымъ свѣжестію силъ физическихъ и нравственныхъ.

Проектъ письма Государю.

Въ бумагахъ гр. Киселева сохранился слѣдующій проектъ письма къ Государю:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Совершившееся въ отечествѣ великое событіе внушаетъ мнѣ обязанность, вмѣстѣ съ милліонами Вашихъ подданныхъ, принести (Вашему Величеству), мое душевное поздравленіе и выразить глубокое сочувствіе къ подвигу, изъ котораго истекаютъ для Россіи новый свѣтъ и новое бытіе.

„Сколь ни предстоитъ трудностей для дальнѣйшаго шествія на новомъ поприщѣ, Вы ихъ преодолѣете Государь, съ тою же твердостью, которая положила основаніе благоденствію Вашихъ подданныхъ.

„При старости моей я почитаю себя счастливымъ быть еще

---

[1]) См. выше стр. 334, письмо В. К. отъ 9 сентября 1857 года.

свидѣтелемъ благихъ началъ, Вами указанныхъ, и имѣть утѣшеніе пожелать имъ счастливаго довершенія въ будущемъ.

„Да поможетъ Вамъ Всемогущій Богъ при довершеніи христолюбиваго подвига, и да вознаградитъ труды Ваши признательностью народа въ его дальнѣйшемъ потомствѣ.

„Съ чувствомъ глубочайшей преданности до послѣдняго часа пребуду Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь

вѣрноподданный....“

Но письмо это не было послано Его Величеству; на проектѣ рукою Павла Дмитріевича написано: „помѣщено отчасти въ депешѣ отъ 25-го марта“.

Письмо графа Муравьева-Амурскаго.

13 (25) марта Киселевъ получилъ слѣдующее письмо отъ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго отъ 5 (17) марта:

„Великое дѣло совершилось, манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости прочтенъ во всѣхъ церквахъ обѣихъ столицъ сегодня во время обѣдни.

„Вы конечно не удивитесь моему письму и поздравленію и позавидуете, что мнѣ суждено было быть здѣсь въ это время.

Примите увѣреніе и пр.“

Отвѣтъ Киселева.

На это письмо графъ Киселевъ отвѣчалъ 14 (25-го) марта:

„Благодарю васъ отъ всей души за поздравленіе, которое принимаю со всѣми соотечественниками на великій подвигъ нашего доблестнаго Государя. Честь Ему и слава въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ признательнаго народа.

„Здѣсь, на западѣ, сочувствіе къ манифесту 19-го февраля всеобщее.

„Начальный актъ исполненъ, но за нимъ по примѣненію теоріи къ практикѣ, должны послѣдовать другіе; отъ выбора дѣятелей зависѣть будетъ успѣшный или неуспѣшный ходъ дѣла.

„Я радуюсь, что въ настоящее время вы, почтенный товарищъ, находитесь въ столицѣ, гдѣ можете при семъ случаѣ быть полезнымъ Царю и отечеству.

Примите и пр.“

Сочувствіе Киселева дѣлу 19февраля.

Манифестъ 19 февраля и приложенія къ нему въ высшей степени интересовали графа, и онъ принялся изучать ихъ.

Въ дневникѣ 1861 г., подъ 26 марта (7 марта), записано: „Изученіе новаго положенія о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“.

Способу, какимъ разрѣшенъ былъ крестьянскій вопросъ, Киселевъ вполнѣ сочувствовалъ, и несмотря на то, что зданіе, въ основаніе котораго онъ прежде всѣхъ сталъ класть камни и въ которое много положилъ труда, завершать пришлось не ему, онъ ничего не порицалъ въ новыхъ крестьянскихъ положеніяхъ; но, напротивъ, вполнѣ ихъ одобрялъ и самъ сознавался, что если бы ему пришлось вести до конца крестьянское дѣло, онъ едвали пошелъ-бы такъ далеко. Онъ оправдывалъ и здѣсь свои слова, сказанныя въ 1842 году Государю Николаю Павловичу, что „тамъ, гдѣ дѣло шло о великихъ народныхъ интересахъ, личное самолюбіе его умолкало“.

Письмо графа Сумарокова и отвѣтъ Киселева.

Вотъ, между прочимъ, тому доказательство: графъ С. П. Сумароковъ писалъ Киселеву изъ Дрездена 5 іюня (23 іюня) 1861 г:

...„Чтобы осуществить эту прекрасную мечту (союзъ Россіи съ Франціей) надо намъ постараться выйти изъ такого безвыходнаго положенія, въ которое поставилъ насъ принятый способъ эмансипаціи. Sans aucune éxagération, vous pourriez vous considerer, cher comte, pour debordé d'après la manière dont cette question fut emmanchée chez nous.

„Между тѣмъ, *вамъ принадлежала вся честь* [1]) въ томъ, что вы первый приступили къ этому щекотливому вопросу, введеніемъ либеральной реформы въ казенныхъ имѣніяхъ. Если они были дурно управляемы, то вина въ томъ происходила не отъ организаціи, но, конечно, отъ дурнаго выбора чиновниковъ и отъ ихъ злоупотребленій. Бывшій министръ Бибиковъ хотѣлъ развить тотъ же принципъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, введеніемъ *инвентарей* въ такъ называемыхъ польскихъ губерніяхъ. Эта мѣра, названная у насъ „переходнымъ

[1]) Противъ этой фразы замѣтка графа Киселева: „это слишкомъ“.

состояніемъ“, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, въ чемъ я имѣю доказательства въ имѣніяхъ моихъ дочерей въ подольской губерніи. Всѣ эти реформы были совершены безъ потрясеній [1]), не проливъ ни одной капли крови. Не было ли это благодѣтельнымъ указаніемъ на то, чтобы развить и ввести такое же положеніе и въ такъ называемыхъ великорусскихъ губерніяхъ? Но судьба распорядилась иначе и теперь принуждены вводить освобожденіе штыками и стрѣльбой. Вотъ къ чему ведутъ насъ глупость однихъ и злонамѣренность другихъ. Бѣдная Россія! Бѣдный Государь, до котораго рѣдко доходятъ всѣ pro и contra!“

Въ отвѣтномъ письмѣ графу Сумарокову отъ 27 іюля 1861 г., Киселевъ писалъ, между прочимъ:

...„Quant à la question nationale du jour je me trouve en effet débordé; но я далекъ отъ того, чтобы жаловаться на это; великое дѣло совершилось и я приношу благодаренія, какъ Провидѣнію, такъ и Избраннику Его, исполнившему свое призваніе съ твердостію, которую исторія сохранитъ для Его величія и славы.

„Случайныя происшествія, конечно, печальны, но когда совершались великія реформы безъ смутъ всякаго рода? Въ тѣхъ смутахъ, которыя произошли у насъ, я только вижу перстъ провидѣнія; оно, покровительствуя дѣлу, захотѣло вмѣстѣ съ тѣмъ указать на его несовершенства, которыя время и опытность измѣнятъ къ лучшему, лишь-бы только наши сотоварищи—владѣльцы поземельной собственности, пришли искренно на помощь только что совершившейся у насъ реформѣ“...

Отзывы Киселева о трудахъ Н. А. Милютина.

Наконецъ приводимъ еще слѣдующую относящуюся къ настоящему предмету выписку изъ дневника графа Павла Дмитріевича; подъ 11 октября 1861 г. у него записано:

„...Я нашелъ Н. Милютина печальнымъ и озабоченнымъ [2]);

---

[1]) Противъ этихъ словъ замѣтка гр. Киселева: „въ теоріи“.

[2]) Н. А. Милютинъ весною 1861-го года былъ уволенъ отъ званія исправляющаго должность таварища министра внутреннихъ дѣлъ, назначенъ сенаторомъ, получилъ заграничный отпускъ и пріѣхалъ въ Парижъ.

я это понимаю: трудъ, который на него взвалили, былъ тяжелъ и неблагодаренъ; удовлетворить всѣ противоположные интересы было невозможно. Это Гордіевъ узелъ, который разсѣкаютъ, а не развязываютъ. Онъ работалъ съ ревностію и примѣрнымъ самоотверженіемъ. Его задача была слишкомъ тяжела для него; я это испыталъ первый на себѣ и благословляю судьбу, избавившую меня (противъ моей воли) отъ окончанія этой тяжелой работы, которая, однако, должна была принадлежать мнѣ (de l'achevement de cette lourde besogne, qui pourtant devait m'appartenir). Н. М. еще молодъ и я думаю, что, несмотря на всѣ злые навѣты на него, онъ еще сослужитъ полезную службу своему отечеству".

Предсказаніе графа Киселева о Н. А. Милютинѣ сбылось скоро.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ВТОРАГО ТОМА.

ЧАСТЬ I-я.

УПРАВЛЕНІЕ МИНИСТЕРСТВОМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

ГЛАВА XXIV.

1834—1835 годъ.

ГЛАВА XXV.

1835—1836 годъ.

ГЛАВА XXVI.

ГЛАВА XXVII.

1837 годъ.

